

ЮЖНОЕ СИЯНИЕ

ОДЕССКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

3(15)'2015

Главный редактор
Станислав АЙДИНЯН

Выпускающий редактор
Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Отдел поэзии
Людмила ШАРГА

Отдел прозы
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Отдел литературоведения
Алёна ЯВОРСКАЯ

Общественный совет:
Евгений Голубовский (Одесса), Владимир Гутковский (Киев),
Олег Дрямин (Одесса), Олег Зайцев (Минск),
Кирилл Ковальджи (Москва), Татьяна Липтуга (Одесса),
Марина Матвеева (Симферополь), Виктор Петров (Ростов-на-Дону),
Александр Петрушкин (Кыштым), Юрий Работин (Одесса),
Илья Рейдерман (Одесса), Анна Стремшинская (Одесса),
Александр Хинт (Одесса), Евгений Черноиваненко (Одесса).

Свидетельство о регистрации: серия ОД № 1563-434-Р от 16.11.2011 г.
Учредитель – Общественная организация «Южнорусский Союз Писателей»

Е-mail редакции: aurora_australis@lenta.ru
Интернет-версия журнала: ursp.org

© «Южное Сияние», 2015

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

Одесса – Германия: Лев Либолев. Вода к воде. <i>Стихи</i>	4
Одесса: Ксения Александрова. Станешь, как мама, птицей. <i>Стихи</i>	8
Одесса: Татьяна Орбатова. Их лечили миром. <i>Стихи</i>	15
Одесса: Наталия Тараненко. В пекарне замешано тесто. <i>Стихи</i>	20

ПРОЗА

Одесса: Ирина Дежева. Путешествие в Синий Хутор. <i>Повесть</i>	25
--	----

ПОЭЗИЯ

Крым: ЖеНиМа (<i>Евгения Джен Баранова, Ника Батхен, Марина Матвеева</i>). <i>Стихи</i>	47
Новосибирск: Лада Пузыревская. Если местное время – зима. <i>Стихи</i>	63

ПРОЗА

Одесса: Галина Соколова. Автограф Бога. <i>Рассказ</i>	68
Одесса: Сергей Шаманов. Стригрейсер. <i>Рассказ</i>	77

«МЕГАФОН»

О пользе книг и писателей (<i>интервью Андрея Дмитриевского с Ольгой Ильницкой</i>)	89
--	----

ПРОЗА

Тель-Авив: Ефим Гаммер. Свет – всему голова. <i>Мини-проза</i>	94
Москва: Олег Куимов. Встреча накануне Рождества. <i>Рассказ</i>	97
Одесса: Вероника Коваль. Во всём виновата Мурасаки. <i>Повесть</i>	104

ПОЭЗИЯ

Харьков: Андрей Костинский. ОдРечение. <i>Поэма</i>	115
Харьков: Дмитрий Близнак. Пластилиновый цветок. <i>Стихи</i>	122

ПЕРЕВОДЫ

Редьярд Киплинг (<i>в переводах с английского Юлии Безугловой</i>)	126
---	-----

ПРОЗА

Кан, Нормандия: Валерий Байдин. Разговоры с Владимиром Мартыновым. <i>Воспоминания</i>	131
Лос-Анжелес: Григор Апоян. Сказать всё. <i>Отрывки из трактата</i>	138

«ОКОЕМ»

От редакции: Провинция у моря. Территория мира. Итоги и впечатления	162
Москва: Маша Не. Отстроить тысячу Нагасаки. Стихи	167
Севастополь: Андрей Мединский. Всё равно, что юлить перед Богом. Стихи	173
Одесса: Майя Димерли. Север – сера да болен. Стихи	175
Климовск: Анна Маркина. Мир с сиреневым призывком. Стихи	178
Москва: Анна Галанина. Люди-числа. Стихи	182
Москва: Арина Грачёва. С налётом осени. Стихи	185
Киев: Елена Шелкова. Осень-импрессионистка. Стихи	187
Москва: Павел Черников. Лета последний пятак. Стихи	190
Екатеринбург: Юлия Долгановских. «Когда врут кадавры в удушливой тьме...». Стихи	193
Ростов-на-Дону: Ольга Андреева. Я попрошу вернуть меня сюда. Стихи	197
Выборг: Валерий Ременюк. «В неосязаемой минуте предрассветной...». Стихи	201

«ШКАФ»

Белгород-Днестровский – Одесса: Владислав Мисюк. Право на гипотезу. <i>К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве»</i>	206
Москва: Станислав Айдинян. Самородок и беглец Леонид Завальнюк. Очерк	210
Тель-Авив: Михаил Юдсон. Иллюстрации иллюзий. <i>Рецензия на книгу Веры Зубаревой «Гаданье на чернильной гуще»</i>	213
Москва: Александр Люсый. Выпрямление лабиринта. <i>Рецензия на книгу Эвелины Шац «Песни клёну»</i>	215

ЛЕВ ЛИБОЛЕВ

ВОДА К ВОДЕ

***

Прогулка по бульвару удалась.
На выходе – каштаны, пушки, Пушкин.
Часы на горсовете, власти всласть,
кайма травы, подобием опушки
нестиранных газонных одеял,
подбитых пылью, стёганных матрацев...
Пора домой... А мог бы постараться
остаться с теми, кто не отделял

меня от этой властной суеты,
глоотающей гуляющих под вечер.
Асфальт не стынет, улицы пусты,
каштанов парафиновые свечи
ещё горят, поддерживая зной,
подвижный, будто ртуть в стеклянной трубке.
Соцветия, обманчивы и хрупки,
на землю опадают белизной.

Домой... На это чудо не глазей.
Деревья, словно строгие колонны,
часы и Пушкин. Поодаль – музей.
Терзает сыновей Лаокоона
змея. И самого не пощадит
на клумбе в туберозовом экстазе...
А месяц, безобразно куртуазен,
читает запрещённого Рушди,

как будто возвращается к корням.
И мне пора... Прогулка завершилась.
В мешке бульвара трудно спрятать шило,
мне кажется – все смотрят на меня.
И Пушкин, и фонтан, что так журчит,
стихами сатанинскими болея...
Заманчивые пазухи аллеек
дыханием прохожих горячи.

Пора... Мой дом за тридевять земель,
мои воспоминания ослабли...
Садится летним вечером на мель,
ещё мальчишкой сделанный, кораблик.
А статую обвившая змея
впивается и душит непреклонно...
Домой крадётся тень Лаокоона –
уменьшенная копия моя.

***

Кем твоё болеет сердце?
Расскажи мне, кем болеет.
Там, в Сараево, эрцгерцог
чистой скатерти белее.
И в яремной – пуля-дура
жаждет крови Фердинанда.
А убийца у бордюра –
так и надо! Так и надо...
Кем болеет, ну, скажи мне,
злая смерть в автомобиле.
Спой мне гимн старорежимный
в честь того, кого убили.
В честь Софии, в честь любимой.
Ну останься же, останься...
Если б мимо... если б мимо –
шепчут белым губы Франца.
Плачет сердце покаянно,
то ли стонет, то ли ноет...
И беременны Балканы
не любовью, а войною.

***

Щебечут птицы – истина проста,
как дважды два. Гуляют суетливо
на полосе оконного отлива.
Прогулки птичьи – та же суета.
Не суета сует – иная суть
обычных истин, будничных прогулок,
и сколь ни говори – не обессудь,
слова заглушены трамвайным гулом.
Как будто рядом лязгают мечи,
а лица, отражённые на стёклах,
внушают мысль – какой из них Дамоклов?
О, суета... Куда она домчит
своих питомцев, пленников, друзей?
Мы все внутри – щебечущие птицы,
а в тесноте, голубка, не борзей,
уже пора немного потесниться,

почистить перья. Что же Вы, мадам...
 Пора на выход, хватит щёлкать клювом.
 Какой-то птах чирикает – *люблю* – Вам?
 Мадам, ему любить не по годам.
 А я? Так меч висит и надо мной.
 Полоска жести сменится полоской
 моей строки... Уже в душе темно,
 корявы речи и остроты плоски
 и суетливы... Каждый здесь – ничей,
 нахохлен мелкой птичкой на морозе.
 Щебечем чужь в своих стихах и в прозе
 под звонкий лязг Дамокловых мечей.

***

Сгустился полдень. Форточный проём
 оплавлен по краям началом лета...
 Шипит жара – давай-ка удерём,
 как будто птички малые из клеток.
 Нырнём в толпу, вольёмся в этот шум
 кипучих брызг над клумбами горсада...
 О чём писать, не знаю, но пишу.
 Не то что бы сюжет конкретный задан,
 а просто так. О том, как воробьи
 опять закатят сцену у фонтана...
 Их много... И от них в глазах рябит...
 Махну рукой. Подыгрывать не стану
 весёлой и ребяческой возне.
 Пускай себе орут, не зная меры...
 Горсад. Жара... Мы таем вместе с ней,
 мы две недолговечные химеры.
 Она шипит – а надо ль это вам,
 писать иносказания и бредни...
 И гладит гриву каменного льва,
 ведь в целом мире зверя нет безвредней,
 чем это изваяние в саду...
 Дичится камень огненной ладони.
 И ждёт жара, когда под ней падут
 лиловый василёк и жёлтый донник.

***

И, должное воздав классическому слогу,
 заучим новый слэнг. Чего уж там скрывать –
 писака тот же зверь – блюдёт свою берлогу,
 и музу, как трофей, бросает на кровать
 взбешённым дикарём, что кровушки отведал,
 хотя точил клыки о древний мадригал.
 Последователь вед, не знающий о ведах,
 читающий модерн, проклятья изрыгал

всему, что пронеслось, сознание не тронув,
заметно устарев, и став почти смешным.
А люди книги жгли, царей свергали с тронов,
надменно говоря – а мы-то не спешим.
Уже постигли мат, жаргоны, диалекты,
и время приступать – мир жаждет новых вед.
Классическая чушь – основа для проекта,
а спонсор, как всегда, всё тот же душевед,
всё тот же душелюб... Вещает пышным штилем –
поверь – и аз воздам, неся не мир, но меч.
Такие времена... Давненько не шутили
и нас теперь никак от шуток не отвлечь.
Ну, что там на дворе? Прошло тысячелетье,
не стало крепостных, голодных и рабов?
И классика ушла, и время хлещет плетью,
сыны царевубийц бормочут про любовь.
Что было, то и есть, читай Экклезиаста,
меняются слова, но мир не изменить.
И скоро отомрёт ведическая каста,
ослабить не стремясь натянутую нить
земного бытия. Отдав крутые ксивы
на откуп молодым, не помнящим родства.
Пора, мой друг, пора... Стары и некрасивы,
освоим новояз – он восторжествовал,
и нам здесь места нет. Другие фавориты
у наших милых муз – им больше не до нас,
когда библейский Хам, весёлый и небритый,
их тащит не в постель, а прямо на Парнас,
нам нечего ловить. Пора и восвояси,
из тела рвётся прочь усталая душа,
и мы ей не указ... Молчим и крепко квасим,
смешные мудрецы, творцы Упанишад.

***

Растворяюсь в городе малой каплей,
как вода к воде – это будет после.
А навстречу – женщина, мой кораблик,
с небольшим уловом в сети-авоське.
Этот город – море. В его законе
ей идти судёнышком во спасенье.
Я бреду и сплю, и смотрю спросонья
на авоську, полную воскресений.
Не морской капусты и голотурий
для салатов мерзких, супов, оладий.
Ей противна кухня, в её натуре,
не унылый быт, а огонь во взгляде.
Неземном, особенном, каплей в море,
в этом душном городе, в общей стае,
где она любого легко заморит –
так измором падших берёт святая.
Так воздушно-капельно, сонно, вяло,
будто парус, рванный попутным ветром,
ухожу кварталом, где целовала,
и авоськой черпала километры

городской воды. А теперь строгают
втихаря салаты за миг до краха.
Но вода к воде – это жизнь другая,
и совсем не та, что из праха к праху.

***

Это является май. Он почти – Мамай.
Выжег и вытоптал полчища одуванов.
Если с дивана сойти – угодишь в nirвану,
а за окном – насекомая кутерьма
вьётся и мечется. Май – это властный хан,
сам заарканит расслабленную добычу
крепкой петлёй недописанного стиха.
И поднимаешься, шено склоняешь бычьё,
сходишь с дивана неангелом на земле,
снова живёшь перепевами песнопений,
и каламбуром к тебе пристаёт репейник,
чтобы проверить – сомлел, или не сомлел.
Маешься майскими – праздники на носу,
войско мамаево строится на курганах...
Нужно бы вынести битву на Божий суд,
миром помолимся – и победим поганых.
Здесь, на окраинах, где никого никак
не одолеть никогда, в лопухах катаясь –
это в строке неуместная запятая
вместо уместной, забытой наверняка.
Луки натянуты, травы излучин рек
будут обстреляны солнечными лучами.
Майский наездник – неведомый имярек
не промахнётся, и после не скажет – амен.
Не прочитает молитву сухой лопух,
просто качнётся над павшими опахало.
Клевер безмолвно расступится пред нахалом,
спрячет... Шипастый будяк отведёт толпу –
воинство ханово – ленность и суету.
Но не комфортом диванным, а тенью пугал.
Ты убежишь и забьёшься в медвежий угол,
где одуваны давно уже не растут.
Там, где безлюдно, где ветер и зной в степи,
где миражами цветочки в хрустальной вазе
блёкнут, тебе намекая – найди оазис,
а не отыщешь – смирись и жару стерпи.
Как бы то ни было, это пройдёт потом,
даже в пустыне креста не снимай – и точка.
А на песке невозможно лежать пластом –
некуда спрятаться, чахлого нет листочка.
Так что – войной, побеждай, не сходи с ума,
от безнадёжности ручку в руках ломая.
Можно лежать на диване в петле Мамаю,
можно в тетради писать – наконец-то май!

***

Вполне по-обывательски умён,
любых имён чураясь изначально,
пишу стихи – живое мумиё,
которому не рад седой молчальник,
служака старый. Выслутою лет
не хвастаю, как мумией костистой,
лежащей на обеденном столе.
Набор литературного статиста
покоится в объёмистых томах –
бряцает автор новенькой медалью.
Ответом будут ругань и тумак,
из носу кровь. Коль худшего не дали,
то слава богу... Кухонный уют,
лекарственные запахи с полатей...
Чихнёшь – и чай ромашковый нальют –
испейте, обыватель, не хворайте.
В бутылочке зелёного стекла
настойка молодого базилика,
куриный супчик – это просто клад,
и рад ему талантливый калика,
как мумия, завидя саркофаг.
С набитым ртом за вечное не ратуй...
прожуй – и будет новая строфа,
чуть-чуть живее, жалкого обрата,
не годного хотя бы на творог,
а ты уже мечтаешь о сметане...
И выжжено смешливое тавро
на том, что никогда стихом не станет,
но будет текстом... Банкой для шлюль –
до них охоч любезный обыватель.
Пытаясь выжать честное «люблю»
из купленной шалавы на кровати,
в дыму сигарном. Имя не открыв,
и у неё не спрашивая имя,
он ждёт её ответа на порыв,
довольствуясь ответами любими.
Итак – перо, бумага, пара строк
на кухне египетского стиля...
Ты доктор и больной, ты добр и строг.
людей простила, они тебя простили
за острый ум, похеренный легко,
в угоду меркантильным интересам,
и щёку подпирая кулаком,
попьёшь чайку, поборешься со стрессом...
И сдашься. Побеждает фараон.
Ты – мумия, но с мумиями рядом,
на кухне обретаешь новый трон,
и радуешься царственным нарядам.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВА

СТАНЕШЬ, КАК МАМА, ПТИЦЕЙ

***

Близок конец – не виден, но осязаем,
Липнувший жар заполнил всё изнутри.
Каждый о чём-то просит – так, Боже, дай им,
Каждый о чём-то плачет – так забери.

Окна дрожат, волнуются занавески,
Шепчется не молитва, а белый стих.
Выдох – и слово кажется слишком веским,
Слишком тяжёлым, чтобы его нести.

Выхода нет и воздуха нет для вдоха,
Нет ни любви, ни веры, надежда – есть.
Господи, это, в общем, не так уж плохо,
Даже не так уж страшно остаться здесь.

Вряд ли успеем всё, что наобещали:
Съездить на море, тронуть его ногой,
Выбросить плеер, слушать прибой и чаек,
Зная, в конце ни боли нет, ни печали –
Только спокойный, ласковый к нам огонь.

***

Сотканный из тепла мир велик и светел.
Утешаясь этим, гладит атлант натруженное плечо.
Мы научились прятать в ладонях ветер,
Мы приручили тех, за кого в ответе,
Тех, кто от нас не смог убежать ещё.
Сотканный из тепла мир блестит на солнце.
Мы ещё смеемся, но, так и быть, пора говорить всерьёз.
Даже атлант не знает, куда несётся,
Нам же теперь и это не достается –
Только почти неслышимый стук колес.
Сотканный из тепла мир открыт для смелых.
Мы почти сумели счастье своё сложить из гранитных плит.
Завтра атланта кто-то другой заменит
(Тысяча лет и месяц – чужая смена),
Ну, а пока весь мир, улыбаясь, спит.

***

Мне тридцать два, скажи мне, ну, кем я стал?
Есть же другие люди, что кровь и сталь,
Есть же другие люди, что мёд и маско,
Что не теряют ценности век от века.
Я же всё время падаю, как калека,
Кто бы хоть раз поверил, как я устал.

Мне тридцать два, скажи, для чего я здесь:
Спать до полудня, трахаться, пить и есть,
Страхи носить, как вёдра на коромысле?
Есть же другие люди, что сплошь из смысла,
Те, у кого под скальным блуждают мысли,
Те, кто из слёз и смеха мешает взвесь.

Мне тридцать два, скажи, что там впереди,
Буду ли я один или не один,
Буду ли так же выть на луну под вечер,
Прятать от посторонних свои увечья,
Станет ли лучше или хотя бы легче,
Станет ли чуть поменьше дыра в груди?

Мне тридцать два, скажи мне, кто я такой:
Камни столицы, хижина за рекой?
Есть же другие люди, что гомон станций,
Есть же другие люди – вино и танцы,
Есть же хоть кто-то, с кем я смогу остаться
Сталью и кровью, мёдом и молоком.

***

Сколько ни кричи, сколько ни долдонь,
Я хотел быть рядом, ладонь в ладонь,
Я хотел бы в воду, но здесь огонь.

Так пустые письма мои прочти,
Я ещё не мертв, но почти, почти,
Напоследок память по мне почти.

Не погиб, так спился бы к сорока,
Стал бы важной птицей наверняка,
Но глаза в глаза и в руке рука,

И под утро простыни горячи...
Но я здесь один, сколько ни кричи,
Сколько ни долдонь, сколько ни молчи.

***

Я пишу: Isolde, ich bin Soldat,
 Завернув в конверт без имён, без дат,
 Ведь теперь не важно, кто адресат,
 Если время лечит.

Я пишу: Isolde, ich bin fast tot,
 Я не тот, кто ждёт тебя, но я тот,
 Кто смешное имя твоё зовет,
 Чтобы стало легче.

Я пишу: Isolde, ich bin ganz krank,
 По ночам кричу от несчетных ран,
 Но когда придёт черед умирать,
 Даже стон немислим.

Я пишу: Isolde, ich liebe dich,
 И такая горечь сидит в груди,
 Что прошу, прошу тебя, уходи,
 Не дождавшись писем.

***

Слышишь, сестра,
 Я здесь на свой риск и страх,
 Хоть в мире полно других городов и стран.
 Я знаю язык дождя и язык костра,
 А слово простых людей будто позабыла.

Видишь, отец,
 На свадебный мой венец
 Легла чья-то тень, и звон золотых колец
 Сливается с гулким стуком двонх сердец,
 И блеск их едва заметен за слоем пыли.

Знаешь, мой брат,
 Надежду не стоит брать
 В последний свой путь до райских и адских врат,
 И если бы я хотела тебе соврать,
 Сказала бы, что получится возвратиться.

Помни же, сын,
 Как тающий след росы,
 Как первая на младенческой коже сыпь,
 Печали пройдут, года превратив в часы.
 Но как на лице начнут вырастать усы,
 Ты бросишь свой дом и станешь, как мама, птицей.

***

Это мост, под мостом вода, под мостом река,
Вот рука, вот чужая рука, вот в руке рука,
Вот неожиданное счастье, что не удержать руками.
Дальше будет не хуже, знаю наверняка,
Мы останемся здесь навечно, чтоб видеть, как
Голубая вода ныряет под чёрный камень.

Вот вода под мостами, чёрный над голубым,
Под ногами людей, под стаями голубей.
Если ты не любим, то кто же тогда любим?
Я оставлю пустое сердце, шрам на краю губы
И бессонные ночи, все до одной, – тебе.

Это мост, под мостом вода, мир наш чёрный и голубой,
Бой часов, полуночный вой, радость встречи, потери боль.
Видишь, это любовь, если нет – я не знаю, что есть любовь.

***

Мир, бывает, приносит вещи – те, к которым ты не готов.
Странный сон превратится в вещей, ты найдёшь четырёх котов,
Что умеют по-человечьи говорить, когда все заснут,
А зима, будто станет вечной, подходя к твоему окну.
Вон в друзьях у тебя иная, а из кранов течёт беда,
И во сне тебя вспоминают нерождённые города,
В чемодане хранится веер, что меняет значенье слов,
Только ты всё равно не веришь в чары, магию, волшебство.

А однажды найдёшь десяток босоногих смешных ребят,
Будто ангелы и бесята, что давно уже ждут тебя.
Глядя пристально, спросят чётко: хочешь знать, о чем все немые?
Кто расскажет о том девчонке, кто поделится, как не мы?
Слушай, слушай, раз не боишься даже ведьмам смотреть в глаза,
Каждый из дворовых мальчишек сможет это же рассказать.
Всё, конечно, не так уж просто, не наивно, не детский сад,
Ночью встань, замотайся в простынь, жди полуночи на часах,
Не смотри на свои запястья, к зеркалам становись спиной,
Чтоб не вляпаться, не попасться, не остаться совсем одной.
И тогда мир пойдёт навстречу, замурчит под твоей рукой,
Станет ласков, пушист, доверчив – приручить его так легко.
После ты не умрешь от яда, никогда не сойдёшь с ума,
А не станешь пытаться... Ладно, нам пора по своим домам,
Ещё стольком придётся сниться, зашивая дыру в груди.
Как сломаеть свои границы, как найдёшь себя – приходи.

Важно в самом разгаре ночи не расслабиться, не уснуть,
Не получится – завтра, впрочем, ты отправишься в тот же путь.
И потом, через год и двадцать, девяносто, сто пятьдесят,
Ты найдёшь – ну, куда деваться? – этих ангелов и бесят,
Понесёшься рассветом вешним, вместе падая, чтоб взлететь.
Мир, бывает, приносит вещи – те, которые ты хотел.

***

И пусть он бродяга, и сотни его дорог
Ведут его не домой, а в закат и в морг,
Но всё, чего он достиг и чего не смог,
Тебе достается тоже.

И пусть он бродяга, но ты за его спиной,
В седле его байка, в баре и в казино.
Все ночи из пачки выкурив по одной,
Их жар ощущаешь кожей.

И пусть он бродяга, весь мир на его плече.
Ты знаешь: сейчас он твой, а потом ничей,
Но с ним и живей, и ярче, и горячей –
Сплошь хохот, вино и танцы.

И пусть он бродяга, но ты на его груди,
Не скажет никто, что станется впереди.
Сумеешь хоть раз уйти от него – уйди,
Но лучше и не пытайся.

И пусть он бродяга, но ты его плоть и кров.
И сколько бы ни был ветер вовне суров,
В тебе тишина, которая есть любовь,
В которой он смог остаться.

ТАТЬЯНА ОРБАТОВА

ИХ ЛЕЧИЛИ МИРОМ

ПЛЕМЯ

Ветер вывел племя звуков – даль морскую посмотреть,
чтобы хор во тьме агукал, возвышая мир на треть.
Хор ловил на голос рыбу – в чистоте словесных вод,
чтобы дух из рыбы прибыл в галактический живот.
От услышанного в море закипела даже соль,
шапка вспыхнула на воре, в каждом городе на воре
шапка вспыхнула и вдоль горизонта и столетья
поперёк всяя Земли рыбий хвост вселенской плетью
бил по шапкам, и несли куры яйца золотые
в сёлах, проданных под снос. Шли по городу святые,
в каждом городе святые шли и сеяли вразброс
в капилляры шумных улиц, в кровотоки площадей,
в каждый дом, в церковный улей – явный повод для идей.
Но молили люди: боже, шапкам всем не дай сгореть...
Их молитвы сонной дрожью обрекали мир на смерть.

СТИХИЯ

Над морем туча тёмная паслась,
из вымени её текли потоки
прозрачной влаги.
Возле Дюка – флаги
с утра сырели, ожидая власть
Ярила, окрыляющего дух
зерна, набухшего с весны –
землёй и кровью.
Темнела туча, тяжестью коровьей
давила волны, укоряя вслух
густую пену, что стремилась вверх
фантомной болью спящей Афродиты,
и вечный берег – тихий, плодovitый –
за каждый колос, что во сне померк.

Был хмурый день,
а в мыслях – масло, холст,
закат, усыновлённый Айвазовским,
и мир свечей – медовым, тёплым воском,

и саженцев неугасимый рост.
 Но было мало в фабуле любой
 безмолвия,
 и звук спешил с ответом –
 весомый посох дьявольского ветра
 на сушу ярк* гнал из пены –
 на убой.

—
 *ярки – молодые овцы

ЕСЛИ ВЫБЕРУ

Если выберу слово я, то – «ничья»,
 в белом платье, с букетом лесных ромашек,
 возле моря иль солнечного ручья,
 вдалеке от истовых шлях и монашек.
 Если выберу ягоду – без затей –
 голубики медовую нежность или
 горечь клюквы, хранящую от страстей,
 за которые мы себя не простили.
 Если выберу плату я – как всегда –
 рассчитаюсь улыбкой или слезами.
 Дни стихий, уходящие в никуда,
 возвращаются мечеными тузами
 и сторают в поэзии свежих чувств,
 чтобы феникс опять воскресал из пепла,
 чтоб в империях новых любой прокруст
 под свой рост обустроивал рай и пекло.

КАТИТСЯ СВЕТ КОЛЕСОМ

Поле смиряется в точку, июнь – в объектив.
 море – волнистая линия на горизонте.
 Катится свет колесом, поднебесный мотив
 солнечным зайчиком бьётся в оранжевый зонтик.
 Бьётся и ветром гонимая дура-пчела
 в яркую ткань синтетических цвето-иллюзий,
 дом потеряв не сегодня, быть может, вчера, –
 сбитая запахом смерти в полуденном блюзе.
 Катится, катится, катится свет колесом,
 капает время в глаза неизбежную правду –
 в каждом вместилище духа набор хромосом
 по-пионерски готовый к войне и параду,
 в каждом народном гулянии – общий котёл,
 дети хлеблют по-взрослому жидкую кашу.
 В точку смиряется поле, щитовник расцвёл,
 в небыли, кажется, будет всё чуточку краше –
 сядет на Божьи колени земная пчела,
 радостно мёдом запачкает Божии руки...
 Где-то, смиряясь по-взрослому, возле котла
 горькую кашу глотают пчелиные внуки.

НЕИЗМЕННОСТЬ

Их сажали вблизи границы в большие гнёзда.
Их боялись, им вили сны, их лечили миром.
Иногда отправляли вдаль на прогулку – к звёздам,
ограждая их путь от лешего и сатира.
Возвращались они, как прежде искали небо,
предстоящий утренний свет их совсем не трогал.
Забывались они, укрывшись овечьим пледом,
созывали в обед на вече ЕдиноБога,
преломляли в Нём хлеб души, говорили: жертва,
без сомнений съедали плоть молодых героев,
а затем неизменно жгли, открывая жерла,
заполняя пустоты дня пламенным роем
несгораемых слов, рождённых от вечной битвы.
Было много в них лиц, подсвеченной алой краски,
и была в них одна лишь точка в конце молитвы,
но они продолжались вновь – военные сказки...

СПАСЁННЫЙ МИР

Играющий событиями впрок –
спасённый Мир с глазами на восток –
смиряет зло в Пасхальную Неделю,
и пьёт любовь, и смотрится в себя,
и обнимает, солнечно любя,
любого, кто на смерть судьбу не делит,
кто в пламени сердечного желтка
спасённым Миром был до Неба ткан,
кто время жатвы в мертвенную плоть
вобрал, и стал Земле и всем – ломоть
исконной силы...

Мир весенний зелен –
от первого замеса и доселе.

ИЗ СНА

Из сна стареющей минуты
сочится сукровица мира,
но флёр величия ампира
смягчает прошлого маршруты,
остатки всех цивилизаций,
ролей провальных, самомнений.
Театр жив, покуда Гений
кушается в тени оваций.
Покуда путь ведёт по круту –
из проходных дворов в больные
стихи – стихии проходные,
навстречу новому недугу –
до вкуса смешанных наречий,
где сок кунжута с черносливом
в молки свежие, для силы,
добавят – с кровью человеческой.

ЭНДОТЕРМИЯ

Свёрнут в бесценный свиток
 голос, на гром похожий,
 спрятан в глубинах сердца,
 но... осязаемый кожей.
 Пульс наполняет ритмом –
 сводит от эха скулы.
 Тайну хранит искусно
 полоз ночи безлунной –
 душу мою взрывает
 до подземельных сводов.
 Там в темноте безликой
 жив ожиданьем всходов
 сеятель или пахарь.
 Среди корпускул смертных
 тихо его дыханье,
 будто бы беспредметно.
 Но под покровом тела,
 вбитый в сердечный клапан,
 в выси Икаром рвётся
 духа бессмертный атом,
 силою тяготенья
 вмиг разрывая разум
 между полетом в небо
 и временным соблазном.

КОГДА БЫ...

Когда бы выйти вон из суеты
 живым, без вида на могильный камень,
 не лошнув от вселенской полноты –
 до жирных клякс в смирительной пижаме.

Когда бы улиц шумную ботву
 прогрызть от самых тихих подворотен,
 где брата – брат не губит за жратву,
 где брату – брат всегда не чужероден.

Когда бы сжать газетную треску
 до позвонков отечественных смыслов,
 и ясной мыслью в денежном мозгу
 сжигать и плавить всё, что в нём закисло.

Тогда бы самый вещий футурист
 был посрамлён нелепостью момента...

Но зноен август, путь в мечты горист,
 и новый вождь смеётся с постамента.

В ПЛЕНУ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ТЕСТА

В янтарных чётках августовских дней
Искомые слова играют в прятки,
И лёгок освящённый сон камней
В узорах нестареющей брусчатки.

К полудню вязок солнечный поток –
В плену метафорического теста,
Воздушно истекающий желток
Находит символическое место

В нагретых гнёздах будущих пустынь,
В ладонях лета масляно-топлённых...
Блаженно ожиданье благостынь
Под небом непорочно оголённым.

Дремотна суть горячих мостовых
И кажется – нет города в пейзаже,
Есть долгий жар беспамятства живых
В природной блажи...

НАТАЛИЯ ТАРАНЕНКО

В ПЕКАРНЕ ЗАМЕШАНО ТЕСТО

***

Не дай Бог нам в пути разминуться с собой,
А не встретив себя, разойтись и с другими;
Вдаль вагоны летят, ты садись на любой:
Пронесутся – потом не угнаться за ними...

Время ветру под стать, ветер дышит в лицо,
Не беда, что мы всё по пути растеряли,
Вдаль вагоны летят, там – конец, там – кольцо,
А закончится круг, снова будем в начале...

***

Можно ли прожить, минуя дождь,
Не поранившись об иглы снега,
Не узнав, как полем пахнет рожь,
Не вкусив под звёздами ночлега?

Всё любовь – от солнца до цветка,
Всё горит своим особым светом;
Счастье легче крыльев мотылька,
И потерял ключ к его секретам.

Не скажу, что свято, что порок,
Не сужу, кто правы, кто неправы;
Знаю, сон влетает мне в венки
Обезболивающие травы.

Значит, Бог от гнева бережёт,
Снег смягчает сердца перебои...
Можно ли прожить, не зная нот?
Можно, если дождь поёт с тобою.

ЖИЗНЬ – КАК ХЛЕБ...

Жизнь – как хлеб: отломи и не думай,
Не решай невозможных задач,
Над отчаянья бездной угрюмой
Не скорби, не кручинься, не плач.

Если света оборваны нити,
Значит снова вяжи узелки,
Дай ветрам невозможных событий
Сдуть с оазиса жизни – пески.

Не теряй в суетливом обмане
То, что любишь и чем дорожишь,
Даже если в мирском океане
Счастье – волнами кажется лишь.

Где свиданью назначено место,
Там легла чуть заметная тень...
А в пекарне замешано тесто:
Завтра будет ещё один день.

ПОДСНЕЖНИКИ СТРОЧЕК

Ненужный хлам. Ненужные советы,
И на стене – ненужные часы.
Всё – ничего не стоит. Капля света
Приводит в равновесие весы.

А строчек лепестки под мёрзлым слоем –
Как первые подснежники. Сорви
И прочитай: мы ничего не стоим,
Мы ничего не стоим без любви.

ИСКАТЬ ЛЮБОВЬ...

Искать любовь – во что бы то ни стало! –
Её рисуя ветром на песке,
Чтоб жизнь травой новой проросла,
Чтоб ток бежал в пробившемся ростке.

Когда возьмёт отчаянье за горло –
Немного отступить и отдохнуть,
Чтоб чёрный штрих на сердце время стёрло,
Чтоб раны затянулись как-нибудь.

Пусть оживают формы и предметы
Под брызгами, под искрами огня;
Пусть светом чертят звёзды и кометы
Демо-проекты будущего дня.

Мы каждый день разыгрываем новый
Сюжет – и переходим в новый круг.
Внутри – пружина. Жизнь к прыжку готова.
Взойдут ростки. Зазеленеет луг;

И плеск травы нетронутой постелью
Поманит перейти опасный лёд,
Искать любовь – как огненное зелье,
Как чернокожничных зёрен горький мёд;

В обвалах, бесконечных лабиринтах,
 Заката окровавленных бинтах,
 В пульсирующей боли и молитвах,
 Бессвязных и осмысленных словах,

На маленьком светящемся экране
 И необъятном звёздном полотне,
 Не ведая границ и расстояний
 Вселенной, растворившейся во мне.

***

А дождь любви не оставлял следов,
 И мы дичали, пели, умирали,
 Но мы не крали яблок из садов,
 И радости у ближнего не крали.

И приходили к нам сигналы звёзд,
 Слова и ноты самых лучших песен,
 А нам казался маленьким наш рост,
 И мир без риска был неинтересен.

День начинался изумленьем глаз
 И разрастался, как воздушный шарик,
 Кружась мозаикой картин и фраз
 С прохладным блеском волн и криком чаек.

И шар хотелось утащить домой,
 Забыв, что он огромен, как планета,
 И закричать: он мой, он мой, он мой,
 Весь этот мир, в котором столько света!

Хотелось съесть все снежные коржи,
 И выпить всю небесную росу – и
 Украсть у дня дворы и гаражи
 (Когда-нибудь я все их нарисую!)

О Господи, понять нам помоги,
 Что солнца свет не унести в кармане,
 Что счастья сны – лишь на воде крути,
 Лишь волны в бесконечном океане...

СОЛНЦЕ И СЛОН

А наши купола засыпало песком,
 И наши города – почти как катакомбы,
 Но о полях цветов мечтаем мы тайком
 И рвёмся к небесам из душных серых комнат.

Пока дороги света кроются в тени,
 Я прохожу круги крушений и агоний;
 В пылающей росе горят мои ступни,
 Бегонии огня прожгли мои ладони.

Я разбужу огонь, я вызову циклон,
Пока стихия зла всех звёзд не погасила.
Есть лоно тишины, в том лоне дремлет слон
На лепестках цветка – в них огненная сила.

Мне мало солнца днём – мы видимся во сне.
Как сладко спится мне под солнечным навесом,
И грезится мне слон, и солнце на слоне,
И внеземной рассвет над сизым дымным лесом.

По луковке земли шагает великан –
Сквозь вязкий мёд пустынь, по горам и долинам,
А за спиной – мешок, в нём море-океан,
Ракушки и песок, кораллы и дельфины...

Хранители воды, властители огня!
На карусели волн танцуют блики света...
Я еду на слоне, слон в сон везёт меня,
Во сне смеётся тот, кто знает все секреты.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДОБРОТЫ...

Я вижу мир сквозь призму доброты,
Я пью огонь горящими зрачками,
Со мной надежды хрупкие мосты
И вера в счастье – твердая, как камень.

Мне путь открыт туда, где всюду – дом,
Где узки тропки, небеса широки,
И, все дела оставив на потом,
Я музыку укладываю в строки.

Так высоко – захватывает дух,
Так радостно – боишься захлебнуться,
А тайны, что пропеты были вслух,
Вновь обещают птицами вернуться.

***

Там, где ангелы вьют себе гнёзда,
На деревьях, а может быть выше,
Очень чистый и ласковый воздух,
И ты счастлив лишь тем, что ты дышишь.

И весь мир, необъятный и сложный,
Исчезая, становится точкой,
А избавясь от сложности ложной,
Точка вновь распускается почкой.

Сколько наших стремлений могло бы
Новой зеленью к свету пробиться.
Умереть – это просто. Попробуй
Точкой стать, чтобы снова родиться.

СВЕТ ЧУДЕС

Казалось, всё переросли,
Казалось, всем переболели,
Врачи помочь нам не умели,
Волхвы помочь нам не могли.

А чудеса искали глаз,
Дни с серым цветом воевали,
И Тот, кто знает все печали,
Открытой дверь держал для нас.

ИРИНА ДЕЖЕВА

ПУТЕШЕСТВИЕ В СИНИЙ ХУТОР (Французская тетрадь)

В аэропорту Ива спала просто. С пятью чемоданами, ноутбуком, словарями, собираясь в хостел на семерых. Я легла напротив. В затылок давили телефон, плеер, фотоаппарат. Она оказалась переводчицей с испанского, и её греческую мать звали Ирэна. Мой английский, как после лавы, придумывал новые элементы, мы пили кофе, курили табак, и всё было понятно: мы здесь первый раз. ОДНИ. И... у Франции тоже есть Юг. После ночного бдения я надела платок, и она, как и все прежде, сказала: «Ты совсем другая...». Разлука с незнакомым похожа на встречу, и ты почти всегда знаешь, что не позвонишь, но... виртуальный адрес... почти всегда трофей!..

ДЕНЬ 1

*Вечер. В центре поляны – высокий старый можжевельник,
будто всё вокруг него и впервые.*

- Здравствуйте, Пьер. Вы так долго ждали меня. Я, наконец, прилетела. Десять лет прошло?..
- Да-а, я помню тот подвал, куда я к Вам спускался... спустился. У Вас были чёрные волосы.
- Пьер, у меня никогда не было чёрных волос.
- Как же, я помню, чёрные длинные... вот такие где-то – (повернулся и хрустнул) – волосы, и Вы были в белом... как это по-русски – тунник?
- Платье.
- Да, в белом платье. Я немедленно влюбился.
- (У меня никогда не было белых платьев и, похоже, я приземлилась). – Был вечер, в подвале горел тусклый свет, вам показалось...
- Может быть... может быть... Как хорошо, что Вы приехали... – (а в глазах... ах, чертовки-бусинки, ягодные косточки сладко забегали... ничего себе, дедушка...) – А Вы сразу меня полюбили?
- (Ого, присыпка). – Я? – (Я привезла в подарок редкое издание «Слова о полку Игореве», надо бы срочно его достать. Я оглянулась).
- Вы были такая красивая, как это у Тургенева... Я очень люблю Тургенева. Я считаю, что в русской литературе, да и вообще у всех... – (Петер распрямился и будто подготовился к кафедре), – это самый...
- Пьер... я...
- Ну очень важный писатель. Вы читали, конечно?
- Пьер! Я тоже филолог, не забывайте. Только я – русский, а Вы – франко-русский. – (Я взволновалась как девочка).
- Ещё и венгерский. Это ведь тоже мой родной, вернее, не тот же... не тоже, впрочем, единый – как сказать?
- Родной.
- Да, действительно, это в самом деле так... таки. Я ведь венгер наполовину, даже большую, чем то... что из, вы понимаете. Моя мать гордилась, что она французская швея...
- Да... Я понимаю.
- Я считаю себя прежде всех венгерским писателем, но... пишущим по-франсе... как это... по-французски.

– Я тоже люблю Тургенева. В отрочестве я даже посвятила ему «Деревенскую оду», пытаясь представить его как человека, всё время одинокого:

– Что? Простите... Вы не могли бы говорить помедленнее. Мне нужно смотреть на Ваши губы, чтобы понимать сейчас по-русскому.

– «Счастье. Наверное, надо устать, чтоб понять и остаться в тебе навсегда»...

– Ну, я так и думал... Воп...

Как ещё раз познакомившись, прогуливаемся по лесу (все виды хвой), саду (груши, яблоки, сливы, виноград) и огороду (помидоры, зелень, огурцы).

– Я делаю огурцы. Это очень вкусно. Что значит *малосоленный*?

– Немножко. Мало. Вы солите?

– Да, конечно. Летом я всё часто делаю, как солёные, немножко. Они будут как квас.

– Квашеные.

– Да, это очень вкусно, пробуйте.

– Уо, получилось. Я оценила. – (Хрустим).

– Бывает в жизни какая-то неудача, и не понимаешь – почему? И очень часто неудача. Потом понимаешь – почему, но это поздно.

– (Кряхтим). – А помидоры почему не солите?

– Нет.

– Почему?

– Не знаю. У меня так много работ... Помидор по-венгерски кстати – «ко-ро-ви-чон», и это то же самое слово, чтобы сказать – «рай».

– Почему?

– Совпадение, может быть...

– Венгерский рай – это помидор? – (Смеёмся).

– Наверное, старое слово, потому что помидор как растение – это от периода Христофора Колумба, начало 11-12 века... В раю... Эва... помидор – это было яблоко, она съела немножко это яблоки, и потом... она была... и эта история с змеем... а-а... поздно... слово плюс чувство устарелое... Что Вы хотели бы на ужин?

– О-о-о! – (К тому же мне доложили, Вы неплохой кулинар. Володя, режиссёр, Ваш друг и наш попутчик, или звездочёт, вспоминал Вашу уху, посмотрим, какой Вы...).

– Я не знаю ещё Ваших аппетит, т.е. что Вы любите, что Вы едите?

– Мне всё равно... – (Так я снова начала есть мясо после двух лет вегетарианства).

(Пьер, держась за правый бок, замотанный синей спортивной кофтой, наверное, из СССР, подходит к холодильнику и предвкушая неизвестность, открывает его). – Воп... У меня тут есть сыр, мясо... что ещё? колбаса, но это кошкам... Вы уже познакомились с кошками, их три. Или трое – как правильно сказать?

– Три кошки, трое котят.

– Нет, две кошки – сам... сам... отец, мать, так сказать, и один котят.

– Один котёнок. Маленький. Сын.

– Нет, дочь.

– М-м... – (Молчание как ком между 35 и 83). – И?

(Стол покрывается плесенью и копченостью, искрится икристостью и наливается оливковостью). – Так вот, они понимают, к сожалению, или к счастью? только по-венгерски.

– Ничего. Мы скоро это поправим.

– Да, поправьте, пожалуйста. Очень бы хотел, чтобы Вы меня всё время поправили, поэтому... или потому что...

– Угу. – (Разница иногда в малом – вкусный кофе, вкусный сыр).

– Потому что я боюсь с Вами разговаривать... из-за того, что мой русский слишком плохой. Мои фразы немножко наивные... стиль гимназиста.

– (Да... Похоже, возраста не существует. Только ощущение себя). – Я понимаю Вас.

– Нет, Вы не понимаете, я не разговаривал по-русскому уже 50 лет. Только читаю. И потому что не могу передать что-то важное.

– Что, например?

– Слишком тонкое, чтобы говорить.

– (Мне приходится всё время нервно посмеиваться). – Тогда помолчим.

– Да, что-то я разболтался... как это у Гоголь... Каждый день, каждое утро я думаю об Вас, когда я вижу самого себя в зеркале: смешной старик! И он хочет ухаживать за молодую женщину с хорошим носиком! Комедия... да... Так что Вы будете кушать? есть? Я могу поджарить для Вас картошку.

– О-о! Прекрасно! Давайте я Вам помогу.

– Давайте... Вам сегодня надо отдыхать несколько. Утром, когда проснётесь, можно пойти в лес гулять. Там хорошо думается. Вам полезно будет для творчества, если вы пишете, особенно.

– (Интересно, это черта характера или присутствие леса?) – «Сумрак, отрывок, семь лет, попросила, листик, цветник, алатоо чужого».

– Что, простите?

– Спасибо, обязательно пойду.

– Чувствуйте себя, как у себя, как дома.

– У Вас такой большой дом. Крепость. Проведёте экскурсию?

– Ха-ха... Крепость... как это у рыцарей?

– Мой дом – моя крепость.

– Даа... Что Вы пьёте? У меня есть вода, молоко, сок, чай, какао, вино, кофе, водка.

– Можно вина.

– У меня есть белое и есть красное.

– Можно красного.

– Я вообще-то не пью. Только немного, когда есть друзья. Ко мне приезжают порой мои друзья Этьенн и Лоранн, они очень прекрасные муж и жена, я могу с ними беседовать и выпить хорошего вина. Но вообще это тяжело для меня. Потом не могу нормально работать, то спать хочу, то кушать, есть, и так тяжело вот тут, вниз живота – (встаёт и поглаживает неверное грустной порой место). – Всё это так неприятно... Ох...

– (Вот я и почувствовала и осознала разницу в возрасте. Всё было странно, вкусно, как вроде и должно). – А где мне можно спать? – (Хотя разница лишь в том, что я задаю этот вопрос).

– Можете со мной.

– Хм... Нет, с Вами я не могу.

– Вы не любите меня? У Вас есть муж?

– Ну... да... я не одна...

– «Я не одна»... какое тонкое определение...

– Но... всё равно, Пьер... Это невозможно... Зачем?.. – (Я перебирала ненужными словами, пыталась раскопать взгляд мудреца, улыбкой смиряя обиду, но видела беспомощного младенца в дырявых кальсонах, по привычке жаждущего любви...) – Пьер!..

– Это всё Ваше, я, конечно, не буду насильничать перед Вами – (улыбаюсь неизбежно, втихаря) – выбирайте любую кровать, это всё свободно. Здесь или есть и другая половина дома, где приезжают гости. Или мой сын Jugi, по-русскому Георгий, или Софи, у ней прекрасный муж скрипач в Канада. Мы тоже будем туда ездить, если захочете. Спите, где пожелаете, только если не боитесь пчёлы. Мой сосед приходит раз в неделю делать мёд, и там, куда я Вам покажу комнату, есть большой ящик с пчелами.

– Улей?

– Да... Надо быстро заходить и захлопывать дверьми.

– (Неравный бой, но перспективы в ловушке...) – Bon nuit!

– О да, спокойной ночи.

Пчёлы спали. Я стояла на веранде второго этажа, лаская вечерние Пиренеи. Что-то из мечты? Из прелестного детства? Искрающейся души? Внизу доносился венгерский диалог с животными, я увидела удаляющуюся фигурку старика и внезапный поворот, как брошенный одуванчик.

– Вы провожаете меня? О! Точно, как Ромео и Джульетта... если позволите...

Машу рукой...

ДЕНЬ 2

Утро. На поляне в лесу. Всё близко

Сажу на стуле под ореховым деревом. Поёт любимая хвоя. Розово оживает полусолнечный замок. Какие это птицы, и я ли их слышу? Тихо так и легко. Действительно, хорошо думается. С чего начинается

время, и зачем здесь трактор? Груша упала в твоём саду. Медленно и скоро. Пронеслись косули, оставив в ароматах испуг. Человеческие желания под присмотром. Кольхнулся и погладил голову лист. Завтра придёт Поль постричь виноград. Вы улыбаетесь через окно и зовёте: Доброе утро!

Озирается память. Завтра...

– У-у. У-у. У-у...

– Как Вы спали?

– У-у. Немного хорошо. И Вы?

– Как убитая. Точнее, раненая, потому что меня кто-то покусал, живот красный, и всё чешется.

– У-у, бедняжка. Это, наверно, в траве такие маленькие животные. Они могут незаметно кусать. Как и мою сестру Софи прошлым летом... они приезжали вместе с мужем, он известный в Канаде и не только скрипач. Т.е. мой зять: Дюри (Жорж? Юрий?)

– Блохи?!

– Не знаю, как они называются по-русскому.

– По-русски! – (Раздражаюсь, представляю возвращение: Chateau La Rose и волдыри).

– До свадьбы пройдёт. Так придумали ваши предки. Ха-ха, бедняжка... Вы ещё не полюбили меня?

– (Опять... я должна была предвидеть самый простой из известных трюков, но... не подготовилась, т.е. даже не думала об этом).

– Может быть, скоро, очень скоро Вы меня полюбите... Это ведь возможно поступательно, или постепенно, как сказать, не сразу, интеллектуально.

– (Всё возможно, конечно, но об этом я тоже не думала. Странно, о чём я вообще думала, когда летела сюда, спустя десять лет после трёхминутного знакомства в подвале научной библиотеки, куда Вы спустились в поисках библиографии украинских мудрил, седой, подвижный, с фантазиями в зрачках?.. Вы писали, что здесь мне будет хорошо... что здесь рай... Я буду писать. Сколько захочу). – Не знаю...

– Вы хотя бы умеете приготовить кофе? Или давайте, я покажу Вам, как воспользоваться этим прибором... как это у... я читал, конечно, и современных авторов, например, в двадцатый уже веке, но всё, понимаете, не так, не то, как возможно описать всё, как Толстой, или...

– Вы любите русскую литературу? – (Я прощаю блох, пчёл и беса в ребро).

– Да, очень считаю и люблю, что в русской литературе есть все самые важные авторы. Как можно найти и где-то, и у нас...

– Вы любите классику?

– Да, конечно, я больше всех люблю классических произведений. На втором этаже я покажу Вам, у меня есть полки справа – там все русские писатели лежат.

– Стоят.

– Да, Вы могли уже заметить, у меня такой беспорядок во всё, всё и везде стоит вместе. И последний Флобер с рынка, что я купил, пока Вы выбирали клоуна для Ваша сестра. Младшая?

– Да. Привезу ей в подарок французского друга.

– И Giano, очень прекрасный писатель. Вы знаете по-русски?

– Нет. Ещё не было перевода.

– Жалко. Но запишите себе. Это важно. Это очень важный автор.

– Как? Giano?

– Вот... Вот так, смотрите, наполняете много кофе, это очень хороший кофе, я покупаю всегда такой настоящий кофе, и после будем слушать, когда будет шипеть после паузы, будто, я вижу – снег ползёт, или перед симфонией, понимаете?

– Я буду внимательно слушать. Посмотрите, я правильно записала – Giano?

– Вот после этого звука надо снимать. Готово. Прошу к столу. Ваш любимый сыр. Лук, пожалуйста.

– Спасибо. И Ваши помидоры! На рассвете я нашла место для размышлений и собрала урожай!

– О, бедняжка!..

– Не бедняжка, а умница. Кофе?

– Нет, спасибо, я попью воды и много таблеток. Мой врач написал. Всё это я должен есть вместо завтрака. Ненавижу... как бюрократию... ха-ха... Мне хочется сломать этот окаянное бюро, чтобы Вы остались, только всё направлено против личной свободы.

– Перестаньте. Разве не Вы сами выслали мне долгожданное приглашение, с печатью и всеми нужными подписями, даже от мэра, и ещё некоторых капризных особ, спасибо Вам, что занимались всеми нелюбимыми Вами делами, но серия и номер моего паспорта были указаны неверно...

- Как это, ха-ха, может быть?
- Вы плохо увидели на документах, что я Вам прислала, и ошиблись... Я ехала одна по вымышленному маршруту почти нелегально.
- Да, бывает такое... Кофе попозже, после сиесты.
- Вы плохо себя чувствуете?
- Я был в аварии два года и теперь не могу ходить на лыжах... Я очень люблю ездить по горам, я покажу Вам мой дом, домик в Пиренейских горах... и плавать... Хочу сделать на поляне, где Вы читаете, бассейн, это можно хотя бы немного плавать.
- (Лыжи я заметила у входа – они стояли, как стражи несуществующих ворот, готовые расплакаться вместо маяков в любую погоду. Но главным таинством, громадной перекладной, торчащей из окна и преграждавшей путь в мои покои, – оказалось каноэ, сделанное давно со старшим сыном Djuni, по-нашему, Юрою).
- Я рискнула поехать в безъязыкую неизвестность.
- Вы так мило сердиться, давайте я буду по-разному Вас называть, а Вы потом продолжайте, только уже в мужском роде. Милая, красивая...
- Чё? – (Да, интерес в том, что характер проявляется в любом возрасте, и поучения сравни с поразительностью. Я знаю и не знаю, что Вы ответите. Я проникаю в породу, мне всегда там хорошо).
- Оставайтесь, Ирюша, мы поедem в мой дом в Пиренейских горах. Ночью можно писать у камина. Помните, как Вы ответили мне тогда: «Возьми, уставший из Афин мою гордость, Вменивший Пиренеям пропасть». Это трудно иногда понять Ваши стихи. Так много сложных образов и ассоциаций.
- Обычная реакция. Но Вам хоть нравится?
- О! Я пока единственный во Франции поклонник Вашей поэзии. Я горжусь поэтому, или потому что... Рад, что Ваши стихи наладены для музыки. Bravo!
- В горах – правильно!.. Это прекрасно! Я была только в крымских, но они пониже. Вообще здесь климат похож – пальмы, кипарисы, инжир. А такого огромного можжевельника я не видела даже в Крыму. Трепетно подходить. Сущий центр. Милое Дерево. Наложена музыка – Вы хотели сказать? Да. Они суть одно.
- Мои стихи здесь были представлены певцом Филипп Берто, известный певец нового трубадурского стиля. Это были вечера «Археология любви».
- Жаль, что Вы не закончили перевод, получилось хорошо, послушайте:

*Тотем мой
Я любил тебя преждевременно
Как и ты чрезмерно
Для себя самой
Запрет – твой рот
Мой образ галлюциногенный
Повсюду – в водяной взвеси, прогалинах, в топи болот
На каком-нибудь табурете, где ты сидишь нагая
(Это беспричинный довесок образа
После всей банальности)
Но тот табурет – живое животное
С тобой – всё запрет
И тотем, несмотря на это...*

- Помните – Табу и тотем?
- Я мало понимаю, что Вы говорите. Вы должны преподать мне уроки русской речи. Я всю жизнь люблю классических произведений. Конечно, я сумасшедший... Даже мой первый роман что до сих пор издан называется: «Дневник сумасшедшей». В нём женский образ – это, может быть, Я?
- Поедем гулять?
- Немножко. Что-то бок болит, не могу найти место как...
- Я расшевелила Вас?
- О-о! Если бы я знал, что Вы не одна, конечно, я не открыл бы мою любовь, но это было бы тоже самое... только невыраженное чувство... Ладно, больше не буду намекать на всё это.
- Вы не только сумасшедший...

– Да, ещё и Дон-Кихот: буду страдать безмолвно. Романтический и комический герой... Может Вас попросить?

– Может. – (Конечно. Всё, что Вы говорите, достойно уважения. Получается, я доверяю Вам в душе, немного в мыслях, но против Вашей позиции. Да, любящие должны быть в одной позе).

– Вы не против после прогулки почитать мне Лермонтова? У меня есть всё собрание во втором этаже, я уже говорил.

– Конечно. – (Боже, когда я последний раз читала Лермонтова? Перед экзаменом? Или резко захотелось что-то... Демон вроде? Или с Тamarой? Мне стало стыдно за небрежное ношение русской культуры, и я готова была перечитать всю классику, лишь бы не отвечать на вопрос, люблю ли я Вас).

– У нас есть река. Мы поедем после обеда. Или до... Как Вы хотите? Будет всё теперь, как Вы хотите.

– Спасибо, Пьер! Вы очень радушны. К воде. Прямо сейчас.

Я не видела Вас 10 лет, в течение которых стёрся даже Ваш образ, но выйдя на космической станции Garonne, которую настойчиво просил запомнить Володя Козлов, как ангел, соединяющий нас, чтоб не проехала, тогда каюк, сразу узнала, сразу поняла, что это Вы, Пьер Безухов, а, может, Дон-Кихот, или Ромео... В ночной рубахе и синих спортивных штанах. Да. Неисповедимы пути Твои, Господи! Многогранны и прекрасны!

*«Для чего я не родился
Этой синей волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной
О! Как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок...»*

Ежедневная прогулка по берегу мягкой Гароны. Близкая душе широта, счастье каньона. Лес, горы, река. Что мне ещё надо?.. Какой тишины еще заслужить...

– Вот так же как Вы мой сын летом шёл напротив меня. Мы шли медленно, навстречу друг другу... Послушайте, я видел визу в Вашем паспорте, если Вы еврейка, Вы должны попробовать, чтобы Вы стали израильской гражданкой.

– О Боже! Нет, Пьер, нет, я русская. – (Блестит солнце на чешуйках воды. Сквозь ветви светится паутинка. Это мои настоящие улыбки).

– Всё больше будет безработица, нищета. В Украине, если Вы русская, скоро Вы будете в опасности. Украинские националисты получают миллиарды долларов от американцев, чтобы они боролись против России. В Киеве и в Одессе будут погромы против русских.

– Я буду прятаться, или Вы будете меня спасать?

– Всё это моё пессимистическое настроение, к сожалению, всё возможно...

– (У дорожки над рекой стоял дом совсем пустой). – Чей это?

– Когда-то был... теперь ничей.

Я зашла в полуразбитые и разрисованные галереи, представляя свой Дом. Всё вокруг казалось позаним, т.е. потерянным в веках.

ДЕНЬ 3

Кухня и русская библиотека

– Да, я понимаю, у Вас есть какой-то муж, ну, или друг, и Вы любите его, но жить надо рискованно, смело. Пойдём купаться во дворе? Там под лесом я сделал душ, и можно отдыхать на шезлонге. Я приготовил для Вас кресло и собирал для Вас груши. И Вы обещали почитать мне Пушкина.

– Я люблю кипяток. В одиночестве. Фрукты и классика при встрече у можжевельника...

– Хха-ха-ха... маленькая ведьма. Сегодня на ужин я приготовлю для Вас жареные бананы. Вы, конечно, читали же чудесные повести Паустовского?

– Да, в Одессе много с него начинается, даже поселок Котовского, где я росла.

– Вы шутите по утрам от моего кофе.

– После странной ссылки Пушкина, когда он перепутал сами города ссылки и вместо Кишинева случайно прибыл в Одессу, обычно сразу говорят о Паустовском. А те, кто читает по ночам, с утра бывают раздражительны.

– Да, без Вас мне не спится, я думаю, он изображает природу не хуже Толстого или Тургенева. Ведь природа сейчас так прекрасна, лес, горы, цветы. Это просто рай. Можно беседовать или наблюдать в саду. К сожалению, я не нашёл у себя рома. Здесь нужен хороший ром, я покупаю иногда, когда еду за продуктами. Вы тоже должна обязательно уметь ездить на машине, получать права. Я уже говорил Вам, что упал два года назад и далеко никак не смогу ехать. Если Вы будете изучать французский язык, Вы должна сама ездить в Тулуз, или куда Вы захотите. Старый пьюжо сейчас лучше нового, и за евро здесь совсем недорого.

– В горах оступились?

– Нет, с лестницы... В каком-то году я попробовал найти какую-то девушку, и я упал. Но есть французская водка. Хотите попробовать?

– Интересно, какая она во Франции. Давайте... – (Попробую. Выпить её близ Монтескье).

– Потом в другое время я бежал, чтобы взять такой-то поезд, чтобы найти такую-то девушку, и тогда я упал.

– Девушки на Вас плохо влияют. Они не любят романтиков?

– Нет. Я забыл даже, что это. Хочу за Вас выпить, Ирочка, можно я буду так ласкательно на Вас говорить? (Попробуйте. Хотя по настроению и помолодевшему лет на сорок, по впечатлению Володи, голосу Вы готовы ласкать не только имя моё...)

– И Паустовский Вы должны, конечно, его любить.

– Хорошо. Я стараюсь. Люблю «Слепота музыканта». Пейзажи и в живописи меня меньше занимают, чем в фотографии, я более их созерцать люблю, чем описывать. Наверное, не умею просто. Но преклоняюсь чрезвычайно.

(Я понимаю, что прощаю Вас, что просто люблю Вас как человека. Мне с мужчинами всегда интересней было, чем с женщинами, лучше. Поэтому все любят французскую планету... Ха...)

– Вы очень красивая. Особенно нос. – (Я вспомнила снимок своего перебитого как ёлочка носа и ухмыльнулась). – И руки. Вы можете жить здесь, сколько захотите, гулять, писать, Вы можете поехать, куда захотите. У меня есть дом в лесу, сад, кошка, или котик – это всё Ваше. И моё гнездо в Пиренейских горах... горах. В этом домике у меня новый взгляд на вещей. Вы в моём сердце. Но с Вашей стороны – это пока интеллектуальное уважение.

– И помидоры. Они такие вкусные у Вас! Я собираю каждый день. А главное – кипарис! Я могу целое утро смотреть на него с балкона. Это моё дерево по зороастрийскому календарю.

– В каждом кладбище есть всегда кипарис, в Южной Франции повсюду. А там за горизонтом ещё скрыты верхние горы, их пять, как сказать «по очереди».

– Гряд.

– Как?

– Гряда – это волна. Утром видно две. – (Я показала руками, как они видны мне, описав разворачивая два круга, и заметила, что Вы внимательны ко мне, даже в таком отлённом в моём восприятии всего возрасте). – И за Вас!

– Спасибо... тоже... может, позже полюбите...

– (У-у-ухх... французская водка...) – Вот спиртыга...

– Как Вы сказали?

– Невкусная, говорю, у вас, сударь, водка, резкая очень.

– Да, русские в Париже... только некоторые мои друзья пьют водку. Володя, например. Очень хороший, я люблю его, много помогал мне. И нас помог встретить. Мне так сложно всегда с этой бюрократией, она такая медленная. Но печально, что он живёт совершенно в стороне французской, как-то вне, как вечный эмигрант. Так и не смог влиться в эту среду. Он приезжает ко мне, мы много беседуем, о Пушкине, о Гоголе, о Гончарове. Он также согласен, что это прекрасные, лучшие писатели. Вы почитаете мне «Евгения Онегина»? Я преподавал лекции о нём в Будапеште, в Венгрии в городе Сегед, в Канаде и так дальше. Вы также спокойно можете писать стихи, читать, учиться... Вкусно? Вы не едите мясо, я купил для Вас рыбу. Эту вы любите, я уже видел. Семга можно также жарить. Хотите, я поджарю для Вас?

– Очень. А Вы не чувствуете себя эмигрантом?

– Я повсюду эмигрант, и повсюду чувствую себя дома, потому что Франция всё-таки моя страна от рождения, Венгрия всё-таки моя страна, потому что родной язык, литература, друзья, всё с детства, Канада – я тоже чувствую себя дома.

– И Свердловск?

– Да, да... я из Свердловска... – (Улыбаемся. Улыбка – это завершённый приятным чувством зигзаг – понимание). – Я так скучаю о правильной, чистой речи, как у Вас. Несмотря на акцент, только на Вас. Взмахните так, пожалуйста, головой, вот так, справа. О-о, да! Ведьма!

– (Очарование. Милость. Нет Времени). – Пьер!.. Какой у меня акцент?

– Великорусский. Даже если Вы будете иметь французский паспорт, даже китайский, Вы всё равно будете русской женщиной. Это видно у Вас! Откуда я это знаю? Я это изучал. Это любовь русской литературы открыла дорогу к любви русского языка. Кроме того, я мечтатель... я мечтаю о красоте русской женщины и, извините, что посмею об этом говорить, для меня Вы, Ваше лицо, Ваш голос – это прямое продолжение образов русской женщины, героинь моих любимых романов. Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. Обрыв и так дальше. Кроме того, Вы поэтесса. Это также влияет на моё настроение.

(Ого! Хороши мечты в земном пезелонте! Вы предлагали мне летний душ, а я унесла сомнения в дорожной мусоропроводе. Сумасшедший.)

– Сядьте мне на колени.

– Пьер!

– Ну, пожалуйста.

– И что это будет? Как мы это назовём?

– Никак. Просто сидите.

– Это смешно, извините. Я не буду купаться во дворе, сидеть у Вас на коленях и спать в Вашей кровати.

– О Боже! Сколько вредных привычек.

– Да, я, пожалуй, пойду во двор, покурю. (Или сбегу).

– Теперь я знаю всё.

Хитрый старик. Или мужик. Или младенец. Не могу. Дурак.

Собираю упавшие фрукты, наслаждаюсь теплом тоже южной ночи, и такой же, и другой. Запахи, призыв свободы, чистота... Набью орехов, будет салат.

– Merd! Ничего не могу найти на русских полках. Сто раз, тысячу раз читал я этот роман в стихах. Где же я мог положить его?

– Помочь? Вот «Маскарад», Мериме. О Господи, Маркс.

– Вы читали «Молодую гвардию»?

– (Достойная месть). – Давайте не будем об этом.

– По-моему, это очень важное произведение. Такая сильная романтика.

– Однобокая. И борода у Вас в пыли. И вовсе не романтика.

– Какая, простите, я не услышал?

– Однобокая.

– Я не совсем понимаю, что Вы имеете в виду?

– Романтика определённой прослойки большого пирога, солёного каравая, – (я опять сделала руками круг, но по горизонтали, и скоро начну Вас обнимать), – т.е. с красной каёмкой. А кто не желал с красной каёмкой, того не простили, не накормили, деньги забрали и под зад понесли.

– Как, простите? Но там же написана правда!

– Пьер, пожалуйста! Не будем об этом! Я не люблю эту тему, потому что это не тема, и нечего тут обсуждать. Для меня... если... по крайней мере, детей на смерть посылать – это крах всему – это заранее вырытая земля для мёртвого семени, понимаете? Вы же гетто описываете и проклинаете его за то, что лучшее, что дано нам – Жизнь, они могут взять и без всякого права, без какого-то сердца, просто, романтично так, взять и уничтожить... за – Так будет! – и не ИНАЧЕ!.. (Пью). – Лучше о Вашем романе расскажите, Володя говорил, это третий. – (Оохх).

– Да, Вы философ, и я тоже в это время пытаюсь понять Жанну Д'Арк. Я выдумал для неё свою историю, и много моей истории, я, действительно, описываю гетто. Вы знаете, моего отца спасли русские, или правильно советские солдаты. Мы ехали тогда с матерью его искать... забирать... И Жанна тоже... как женщина с палачом... одна... Когда Вы приехали, я ждал Вас в машине и начал их диалог.

– Ваш дом занимают, в основном, книги.

– О да... Днём я почти всегда читаю... Ночью пишу.

– Вы филин.

– Я – Ленский. Мечтатель и романтик. Может быть, это сама жизнь пишет роман, где есть прекрасная героиня: Вы и образ какого-то лишнего человека: Ваш покорный слуга. Как история любви с опозданием. Я также часто понял поздно то или другое чувство. Когда я видел Вас в первый раз в той городской (или университетской) библиотеке, и я три минуты idiotски не ухаживал... Легко сделать ошибки в жизни, трудно их позже поправить.

(Да, прежде всех стен мужчина есть завоеватель. Будто и соперников не существует. Будто я единственная созданная для Него. Все отражённые рефлексии начинают сочиться после, в голой пустыне побед. География не властна над природой). – Вам понравился десерт?

– Очень. Это даже нежелательно, чтобы всё было бы немедленно удачно, что мы начинаем – в поэзии либо в жизни. Что важнее? Мы никак не говорим о главном...

– О чём?

– Мой романтический ответ для самого себя: жизнь – это творчество. А какая ваша мечта?

– Не знаю... – (На ум приходили желания, я вязала их в невозможное высказать перед Вами, потому что с Вами они были связаны лишь отчасти, и от самой низменной, материальной. Но я ведь приехала воплотить дух, а об этом просят не у французского доцента русской литературы, и даже не у автора почти трёх романов, пяти сборников стихов и пятидесяти художественных публикаций, лишь бы сердце выдержало...) – Творчество – это мечта? Да. Я хотела бы пребывать в нём вечно. Но... как женщина...

– Вы были в Италии?

– Нет, не довелось.

(Я забыла, как хотела сказать, но... не стоит... я представила нашу свадьбу и вспомнила о таблетке, которую тоже надо принимать по часам).

– Сейчас я принесу карту, покажу Вам, где Вы обязательно должны посмотреть. И потому Вы обязаны долго жить, чтобы путешествовать и быть свободной. И счастливой, конечно, даже если Вы меня не любите. Я могу успешно оказать Вам помощь. – (Пьер ходил полусогнут, правой рукой держась за боковой бок. С такой же причёской, как у Параджанова, Мастер, действительно, выглядел романтично, хотя был похож на советского панка пятидесятых. И спортивные штаны Вы переодели, я заметила, эти были без дырок, и рубашку сменили, на свежую, белую). – Нужно издавать Ваш сборник – это прекрасная поэзия, целый мир вне всего временного, это классический голос и в то же время очень «модерн». Я люблю Вашу поэзию.

– (Чертовски приятно, когда в твоей жизни хоть раз звучат такие слова). – Я представляла Вас у каминного, внимательного, с моим сборником в руках. Володя ведь передал Вам?

– Да, именно так и было. Я читал Ваш сборник в моей даче на горах. Снег. Днём можно кататься на лыжах и вечером смотреть огонь и читать...

– Спасибо... – (Мне навсегда грезило туда. Я резко, натурно это понимала. Хотелось иногда сжать рот и заклепать пальцы). – «Более – это болезненно правдиво и красиво»? Да?

– Алгебра Абсолютной Любви. Я корабль из плоти у руля поломанного.

– *«Разбитого вдребезги*

Скорлупа ореховая

Кокон против скалы

Сумасшедший капитан»...

– А Вы, а ты... Это крик моего шёпота.

– (О, романская романтика и водка, не надо). – А можно я завтра поеду в музей?

– Можно ли Вам в музей? Вы спрашиваете меня?

– Да. – (Да, странно всё: если бы у меня были деньги, я бы не спрашивала, мягко оставив невидимых стражей у несуществующих ворот).

– Вам всё можно, всё, что Вы хотите, куда хотите, конечно, я смогу платить Вам, и немного кофе выпить, и погулять. Вы также должны посетить Bemberg, где была выставка у моего отца Рудольфа. Он был известным художником в Венгрии. Есть много художественных изданий о его деятельности. Я покажу Вам его работ на втором этаже. Я тоже был скульптор, как это по-русски – ваять? У меня были выставки... неплохие.

– Скульптор. Где?

– Женёва, в Париже, и здесь, недалеко, в городе Лаванн... в Канаде. Там живёт моя София. Мы можем поехать к ней, она обязательно Вас полюбит.

- София – Ваша младшая сестра? Это бронза?
- Воп... Всё будет прекрасно! Вы знаете произведения Проспер Мериме? Это интересно, несомненно. Он был единственный французский писатель...
- Да, конечно.
- Может быть, не единственный, но значительный, кто читал по-русски, знал русский язык и интересовался русской культурой... Всё это маленькие скульпторы – это моё. Сейчас я не работаю. Может быть, почитаем «Обыкновенную историю»? Я буду читать, а Вы будете мне исправлять.
- Что ж, урок домашнего чтения да под жареные бананы. Прошу Вас, Пётр Денисович, начинайте.
- «Ты уж лучше построй в горах хижину
- Хижину.
- хижину, ешь хлеб с водой и пой: Мне хижина убога/ С тобою будет рай...
- Ох, эта мне любовь в 20 лет! Вот уж презренная, так презренная, никуда не годится!»
- Годится.
- «Какая же, дядюшка, годится? в сорок?
- Я не знаю, какова любовь в сорок лет, а в тридцать девять...
- Как ваша?
- Пожалуй, как моя.
- Будто вы можете любить?
- Почему же нет? Разве я не человек? Или разве мне 80 лет? – (Я глядела на профессора русской литературы, как тёплый камень или волна. Было чудовищно хорошо и спокойно.) – Только если я люблю, то люблю разумно, помню себя».
- Помню себяаа – после согласных мягко надо, только звук.
- О, это мне плохо всегда удавалось. Я видел красивую молодую девушку, или женщину. Это то, что я расскажу, так это иллюстрация как стихийность, инстинкт работает, скорее. Я видел её, и я очень глубоко думал, что она мне нравится. И она начинала бросить все свои рубашки, и так далее, в магазине, понимаете? Она была красива как у животных. Есть мы, т.е., человеки, я скажу экспре...
- Во множественном.
- Да, но есть у Маяковского – «все мы человеки». Значит, у человека есть такие поведения.
- *Люди, люди, человеки*
Ах, на чём же вы стоите
На ковре? На парашете?
Или кончиках Юдифи?
- В моём «Государстве» есть такие строки.
- Я люблю Маяковского. У него присутствует ЭЛОНА – по-французски это «большой дух».
- Очаровательный.
- Да... Это тяжело немного. – (Пьер опустил глаза на страницу, и мне показалось, что сейчас упадёт слеза на кончик обрыва, но она не упала). – «Пётр Иванович молча писал». Прекрасно. И мне пора, пожалуй.
- Не расстраивайтесь! Вы большой, мудрый! Вдохновения Вам и Доброй ночи!
- И одинокий... Я не стану запира́ть двери, Вы можете утром заходить, когда Вы просыпаетесь, и делать, что Вы хотите. Я заметил, Вы перед всем пьёте кофе.
- Спасибо!
- Пожалуйста, пожалуйста... Добрая девочка...

ДЕНЬ 4

Кухня. Кофе. Завтрак. Toulouse

- Вы так капляете с утра.
- Как венгерский медведь.
- Как Вы спали?
- Без Вас плохо.
- Вы хотели, чтобы я спала с Вами?
- Конечно.
- Но Вы же понимаете, что я не буду спать с Вами?

– Почему?

– (неумолимый прелестник). – Вы же сами сказали, что я русская женщина, а русские женщины верные.

– О-о... да. Я, конечно, не буду насильничать Ваши чувства. Вы же абсолютно свободны. Но у меня такое впечатление сложилось... складывается, что Вы будто останавливаетесь на полпути... Воп... Что я буду есть?

– Вот брынза. Но Вы тоже не всё доводите до конца, например, перевод, который Вы хотели сделать и не завершили.

– Да, это надо кончить. И хлеб надо в...

– Я поставила уже.

– Да? Вы знаете как? Умная девушка. Какой перевод?

– Это оказалось несложным. Главное, не забыть хлеб, а уж дальше всё произойдет само собой. Не правда ли?.. Ваших стихов, которые по Вашей просьбе перевела моя подруга.

– Это только сложные вопросы, что Вы не умеете решить... А-а-а... да... помню что-то, Вы присылали мне из моего первого сборника.

– И я, по-Вашему, должна сесть к Вам на колени и говорить, как я Вас люблю?

– Да. Пророк я есть, воспевающий праздник глубокой мечты простирающегося коридора в глубине времени... земляной червь говорит: Пророк я! Воспевающий праздник глубокой мечты, простирающейся в коридоры в глубине чёрной земли.

– Всё это красиво, Пьер, и в то же время до ужаса смешно! Даже если представить... не знаю... – (Назад – это отступление, а оно уже невозможно) – то вы, сударь, мне... простите...

(Я вспомнила о трёх рюмках – сакральной дозе моей бабушки – маминной мамы, единственно которую я застала в детстве, о будничном вине, о прекратившемся в сорок лет шампанском, когда умер дедушка. Мне было всё равно, что от долгой и продолжительной, мне было грустно, что мы вообще не встретились. У меня не было дедушек. Т.е. они неизбежно были, но родилась я без дедушек. И до путешествия в Синий Хутор об этом не думала, потому как не страдала... И вдруг Вы...)

– Я, наверное, Вам тот, кто стоит за отцом, как это называется?

– (Мне было стыдно произнести вслух, и именно тогда я почувствовала, что родилась без дедушек и как, оказывается, за ними скучала). – А у Вас есть мечта?

– О! Много. Хочу: чтобы Вы писали прекрасные стихи! Хочу: чтобы Вы были счастливой! Хочу: чтобы никто не мог обижать Вас! Хочу: чтобы Вы могли свободно путешествовать, узнать мир, посмотреть прекрасные музеи в Париже, Лондоне, в Италии, в Испании и так дальше.

– Мечты сбываются!

– Кх.. Кх.. У-у-у... Я хотел быть взрослым – это получилось. Я хочу быть молодым – и это не получится уже никогда...

– Вы мой дедушка. Я люблю Вас, ценю, очень, как человека, как явление.

– (паясничая в седую улыбку) – Вы для меня очень ценный человек! Вы! И ещё те, двенадцать...

(Смеётся. Сами над собой. Сила радости – в смиренье.)

– Вы удивительная душа. Person. Как это передать? Я бы хотел поцеловать Вас тоже.

– Только в носик. – (Кривляюсь и прельщаюсь, что я могу себе это позволить, т.е. радость не имеет границ. Я улыбаюсь без времени, вне пространства...)

– У-у-у... это ужасно. Вы никак не полюбили меня ещё. Я буду ненавидеть Вас, и мне придётся покончить жизнь самоубийством. Я завтра же порежу – здесь... и здесь...

– Бу-у-у!! Мне пора испробовать Вашу трубку!

– Ха-ха!! Трубку курят только венгерские цыганки!

– А катают их по Монтеке только венгерские медведи!

– Избалованная девчонка! Вы очень быстро привыкаете к хорошему.

– А после прогулки нас ожидает единственная в уходящем сезоне экскурсия по главной достопримечательности Синего Хутора – этажу малоизвестного венгерского модерниста Рудольфа Денера. В частной коллекции сына художника собраны характерные скульптуры и живописные полотна мастера, неоднократно выстававлявшиеся в музеях Франции, Венгрии, Канады и других странах. Вы мне подарите несколько альбомов для отдела искусств, стараниями которого мы познакомились?

– Придётся. Я должен показать Вам ящики с классической русской музыкой. Всё это прекрасная музыка. Я думаю, Вам это будет интересно, тем более, что вы делаете так свои стихи.

– Замечательно! О-о! Коган. Ростропович. Кремер, мой любимый.

– Да. И Виктор Третьяков.

– Третьяков?

– Вы что не знаете?

– Угу. – (Я впервые подумала о доме, вернее, своего дома у меня не было, только сердце, где живёт мой дом). – Я очень люблю музыку. Всё отпущенное время хочется, чтобы она была рядом. И вот – (вдохнула полки) – она не покидает меня с самого рождения. Музыка заставила меня на свет явиться... поглядеть...

– Да, я знал очень хорошо одну прекрасную женщину. Это мои друзья из Брюсселя, я был там несколько раз... Её звали Ло-по-тош, это чисто венгерская фамилия. 85-го года примерно. Она недавно умерла.

– (Перед рассказом о человеческой судьбе захотелось снова выпить Вашей водки а ля). – 85-ти лет – правильно говорить. Когда Вы говорите 85-года, тогда получается, что она родилась в 1885 году... ухх...

– Да, примерно. Она во время войны в Венгрии была молодой коммунисткой, которая участвовала в подпольной работе. Она была арестована... её страшно... теро... истяззз... били и так далее... Со своими друзьями они создали между собой: если они попадут, значит... нельзя было ничего сказать, потому что они будут искать следов других... она ничего не сказала. Это было очень тяжело для неё и для всех. Маленькая группа выдержала это страшное дело, понимаете?

– Да.

– И потом их депортировали в Аушвиц. И странный парадокс – они прибыли в смертный лагерь очень позано, одним из последних транспортов, и благодаря этому они выжили. И другие, кто депортировали раньше, – это шесть миллионов жертв...

(Я подумала, что такие умы, как Пьер, тоже приближают войны как предчувствие...)

– Она и эта группа – три товарищей, три девочек... три девочки... они старались быть вместе всегда. У них было такое преимущество, что они говорили по-немецки. Это было важно как разница между ими и другими. В один день фашистская дирекция, СС и так далее... они сказали, что те, кто понимает по-немецки, могут выбрать: или остаться в Аушвиц или будет транспорт в Берлин, и там они могут работать в каком-то заводе или предприятии... И в самом деле, Аушвиц – это очень далеко от Берлин, это южная Украина практически. И они остались в Берлине, и она работала в каком-то предприятии, там были молодые рабочие немцы, девушки также. Они спрашивали – Кто вы такие? В таком страшном виде? Наверное, вы какие-то очень криминальные люди, если у вас такой вид. И они отвечали, что – Нет! Наше единственное преступление, что мы евреи... И были уже немецкие молодые девушки, кто разговаривал с ними, одна принесла кусочек хлеба, другая – кусочек что-то... Значит, была небольшая дружба. Однажды...

– (Я ещё выпила).

– Одна немецкая девушка, кто симпатизировала к ней, начинала петь без слов... интернациональ... И она ответила, значит, продолжила, и так они поняли, что они одного строя, скажем... И всё это, конечно... Был Берлин, был освобождена советской, русской армией, и потом были разные лагеря, и половина город был разгромлен, и шведская красная крест организовали разный лагерь, и она попала туда, и скоро были самолёты, чтобы можно было поехать в Венгрию. Вот такая судьба.

– Да. Путь в страдании.

– И значит они очутились в Будапеште.

– Я налью ещё немного? – (Хотелось выпить, и я, наконец, почувствовала, что спокойна).

– Конечно. Это был 46 год примерно. И она стала там секретарём, чтобы участвовать... там был суд преступников войны. И её роль была – это скоропись, чтобы записывать протокол. И она там участвовала, когда был процесс против Салаши, маленький венгерский Гитлер. Он был приговорён к смертной казни. И когда прибыла суд, задавали вопрос Салаши, есть ли у вас какая-то просьба, он ответил: Я голден. Ха-ха... И она была перед машиной, на столе был бутерброд для её ужина, она бросила это, дала половину этому самому важному человеку венгерского фашизма. Он был казнён, в самом деле.

– Да-а... судьбы-травы... судьбы-ветви... – (Хотелось закрыть глаза и писать что-то совсем неизвестное).

– Это была очень симпатичная женщина, я знал её в Брюсселе. И это очень интересно, она была старая женщина 85-го года... э... пяти лет... И всё-таки смотришь в её лицо и понимаешь, что когда она была молодой, она была очень красивой. Можно видеть эту красоту, даже если это старая женщина...

– Ммм... – (Увидеть бы Пьера в молодости, сказать ему то же самое, но постеснялась, проще пить и рассматривать альбом.)

– И ещё в Будапеште во время этих процессов очень быстро новая власть, и демократия, они знали всё, что такой-то такой-то был в фашистской партии. И они не арестовывали, они сказали, что если ты наблюдаешь другого, то ты можешь быть на свободе. Те они использовали одного против другого. И это было так

отвратительно, что она покинула Венгрию и приехала в Брюссель. У Вас такие... глаза... – (Пьер умел как в пропасть всмотреться, пристально так, с раскосой и улыбающейся чертовщинкой, убирающей возраст).

– Я вспомнила Интернационал.

– Да, Ростропович, Шостакович, и то, что Вы купили... *Le sacre du printemps*... – (На ежесубботней барахолке я выбрала две пластинки в коллекцию, Стравинского и Вагнера, и клоуна для беременной сестры, я всегда ей дарю шутов разных мест). – Я каждый вечер слушал что-то, и сейчас нет. Я читаю. Это прекрасное место, где читать.

– (Глубоко вдыхаю – чистоту). – Согласна.

Перед прогулкой слушали Блокадную симфонию. Мне показалось, наших композиторов Пьер тоже любит больше остальных. Господи, если мне когда-нибудь будет грустно, напомни мне об этой стене виниловых дисков, о ковриках ручной работы, о каное и кипарисе из окна, только моём...

– Да, я помню это в Одессе также... есть такая улица ближе к морю, там какие-то памятники бронзовые, и большая площадь с рестораном... Мы были в одном таком кофи... кафе... это называлось «Дети Абрахама». Всё было безвкусно, разговор, очень красивая блондинка и её подруга, какой-то француз, что путешествовал везде, он платил за всё вечер, может быть, коммерсант. И я спрашивал эту девушку – Вы русская? Или украинская? И она ответила: Я не русская, не украинская, я еврейка. Она сказала это с гордостью. Только было интересно, она была блондинка и совершенно русская по лицу. Понимаете?

– Да. А у Вас ведь была конференция на Французском бульваре, там, где я училась.

– Не помню. Помню только, была симпатичная женщина – преподавательница. У неё было смешное занятие – она хотела установить математически – кто-то имеет родители русские или украинские. И тот, кто имеет прадед русский или какая-то мать украинская, то кто он, русский или украинский? Она хотела найти корни, что значит быть украинской. Ха-ха. Она была преподавательница в университете, понимаете? И симпатичная!

– Более чем. Мой курс попал пятой грядой в эту гребёнку. Да и я помешанная, так сказать...

– Вы так загадочно говорите. Это можно только любоваться.

– Русским филологам пытались читать историю государства на украинском языке – мы просто вставали и покидали лекцию. Да я из-за этого в аспирантуру не попала – сократили места на русской кафедре. Моя научная руководительница предложила мне вначале занять место лаборанта на украинской кафедре, и через время перевестись на мою родную теорию, но я тогда была слишком горда и только жалобно усмехнулась.

– Не было компромисса?

– К счастью, я верна в таких вопросах до сих пор, как Вы могли уже заметить. Но я не жалею. Науке, как и творчеству, надо посвящать жизнь.

– Но это как во время Второй мировой войны повсюду в Европе была расистская теория. Если у тебя отец, и дед, прадед и так далее – арии, то тогда ты... как сказать...

– Тогда ты хорош.

– Да-а... В Венгрии был тот, кто был самый настоящий... э... он участвовал в истреблении евреев, и коммунистов. И в один прекрасный день кто-то открыл, что его прадед был евреем. Ха-ха, не знаю, что он думал... Знаю, что после освобождения он был всё-таки перед судом. В одно утро... он в одно утро узнает, что он наполовину, на четверть...ха-ха...

– Что он плох.

– Да, был там ещё такой вечер песен, маленький парк. Пел какой-то певец, у него был хороший голос, и он пел таким не бас... не баритон... баритонский бас, что ли, или басский баритон, и технически хороший, но немножко, как во Франции, *chanson*...

– Не понравилось?

– Нет, это было гримаснично, несимпатично. У него были такие жестикюляции!..

– Это Одесса, милый товарищ, или то, что от неё осталось, как говорят старожилы...

– Китч, понимаете... Хорошо, была столовая к порту, я часто ел там. Эта пицца, как очень давно, когда я был студентом в Свердловске. Плохого качества картошка, мясо... всё это... и в парке были такие, как в сталинское время, героические позы, соцреализм...

– Вы же символический защитник советской пропаганды, откуда ирония?

– Все гуляли, женщины и мужчины, жизнь была в максимальном градусе, вот что...

– (Я взяла себя за скулы и представила, что я экспонат, забытый в музее). – У Вас нет номера дома, нет ворот, ваща улица переводится, как в сказке, – СИНИЙ ХУТОР, Вы живёте на много сотен километров один... Садовник, уборщица, сосед с пчёлами и почтальон?

– Они приходят раз в неделю, или в месяц. От уборщицы страшный нечистота всё что покрывает, очень плохо работает, как это, пыль, ужасный беспорядок. И во мне так – всё материальное на виду... Ни один профессиональный вор не забредёт сюда.

– И случайный тоже. – (Смеётся. Бессловесное понимание Порядка и суть одиночество – Беспорядок.)

– Кроме Вас, мой дом никого не привлекает. Угощайтесь, фиги, два сорта, маленькая слаще.

– Мне показалось, большая... В Крыму это инжир.

– Что, простите?

– Инжир.

– Я не знаю такого слова. Как это по-французски?

– Фига, Пьер, фи́га, маленькая и большая, ни фи́га и до фи́га, ха-ха...

– Ха-ха, мои друзья, Этьенн и Лоранн, перед тем как ехать в другую страну, всегда прежде учат язык!

Вы должны учить язык.

– Водить машину, любить Вас, сделать французский паспорт, читать наизусть «Бориса Годунова», стать израильской подданной, что ещё?!

– Это я надругал Вас по-отечески, что Вы не разговариваете на французском, и Вы должны ответить: Клянусь!

– Хорошо. Я попробую. – (Я вспомнила своё самоучение, и всегда при этом как луч появляется мама, которая пыталась обучать меня французскому с детства. Папа тоже пытался выучить его сам, но мама, изучавшая его в том самом университете, где я училась, и Пьер читал лекцию, только посмеивалась над нами. Я подумала, как это, должно быть, приятно говорить еврею о своих любимых писателях в русском заведении...).

Первая прогулка по Тулузе. Matabiau, J'eanne d'Ark, Rue de Metz, Лотрек, Гюго, Боннар, даже Лукас Крапах младший, как светоч узкого угла, я была приятно удивлена и неизбежно зафоткала, хотя было нельзя, но я сделала вид, что не знала. На русских все, конечно, смотрят как на странных, особенно, когда у них что-то не получается... Но сами они такие же, милые и чудные, добрые и красивые. Володя, конечно, относится ко всему этому, как к розовой пудре, как я, например, отношусь к Одессе, как к захлопнутой на китайский замок жемчужине... Но мы там и здесь, и нам иногда хорошо. Выбранные чутьём маршруты. Полная Сила жеста. Маленькие неизвестные рисунки великих, собранные именно здесь. Два часа – и ты на клочке родины Лотрека. Прекрасное одиночество. Я обожаю проводить время в пустых залах музеев. Хотела поделиться, попробовала звонить домой, сердцу, ну всё, финиш, начала нервничать. Успела прошлое забыть и только радовалась.

« – Алло, диспетчер!

– Алло, диспетчерская!

– Алло, диспетчер!

– Алло, диспетчерская!...»

Боже, только не запой!.....

Вы ждёте меня на вокзале, задержки поездов заполняя диалогом Жанны, ведь она была одна... по-настоящему.

– Вы потратили 60 евро? Я могу кушать неделю, чтоб Вы понимали...

– Да, простите.

(Дорога – 4, Galouases – 6, Augustins – 4 + Караваджо – 12, туалет – 1, кофе-булочка – 6, альбом Кандинского – 10, «у меня всё в порядке» по интернету – 5).

– Хотя в чужой стране я тоже ничего не понимаю в растратах. И вообще не люблю считать... Да, я понимаю. Это приятно, Бог посылает мне какие-то доллары.

(Придётся день провести на мелочи, рассыпанной по дому).

– Это всё бронза. Но если Вы хотите фотографировать маленькие скульпторы, во-первых, надо взять какую-то тряпку и хорошо чистить. Тут есть страшный беспорядок, то что сор, нечистота покрывает...

– Это приятная пыль.

– Нет. Вы не можете фотографировать, где есть такой слой.

– Слушаюсь. А как дверь открыть?

– Vi? Как? Разве это закрыто? Открыто? Да? Нет? Я даже не знаю, где ключ.

– Да, ключ здесь, внутри. Нет...

– Тогда надо немного энергичности. Попробуйте. Каждый ключ – это свой тайна, секрет. Ох, всё надо

чистить, потому как так нет, как сказать, не отражает свет, у меня была где-то на кухне щётка. Вот! – (Пьер по-мужицки толкнул плечом дверь). – Всё открыто.

– Merci.

Второй этаж был посвящён отцу. Я попала в запасник, брала причудливые скульптуры, передвигала картины, милый *impressione*, видела себя в стекле маленькой Софи. Зброшенный в полях остров, и мне так отчаянно предлагают стать у руля, сесть, лечь. Вы собрались жить до ста, Вы хотите, чтобы я предвела Вас в Вечность, Вы так добры, покупая мне красную рыбу вместо мяса, и так интересны, рассказывая о себе, легко, по-юношески преподнося свой взгляд на ВСЁ; но я никогда не предаю главное – сердце. Это единственная правда, которую надо искать в каждом, хранить во всём. И если мы честны, мы совпадём в главном – понимании и благословении друг друга...

ДЕНЬ 5

Гостиная-патефон. Сиеста. Вокруг книги, скульптуры, букеты, маски, камни, журналы, вообще, много всего скопилось...

– Давно хотел Вас спросить: как Вы относитесь к Победе?

– Пьер!..

Я рассматривала деревянные маски, и вспомнился Сон: сидим на скамейке, на голову свешиваются ветки с маленькими зелёными бананчиками. Вы срываете их, двумя пальцами одной руки, очищаете и даёте мне. А другой рукой колете орешки, кладёте на колено две половинки и одну берёте в рот, а вторую на колене подставляете мне.

– Ну в том смысле, что победа для всех была большим счастьем. И для венгр тоже. Русские... как вспомнить чин... как офицеры высшего града... освободили наших семей из лагеря. Если бы победа не пришла, мой отец остался бы там навсегда, он не смог бы выжить.

– (Киваю правде, чувствуя сопричастность победоносным, и торжественности из ниоткуда).

– И ведь эту победу принесли коммунисты.

– (Смотрю в пустые глазницы идола). – Они фальшивые?

– Да.

– Пьер! Победу принёс русский, или как Вы славно попомнили, советский народ. Весь, без корней, цветов, исповеданья. И не надо... – (Чувствую, завожусь, как соломенная тележка на косогоре).

– Но ведь они победили, потому что вначале были коммунистами.

– (Матушка, сохрани! тихо ору по слога). – Они победили, дорогой мой герой из неописанной пока пьесы, потому что они были людьми, которые в силу чужих обстоятельств вынуждены были защищать свою семью и свою родину от рабства. А коммунисты ваши... наши – (где этот французский спирт) – как шагали, шатаясь, так и сделали, и всё заметьте, плохое, на что вообще способен нездоровый, гнилой человек. СТОЛЬКО людей по-человечески потерять. Из-за чего? Как Вы думаете? – (Когда я начинаю сильно нервничать, я вспоминаю одну бабушку моей подружки детства, которая сидя в кресле, не переставая качалась. Я любила наблюдать за ней... так же, не прерываясь).

– Ну, в Европе тоже были очень много потери, 20 миллионов евреев – только в Венгрии.

– А у нас весь измученный переменами народ, и не потому что его прозвали советским, а потому как если кто поднимет руку на мать мою, я её опущу любым способом, и неважно, что моя жила из другого русла, важно, что я знаю, что защищать, а не кто я?

– Оох, какая вы антикоммунистка!.. Я согласен, конечно, Сталин сделал много ошибок в начальной идее. Но ведь Вы согласны, что во время войны все стали на его сторону, и остальные, эти власовцы, были враги?

– Да, конечно, я с этим согласна. Вы всегда обо всём благородно говорите и Вы правы! И во время великой войны – да. Но изначально, извольте уж поверить, они уничтожили всё самое лучшее, что было у этого скорбного народа, как оказалось потом, и небедного вовсе.

– Ну что Вы? Вы же читали классику, все эти усталые дворянские гнезда...

– Пьер! Вы живёте в 19 и в 21 веке. Я сейчас запою. И мы не косим по Тургеневским косам, но зачем же выкосить всех тоской равных. Неужели радость можно передать по часам? Изничтожить, т.е.? Да всех моих любимых людей – жемчужин в То время либо изгнали, либо сгноили, либо испачкали. Остальные уставшие жили за нечистой пеленой двойного стекла.

– О-о-х! Так всё сложно! Вы утверждаете, что весь народ жил в заблуждении?

– Да!.. Да. Я повторяю Вам ещё раз, я утверждаю, что мой любимый народ обворовали, избили и выгнали. Понимаете? Великое государство, как свежее мясо, жадно разорвали по кускам. Поймите духом: высочайшие, величайшие, благороднейшие люди либо погибли, либо уехали, либо просто захлопнули рот, как душу завернули в калейдоскоп через тряпочку. А приготовленная обманом и кровью долговаримая масса стала жить новой некрасивой жизнью. Семена палили да руки дающих рубили. От этого, извините, пострадали Все.

– Вы будто знаете нужные документы.

Я посмотрела вокруг, обошла этажи, смахнула пыль с венгерского коврика. Я такой же отброшенный веками потомок, который тоскует по своей Земле, своём Доме, и, конечно, мне близко Всё, что Вы предлагаете...

– Пьер, у нас давно уже все знают, как коварно и жестоко вершились перемены, и как просчитано, и как космато правила Бытия доведены до безумия, до саморазрушения... Это в крови, это память. И лучше со мной вообще об этом не говорить, особенно за завтраком, пожалуйста... Я всего лишь русская женщина, которая хочет семьи, жизни, которая никому не помешает, только поможет, и у меня нет времени на ваших коммунистов! – (Ещё когда я нервничаю, я начинаю повышать тон).

– Но ведь Ленин...

– Это уж слишком!! Пьер!! – (кричу) – Вы больны, Вы также затуманены, как те, давние, советские, несчастные.

– Я коммунист!

(О Боже! Бегу! О! Покормить кошек! Перекуривая под инжиром, я рассмеялась и пожалела, конечно, что сорвалась на фальцет, вплоть до постукивания кулачком по правой лобной. Вернулась. Каюсь.)

– Это даже много, что Вы даёте кошкам. Они не будут понимать, почему они получают так много сегодня.

– А у нас День Победы!

– Благодаря Вашей...

– А я не бросаю целый кусок, как Вы, они тогда начинают драться.

– Они животные, должны сами добывать себе пищу. Вокруг лес, живность разная, они должны быть охотниками.

– Но Вы же их приютили, подкармливаете. Надо делить поровну.

– Да. – (Смеётся). – Это демократическое равенство кошек.

– Вы хотите испортить мне аппетит?

– О-го-го, простите, я буду стараться, молчать такие темы, но Вы такая образованная, симпатичная девушка, и с таким плохим мировоззрением.

(Да, лучше мне помолчать, успокоиться...)

– Я жил в то время, мне было 20 лет, и я только с радостью вспоминаю.

– Молодость всегда и везде хороша. – (Ох, надо выпить). – Простите, я не должна кричать. Это, как минимум, глупо... здесь... сейчас... И некрасиво.

– Нет, нет, спор – это хорошо. Хорошо. Воп... Скоро мы будем драться.

– (Какое чудо всё же, что людям присуща улыбка). – А почему Вы не закончили университет, расскажите.

– Это был фильм, который все обязательно должны были смотреть. И это было так пафосно и ужасно, что я встал и на весь зал крикнул: Это же китч!!!

– Ха!

– После этого меня попросили уезжать за два дня, обратно в Венгрию.

– Скажите спасибо, что Вы венгр, очутившийся вдали от столицы, иначе бы Вы сразу поняли, кто есть такие наши чины низшего града. А, знаю теперь, Вас спасла любовь к русской литературе.

– Ох, дерзкая какая девочка... женщина... девушка...

– Вы ведь отстаивали её во Франции по оригиналам – это прекрасное достижение. Вы, кстати, на русском преподавали? – (О, успокаиваюсь. Общее сильно и спасительно, тем более близкое по крови, как по воде или по дереву...)

– Как горят у Вас глаза! О Боже. Вы ещё и контрреволюционерка.

– Ах! Пьер! – (теперь буду до конца вечера улыбаться или гримасничать...)

– Нет, был участок русской литературы и языка. Это было очень маленькое отделение во всём университете. Был один профессор для русского, один для польского, даже сейчас... Но я работал – это было отделение сравнительной литературы.

– Я ещё и верующая, Пётр. Не падайте духом.

– Merd!

– А что Вы ругаетесь, милостивый!? Судя по Вашей жизни, Вы ничего не сделали против совести, а ведь это и есть настоящее, подлинное искусство. Многие живут по Богу, не задумываясь, и даже, как Вы, отрицают его.

– Да, у меня был такой случай с моим другом, он тоже ярый атеист. Сидели как-то, как с Вами, за этим же столом, на скамейка, под Ваш любимый можжевельник, это было лето, мы почти обнажались и наслаждались звёздами, и он сказал: Слава Богу, что нет Бога... Мы так смеялись. Я угощу Вас его любимым вином и обязательно приготовлю лечо по-венгерски. С колбасой, которую любят мои кошки.

– Прекрасно! Венгерское лечо, приготовленное самим Мастером, – это настоящий праздник! Вы так смешите меня. А по-нашему выходит, Вы – Петя?

– Да, Я Петя, как камень, примерно, или как камешек, люблю Вашу поэзию и очень, когда Вы кричите.

– Да, салями – тоже колбаса. – (Невероятная смесь истории, уединения и судьбы). – У Вас такой большой дом, почему Вы не заведёте собаку?

– Это скорбная история. Когда-то моя собака любила пожирать куриц у соседа. Каждый вечер из её уст, как сказать?

– Губ, не знаю, что у собак, рот – это пасть, а губы...

– Так вот, из рот моей собаки торчали перья этих его многих куриц. Мы долго ругались, я уже готов был платить ему за каждую ушедшую курицу, но он всё же не выдержал и отравил мою собаку... С тех пор, увы, – только кошки. Кстати, Вы не видели маленького? Когда Вы не приехали, их было три, трое. Боюсь, что его кто-то съел. Надо посмотреть.

Я обошла с фонарём все уголья, и кроме красного трактора меня никто не побеспокоил. Лишь ночью на крыше скрежет, потом стук, за стеной, я взглянула на афишу Шагала у двери, придвинула стол к окну, вооружилась коллекцией подозрных труб, оказалось, барсуки, или кто, но в этом внезапном нападении я почувствовала, насколько заперта и одинока. Сырой страх очерчивал дрему, и когда всё утихло, я заблудилась первым письмом:

Многоуважаемая П. С...

В октябре 2001 я был в Одессе...

Я ознакомился с каталогом в библиотеке, где Вы...

У меня было всего полчаса для работы, которая...

Вы мне очень помогли... тогда...

Я готовлю издаваться маленький сборник...

Путешествие. Для этой цели...

Каталога. Не могли бы Вы...

Текстом. А также вызов...

Писателей и поэтов. Шевченка, Кулиша...

Тычина, Гончар...

Я мог бы...

Вам бы понравилось...

...

(Мне нравится.)

ДЕНЬ 6

Утро. Беседы на кухне

Комната, где я спала, была идеальна. Головой в резное окно и мою поляну с можжевельником. Со второго этажа, как из настоящего замка, виднелся утренний табурет под грушей, листья впечатлений становятся листвой, скамья, где мы по вечерам всё хотим почитать Пушкина, едим фрукты, заговариваемся, и уже темнеет, и пора перебираться на кухню. А небо такое звёздное, такое свежее и большое, что спать бы здесь до утра, но... эти мелкие твари так незаметно искушали меня в паху, и на животе... А дальше – дальше – лес, горы... Один из самых прекрасных пейзажей из окна моей случайной спальни. Я вспомнила стену-перегородку между домом, где я жила в Петербурге, и Летним садом – напротив.

Из окна – крыши с трубами, с которыми я дружила, а за ними – стена до самого неба. И ты смотришь сквозь неё, например, утром, и пьёшь чай на скамье, как месье Пушкин... А перед кроватью стояла моя гордость, мой щит у дверей, страж земли нашей предвечной – афиша Шагала под стеклом одной из выставок, на которой был отец Пьера – Рудольф, а, возможно, и Пьер был на ней в детстве... Под кроватью лежал солидный набор подозрных труб, и я подумала, если бы мой папа увидел его, я даже представила, что бы он стал говорить... по привычке...

- Доброе утро, венгерский медведь.
- Доброе утро, венгерская цыганка. Не было такого уже шума?
- Нет. Видимо, из-за дождя.
- Они потому что боятся Вас.
- А вчера не боялись? Я им стучала.
- Ещё не поняли, что Вы опасны.
- Они тоже коммунисты?
- Нет. Хуже.
- О-о! Разве может быть ещё хуже?!
- Они хуже, потому что они мыши.
- Хуже только блохи и анархисты.
- Я коммунист, значит, Вы должны меня ненавидеть.

(Таак. Послушаем Шостаковича. Кофе, Лё Блю. Хорошо и радостно, когда чувствуешь себя наследником культуры, не зависимой от часов и правления, и травления. В этом мы похожи. Мёд. Все виды перца, купленные специально для меня...) – А пчёл нет – их забрали?

– Я даже не видел. Я разрешил приходить в любое время, потому как... что... поэтому мы можем долго не видаться... Воп... Берите лук вот, белый. Это для Вас.

- Спасибо! Большое.
- А jamais?
- Не знаю.
- Научитесь, пожалуйста, отвечать на французском. Это больно для глаз – о чём Вы думаете?
- (Наверное, все мужчины могут взять луковичу, разрезать её на четыре части и спокойно съесть на глазах у любимой целую лопасть). – Когда плачу от лука?
- Да, что Вы вспоминаете сразу?
- (О, бабушка воспрял! Я никогда не думала об этом). – У меня нет никаких мыслей, кроме воды, – скорее охладить боль.
- Первая сцена «Бориса Годунова»? Там народ, чтобы плакать...
- А, о народе я думаю. Слюнявя глаза... Да... Сильно.
- Э-э, Вы недостаточно знаете «Бориса Годунова». Это очень важная сцена!
- Пьер! Вы, действительно, похожи на преподавателя.
- Есть такие правила – то, что не знаешь хорошо, нельзя критиковать. Надо сначала знать, понимать, а потом критиковать.
- С красной строки как с белого лука... – (Я вознесла к носу один лепесток).
- Наконец-то, Вы согласны. У-ух, каждое утро надо selectionner таблетки, как сказать, это очень сложная задача...

Вы стали вдруг взрослым, старым, серьёзным, и, наверное, как дед, сказали:

– Ну хорошо. Вы не любите меня. Но чего бы Вы хотели больше всего? У Вас есть мечта хоть какое-нибудь?

Я вспомнила себя у Гроба Господня и снова подумала о доме. Но вот он, Дом, уже есть, здесь, преде тобя. Я подумала о Боге. Потому как должна была ответить, как перед казнью. Ваша Жанна в венгерской тунике. Сейчас. Я мысленно передала привет своей подруге, которая помогла мне очутиться преде Вас. Её звали Анной. Но отпустите меня к моим берегам. Я обожаю инжир и стул в лесу, картины всех веков и белёсую бороду. Но у меня своя река и память о каноэ. Я возьму лишь автограф и розовый камень с Garonne. Я молча жевала... Звучал Третьяков...

Однажды у меня – таки переполнилась память в фотоаппарате, и я попросила Пьера сбросить информацию куда-нибудь. У него в спальне – маленькой каморке под крышей – помещалась кровать и письменный стол с ноутбуком и письмами. Пьер каждую ночь писал письма, и на прогулке мы заезжали на почту купить марок и отправить новые. На лампе висело и моё письмо с севера, я узнала по почерку,

но прочитала, как не своё, о безымянном острове и далёких сутробах. В кабинете также стоял компьютер, и рабочий стол занимал полкомнаты, в остальной росли и старели бумаги, издательства, стихи. Но цивилизация здесь оказалась нерабочей... Я позвонила Володе (ему всё-таки было приятно, что труды по состыковке меня с Пьером увенчались тугим, почти свинцовым успехом), в точке переполнения, и он сказал: «Ну, не знаю... Ну, подойди к студентам в библиотеке, где мы встретились, возле вокзала, они сидят там, занимаются своим, помнишь?».

Конечно, помню. Когда-то я работала в библиотеке, где мы красиво всё же познакомились, и она отличалась от тулузской замкнутостью территорий. Каждая дверь со своим ключом, а в этой все пространства изнутри открыты. Вопрос, похоже, градостроительный. Тулуза, как и вся Европа, мала, и преграждать внутреннее ощущение не имеет смысла. Я представила свой язык жестов ещё и со студентами и решила удалить видео с Машинной пьяной исповедью. И записала исповедь Пьера, мотивировав это кощунство тем, что с Машей я ещё увижусь и смогу повторить то же самое в принципе с тем же количеством того же самого, а с Пьером, я, похоже, не увижусь больше никогда... Хотя, всё порой случается наоборот...

Свой мёд – Ваш мёд.

Моя комната – Ваш дом.

Не мой город – Ваш Хутор.

Мой мужчина – Мой дедушка.

– Моё?.. Не знаю. Писать.

– Вы пишете. Это прекрасно. Я чувствую принадлежать Вашему поэтическому миру. Вы должны писать, Вы должны издавать. Я мог бы Вам помочь, если позволите...

– Спасибо. Это благородно!

– Это важно иметь сборники везде. Не знаю, можно ли перевести Ваши стихи на французский, это было бы очень сложно. У Вас такая богатая рифма... Да, но можно по-русскому. У Вас в Украина или в Петербурге тоже. В Париже есть русская газета: «Русская мысль». Если Вы разрешите, могу послать им Ваши стихи. Я немножко скептик, они слишком консервативные. Для Вашей поэзии авангарда они будут смотреть как бы она была по-китайски. Всё-таки, почему не попробовать?..

– Можно, конечно, буду рада. – (Покатило какой-то волной какой-то эмиграции.)

– После издания Ваших стих надо сделать всё возможное, чтобы Вы читали публично, и даже то, что невозможно! Я знал когда-то очень давно директора Института Мировой литературы, Михаила Павловича Алексева, он был великий ученый, знаток русской литературы в западных странах. Мне кажется, что он был из Одессы... Он, наверное, давно умер, это было уже лет 50 или 40 назад...

– Да, я хотела бы там жить...

– Так что же мешает? У меня было много польских друзей в начало, когда мы убежали из Венгрии, недалеко от Парижа, маленькое место, там были такие новые дома.

– Коробки.

– Они по всему миру есть такие. И наши соседи были поляки. Я не мог работать как преподаватель, потому что я был беженец. Scol... в школа я был тот, кто просто наблюдает детей во время пятиминутной перемены. Там была очень красивая девушка полячка Александра, и это также была семья, которая уехала из Польши от режима. Я понял, что это была дворянская старая семья. Я был очень влюблён. И потом однажды... Была компания, и был там молодой человек семнадцатого года...

– Семнадцати лет.

– И вот однажды она сказала, что ты не так себя представляешь. Потому что он спрашивал своего отца, который работал в какой-то городской полиции, – кто я? как я? И отец дал мнение, что я в Венгрии был левым коммунистом и так далее. Выходило, что в охранке всё известно. Это самое большое полицейское государство мира, если где-то ты есть тайно. Органы всегда знают, где ты. Мы авес Марико поэтому уехали из Будапешта, потому что поняли, что наша жизнь в опасности. 56 год – это была интервенция Советского Союза, оккупация. Я считаю, что 45 год – это было освобождение вопреки сталинизму. Они освободили, и в 56-м они заняли, так сказать. Значит, мы уехали. Воп... Три дня позже мы очутились Vienne, Австрия.

– Вена.

– Первым делом я пошёл во французское консульство, сказал, кто я, что мы хотим ехать в Париж, потому что я родился в Париже, у нас там есть дядя и родственники по матер..ской.. материнской линии, и секретарь что-то нам сказал – он всё знал насчёт меня. Там был импровизированный лагерь для венгров, потому что было почти сто тысяч венгров, которые побежали на Австрию, и даже больше. Он всё знал. Там были люди, молодые, можно сказать фашисты, потому что во время 56-го года первым делом,

что те, кто были на улице... Они открыли культурно, всё было в самом деле смешано. В тюрьме были и жертвы режима, как многие думали, но были и просто бандиты... И когда мы были в Вене, мы поняли, что эти молодые люди могли убить своих других людей... Они сказали нам: вы это и это, у вас есть дядя в Париже. Но они дали мне 400 шиллингов, какую-то гостиницу, в любой следующий день они делали билеты для самолёта. Это было интересно... Да, у вас есть oncle, вы вроде работали в университете, есть тут красивый город... Лавелье... Там они организовали такой временный дом для венгерских юношей, кто бежали, может быть, из тюрьмы. Марико и я, мы работали как школьные надзиратели. И один молодой человек рассказывает другому: У нас был такой профессор латинского языка, мы его не любили, и в один хороший день мы его пустили в колодец.

– Колодец.

– И они разговаривали так спокойно об этом, ха-ха, своих опытах. И тогда я понял, что это молодые, кто убежал из закрытого места.

– Колония?

– Да, был такой русский писатель, Макаренко, кто писал о таких явлениях. Это было начало, чтоб Вы поняли, что есть беженцы.

– Да... Как будто ещё не родилась...

– 56-й год в Венгрии – это трагично, есть много противоречий. Восстание против этих вещей морально, но в то же время там были и националистические элементы, и даже уголовные, и были левые... страшная путаница. Во Франции мы поняли, что есть правая, очень правая, почти фашистская политика. Эти молодые люди будто сказали нам, что мы герои, потому что мы бежали. В Париже на стенах повсюду была надпись белым мелом: Будапешт! Будапешт! Сначала мы думали – прекрасно, все наши празднуют, но очень быстро поняли, что это почти фашистская сторона. А сейчас я думаю, что время исторической эпохи – это мы в начале III мировой войны. Что Вы думаете о режиме?

– Пьер! Вы решили украсть или украсить расставание?

– А что эти девочки в храме – оппозиция? Я читал, они были заключены в тюрьму, в страшных условиях.

– Какая оппозиция? Какие условия страшные? Пьер, это игра предрассудков. Грязная акция.

– Почему грязная?

– Они осквернили храм. У нас же нет института духовной полиции.

– Вообще, если бы Вы были в Москве, Вы бы голосовали за Путина.

– Я нигде никогда не голосую. Это бесполезный, ненасытный спрут. Всё, что я могу, – это написать слово. Вам, как писателю, должна быть близка такая позиция.

– Государство – это я? Да, политика – это соревнование людей, которые хотят власти. Это похоже и во Франции.

– С другой стороны Вы же знаете, бунт в России опасен. Дай Бог удержать, а Вы говорите... Только бы не было войны.

– Да, хуже, чем некий режим фашист, – только все эти административные дела. Это отвратительно! Надо представить кучу документов: кто я? кто Вы? Почему я Вас приглашаю? и так далее... Франция не есть демократическая страна! Это личное дело, что они контролируют. Но я не капитулирую... Да... да... милая Ира... Фатальный круговорот всех событий. – (Улыбается в грустную от разлуки бороду, которую хочется пушисто погладить. Но Вы не мой дедушка. И мы будем гулять и читать, собирать шишки, кататься на пижо и философствовать у душа, но я не останусь с Вами). – Я ещё буду жить. Я люблю Вас, и хотел бы, чтобы Вы остались, я могу спрятать Вас в шкафу.

– О-о! С подозрительной трубой под кроватью и афишей Шагала над – почти не страшно. А если перевернуть каню... каждой твари...

– Мне нужно жениться на Вас! Я смогу тогда во всём оказать Вам помощь. Вы будете так иметь французское гражданство, французский паспорт, и можете путешествовать свободно. Я родился в Париже, но я венгр, мой родной язык – венгерский. Мой отец был художником, моя мать – швейей. Она очень гордилась своим мастерством и тем, что она работала в Париже.

Я перенеслась в заброшенное помещение на первом этаже, где затишно царил склад Двадцатого Века, унесла на память графит, купленный в Париже в 21 году... чудесный графит... прелесть...

– Я подумаю... обещаю...

– Но Вы замкнута. Пожалуйста, будьте более активной. Вы не дали ключ к Вашей личности, Вы будто бы ранены и легко осторожны. Я другой, может быть, что Вы права... Я думаю, это лучше жить опасно, не падать себя. Вы должны помнить сказку Вашего предка Салтыкова-Щедрина о рыбе карасе: она боится

всего. Но я не лишний человек и не карасик. Скорее... История любви с опозданием... Дон Кишот. Буду страдать молча... Счастья тому счастливому, с которым Вы не одна... прекрасное выражение. Слушайте старика: любовь всегда должна идти в единстве с почтением другого или другой. Любовь без почёта – это существует у всех животных. Это только люди сделали огромное открытие: Любовь и Почёт другого!.. Вы не хотите только из вежливости – это правда?

– Я мою посуду.

– У Вас хорошая душа. Вы настоящая красавица малой России.

– В фартуке и с французской булкой?

Я повязала, как юбку, Пьеров венгерский платок. Всё было и хорошо, и неудобно, потеря, всё во всём, во всякой мелочи, в каждом столкновении, звуке...

Я обещала подумать. Внучка... Отбродившая по русским полкам... И это я, конечно, я, воодушевлена, мне всё нравится, и мастерская, и дерюги самотканые, и диски европейские, и маски ненастоящие, из Швейцарии, висят...

Мы не успели попрощаться, Вы заснули, пока я собиралась, не те светофоры, и павлины по солнцу через дорогу, и билета нет – ПОЧЕМУ? – и мне указывают пальцем на открытый вагон... это секунда смерти, стоячая натянутая тетива... и я с рюкзаком, сумкой, пакетом с альбомами влетаю к Вам не обернувшись в этот тишайший поезд, впервые на заплатив, но я отчаянно готова была на пальцах объяснить, почему... Я хотела что-то украсть, но у меня проверили лишь коробочку из-под икры с Вашим сыром и тряпочкой от скульптурной пыли, которая выскочила при детальном осмотре, как чёртик из табакерки... Поля, Поль, Пиреней, я увлеклась и опоздала на границу и забыла всё, кроме русского... Я держалась за горло и не могла объяснить, почему я не должна здесь остаться, почему?.. Мой русский слепил глаза, мне писали на бумаге четыре цифры – время должное и время фактическое, но без правил, как-то по-французски всё же пропустили... как фатальный авторский знак... Тонкие всё же существа – птицы! Так глубоко и неспешно пересекают они не остановимую течением эпох трассу. Перья, колья, отметины Души... Теперь я смотрю – над... и... каждой весной... утром... оказываюсь рядом... Дон День День будет страдать молча. Воп.....!

P.S...

Посвящается PTR
DNR

ФРАНЦУЗСКАЯ ТЕТРАДЬ

Венгерская цыганка курит трубку

Груша падает медленно в саду

Время и спугнувшейся козулей

Исчезает... Ореховый лист летит на кося

Вступает прибой

И ворошится камом

Лепет венгерской цыганки

Шёпот: А кто Вы такой?

Смелый, смешной, великий

Кто Вы – по самому дну

Так первоначально юлите

Как прибегаю к холсту

Верьте, на душах цыганки

Копоть утери жжёт

Весь кипарис судачит

Весь Монтегье поёт

И она вытягивает зубы

По старой привычке

Во сне гуляя

На инструменте обычном

Блокадное рондо

*Необычно играя
Переспаривая наблевшее
Возраста пограничник
Под французским магазином
Почти что хищник
Как будто для стиха
Необходима драка
Для сиденья – стул
Для стула – ...*

ДЖЕНИМА

«Что такое ДжеНиМа? Только встолох, только сочетание звука и тела – и в то же время активный лит. проект трех очень разных и очень близких авторов. Три женщины, три поэтических реки, три представления “о времени и о себе”. Три проекции. ДжеНиМа – это и Алексей Турбин, ушедший в литературу, и Родион Раскольников, отложивший топор. Тезиса, собственно, два – “худой мир лучше доброй ссоры” (отсюда пацифизм) и “слово не оружие, но совесть” (отсюда “тяжесть лиры”). Таким видит проект Джен. Как его видят Ника и Марина, как-нибудь расскажут они сами. Если захотят», – Евгения Джен Баранова.

«ДжеНиМа для меня – три ракурса женской ипостаси. Триада богинь – Артемида, Афродита и Афина, три Мойры – хранительницы и вершительницы судеб, три грозных сестры – Эвриала, Медуса и Сфено. Все разные – и слогом, и пониманием, и звучанием. И в то же время триада создаёт гармонию, безупречное равновесие. Ло-ли-та... Дже-ни-ма!», – Ника Батхен.

«Главное, чего я жду от нас – это не дать нам, в первую очередь (ну и тем, кто этого не хочет вместе с нами) превратиться в представителей депрессивно-захолустного региончика огромной страны, со свойственным таким углам ограниченным примитивно-патриотично-восторженно-мещанским мышлением и “творчеством”. В этом же дышать невозможно... Чувствую себя недобитым дворянчиком, гнилым интеллигентом и недорезанным декадентом. Да мы такие и есть, наследники Серебряного века», – Марина Матвеева.

ЕВГЕНИЯ ДЖЕН БАРАНОВА

***

И вот пришла поэзия, стоит
в дверях /в сенях/на самоваре бабой.
И тянет вверх, и тянет говорить,
но горло перехватывает как бы.

И блеск от слов, точнее, гарь горнил,
доспехов блеск, восторг оруженосцев.
И вот пришла поэзия – гони!
Или отдай, но только не потворствуй.

За каждый вымпел, каждый огонёк,
за каждый поэтический окурок,
придётся отвечать, мой королёк,
придётся умирать на партитурах.

Иначе жизнь – бессонная петля.
Ишь, как душа под панцирем клокочет.
И вот пришла поэзия. Ныряй.
Не оставяй свободы многоточьям.

***

Играл дурак на скрипочке –
 рождались облака.
 Мелодией несбыточной,
 неслышимой пока.
 Сквозь клетки, брусья, камеры,
 сквозь клеточки тепла.
 Никто не знал заранее,
 где музыка жила.

Со скоростью улиточной,
 в развалинах колонн,
 играл дурак на скрипочке
 под зрелое merlot.

Резвилась песня кречетом –
 не смели обкорнать.
 Играл дурак до вечера.
 Закончилась война.

КУКУРУЗА

Горячий запах кукурузы
 и снеговик на Рождество...
 А интересно, знал ли Рузвельт,
 что в Ялте улица – его?

А интересно, знала я ли –
 или предчувствовала всласть –
 что жизнь по нотам разыграет,
 потом шарманщику продаст.

Что засыпать в обвисшем кресле –
 привычка взрослых, как и спирт.
 Что кукурузный запах честный
 не так уж в горле шелестит.

Что строчки, нежные когда-то,
 из лап не выпустят живой...
 Горячий запах. Снег из ваты.
 Лошадка с красной головой.

МУНК

ни слова ни любви не говори
 налим в сети и яблоко в налив
 ни жестом ни движением спины
 ни способом заслуженно иным

не надо ни поэзии ни По
 ни господ в тельняшке самого
 оставь меня пустынной дождевой
 оставь меня не встреченной тобой

игрушки спят убийцы доктора
из рыбы спит изъятая икра
и сердце спит на дребезгах помех
спокойной смерти каждому из всех

ЖИЛИ-БЫЛИ

Мы жили тихо, тихо так,
что облака ходили цугом.
И солнца огненный кентавр
слегка завидовал подпруге.

Мы жили тихо, как сверчки,
как нерпа в недрах межсезонья.
Нас не преследовал манчкин,
и не выдумывал Светоний.

И в этой тихости была
такая преданность предметам!
Мы жили тихо, как Тува,
как Ладога, как нанометр.

Курлы-курлы! Лишь журавли
вбивали клинья для полёта...

Мы жили тихо, как могли.
Как завещал нам некий Гёте.

ГРАВИЙ

Надо быть просто сильнее прочего.
Надобно быть сильней.
Видишь, как неба язык ворочает
залежи из камней.

Гулко взлетают под солнцем камешки,
брюхо им жгут лучи.
Надо быть сильным, как «Три товарища».
Сказано лгать – молчи.

Сказано – славить. Куда – неведомо.
Прячься-молчи-реви.
Литература различных методов
строится на крови.

Думал, эпоха со вздохом маминым
держит тебя под спи́б?
Будь терпеливым, упрямым гравием,
но никогда не лги.

АЙСЕДОРА

Мир устроен очень мудро.
 Ночь всегда линияет в утро.
 Танцовщице снится паровоз.
 И взлетает Айседора,
 словно шар, цветной и полый,
 словно шарф по лестнице колёс.

Разметались строчки – тени.
 Пьёт с провидцем Провиденье.
 Из Кореи тянет в Кореиз.
 Я любила. Это слишком.
 Каждый маменькин парнишка
 подтвердит, что love теряет is.

Нравственный закон снаружи
 вряд ли будет обнаружен.
 Кантом вышивает Фейербах.
 Министерство горькой правды
 превращает стадо в равных.
 Осторожней в мыслях и словах.

Впрочем, стоит ли об этом?..
 Мы расстались светлым летом.
 Ранней/поздней осенью/весной.
 Мир устроен очень чётко,
 потому пошлю всё к чёрту
 и уйду на цыпочках в прибой.

И ЧЁРНЫМ ХОДОМ В БУДУЩЕЕ ВЫШЛИ

Ни чёрным, ни белым, ни цветом льняным,
 ни ходом кротовым, ни ходом прямым,
 ни ходиков скрипом, ни плачем дверей
 не пустит нас будущность в скрытую дверь.

Ожог на ресницах – послушный ожог.
 Из песенки вырос пустой колосок.
 Из впадин оконных ушли леденцы,
 и пряничный домик оденется в цинк.

Мой призрачный мальчик, ты помнишь слушок,
 как будто Айвенго убит Плохишом,
 как будто война не имеет лица,
 как будто в сугробе звенит стрекоза.

А ты говорил – о тебе говорить –
 мы вместе так долго, что можно убить.
 Но я не убийца, а ты не поэт,
 и в нашем тоннеле лишь газовый свет.

Ни чёрного входа, ни выхода нет.

РЫБНОЕ МЕСТО

Цареубийцей вырвался закат
(бежал по бухте, отражаясь в иле).
Вся Балаклава – стянутый канат,
который незаметно отпустили –

расширилась, слегла, изнемогла
под взглядом нарождающейся ночи.
Сливалась с небом алая игла –
и был союз до жалости непрочен.

Лишь генуэзцам грезился луфарь,
но не Лифарь, а, связанная кротко,
морская тварь – обеденный словарь,
случайная подруга сковородки.

Литой Куприн – зелёный, золотой –
молчит в причал на ржавчине понтонной.
Шаланды с мягкотелой мелюзгой
давно не приводили листригоны.

Над Чембало гортанный говор стих,
от итальянцев мало что осталось...
И лишь на нас, счастливых и живых,
задумчиво поглядывала старость.

***

Подержи меня за руку. – Пол трещит –
Поищи мне солдатиков или пчёл.
В моём горле растёт календарь-самшит
и рифмованно дышит в твоё плечо.

Коктебельская морось, вино и плов,
пережитого лета слепой навар.
Подержи меня за руку.
Лишь любовь
сохраняет
авторские права.

Как наивно звучит!
Так лиане лжёт
постаревший в радости кипарис.
Всё проходит/в прошлом/ прошло /пройдёт –
для чего торопить тишину кулис?

Так готовь же алтарь, заноси кинжал,
доставай ягненка из рукава.
Ты держал меня за руку! так держал!
Показалось даже, что я жива.

НИКА БАТХЕН

БАЛЛАДА МАЯТНИКА

Королю ищериц

Когда время остановилось – стало мягким, как мёд, и сладким,
 Все на свете колеса разом перестали кричать «вперёд»,
 Самолеты в поля спустились словно птицы, большие птицы
 Из бумаги тетрадной, тонкой, листик в клеточку, два штриха.
 Дым заводов свернулся в нити, раскатился клубками шерсти,
 Подбирай и вяжи дорогу, свитер, сказку, второй носок.
 Зло заводов изгнило в домнах, у домов провалились крыши,
 Люди в форме навек забыли – как стрелять и в кого стрелять.
 Мы достали из банки деньги – горсти пёстрой цветной бумаги,
 Подобрали четыре спички и сожгли золотой запас.
 Мы не били автомобили, но из них проросла крапива.
 Мы не пили, но опьянели, наши мели попутал хмель,
 Наши рамы снесло штормами, наши думы сложили в трюмы,
 Наши души спасутся сами, их не надо пасти, Отец!
 Если время остановилось – значит, можно не торопиться,
 Притвориться творцом и тварью, красной глиной, тугим снежком,
 Ни на йоту не повториться – карамель, киноварь, корица,
 Скоростная моя столица – сколько зим намотал мотор?
 Сколько стоит стоять в подъезде, старой книгой стоять в подъезде,
 Ветхой книгой на пыльной полке, никуда не спеша вовек?
 Я раскрою тебя – страницу заложу неумелым пальцем
 И прочту по строке, по букве – как сегодня тебя зовут?
 Ангел-Смерти-уже-не будет, повелитель базарных блюзов,
 King of lizards, мой подорожник – прилагаю, не дорожу.
 Переплёт пропитался потом, правота обернулась прахом,
 Счастье смирно стоит у двери, непременно ведущей в рай.
 Вру и я – немотой, ненастьем. Я не Настенька, славно, сладко.
 Точка кома. Рубец ответа. Дао да против ноты нет.
 Если время остановилось, наши раны никто не вскроет,
 Наши руки сплетёт весёлый, вездесущий лесной вьюнок,
 Ты откроешь мою страницу и на имя приманишь имя.
 – Кто там?
 – Кто-то.
 – Тип-топ?
 ...Тик-так.

ТРИЛИСТНИК

Был бы братом – насколько б гулялось проще
 По квадратам улиц, сосновой роще,
 По сухой хребтине Тепе-Оба,
 Где глина голуба и груба.

Подбирала б камешки и дарила бы без стыда,
 Говорила б – направо сады, стада,
 А налево море и ничего
 Кроме тени – контура твоего.
 Тень бежит по скалам, летит в обрыв,
 Крылья-руки чёрные не раскрыв,
 У неё, болезной, кругом родня,
 А у меня?
 Был бы мужем – насколько б дышалось легче.
 Не пройдёшь путями – айда на плечи,
 Я тебе стена, я тебе спина –
 На!
 Напекла б лепешек, кормила б сытно
 Родила бы сына – и снова сына,
 Посадила б яблоню вместо дочки
 И ни строчки.
 Даже тебе – ни строчки.
 Был бы милым – был бы моим навеки...
 Посадила б в клетку, чтоб пел на ветке,
 Подсыпала бы проса, ставила бы вопросы,
 Просыпалась – розой.
 Слушала бы устало,
 Что там птичка милая насвистала?
 Каждый создан свободным, весёлым, разным?
 Эх... и клюв перепачканный в чём-то красном...
 Погоди! Побойся! К чертям поверья!!!
 В клетке остались перья.

БАЛЛАДА БЛИЗОСТИ

...всякое животное после совокупления печально...

(с) латинская поговорка

В маленькой смерти – обещание стать большой.
 Предощущение вдоха, оборванного на «до»,
 Невыносимая острота абсолютного одиночества.
 Вот оно, близкое, бьётся, манит, дрожит,
 Визжит неистово, жарким сочится потом,
 А потом пропадает.
 Ни капли лжи.
 Ощущаешь себя фантастическим идиотом,
 Глядя в слепо зажмуренные глаза,
 Глядя немое, чужое тело –
 Птичка вспорхнула и улетела – динь!
 Остаёшься совсем один
 С этим нелепым со-чувствием, глупой нежностью
 К зябкой гусиной коже, пуговице соска,
 С неизбежностью взрыва.
 Соскальзывая в небытие,
 Забываешь имя её.
 Забываешь, как от улыбки светлело в комнате,
 Как она оттирала с пальцев следы от копоты
 И опять ненасытно тянулась к свече рукой,
 Как писала: я емь и никогда не стану другой.

Сколько дней вы вязали тугие сети,
 Прорастали друг в друга, трындели про всё на свете,
 Запоминали: без сахара, ляжет с краю,
 К ней восемнадцатый, а от меня вторая.
 Любит Ван Гога, слушает «Rolling Stones»,
 Стонет как кошка, кажется, верит в Бога
 Или Господь в неё, в бабочку Лао Цзы...
 Пахнет озоном. Гаснет раскат грозы.
 Там, за холмами море крушит скалу,
 Угли истлели и перешли в золу,
 Золотом светят водоросли в камнях,
 Спящие дети снова зовут меня...
 Ты возвращайся. Скоком через обрыв.
 Вот она рядом – смотрит, глаза раскрыв,
 Чёрные точки в зелени колдовства,
 Всё – больше не вдова, не королева льдин.
 И ты не один.

НЕВОЗВРАТНАЯ БАЛЛАДА

*...Скажи, когда в последний раз встречал Джиневру?
 (с) Тикки Шельен*

Видишь, яблоки в нашем саду поцелованы змеем.
 Мы открыли ворота стыду, а признаться не смеем.
 Мы оделись в листву и украсили кудри венками,
 Мы спешим к рождеству, упоенно танцуем с волками.
 Злое сердце в огонь – вдруг господь приготовил другое.
 Из раскрытых окон выпадает бесхозное горе.
 Просто некому петь грибоедовский вальс отрицая,
 Переломана плеть и луна покачнулась, мерцая.
 И собор голубой. Время властно соперничать, только
 Гарнизонной трубой поперхнулась задорная полька.
 Племя, руки разжав, разлетелось по весям и странам.
 Ланс ещё моложав, Арт угробил глаза за экраном.
 ...Увидать ли в толпе – белый клец, серебристые пряди,
 Кто подобен тебе? Ленинград в подвенечном наряде.
 Пара яблок в компот, пара песен на краешке крыши.
 Мы двухтысячный год обязательно встретим в Париже!
 Мчись, кораблик, вдогон от Ротонды до шумной Казани.
 Пусть _её_ телефон не молчит, а окажется занят.
 Пусть пахнет табаком, хлебной коркой, лавандовой пылью.
 Мы уйдём босиком, но оставим на паперти крылья.

КРЫМСКИЙ АНГЕЛ

Крымский ангел не носит сандалий,
 Он космат, неопрятен и бос.
 Что ему до заморских Италлий,
 До вишнёвых и розовых рос?

Он хипу посылает попутку,
 На базарчике бьёт по рукам,
 Выпускает из ящичка утку,
 Подсыпает рублей дуракам.

Починяет обувку на пляже,
Залихватски готовит самсу,
С некрасивыми тётками пляшет,
Малышей провожает в лесу.

Подгоняет коней и моторки,
Дельтаплан поднимает в поток,
Сторожит виноград на пригорке,
Собирает лаванду в платок.

Помогает усталой татарке
Побыстрее распродать бастурму...
Он готовит и прячет подарки
Всем, кто встретится летом в Крыму.

И тебе, мой случайный попутчик,
Сувенир для души берегут.
Присмотришь к перекупьям получше,
Поищи на другом берегу.

МЕЙДЕЛЕ

Еврейские девочки, ставшие старыми,
Сидящие парами, парками, барами,
С облезлыми Барби и детскими рюшами
На розовых блузках, с бананами, грушами,
Обоймой бутылочек, мятой салфеткою,
С конфеткой, котлеткой и чьей-нибудь деткою
В коляске у школы...
Предчувствие осени –
Как будто на холод монетою бросили,
Как будто у возраста деноминация,
Как шепчут в трамвае «ух, хитрая нация»,
Как светит фонарик у бабушки в садике,
Как с братом полночи играем в солдатики,
Как папа... не помню, не надо, не спрашивай!
Он просто ушёл из созвездия нашего.
И трубка его не утратила запаха.
И старый приёмник – орудие Запада –
Всё ловит заманчивый голос Америки.
И мама на кухне в нелепой истерике
Печёт пироги и блины подгорелые.
Билет театральный под лестницей белойю,
Лицо на снегу – аргумент фотографии.
Тот вечер растаял снежинкою в трафике
Мятущихся дней – для девчонки достаточно.
Вчера было вьюжно, сегодня осадочно.
Подруги – в Стамбуле, в Берлине, в провинции,
Ребята из класса не выросли принцами,
И Пушкин не читан с роддома, наверное,
И сказка сложилась совсем беспримечательная:
Какой-то герой, чей-то замок трёхкомнатный.
Желтеет альбом, ни рисунком не тронутый.

У матери тик и язык заплетается.
 Непризнанный волк по дорогам скитается.
 Забыты цитаты, клинки оклеветаны.
 Лишь почта с экрана мигает приветами...
 Шуршащее «Шма» и свеча с подоконника
 И ливневым залпом – письмо для полковника.
 Еврейская девочка, мама рассердится!!!
 Ты – раскрываешь – сердце.

СОЛНЕЧНЫЙ БАЮЗ

Стопом до рассвета по заброшенной трассе
 Не волнуйся, детка, все будет прекрасно!
 Ангелы кюветов нам устроят парад –
 По дороге к солнцу не бывает преград.
 Падай без оглядки, полагайся на случай,
 Изучай законы кочевого жилья.
 Посмотри на небо, ты видишь, где тучи?
 Там я.

Повернёшь направо – не получишь ни царства.
 Повернёшь налево – нам придётся расстаться.
 Навсегда, навеки, до свиданья, пора –
 Двигай точку сборки и меняй номера.
 Ты могла бы взглядом останавливать войны,
 Но боишься грязи, мудаков и жулья.
 Посмотри на море, ты видишь, где волны?
 Там я.

Стоимость свободы остается за кадром,
 Это не дороже, чем кафе и кун-фу.
 купишь на вокзале проездной, до заката
 Будешь каждый вечер выбираться в Уфу.
 Знаю, что прощаться тяжелей, чем проститься.
 На дороге к солнцу не нужна колея.
 Посмотри на дерево, видишь, где птицы?
 Там я.

Модные страстишки от Версаче и Прада
 Выкини с балкона и бензином полей.
 Будь хорошей, детка, расскажи себе правду,
 Будь императрицей для своих королей.
 Встанешь на рассвете, позабудешь одеться,
 Позабудешь время суеты и вранья.
 Посмотри-ка в зеркало, видишь, где сердце?
 Там я.

МАРИНА МАТВЕЕВА

***

Расплаканная словь поэтящей души,
где урвала любовь – вцепись и опиши.
Как пожилой маньяк, мечтающий о зле,
вроди её в маяк, светящийся на селе.

Чтоб тётки между вил кудахтали о ней,
как будто у любви другого смысла нет,
чем ляскать на устах прыщом на языке.
Где сумасшедший птах птенцов топил в реке,

полуголодный ёж пожрал своих ежат –
там ты не устаёшь *словьём* пахать и жать.
Возвышенный мак-мак... В хлеву из-под коров
выгрёбывалась, как воробышек, любовь,

пыталась улететь, захлебывалась в...
Из проточелюстей выплевывалась ввысь.
И всё-таки спаслась, взвилась поперх стволлов!
Без хвостика и глаз. Зато без слов, без слов!

Не видя, полетишь? А ей ещё на юг.
Квохтали бабы: «Ишь!» Мечтали бабы: «Ух-х...»
И малость в стороне, силёнкой будто вровь,
летела рядом с ней расплаканная словь:

«Устанешь, упадёшь, уснёшь в чужом саду,
отяжелеешь в дождь – и я тебя найду.
На северах, югах, вершина ли, вулкан –
не плавок на ногах да липок мой капкан...»

Восторженная гнусь поэтящей души,
где урвала войну – вцепись и опиши.
Где голод и чума, где молятся всуе –
возвышенный мак-мак. Воздушное суфле.

И так оно летит, покрытый ночью скат,
со звёздами в горсти, с луною у виска.
И так оно плывёт, полнеба загребя
под волглый свой живот: «Куда я без тебя?»

***

Вновь по улицам города возят мессу
поклонения богу неандертальцев.
Я намедни сказала сему процессу:
«Вот глаза мои, но не увидишь пальцев», –

и ошиблась. Не пальцы ли бьют по клавише,
вышивая оттенки для скепт-узора
социолога, плавающего в лаве,
будто рыбка в аквариуме – не в море,

где прекрасная юная менеджрица
привселюдно вершит ритуал закланья
женский сущности, сердца... Потенют лица,
и у почек несвойственные желанья,

и у печени в самом её пределе
пролупляется гордость так малосольно...
У дороги, роскошный, как божж при деле,
серебристый от пыли, растёт подсолнух.

Он кивает ей: «Дева, менеджриуешь...
Вот и я тут – питаюсь, а не пытаюсь.
Кто нам доктор, что сити – не сито – сбруя,
пылевая, ворсистая, золотая...

Кто нам Папа и все его кардиналы,
кто нам Мама, пречистый её подгузник,
что кому-то премногого стало мало,
что кому-то и лебеди – только гуси.

Кто нам Бог, что сегодня ты устыдилась,
как вины: ты – какая-то не такая...
Не рыдаешь без сумки из крокодила...
А всего лишь *гердыня* – и ищет *кая*.

Он придёт, пропылённый, как я, бродяга.
Он придёт – и утащит. Туда, где надо...»
Лето. Менеджаровня. Пустая фляга.
Нечем даже полить тебя, цвет без сада.

Нечем было б утешиться, кроме вер, – да
нечем даже развеситься, обтекая...
Вновь на улице города злая Герда
раздаёт нам визитки... «Какого Кая?»

LOVE SAPIENS

Агапе без эроса – экое скучно...
Наверное, это не для человека.
Безбожно-безножно, ненужно-недужно
ты стал мне духовной любовью-калекой,

чтоб каждая мысль, наполняясь тобою,
себе удивлялась – отсутствию чувства,
чтоб дикие травы, мешаясь с прибором,
точили отраву на ложе Прокруста,

чтоб оный Прокруст отрубал мне не ноги,
а дух от души, да и разум от тела,
чтоб, глядя в глаза твои, ярки и строги,
я больше от них ничего не хотела,

поскольку к зачатию ты не способен,
ни лишних детей, ни бездонных страданий, –
и только подходят в рифмической слабости
воздушные пасхи моих мирозданий;

колючие крошки моих философий,
зачем-то рассыпанные по постели,
мне спать не дают. ...Разгоняется кровь и –
с трамплина! свечой! – в тихий омут. Поделим

с тобою мы сферы влияния на Вечность:
ты пишешь во мне – я зову тебя Музом.
И всё. Остальное – не для человеческой
природы. Отделавшись лёгким искусством,

тяжёлым искусством ты будешь наказан
за то, что другой человек на свете
живёт – он отдал бы всё скопом и разом
за то, чтобы сущность мою обесцветить

духовной любовью – холодно меткой
свою, чтоб «музить» мой творческий зуд, – но
он ходит под кличкою Homo Erectus.
Я только тебя называю Разумным.

...Абзац!..

Целый мир отупел в одночасье!
Единственный Разум – на сотни парсеков!
Наверное, это и может быть счастье...
Которое явно не для человека.

ВЕЩЬ В СЕБЕ

Напрасно боролась со мною природа за чувства и тело...
Я стало чудовищем среднего рода, когда поумнело.

Когда мне открылось, что разум и воля – превыше страдания,
Возвышенной самой возвышенной боли – её обузданье.

...И страшно мне вспомнить, что сердце когда-то дышало любовью,
Что с кем-то я узкой делилась кроватью, делилась собою...

Теперь я в себе. Я спокойно и цельно, как мысли течение.
А то, что я вещь... Ну, так этим и ценно моё превращенье!

Да здравствует Вещность, Неодушевленность, Предметность, Свобода!..
...Ещё бы на каждое слово синоним... чтоб среднего рода...

***

Туча-ча-ча танцевала в лучах
звёздных, в прозрачной пыли.
В каждой дождинке сгорала свеча,
не достигая земли.

Анна стояла в открытом окне,
прыгнуть готовая вниз.
Гром аплодировал ей в вышине,
ночь вызывала на бис.

А под окном, запрокинув белки,
плакал святой Николай, –
тело из секунда, божий «прикид», –
о не уставших тепла.

Мёрзла у дома, в обливке из лохм,
реинкарняжка в углу, –
о не отысканных тёплым теплом,
о незнакомых теплу.

Туча-ча-ча извивалась в шелках,
как стриптизерша, к столбу
льнула фонарью. Работа легка –
выразить чью-то судьбу.

Анна оделась, захлопнула ночь,
тапочки на ноги, шарк...
Угол у дома встряхнулся спиной
и потрусил через парк.

Анна напрасно пыталась прилечь
в гжель утrophических слив...
А под окном у святого из плеч
два одеяла росли.

***

Я люблю тебя хуже чёрта.
Я хотела б иметь твой постер –
фрескостенный обой бумажный,
чтобы каждое утро: «Здравствуй!»
(Никогда не любила мёртвых...
Ни один мне не был апостол...)
И по маленькой мне чтоб в каждом
из зрачков твоих стокаратных.
Нарисую себя я в круге,
как да-винчевское распятие:
руки врозь, ну, а ноги – слитно,
как наречие «в одиночку».

Чтобы эти живые сукки,
 вылезавшие из платьев
 для живых кобелей, в безличном
 вдруг почувствовали отсрочку
 от блаженства как развлеченья,
 от прозренья как нарковштыра,
 от Спасителя в грязных дредах,
 от незнания как покоя...
 ...От несбыточного ученья
 о лечении больного мира,
 переделанного из недо-
 della pova своей рукою.
 Я боюсь тебя хуже Бога.
 Я хотела б иметь икону:
 мироточием озадачит –
 мне поверится: на прощанье
 будто ты обо мне немного
 рисовал на стекле оконном
 изумрудным мечом джедайским
 полуподпись под завещаньем.
 Догорели уголья донной
 лавобезданы твоей – финиты,
 и комедия в стиле Данте
 рассмешила грудного зверя.
 ...Есть одна у меня икона –
 холодильниковым магнитом:
 Бог – еды моей комендантом.
 Остальное я не доверю.

Моно-ЛИТ

...Я не люблю людей.

И. Бродский «Натюрморт»

Бог – это потолок
 комнаты надо мной.
 Если мне нужен Бог,
 стану его стеной.

Лягу я на кровать
 комнаты без окон.
 Не на кого плевать –
 я не люблю икон.

Плюнешь на потолок –
 инда себе на лик,
 ай да себе на лоб,
 токмо себе и крик.

Как откритичит, поймёшь,
 как бесполезен он.
 Бог – это пото-ложь
 комнаты без окон.

Хоть привались к стене,
хоть на полу отвой –
разницы, жено, нет –
дом. Потолок. Он твой

щит от земных потерь,
кокон земных забот.
Он говорит: «Я дверь,
люк и подземный ход –

лишь проруби! Давно
нет топора – грызи.
В комнате есть окно,
просто оно в грязи.

Мой! И увидишь свет,
Драй! И услышишь слог.
Глаз отвечает: «Нет.
Вижу: ты – потолок».

2.

Спи, нигилисте. Спят
все. Но приходит зло –
«Господи!» – и опять
ликом – на потолок.

Инда не лбом об пол –
ай да монаси в ряд.
Не от духовных зол
на потолки глядят.

Если б хоть пустоту
буддову – без идей...
Мать вопиет Христу:
«Сын ты мне или где?»

Тот, кто лежмя стоит –
дослеза извести...
Бог – это монолит.
На тебе – *извести*,

люстры тебе, лепнин –
пусть отвлекают взор.
Если ты мне не Сын,
значит, ты просто вор.

Инда взлечу, горда,
ай да над головой!..
Он отвечает: «Да.
И потолок я – твой».

ЛАДА ПУЗЫРЕВСКАЯ

ЕСЛИ МЕСТНОЕ ВРЕМЯ – ЗИМА

ТО ЖЕ – ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Воздух пропитан истомой, дождём и хвоей.
Значит ли это, что следует возвращаться?..
Руки, сомкнувшись, печаль увеличат вдвое
То же – для счастья.

Веки, смыкаясь, делают свет кромешным,
но позволяют видеть такие дали,
где наяву уже никогда, конечно,
сколько бы денег в воду мы не кидали.

Крут замыкая, шествует наша осень,
вновь начиная падкой листвы мытарства –
сон золотой бескрайних берёз и сосен,
время сырой земли, слюдяное царство.

Слышишь, как изнутри бьются наши люди,
замкнутые в пространство сосновых комнат?..
Бог сам не знает, что с нами дальше будет,
Так же и с теми, что нас берегут и помнят.

НЕЗДЕШНИЕ РЫБЫ

Не дальше заката продлится исхлёстанный выдох
солёной воды, на которую в ночь присягали,
не ради любви или смерти от пенных регалий,
матросы твоих кораблей – сторонясь вертикали
вдоль берега молча дрейфуют нездешние рыбы.

За тридцать зим от любви начинается небыль,
камлает в провальное завтра подгончая свора,
бравивирует мёртвыми снами в канун приговора
развенчанный призрак рассвета в созвездии вора
и плачет, и прячет свой страх, обесточивший небо.

Пусть песня – не песня, раз главное слово забыто,
но кто нас, не засветло падших, возьмёт на поруки,
когда оседают преобильно что знаки, что звуки,
под истовый шёпот скупой ненасытной старухи,
летучий голландец мечты обратившей в корыто.

Усталый старик отведёт обмелевшее море
за крик горизонта, где солнце уместно едва ли,
где хлеб ненасытный утонет в кипящем кагоре
неистовых волн тишины, где охрипшее горе
склевали нездешние рыбы, которых не звали.

ВМЕСТО КОЛЫБЕЛЬНОЙ

самое то – горевать нам, готовясь к уходу,
но, не считая ни шрамов, ни прочих отметин,
пламя проходят друзья мои молча и воду,
мало ли, что там в трубу – зеленея от меди,

ангелы сдвинули нимбы, как старые каски,
и – под уздцы боливаров, разжившихся сбруей.
я продолжаю рассказывать дочери сказки,
я ничего-ничего не скажу про войну ей.

спи, моя девочка, пусть тебе снятся наряды,
сны о балах и единственном принце отважном –
дело не в том, что пока здесь не рвутся снаряды,
просто в запасе должны быть и сказки о важном.

пусть же по-прежнему кличет алёнушка братца,
мир твой построим на самой надёжной надежде –
спи, моя радость, а песен, придуманных прежде,
хватит нам, чтобы до первой капели добраться.

ТА ГАВАНЬ

хоть сдохни, а ни слова в простоте
коса по-братски обнимает камень
а ты блюёшь последними стихами
отчаявшись – не те, не те, не те...

боишься не дожить, не досказать
не доказать, что
видима для тех лишь
кого не обречённо рядом терпишь
но видишь сквозь закрытые глаза

зажмурившись, растягиваешь тень
во всю длину гудящей ветром арки
и пусть бесстыже зацветают парки
на родине твоей который день

хоть сдохни, но ни слова без затей
восставший разум ненькает чудовищ
знать не хочу, чего ты там готовишь
мой странный бог, сжигающий детей

мы все с тобою в танце круговом –
убивший мима и стрелявший мимо
но детство в каждом неискоренимо
все юшку вытирают рукавом

хоть сдохни, но ни слова без любви
в последний путь
какую рифму дашь мне?..
а заслужила – обещай, чтоб дальше
в ту гавань заходили корабли.

ПЕРЕПЛЁТ

то ли просто уйти, раз окрестная тьма не сдаётся,
раз не греет очаг, нарисованный мной на картоне.
если местное время – зима. глянь, она остаётся
несмываемой вязью на каждой открытой ладони.
то ли пробовать жить, получилось же в прошлую среду,
выходя из себя, замереть, оглянувшись на шорох,
и рукой помахать неизвестным, идущим по следу,
и слова повторять, будто только сегодня нашёл их.
золотые слова, на которых вдруг исподволь вырос
удивительный мир за окном в ледяном переплёте,
где братаются бог и мятежный компьютерный вирус,
но не высмотреть лиц, пусть хоть все зеркала перебьёте.
и не вспомнить имён, кто пытался – в ответ возникали
то бесстрастные маски, то лики, мерцавшие мило,
а своих не найти, словно выдуло всех сквозняками...
знаю, знаю, что скажешь, я ветер сама прикормила.

МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ РАЗ

В нас не верит никто, кроме Бога, которого нет,
всё гоняем зазря голубей в ожиданье конверта –
о плывущие клавиши почерк давно исковеркан,
и уже не допросишься списка неверных примет
как спастись от ветра.

Раз-
волнуется вольное море: пойдут на дрова
корабельные ели, и просеки контур нечёткий
опознаешь едва ли – осыпались на воду чётки
бортового журнала, вслепую плывут острова,
вспоминая о чём-то.

Но не старым пиратам старательно дранть цевьё,
тут поди уследи, кто чего умыкнул – на заре-то,
на съезжающей крыше лишённого снов лазарета
птица-феникс из пепла фигуры бермудские вьёт,
кем-то, видимо, взгрета.

Запалить бы, на всякий пожарный, а если спасут –
рассказать, как запальчиво ангелы топят свирели
в разбухающих бухтах, как молча матросы зверели
под опальными флагами – эх, запалить бы... Пасуй,
спички не отсырели.

ОКОЛОТОК

то ли кажется, то ли просто судьба такая –
улыбаясь всё реже, молча ходить по кругу,
навернувшейся стрелке компаса потакая,
и нельзя повернуться
снова лицом друг к другу.

он не твой и не мой, и ничей,
этот город страха –
королевство пустых зеркал и лужёных глоток.
но, наверное, мы с тобой всё же дали маха,
возвращаясь в свой вечно ветреный околоток.

тут не снится никто, не то что жених невесте,
на путях тушиковых полчища чёрных кошек.
мы остались почти последними в этом квесте,
кто не черпает тёплый свет из чужих окошек.

и уже не вернуться, как ни вертись на месте,
умирать раз от разу проще, хоть и заметней.
самолёт наш бумажный мы отпускали вместе,
вон как он теперь лихо мёртвые вяжет петли.

ДА БУДЕТ РЕКА

река начинается с проруби –
веришь, нет,
но не с берегов, гирляндой огней блистающих.
пусть прорубь всего-то запретный заветный свет,
окно в мир потешных обмороков близь тающих,
от нежности ледоруба вспотевших льдов,
пусть повесть о смерти снега не раз уж издана –
руби и увидишь, насколько закат багров
и сколько к нему тропинок, известных издавна.

я тоже умела сжимавшийся лёд кромсать,
прокладывая в нём тоннели, лазейки, скважины,
теперь же, лишь камешек только найдёт коса,
останутся бредни вряд ли мои отважными –
кому нужна оторопь белых на белом слов?..
большая на небе сто лет не видна медведица
в параде шальных планет, чьих-то вещей снов.
сливаюсь с пейзажем. видишь, уже не светится

окошко, что слишком всерьёз расписал мороз,
с подводным течением и ключевыми спорами.
руби со всей дури – не вечен же льда нарост...
по слухам – пройдёт и это, да только скоро ли.

ДУДКИ

осипшая свирель, обледеневший гамельн,
встревоженный зверей недобрыми шагами,
здесь песен не поют ни те, ни эти,
здесь мёрзнет у дверей журавлик-оригами.
а где же дети?

где твой заветный пазл, осатаневший город?
москва или кузбасс – без разницы, где голод,
когда детей чужая дудка водит.
и раз уж бог не спас – хоть воду лей за ворот,
хоть бейся в ворде.

мотив совсем простой, такое может каждый –
продуманный настой любви, которой жаждет
у всех, кого давно никто не ищет.
и не шепчи «постой», крысиный бог накажет
морзянкой в днище.

разбогатеет вдвойне на брошенных котомках,
на треснувшей волне как засвистит о том, как
нарядная нора в морозы греет.
эй, на какой войне ты вспомнишь о потомках?
они добрее.

вернутся – всё простят, кошмары разгребая.
спишь, город на костях, судьба твоя рябая?..
чтобы стереть следы с хрустящих улиц,
звезда сойдёт на стяг теперь уже любая –
лишь бы вернулись.

ЗВЕРЬ

выходя из подъезда, старательно держим дверь –
не боясь, что прихлопнет, а чтобы он тоже вышел,
жарко дышащий в спину, топочущий сзади зверь,
горько плачущий ближе к вечеру. смотрим выше
за верхушки деревьев, дома, провода – туда
где лыжня самолёта к подъёмному жмётся крану,
словно здесь его горе, а дальше – совсем беда,
где саднит горизонт, в котором мы видим рану.

глянь, по-прежнему бьётся, пульсирует и болит
столбовая дорога в смертельно любимый город.
где, не знавшие страха, мы верили в монолит
восковых наших крыльев, дети... а зверь упорот
и рычит, и хохочет, и хочешь, не хочешь – верь,
что однажды, восстав, будто феникс,
в окрестном спае,
тму тасующий между закатами, нежный зверь
нас добьёт, улыбнувшись ласково. наша память.

ГАЛИНА СОКОЛОВА

АВТОГРАФ БОГА

рассказ

Я знала его много лет. Это был молодежавший человек с тонкими чертами лица и прозрачными, как аквамарин, глазами. Которые обычно прятались за тёмными стёклами солнцезащитных очков. И дом его часто тоже стоял с закрытыми жалюзи. Не очень и поймёшь, дома хозяин или нет. Роберт был художником и, как все творческие люди, не любил, чтобы ему мешали. Благодаря чему я с ним и познакомилась.

Я тогда заканчивала двенадцатый класс местной школы Lincoln High School. Польские антиправительственные волнения 1970-го застали меня в США на международном юниорском турнире по лёгкой атлетике и, ухватившись за шанс не возвращаться за «железный занавес», я «выбрала свободу». Мои оставшиеся в Гдыне родители ждали от своей «американки» материальной помощи, и я усердно подыскивала работу. Но, обзванивая объявления по найму хаусситтеров, петситтеров и бебиситтеров, я наткнулась на неожиданную реакцию: услышав мой акцент и узнав, что меня зовут Агнешкой, потенциальные работодатели, хохотнув, давали в ухо отбой. Я не понимала, в чём дело, пока один из абонентов, противно хихикая, не задал странный вопрос:

– Надеюсь, вы не нанимаетесь садовницей?

– Н-нет... – растерялась я. – А что?

– А разве вы не слышали, что случилось с садовником-поляком, когда ему велели убрать листву? Он свалился с дерева. А слышали о польском адмирале, который завещал похоронить себя в море? Пять матросов утонули, копя в море яму...

У меня перехватило дыхание. Это были так называемые «Polack jokes» – невероятно популярные у американцев анекдоты про «полаксов» – тупых поляков (типа анекдотов о чукчах у русских). И прежде чем я успела отреагировать, услышала продолжение:

– А вы знаете, как потопить польский флот? Спустить его на воду. А думаете, когда открывается польский парашют? При ударе о землю...

Я бросила трубку. Подобными «перлами» меня терзали в Америке с самого приезда, особенно в школьном дормитории (общежитии). Вначале я думала, что эти «анекдотцы» сочиняет КГБ, но они были в таком массовом ходу у американцев всех возрастов и социальных классов, что эта догадка отпала. Реагировать было себе дороже, я просто их игнорировала и, когда могла, выдавала себя за француженку. В США ещё не настало время тотальной политкорректности.

В отчаянии набрала я номер из последнего объявления и неожиданно была «утверждена» именно после вопроса об имени и возрасте. Роберт Харрис – так звали моего нового работодателя – подыскивал хаусситтера на время своих «отъездов»: творческих, когда он запирался в «андеграунде» (подвале своего дома) и писал-писал-писал, и реальных, когда он улетал в Солт-Лэйк-Сити, штат Юта, «оторваться». Я же больше всего на свете любила книги и читала на всех доступных мне языках – польском, английском, французском, русском и украинском. В злые места меня не тянуло, да меня туда и не пустили бы – мне не было не только требуемых двадцати одного, но и восемнадцати. В завихрениях Робертовых красок я не видела ничего путного. И была уверена: его живопись – просто странная авантюра. Тем более что и жизнь его состояла из лёгких странностей. Например, он обожал сидеть под проливным дождём и слушать, как лунит по голове, – это вдохновляло. Любил разгадывать граффити на перекрытиях мостов под утренними фривеями. А при любых проблемах запирался в подвале и не отвечал на звонки. И тут в дело вступали я и встроенная во входную дверь камера. Мы отбраковывали всех, кого он не хотел видеть. А никого не видеть он хотел часто. Только не все об этом знали. Особенно его девочки. Каждая

из них считала себя единственной и долго прислушивалась к тишине за его непроницаемыми жалюзи. Подойти ближе она не решалась – благоговела: Роберт был глубоко (по его собственному определению) религиозным человеком. Мормоном. Он категорически отрицал внебрачный секс, верил в дружбу между мужчиной и женщиной и сакральную святость брачных уз, хотя и с браком у него почему-то не заладилось. До моего появления в его доме побывали две жены, но обе испарились под разными предлогами. Всё это меня удивляло.

Робертов дом стоял в индейской резервации, и «бледнолицый» хозяин его, бабдея над байками краснокожих соседей, считал, что лучших рассказчиков не найти. У них и литература развесистая, как лапша на ушах. Правда, хоть он относился к ним по-приятельски, но не вполне серьёзно, и, как в лесу, блуждал в их именах. Может, ещё и потому, что гостей у него бывало много – каждого не упомянуть. Они приходили, что-то покупали и уходили.

Дом располагался в точке, где скрещивались местные ветры, и любимцу Роберта – золотистому ретриверу – было не жарко охранять ворота. Хотя если бы забор был чуть ниже, а пёс не имел цепи, он с удовольствием бы его перепрыгнул. Пса звали Герцог Уинстон Старлайт. Его знали все в округе, потому что иногда он всё-таки сбегал и на поиски благородного животного пускались соседи ближние и дальние. Его приводили, отощавшего, в репьях и блохах, но вкусившего радость свободы. Ведь обычно одинокого Герцога навещал лишь один дружок – сиамский кот Лони. Его хозяев – соседей напротив – недавно посадили, и кот остался один. Он имел непристойную привычку усаживаться на расстоянии вытянутой собачьей цепи и, задрвав заднюю ногу, вылизывать розовым язычком свои интимности. Цепь угрожающе натягивалась, округу взрывал оглушительный лай и, пугая Робертовых гостей, великолепные клыки щёлкали возле самого копячьего хвоста. При этом невозмутимый Лони продолжал взирать на Герцога незыскательно-индифферентными голубыми глазами, в которых не отражалось и капли страха. Это просто была такая игра, но Робертовы визави с визгом разбегались.

Разбегались они не только поэтому. Даже получив от Роберта подарки в виде изумрудов-рубинов, они исчезали навсегда и без объяснений, заставляя художника впадать в депрессию. А я снова удивлялась, почему такой щедрый и красивый мужчина опять остался без пары. Кроме Герцога, я была единственный из постоянных атрибутов его дома, выполняя роль не только домоправительницы, но и то ли наперсницы, то ли сестры – что-то в этом роде. Месяц спустя Роберт предложил мне переехать в его мансарду, чтобы не мотаться на работу через весь город. Я радостно согласилась – очень хотелось выбраться из шумного студенческого dormитория, где я жила все полтора года учёбы. Мансарда имела отдельный вход по железной лестнице, санузел и кухню. К кухне примыкало хозяйственное помещение со стиральной машиной и сушилкой, а оттуда дверь вела в кухню Роберта.

– Подумай, может, именно ты станешь настоящей хозяйкой моего дома? – иногда вкрадчиво спрашивал Роберт после очередного бегства очередной пассии.

Однако назвать наши отношения более чем дружескими было нельзя – Роберт ко мне даже пальцем не притрагивался. Для меня всё было только работой, а зарплату – сто долларов в день без выходных – я отсылала своей матери в Гдыню. Сразу после моего скандального невозвращения из Америки она разбежалась с моим папаней, который, напиваясь, устраивал ей основательные трёпки. Родителей я интересовала мало – только в плане денежных переводов и вызова в США. В дружбе с Робертом я находила для себя много увлекательного. Но представить нас семейной парой было бы смешно. Хотя в индейском Храме Луны местный шаман посоветовал ему поскорее привести в дом хозяйку, иначе его ждут разочарования. Вот он и решил, что в роли домоправительницы-ключницы я – самое то: и свободу не стесню, и мистер Герцог будет присмотрен. Что называется – два в одном флаконе.

– Какая из меня хозяйка, – смеялась я, потому что уж с моей-то стороны такой финт в семнадцать лет был бы просто глупостью. Я, например, совсем не умела стряпать.

– Зачем стряпать? – не понимал Роберт, потому что существовала служба доставки как пиццы или ресторанной еды, так и полуфабрикатов из супермаркета, о чём в Польше тогда даже не мечтали.

– Есть женщины для быта. Они как стоячая вода, – говорил Роберт. – А случается женщина-водопад, женщина-каскад, с ней можно танцевать до упаду и заниматься творчеством. Как Саския у Рембрандта. Мужчины часто хранят верность нелюбимым жёнам. Но время нам отпущено в долг, и я не намерен сыпать его попусту. Я хочу жену-друга, а не обузу. Тогда давай ты мне поможешь её найти.

Очевидно, в его представлении моя роль была довольно-таки размытой.

– А Герцог? – спросила я, потому что собаку надо было не только кормить и развлекать. – Кто позаботится о нём, пока я буду бегать помогать тебе в поисках?

Он лишь пожимал плечами, показывая неуместность моего вопроса. И продолжал переносить свои идеи в незаполненное пространство будущего холста. Или вести дискурс, если не с новой «паспеей», которая снова быстро исчезала с его горизонта, то со мной, причём на разных точках североамериканского пространства.

– Куда хочешь? – спрашивал он, когда местные достопримечательности надоедали. – Во Флориду? Или в Монреаль?

Дело в том, что незадолго до моего появления он стал знаменитостью: победил в каком-то суперпрестижном художественном конкурсе в Монреале и получил премию в сто тысяч канадских долларов. Этот вполне весомый капитал он и спешил поскорее пустить в распыл. А чего жадиться? Дом его был набит новейшей бытовой электротехникой, а в гараже красовался роскошный «Понтиак» ещё не наступившего года выпуска. Жизнь и молодость были в нём ключом. Его календарь, кроме пятницы, других дней не имел. Не говоря о том, что независимо от месяца до утра понедельника каждой недели у него был только май. Может, если бы он больше любил свои холсты, вполне мог бы спеть кому-то строчки из Беранже «Прощай вино – в начале мая, а в октябре – прощай любовь!». Но октябрь в его двенадцати месяцах не наступал никогда и холсты часто оставались незавершёнными. Признаюсь, в этой его динамике сказывались и мои кадансы. Учёба и работа отнимали много времени – дом был большой, поэтому присоединяться к Роберту я могла только на выходных. Тем более что и мистер Герцог Уинстон Старлайт не терпел богемного быта своего хозяина и если за весь день его навещал только кот, выражал своё «фи» презрительным опрокидыванием миски с водой.

Мы искали Саскию или она – нас? Тогда я об этом не задумывалась. Но время работало на Роберта. Когда наконец развлекаться надоедало, он отдавал дом в мои руки и зубы мистера Герцога и с упоением писал... время. Ну да, время. Всё прочее, типа красоты женского тела, травушки-муравушки и всяческих ужасиков-фантазмагорий, начиная с божественных греков и заканчивая сумасшедшими Босхом и Дали, растащили за века другие. А писать время никому ещё в голову не пришло. Более того. Никто даже не догадывался, что именно пишет Роберт Харрис. Включая тех, кто внёс его имя в Американскую Энциклопедию Искусств. Это знала лишь я. Как доверенное лицо. И как его ученица. Поняв, что я ни в зуб ногой в искусстве, он взялся за дело. Первое, что он мне объяснил, была разница между Шартром и Сартром. Правда, я так и не поняла, какое отношение к живописи имели Шартр и Сартр. Наверное, он просто забавлялся. Но, кроме того, я научилась понимать свет как рефракцию. Ведь от угла преломления изображаемые предметы получают совершенно новый акцент и смысл. Хотя сложные геометрические конструкции, с помощью которых он достигал своих невероятных остроты и гармонии, мне всё равно были не по зубам.

Конечно, иногда и в его работах среди символических струн хроноса мой глаз цеплялся за реальные координаты, но в основном это был сплошной поток сознания. Хотя какое сознание, например, у цифр, которыми усеян холст, ставший как муравейник под Робертовой террасой. Маленькие рыжие тройки, ползая по ткани, натянутой на подрамник, спешили утащить большую белую, похожую на жирную личинку, то ли девятку, то ли шестёрку, куда-то в закручивающуюся спираль. Роберт часто использовал на холсте цифры. Ведь время – ветер, из которого устроен мир. А старый мир от нового отделяют не столько воды Потопа, сколько число. Потому что на полотнах появлялась некая конкретика в виде чисел, я догадывалась: это одна из перевернутых страниц жизни художника. Своего рода скорлупа без яиц. Пол андеграунда. Отнести его к какому-то конкретному направлению у меня не хватало духа. К импрессионистам? Сюрреалистам? Может, к экспрессионистам? Или это чистой воды авангард? Роберт не вписывался никуда.

– А почему у тебя в углу каждой картины череп и кости? – удивлялась я. На традиционно красочном фоне эта внезапная чёрно-белая деталь выглядела особенно зловеще.

– Фатум! – отвечал он. – Вселенная – просто большой механизм, машина. И человек – машина. Благодаря одинаковому устройству нашей системы и того, что нас окружает, мы одинаково реагируем на время. А когда наше функционирование прекращается, душа прекращается тоже. В природе, как в часах, всё заложено изначально.

Это было чересчур заумно. И он объяснял проще:

– Потому что мы убиваем время, – говорил Роберт, разбрасывая куски пиццы по террасе на заднем дворе. Пиццу должны были съесть птицы и муравьи – «альтернативный вид времени». Роберт верил и в переселение душ тоже. – Вот, например, мы ищем Саскию – ищем и всё ещё не нашли. Может, мы с ней просто разминувшись в веках.

И он кивал на часы, которые висели здесь, наверное, с незапамятных времён: большая стрелка никак

не хотела показывать минуты и, как сломанная рука, бессильно висела на римской цифре VI.

– Найдём её – и время пойдёт как положено, – обещал он.

Хотя сказать, что мы кого-то сильно искали, будет неправдой. Мы просто дурачились. Например, забирались в лифт какого-нибудь небоскрёба и гоняли на последний этаж и обратно. При этом даже не успевали распить бутылку нашего любимого «Шабли», которую всегда припасали на подобный случай. В какой-то момент лифт обязательно тормозил и в него вваливалась весёлая группка мексиканцев или почти моих земляков французов. После чего вино переставало быть ценностью и мы все вместе заваливались в ресторан (в бары меня ещё не пускали), где кутили, раскручивая с новыми друзьями бесчисленное количество «Отвёрток». До закрытия. А потом просто гоняли по фривею, резко тормозя иногда, чтобы не сбить опоссума или скунса. По ночам животные, как и мы, что-то искали и часто нарывались на неприятности.

Однажды мы тоже попали в переделку: нас остановил патруль и здоровенный белёсый коп, наставив на нас дробовик Remington 870, уложил обоих прямо на ледяной асфальт. После чего Роберт лишился водительских прав, а его шикарная гоночная машина ушла на штрафплощадку с последующей выплатой за себя космической суммы, таким образом надолго лишив нас средства передвижения. Адреналин в Америке – запрещённый вид спорта. Если кто не направил свои гормоны в официальную гонку за долларом, пиши пропало. Но Роберт не деньги любил. Он любил жизнь. Поэтому, отчаявшись найти Саскию, завёл себе приятеля с машиной – огромного индейца по имени Билл Бивер с квадратными плечами борца. Билл владел фирмой по уборке домов, ездил на дорожке «Тесла» и мастерски рассказывал занятные истории. А кроме того, к сожалению, любил «Polack jocks».

– Эй, Агнешка, почему в Польше не готовят кубики льда? – едва завидев меня, кричал он. – Потеряли рецепт. А что такое коктейль по-польски? стакан воды с соломинкой.

Я не реагировала – его подколки были безобидными, не в пример тем, которыми меня травил в школе: про поляков, что супят на бельевой верёвке использованные памперсы, тапаксы и туалетную бумагу, или про полк в местных публичных домах. Постепенно репертуар Билла иссяк и он оставил меня в покое.

– А что они?.. А что оно? – только и слышалось теперь из мастерской в андеграунде, где они проводили часы возле мольбертов и разбросанных по полу бутылок. Роберт еженедельно получал их по почте из элитного винного бутика, так что бухнуть между разговорами стало у них привычным. Всю уборку в доме взяли на себя «Weaver & Co», и у меня стало куда меньше забот.

– Шла бы ты наверх, Агнешка, – подталкивал меня к лестнице Роберт, потому что вместо многих других, у них с Биллом появился всего один друг. В виде невидимого мне сгустка зелёного тумана, который они называли Криттер.

– Ты всё равно его не увидишь. И о чём мы говорим, не поймёшь. Это к тому же небезопасно. Так что иди, покорми лучше Герцога.

Кто-то из родственников Билла служил в ВМС США и принимал участие в секретных испытаниях. Этот родственник вроде как много чего знал и, перед тем как бесследно исчезнуть, оставил записи про какой-то сверхсекретный правительственный эксперимент с кодовым названием «Радуга» – об испытании системы невидимости и эффекта телепортации. Что, вообще-то, ни в какие рамки в голове нормального человека уложиться не могло. Впрочем возможно, родственник Билла просто поймал «белочку» и в конечном итоге никуда не исчез, а попал в психбольницу. Но Роберту новое развлечение нравилось. Тем более что его призовые деньги иссякли, а с ними иссякли и девчонки. Ну, вообще-то понятно. Если полно молодых весёлых парней, кому нужен немолодой и уже небогатый художник с задвигами. Последнее время Роберт даже начал подкрашивать волосы. И брови.

Наконец я получила аттестат. На выпускную церемонию Роберт отвёз меня на восхитительном золотом лимузине. Но мы с ним больше молчали: с Биллом ему было уже намного интереснее, чем со мной. Они говорили, что их новый дружок – тот самый Криттер – умеет проходить сквозь стены и рассказывает невероятно умные вещи.

– Но мне тоже интересно, – протестовала я, потому что не хотела оставлять друга в обществе ненормального индейца.

– Это опасно, – серьёзно отклонял мои попытки Билл. – Моего деда они растворили и увели.

– Куда?

– В другую реальность.

– Кто его растворил?

– Криттеры.

– А кто это?

– Ну... про них ещё даже уфологи не знают. Это государственная и военная стратегическая тайна.

– Хм. А вас не растворяют?

– Нам по фиг, – ворочая на смуглом лице крутыми белками глаз, объяснил он как само собой разумеющееся. – У нас истекает срок годности, а тебе ещё за псом присматривать. Кто же за ним присмотрит, если с нами что-то случится?

Это, конечно, был аргумент. Но не настолько веский, чтобы избавиться от меня. Мы ведь с Робертом оставались друзьями.

– А что ты знаешь о Тесле? – спросил однажды мой друг, вглядываясь в холст, на котором было изображено нечто вроде большой зеленоватой амёбы. Я вообще-то знакома с теорией происхождения жизни в результате панспермии. Но причём здесь Тесла? Тесла и амёба – уже что-то запредельное.

– Слышала. Это учёный. Серб. Машины делает, – и кивнула на машину Билла, припаркованную за окном.

– Тот эксперимент они проводили вместе с Эйнштейном. И это не выдумка. Корабль у всех на глазах исчез на самом деле, об этом газеты тогда писали. Потом оказалось, что он переместился в гавань Норфолка. Это было чудо-оружие, которое мы испытывали в сорок третьем. Поэтому результаты Второй мировой предлагается пересмотреть – сроки секретности скоро истекут. Ты же знаешь: американских детей давно учат, что Вторую мировую выиграл не СССР?

– Вторую мировую, – назидательно ответила я, – выиграла Польша. Польские партизаны. После того как нас поделили, мы поднялись и разбили всех своих врагов и с востока и с запада. Ну, конечно, при поддержке победоносной англо-французской армии США.

В семнадцать лет я свято верила в эту чушь. Роберт и Билл остолбенели. Открыли рты. Переглянулись. Роберт снисходительно улыбнулся и что-то хотел возразить, но Билл его опередил:

– Вау, Агнешка рулит! А знаешь, почему немцы завоевали Польшу так быстро? Они шли задом наперёд и поляки решили, что те отступают!

Опять эти дурацкие шутки! Роберт лишь махнул рукой:

– Короче, пока об этом говорить нельзя. Криттеры существуют, они наравне с учёными участвовали в том эксперименте. Ваши тоже о них знают, но на всём этом гриф секретности. Тебе придётся подождать, пока информация сделает доступной. Да и вообще... Это категория нематериальная, она вне человека, её нельзя пощупать.

– А я и не собираюсь, – легкомысленно пообещала я, потому что ни в какого Криттера, конечно, не верила, а дурь, которой наверняка баловался Роберт, при его сдвинутой на категории времени могла нарисовать в его воображении кого хочешь. Даже Саскино, о которой он как-то подзабыл.

Кстати, время в его работах тоже перестало меняться. Он так и завяз на своей шестёрке-девятке. Даже скорбные глаза Христа, которые ещё год назад он запутал на холсте в нитях нотного стана, не изменились ни на йоту. Хотя мой друг вместе с Биллом даже установили призму на пути узкого солнечного луча, который бил на противоположную стену сквозь маленькое круглое отверстие в жалюзи. В затемнённой комнате до самого заката теперь на стене был раскинут веер солнечного спектра. Оставалось лишь взять немного температуры и перенести его на ткань. Но дальше дело не шло.

– А знаешь, оказывается, свет, цвет и звук, по сути, одно явление, – задумчиво сказал Роберт, рассматривая краски на палитре, но так и не сделав ни единого мазка. – Свет – это и цвет и звук. У нот даже есть полные имена: До – это Доминус – Господь. Ре – это рерум – материя. Ми – миракуллум – чудо...

– А что «фа»? – возвращала я его к действительности, потому что, забыв, о чём рассказывал, он молча изучал потолок, будто оттуда что-то спускалось. Я сначала подумала – паук, но никакого паука не было.

– «Фа»? – спохватываясь он, пытаюсь ухватить убегающую мысль. И нащупав её, счастливо улыбался. – Фа – Familas Planetarum – семья планет солнечной системы. Видишь, даже в космосе нужен центр, удерживающий планеты от гибели.

О Саскии он уже не вспоминал.

– Ты иди, покорми муравьёв, – заторопился он и всё-таки выставил меня из своего обиталища.

Я спорить не стала: искусство и наркотики – вещи часто неразделимые, хотя Роберт страдал астмой и вряд ли смог бы курить траву... Значит, что-то покрепче... Но не мне сражаться с человеком старше себя, к тому же своим боссом. Говорят, что все, кто занимается творчеством, платят за него собственной жизнью. Может, так и было. Хотя Роберт утверждал, что ему тридцать, выглядел он на все сорок пять. А может, ему столько и было... Не попадают в Энциклопедию начинающие художники, как и не находят молодые ничего общего с людьми возраста Билла, у которого лицо было основательно иссечено солнцем

и вспахано морщинами. Роберт вообще любил приврать, особенно по своей биографии.

Я накормила собаку и минут через двадцать вернулась.

Внутри стояло равномерное жужжание, будто там поселился пчелиный рой. Впрочем, жужжание напоминало и работу какого-то механизма. Хотя его нигде видно не было.

– Фурьи в аду, гарпии на земле, демоны на небе, а ты говоришь, что проходишь в любую реальность, – спорил с кем-то невидимым Билл, тыча в солнечный веер на стене. – Я думаю, ты нас дуришь.

Стрёкот усилился.

– А вот Брэдли утверждал, что будущего не существует, – не замечая ни моей обескураженности, ни вообще моего присутствия, таранился на ту же стену Роберт, потягивая что-то из бокала. – Или он был неправ, когда говорил, что время – кажимость, противоречащая самой себе?

На некоторое время слышался только стрёкот и жужжание. Потом оно затихло.

После чего оба вдруг прямо-таки покатались со смеху. Как если бы кто-то им рассказал забавный анекдот. Совсем непонятно, что весёлого можно услышать в этом жужжании. Но я реально почувствовала себя в сумасшедшем доме и уже хотела вообще потихоньку уйти, как вдруг Роберт стукнул себя по лбу:

– Понял! Я всё понял! Ты имеешь в виду – совпасть с собой. Ты прав, друг, искусство тоньше любой идеологии. И стало быть, моя цель – пройти сквозь материю. Сделать квантовый прыжок, как тогда – «Эддридж».

Точно! Они сбрендили на идее телепортации «Эддриджа». Я про этот случай и в самом деле где-то читала, но кто может поклясться, что газетные сенсации не высасываются просто из пальца?

– Феноменально! – отставив бокал, хлопал себя по ляжкам Роберт и что-то быстро набрасывал на холст, к которому не прикасался до этого уже с пару недель.

– От стратосферы до тропосферы и обратно – и всё за считанные секунды?! То есть законы, что работают у нас, дальше работать перестают – включаются новые! Билл, Криттер сказал, что они движутся через пространство в течение всей человеческой истории. Они умеют свёртывать его как холст и, если надо, даже обманывают теорию относительности!

– Он говорит, – Билл повернул к моему другу совершенно безумное лицо, – зная физику верхних слоёв атмосферы, можно понять и содержание проекта ХААРП. И предлагает нам работу без усилий над собой. Я правильно излагаю, Криттер?

– Запиши, Билл, дословно, – перебил его Роберт, тоже лихорадочно блестя глазами, в которых зрачки заполнили радужку до самых краёв: – «Перераспределение эфирного напряжения вызывает другие движения или электрические токи, а орбитальные движения производят эффекты электромагнетизма». Оставим это потомкам, раз мы не собираемся тут больше оставаться.

Я потихоньку вышла. Хотелось на свежий воздух. Они оба явно дошли до ручки, и задерживаться в их обществе не стоило: подобные временные регрессии не сулят ничего хорошего.

Назавтра Роберт на мой стук не отозвался. Как не отозвался и послезавтра. Дверь оказалась запертой. Я прошла на задний двор и спустилась в андеграунд через вторую дверь, которая обычно не запиралась. Внутри никого не было. И вещи не свидетельствовали о внезапном отъезде – всё оставалось на своих местах. Кроме хозяина. Ни его, ни его следов не было. Только на столе лежала та неуклюже нацарапанная Биллом записка о перераспределении эфирного напряжения. Я ещё раз перечитала её – бред сумасшедшего. Потом накормила мистера Герцога, подождала до следующего утра. Роберт не появился. Ничего не могли мне сказать и соседи: его дом уже несколько месяцев как перестал распахивать перед ними двери.

Я пожила в доме ещё пару месяцев, продолжая поддерживать в нём порядок. Каждую пятницу мне на дебит-карту аккуратно приходила зарплата – семьсот зелёных. Кто их перечислял, я не знаю до сих пор. Потом из Польши выпустили наконец мою мать, и я тоже привезла её в Робертов дом. К сожалению, понятия пани Гражины не уложились в здешние нормы: не успела я оставить её в доме одну, она всё перевернула вверх дном. После чего... кто-то сменил замки. Может, и сам Роберт. Правда, у него ещё была куча родственников – и сёстры и братья. И отец, который числился в розыске по подозрению в педофилии и скрывался где-то в Юте.

– Ну, зачем ты перевернула дом? – недоумевала я, растерянно разводя руками перед запертыми дверьми. Открытой для меня осталась лишь мансарда с примыкавшей прачечной. – Это ведь чужой дом.

– А что такого? – удивлённо вытаращилась на меня мать. – Я же ничего не взяла. Я просто хотела знать, не работает ли он на КГБ... Мне просто было интересно.

– Ведь из-за тебя я потеряла работу, – попробовала я ещё раз воззвать к материнской совести, когда в следующую пятницу мне впервые не пришла на карточку зарплата. – И друга!

Пожевав губами и смерив меня уничтожающим взглядом, пани Гражина невозмутимо ответствовала:

– Ради всех святых, мы должны быть начеку: у КГБ длинные руки. К тому же, мне просто было занятно. Там же всё равно никто не живёт.

Я махнула рукой. Люди её поколения больше всего интересуются тем, что их не касается, и «бабай КГБ» был для них хорошей отмазкой. Влияла и разность менталитетов.

Ещё через неделю я заперла мансарду, забрала Герцога и ушла на квартиру.

Тем большую радость я ощутила, когда ровно через десять лет в одну из пятниц, как бывало раньше, мне позвонил Роберт! Позвонил с предложением встретить его день рождения вместе. У него ведь на календаре всегда пятница! А у меня именно от тех дней осталась масса впечатлений, начиная со сказочных шейков во Дворце Дожей Лас-Вегаса и кончая многоцветьем лепившихся по вертикали домиков Вальпараисо. Они висели буквально над пропастью, внизу которой плескалось море.

– Представляешь, он приглашает нас в индейский ресторан! – говорила я матери, с которой собиралась к нему на встречу. – Этот «Кутли» (полностью – «Тлауицкальпантекутли») был когда-то самым любимым нашим рестораном.

Я говорила это, прихорашиваясь и затушёвывая тональной пудрой лёгкие складочки в уголках губ. Зачем намекать на годы, прошедшие с последней встречи?

– Он, наверное, оброс жирком, твой Роберт, – язвительно предположила пани Гражина, прилаживая на голову шляпку с пером и ярко подкрашивая губы. Она была в курсе наших романтических загулов и гонок по фривеям. – Стал «законопослушным гражданином». Сомневаюсь, что и теперь тебе с ним будет забавно.

– Посмотрим, – сказала я, запирая дверь и оставляя кота Лони в одиночестве. Я и его тогда забрала к себе. Герцог Уинстон Старлайт не пожелал расставаться с другом. Но коты живут дольше собак. Тем более таких больших, как золотистые ретриверы...

Меня встретил всё тот же светлоглазый денди в уютной курточке и лёгких туфлях, хотя на улице стояла минусовая температура. В этот раз и октябрь пришёл в своё время, и вот уже декабрь налетел снежными порывами. Судя по всему, календарь Роберта приказал долго жить и в права вошёл обычный, как у всех. С морозами.

Впрочем, и я не очень утеплялась – в машине не холодно.

– Агнешка, как я рад! – кинулся он навстречу, не забыв поздороваться и с моей матерью. Правда, окинули они друг друга критичными, не очень доброжелательными взглядами. Роберт не жаловал женщин своего возраста.

– Сколько лет, сколько зим! – воскликнула я, отметив про себя, что опоздали мы всего на десять минут, а Роберт уже согрелся парочкой бутылок маисового пива. В этой стране не очень поймёшь, когда человек хмельной, а когда как стёклышко, – нюансы способен различить разве что тренированный глаз славянина. В Америке скорее наркомана встретишь, чем пьяницу. Но в случае с Робертом были в активной фазе, пожалуй, оба случая. Я вспомнила визиты к нему загадочных покупателей, заметила, что брови его подрисованы несколько гуще, чем прежде, и глаза, уже без ресниц, тоже подведены. Когда-то я относила это странное мужское пристрастие к макияжу на счёт богемной моды.

– Что пьём, что едим? – весело спросил он в обычной царственной манере, распахивая перед нами меню «Тлауицкальпантекутли» и поднимая на каждую немного выпетшие глаза. Они были, как у Герцога в последние дни жизни, – тоскливыми. Но может, мне это показалось. Светильники, ниспадавшие с потолка почти до уровня стола, скрадывали свет из-за гирлянд цветов – символа традиционного индейского гостеприимства.

– Заказывайте, девочки, что душе угодно – сегодня мой юбилей – сорок лет! – объявил мой друг, привычно водружая на себя солнцезащитные очки. Судя по найденным после его исчезновения документам, сегодня ему исполнялось пятьдесят пять. На год меньше, чем моей матери. Не много, конечно, но и не так мало, если учесть, что с возрастом сознание показывает нам совсем другой образ мира, в котором мы последовательно перемещались во времени.

– Агнешка, а почему у многих поляков на лице оспины? – брякнул вдруг Роберт, рассматривая следы

от ветрянки на лице пани Гражины, и сам себе ответил: – Не всегда удаётся попасть вилкой в рот!

Я опешила. Никогда прежде Роберт не опускался до подобных «штучек». Как хорошо, что мать ни слова не знает по-английски! Увидев моё застывшее лицо, он ступевался, извинился и углубился в меню.

Мы наказывали, чего душа желала, начав с вина. Хотя индейцы не пьют (так как быстро спиваются) и поэтому свои вина у них дороже французских. Во всяком случае вино из кактуса и плодов шоколадного дерева или вино из лианы «Айяваска-Х» были именно такими.

– Знаешь, Агнешка, – сказал он, когда мы наболтались про «Солидарность», похороны Брежнева, про недавний бойкот московской и предстоящий бойкот лос-анджелесской Олимпиады и Миссури с Ютой. – Я ведь глубоко-верующий человек, то есть, по сути, совершенно не гуляка. Я просто хотел хорошей, спокойной жизни. С детьми, с доброй и красивой женой. С пледом возле камина и телевизором. И чтобы было что послушать. И что рассказать. Чтобы дом мой был чем-то вроде приноса последних дней мормона.

Он глотнул ещё пива и посмотрел на меня чёрными овалами очков.

– А ещё мне хотелось, как ваши «полаксы», сидеть на месте, никуда не выезжать и пить из горлышка... Что там у вас пьют? О, вспомнил! Самогон из стула. Табуретки? Это пуфик такой? Ну, вот видишь, как интересно – самогон из пуфика! У нас про такое даже не слышали. У нас другое. У нас даже сенаторы – наркоманы, и не скрывают этого. Скоро марихуану легализуют, потому что когда люди курят травку, они не лезут в политику и в дела военных ведомств. Правительствам неохота, чтобы под ними включился электрический стул. Вот я и отталкивался от земли обеими ногами, когда не находил в ней то, чего хотел. А хотела я вертикаль. Но время людей несоизмеримо с временем Бога. Где-то я читал, что, возвратившись из странствий, Пророк подхватил кувшин, который, улетаая, задел ногой. А из горлышка ещё и капли не пролилось. Такая вот относительность у времени. Значит, много ещё лет пройдёт, прежде чем люди разберутся, что на самом деле им продиктовал Пророк о последних днях мормонов.

Похоже, Роберт стал резонёром. Он придумал самого себя, забыв себя истинного, каким я знала его, и, пересадив свой клон в прошлое, начисто забыл, как всё было на самом деле. Ведь он жил совершенно иначе и хотел жить совсем не так, как сейчас описывал. Или за эти годы он и сам стал стукотом пустоты своих незаполненных холстов?

– Так ты всё ещё пишешь время? – спросила я, чтобы как-то вернуть его в настоящее.

– Я собираюсь его писать. Я знаю, как его напишу. И назову его автографом Бога.

И он задумался. Как тогда, когда смотрел на невидимого паука.

– А ведь я здесь уже не живу, – вдруг развернулся он ко мне. – Я переехал в Солт-Лэйк-Сити.

Город мормонов. Вот это было, пожалуй, вполне в его характере – не зря ведь он исчез тогда. Где-то же он обитал всё это время.

– У тебя есть заказы? – подталкивала его я в знакомые темы.

– Есть. Я творю нечто достойное Бога. Вот, посмотри, – он протянул несколько фотографий, на которых была снята одна из недавних работ: женская головка, созданная из вязи букв его автографа. Как крохотные золотистые муравьи, они топтали дорожки к муравейнику в виде буйных кудрей некой девы и снова спускались, обрисовывая её шею и плечи.

Автограф повторялся и повторялся, как живая тайнопись «золотых листов» Пророка, рисуя очертания чьего-то юного лица, черты которого прорисовывали всё те же тройки, шестёрки и девятки. А на шее клубилось ожерелье из букв, составлявших имя «Саския». Оригинально. Но не больше. Или я, как и прежде, не понимала его живопись. Или не живопись? Что это? Автограф художника, который мог пополнить ряды богов в одном из видов изобразительного искусства? Его попытка перераспределить эфирное напряжение?

«Чем тоньше лёд, тем больше хочется убедиться, выдержит ли он?» Или, как сказала когда-то Агата Кристи: «Это совершенно неважно. Вот почему это так интересно?»

– Так ты нашёл свою Саскию? – спросила я, заинтересованная.

– О да! – оживился он. – Ей – шестнадцать, она просто ангел. Я ей сказал: мы можем пожениться, если ты хочешь. А когда тебе надоест, я выдам тебя замуж за достойного человека. Но, сказал я ей, до свадьбы я не притронусь к тебе и пальцем.

«Интересно, а после свадьбы ты чем к ней притронешься?» – мысленно хмыкнула я, вспомнив найденную в его доме медицинскую выписку с диагнозом «импотенция». Хмыкнула и устыдилась: дело-то было совсем не в этом.

– Вот смотри, что я для неё приготовил! – Роберт открыл велюровый футляр, из недр фиолетового

бархата которого сверкнул настоящий довольно крупный бриллиант. – Видишь? Это шепчущий камень. Псионически сформированная матрица, содержащая главную мечту жизни или чувство. Как бы контур души.

Его глаза, освобождённые от тёмного стекла очков, пометались по сторонам, словно в поисках укрытия.

– Я знаю принцип действия: прикосновение к такому кристаллу на миг воскрешает это главное чувство или мечту. Если хотите – это и есть автограф Бога.

Глаза его без прикрытия были возбуждёнными, почти безумными.

– Роберт, Роберт! Ты всё так же плетёшь ерунду! – воскликнула я, любящая бесконечной игрой граней. – И я всё так же в ней ничегошеньки не понимаю. Но почему ты один? Ведь у тебя день рождения! А где она?

– Да знаешь... – он понизил голос, хотя моя мать не понимала по-английски ни слова. Но они были почти одногодками, а сверстникам Роберт не доверял. – С Тейлор маленькая неувязка. Тейлор – так её зовут по документам – вчера взяла на часок мою машину и не вернулась, и я искал её весь день, шёл пешком в другой конец города. Нашёл там, где и предполагал, среди друзей-тинэйджеров. И мы немного повздорили. Но я всё равно люблю её. Я завтра вручу ей бриллиант.

– Роберт, а как с теми, Криттером и Биллом? – спросила я, проигнорировав рассказ: хронические исчезновения его малолеток мне были знакомы и по прежним временам.

– С Криттером? – удивился он. – С Биллом?

– Ну да, вы же вместе исчезли тогда из города...

– Да? – он посмотрел на меня озадаченно. – Я их вообще не знаю. Ты что-то путаешь. Я с ними незнаком.

– Да ну, Роберт, вы ещё вместе занимались какими-то идеями Теслы. А потом исчезли. И мне пришлось забрать к себе мистера Герцога Уинстона Старлайта.

– А ты не путаешь? – лоб моего старого друга выразил усиленную работу мысли. – Я впервые слышу и о мистере Старлайте. По-моему, я с ним тоже незнаком.

Мать непонимающе глянула на наши склонённые друг к другу головы и уткнулась в принесённый счёт. Он был не так уж и мал. Но я рассчиталась своей кредиткой. Здесь так принято – платить за именинника. Да и всё-таки на день рождения мы пришли без подарка.

– Агнешка, – тихо склонился к самому моему уху Роберт, когда мы вышли из ресторана, – понимаешь, Тейлор забрала мой бумажник. Сразу-то я не заметил, а потом уж настало время встречи с тобой и я не стал возвращаться. Короче, мне ночевать негде. Нельзя ли сегодня перекантоваться у тебя?

И он зябко передёрнул плечами, снова надевая солнцезащитные очки. Хотя на улице была темень.

Ко мне было нельзя: с продлёнки, наверное, уже вернулась дочь-первоклассница, а с работы – отец. Я оформила Роберта в ближайший мотель и, порывшись в багажнике машины, поделилась с ним парой коробок овсянки быстрого приготовления – всё, что там нашлось. Он застеснялся, но, потоптавшись, взял.

– Если что, звони, – сказала я на прощанье.

– Обязательно, – ответил он. – Я ведь продал дом за пятьдесят тысяч, деньги у меня есть.

– Врёт он всё, твой Роберт, – сказала мать в машине. – И никакой Тейлор у него нет, «тейлор-курвейлор». Имя бы хоть красивее придумал! Он спит в машине. В такую холодную! Заблокируй его номер, а то ещё будет названивать – помощи просить. Ты же видишь – он бомж, наркоман. И тысячи свои давно продал. И машину продует.

– А ты видела бриллиант?!

– Это наживка. Для воображаемой Саски. На колечко у него деньги пока нашлись. И на дозу найдутся. А на еду и жильё – уже нет.

Я не стала блокировать номер. Он был вообще-то хорошим человеком, этот Роберт. И дал мне очень много. У меня остались о нём самые тёплые воспоминания.

Но больше он не звонил. Никогда.

СЕРГЕЙ ШАМАНОВ

СТРИТРЕЙСЕР рассказ

Старенький «Фольксваген» выплыл из ночной темноты и затормозил на перекрёстке, несмотря на разрешающий сигнал светофора.

– Что происходит? – дрогнувшим голосом спросила спутница водителя.

– Я вижу то же, что и ты, – ответил мужчина, глядя на пару спортивных машин, перегородивших дорогу поперёк полос движения.

Он просигналил, и группа молодых ребят за автобарьером обратила на них своё внимание. Пара молодчиков отделилась от компании и подошла к «Фольксвагену», вопросительно покосившись на тонированное окно со стороны водителя. Стекло медленно опустилось, из окошка показалась лысеющая голова мужчины средних лет.

– Ребята, убрали бы свои тачки, – тихо сказал он, с опаской глядя на незнакомцев.

Молодые люди стояли не шелохнувшись, свирепое выражение лица одного из них напрягало и без того настороженного водителя. Заметив его страх, парень, не меняясь в лице, положил руку на крышу авто и, нагнувшись к окошку, произнёс спокойным голосом:

– Через пару минут разъедемся. Извините...

Водитель тем временем начал понимать, что происходит, и, приободрившись, спросил:

– Я не против того, чтобы подождать. Но раз такое дело, можно нам глянуть на заезд?

– Можно. Только никаких съёмок!

Водитель, подбрасывая на ладони ключи, вышел из авто вместе со своей спутницей и последовал за парнями.

С другой стороны перекрёстка картина зеркально отражалась: две машины перекрыли полосы движения, перед которыми стояли молодые люди в цветных куртках.

В нескольких сотнях метров от перекрёстка происходило самое интересное – за барьером из легкового авто гудели на старте два тонированных автомобиля. Красный «Митсубиси» ослепительно сверкнув дальним светом, смотрел на дорогу гипнотизирующим взглядом многочисленных светодиодов, окантовывавших передние фары; синий «Субару» с выразительными позолоченными дисками громко прогазовывал. Миниатюрная блондинка с флажком чёрно-белой расцветки в «шашечку» нетерпеливо прыгала на обочине.

Вот-вот будет дан старт.

Молодой человек за рулём «Митсубиси» внимательно следил за девушкой с флажком, приоткрывая заслонку дросселя. Его соперник, на «Субару», полный парень с чёрными, как смоль, волосами, спадавшими на лоб до самых бровей, прилепил жвачку на ободок руля, намереваясь вернуть её в рот после заезда.

Взметнулась вверх рука девушки, и едва флажок опустился к земле, оба автомобиля, взревев, сорвались с места.

«Митсубиси» получил преимущество за счёт высокой стартовой скорости. Когда он прошёл половину дистанции, его соперник сделал впрыск закиси азота и резко ускорившись, вырвался вперёд. Водитель «Митсубиси» не дрогнул, он точно рассчитал, когда следует включить нитро-двигатель, чтобы преодолеть дистанцию на максимальной скорости и на завершающем отрезке пути почти сравнялся с «Субару».

Фары летящих авто уже высвечивали финиш, но «Митсубиси» не видел лежащий на сверкающем полотне своей полосы камень и, наскочив на него, подлетел, точно с трамплина. Водитель судорожно крутил баранку руля, передние колёса беспомощно двигались в воздухе и не могли отвести авто от столкновения

с деревом. Машина врезалась в могучий ствол. Смялся капот, лобовое стекло треснуло от деформации корпуса и разошлось мелкой сетью, в которой запутался крик водителя, вырвавшийся из его груди после удара об рулевую колонку.

Финиш «Субару» мало кто видел, победитель заезда уже никого не интересовал. Зрители спешно запрыгивали в авто и разъезжались. Через полминуты ночной перекрёсток полностью обезлюдел.

Несколько машин подъехали к месту аварии. Молодые люди боязливо заглядывали в салон разбитой машины. Бойкого вида парень, организатор заезда, шагнул к водителю представительного «Мерседеса» и, положив руку на его плечо, сказал:

– Через пять минут здесь будет шумно. Я на спортивной тачке – мне стрёмно оставаться. Ты у нас адвокат, скажешь: мимо проезжал, увидел аварию. Ну, ты сам лучше меня знаешь, что нужно говорить. К тебе не придерутся! Мало ли чего, парень дерево поцеловал...

Водитель «Мерседеса», совсем ещё юноша, одетый в костюм с иголки, не возражал:

– Сваливайте быстрее, чтобы мне было меньше врать!

Ему не пришлось подгонять приятелей – взревев моторами, спортивные машины тут же покинули место аварии, растворившись в темноте ночных дорог.

***

Телефонный звонок разбудил супругов в три часа ночи. Глеб Викторович повернулся набок и, протянув руку к спальной тумбочке, нащупал телефонную трубку.

Жена открыла глаза и тревожно следила за мужем.

– Скоро будем, – сухо закончил разговор Глеб Викторович и, ударив телефоном о крышку тумбочки, резко поднялся с кровати.

Рванув дверцу платяного шкафа, он озарил спальню встроенной подсветкой и, громко щёлкая вешалками, отыскал брюки. Нырять в чёрные штанины, он ударил металлической бляхой зеркало, ответившее звонким стуком.

– Что случилось? – сонным голосом спросила женщина, приподнявшись на локтях.

Муж молча застёгивал брюки, так, словно считал, что не может ответить ей, стоя в неподобающем виде.

Наконец защёлкнув ремень, он встретился взглядом с женой и произнёс:

– Собираемся, Рита! Алёша в больнице. Попал в аварию.

– Как? Глеб, как? – воскликнула женщина.

Муж продолжил спешно одеваться, бросая на неё длинные тени.

– Быстрее, я уже одет! – сказал он, метнувшись к тумбочке за телефоном. И вправду, жена смотрела на мужа и не верила, что ему оставалось только туфли обусть. Она бросилась одеваться, и вскоре догнала мужа, уже сидящего в своём внедорожнике, перед открывающимися воротами. Он распахнул дверцу с её стороны, и Рита запрыгнула в автомобиль, как пассажир в уходящий поезд. Мужчина хлебнул минеральной воды и принялся судорожно поправлять причёску, глядя в салонное зеркальце. Всклопоченные подушкой седые волосы не поддавались и, плеснув в сложенную лодочкой ладонь шипящей минералки, Глеб Викторович кое-как прилизал их. Газированная вода растеклась по его левому виску, собралась ртутно-круглыми каплями на идеально выглаженном, словно навощённом свитере, но он не обращал на это внимания. Сверля взглядом поднимающиеся ролеты гаража, он сунул бутылку устроившейся в кресле жене и небрежно бросил в свой рот подушечку жвачки, которую принялся яростно жевать.

Каждая секунда была дорога, и он с презрением игнорировал просьбу бортового компьютера пристегнуться ремнём. Но всё же, на перекрестке это сделал: ночью движение такое же рискованное, как на автобане, а уж после аварии сына, любая гипотетическая возможность дорожной катастрофы, воспринималась вполне вероятной.

В больнице дежурный врач сообщил, что сын в операционной и попросил их посидеть на рецепции в отделении интенсивной терапии.

Они погрузились на мягкий кожаный диван сливочного цвета между раскидистыми пальмами. Ну, прямо туристическая компания, а не больница, – язвительно заметил Глеб Викторович про себя. Он не мог усидеть на месте – несколько раз подскакивал, нетерпеливо стоял перед женой, глаза бегали по коридору.

– Какое счастье, что мы застрахованы в этой клинике, – сказала Рита, вдохновлённая многочисленными, как для этого времени суток, работниками больницы. Ей казалось, что такое количество медиков, словно непобедимая армия, при виде которой болезни и смерти должны бежать наутёк.

– Это всё, что мы могли сделать. Остальное не в наших руках, – ответил муж, пшыгнув носом.

– Мы должны сделать всё, что можем! Ведь это наш единственный сын, – с надрывом в голосе произнесла она.

Глеб Викторович склонил голову и плюхнулся на диван. Жена погладила мужа по голове и крепко сжала его кисть в своих ладонях.

Так они просидели до рассвета. Когда медсестра подошла к ним, Рите от страха услышать плохую новость чуть не сделалось дурно.

– Операция прошла успешно. Ваш сын переведён в палату отделения реанимации.

– Можно его увидеть? – спросила Рита.

– Пока нельзя. Он находится в коме и ещё предстоит бороться за его жизнь.

Глеб Викторович поднялся и вплотную надвинулся на молодую женщину. Ему не нравилось, что в момент, когда судьба их сына оставалась неясной, с ним общается какая-то медсестра.

– Я хотел бы поговорить с доктором, – холодно произнёс он.

– Врачи сейчас на консилиуме, – сказала медсестра, отступив от мужчины на шаг.

– Мы не уйдём отсюда пока не увидим нашего сына и лечащего врача!

Медсестра, поджав губы, удалилась.

Они снова остались одни на диване – пили кофе и утешали друг друга. Ранним утром Глеб Викторович обзвонил подчинённых и дал указания. Спрятав телефон в карман, он тщетно пытался вспомнить, когда последний раз не выходил на работу.

Врач отделения интенсивной терапии в конце смены нашёл для них время.

– У него тяжёлое состояние, закрывая черепно-мозговая травма, переломы правой и левой ноги, сломаны пару рёбер, – перечислял он, по очереди заглядывая в глаза печальных родителей.

– Что хорошего? – спросил Глеб Викторович.

– Пока нельзя назвать его состояние стабильным, – неопределённо сказал медик.

Глеб Викторович закатил глаза к потолку:

– Вы даже не пытаетесь нас обнадежить.

– Я могу дать вам результаты томографии и прокомментировать их, – предложил доктор.

Прежде чем Глеб Викторович ответил, жена отгеснила его, и, глядя в глаза доктора, взмолилась:

– Можно его увидеть? Пожалуйста, я хочу его увидеть!

Доктор отрицательно покачал головой.

– Ну, пожалуйста!

– Рита, не надо. Потом, – смущённо сказал муж.

– Только посмотреть на него?.. – повторила просьбу отчаянная мать.

Мужчина некоторое время колебался, глядя на них.

– Идёмте за мной, только, пожалуйста, там нужно вести себя очень тихо...

– Спасибо, – ответили они, последовав за ним.

Медсестра накинула им на плечи бирюзовые халаты, и супруги оказались в светлой комнатке. Возле окна, на железной койке, лежал Алёша. Во рту трубка аппарата искусственной вентиляции лёгких, приклеенная к щеке пластырем. Обритый череп был перевязан бинтами, отчего казалось, что на голове кружевной чепчик. Рите при взгляде на беспомощного сына вспомнилось, как он подвозил её прошлым летом. Весёлый красивый юноша, поставив стакан колы в подставку, макнул расчёску в чёрную жидкость и пригладил волосы как стилиага. Включив классический рок-н-ролл, он играючи управлялся с машиной, обгоняя попутные авто и эффектно тормозя на светофорах. От этих воспоминаний на её глаза навернулись слезы.

– Травматическая кома, – сказал доктор. – Мы удалили ему гематому. Пока на искусственном дыхании.

– Каковы шансы? – спросил Глеб Викторович.

– Об этом я не могу говорить. Мы делаем всё, что можем. То, что он выжил в таком столкновении – уже чудо. Сейчас много зависит от него.

Мать бросилась на колени перед сыном, прикоснулась к его безвольной руке. Рыдая, она начала молить о его выздоровлении, рассказывая, как сильно его любит и что он для неё значит. У мужа ком подступила к горлу: за четверть века совместной жизни он ни разу не видел свою жену такой.

– Рита! Рита, не надо! Он тебя не слышит. Хватит, Рита! Рита... – смущённо повторял Глеб Викторович, взяв жену под локоть.

– Слышит! Они всё слышат в коме! – жалобно произнесла она.

Женщина подняла заплаканные глаза к потолку, словно душа сына, пребывая там, должна была подтвердить её слова.

Глебу Викторовичу было неудобно перед доктором, но тот держался абсолютно равнодушно. Видимо, привык к подобным сценам.

Супруги вернулись на диванчик рецепции, от которого проторили дорожку к кофейным автоматам. Глебу Викторовичу всё время звонили подчинённые, когда он выдавал из себя причину отсутствия – беспокоить перестали.

Днём приехали родственники жены, и она предложила мужу поехать домой отдохнуть.

– Я не уйду отсюда без тебя и сына! – попробовал отпираться он, но жена убедила его в необходимости сменить друг друга. Пребывание Алёши в коме может быть долгим, а когда он выйдет из неё – нужно чтобы рядом оказался кто-то из близких ему людей!

Домой Глеб Викторович ехал с непривычным ощущением, что его там никто не ждёт. Переступив порог, он понял, что совсем не хочет спать. Мозг был возбуждён и ясен. Он зашёл в комнату сына и сел на его кровать, разглядывая немного хаотичную обстановку комнаты подростка, так разительно отличающуюся от патриархальной респектабельности царившей в доме.

Полстены от пола было заставлено коллекционными моделями гоночных автомобилей, которые сын собирал ещё с первого класса. Повсюду висели фотографии спортивных авто в аккуратных рамках. Фото любимой машины сына возвышалось на прикроватной тумбочке, оно было почти в два раза больше, чем его фотопортрет с любимой девушкой. Комната больше напоминала фан-клуб гоночной команды, чем комнату студента.

Глеб Викторович подошёл к письменному столу и разворошил стопку бумаг, состоящую в основном из эскизов авто и тщательно прорисованных фрагментов аэрографии. Алёша неплохо рисовал – его музой была любимая машина.

Сын получил в подарок новый «Митсубиси» на восемнадцатилетие, редкому подростку так везёт. Но заводская комплектация машины не удовлетворяла его, и он принялся оснащать её дополнительными опциями: вносить ненужное и убирать то, без чего обычная городская машина не могла обойтись. Так авто лишилось задних сидений, получило новый отвес и спойлер. Сын изуродовал её аэрографией – длинные чёрные молнии исполосовали корпус автомобиля.

Ближе к вечеру, толком не успев, Глеб Викторович вернулся в больницу. Жена общалась с девушкой Алёши. Красивая блондинка, сцепив на груди руки с длинными розовыми ногтями, глядела в глаза Риты и вежливо улыбалась, как при светской беседе, чувствовалась её отчужденность. Глеб Викторович, принимая во внимание то, что сын больше всего любил свою машину, не мог упрекнуть девушку в отсутствии горя на лице. Немного пообщавшись с женщинами, он отправил их и зашёл в палату сына.

Алёша всё так же лежал без сознания, – завернутый в бинты и окутанный трубочками, он походил на мумию. Глеба Викторовича взяла озноб от давнишнего страха перед забальзамированными мертвецами. Он вспомнил, как из трупов, через маленькие надрезы, по одному доставали внутренние органы, а мозг, кусочками, выковыривали крючком, через ноздрю. Прогоня навязчивый страх, он до боли прикусил губу. Нахлынут же мысли! Сын был живой, и он сделает всё, чтобы он жил!

Глеб Викторович наклонился к сыну и поцеловал холодный лоб. В этот момент он понял, что не может вспомнить, когда целовал его в последний раз. Наверное, когда тому было годика три...

Глянув на сына, он увидел на проколотой капельницей руке багровый ручеек уходящий к предплечью. До боли знакомый рисунок – Алёша сделал татуировку, повторяющую молнию на аэрографии авто. Вот она, любовь!

На рецепции, возле отделения интенсивной терапии, скопилось множество людей. Среди них выделялась сидевшая на краешке дивана заплаканная женщина, в таком же небрежно накинутом бирюзовом халате как у Глеба Викторовича. Встретившись с ней взглядом, он почувствовал в ней сестру по несчастью и присел рядом.

Вскоре они разговорились. У женщины мама наглоталась таблеток после недавней смерти мужа, и теперь, за каких-то несколько дней, она могла стать полной сиротой. Врачи промыли пострадавшую ото рта до ягодич, но яд глубоко впитался в неё, и шансов практически не было. Глеб Викторович рассказывал про сына, про непонимание, росшее между ними.

– Он всегда получал то, что хотел, но иначе и не могло быть! Я всю жизнь много работал и всегда добивался поставленных целей. Не понимаю, в кого он пошёл. Я в юности совсем другим был. И вроде

воспитывал его, но всё без толку. Всё отпущенное природой упрямство и целеустремленность он направил на размежевание со мной.

– А вы пытались понять его? – спросила женщина.

– Только это и делал.

– О чём же он мечтал? – попыталась озадачить собеседника женщина, но Глеб Викторович без запинки ответил:

– О машине своей чёртовой он мечтал! За него с какой стороны не возмись – всё ей начиналось и заканчивалось.

Он покинул собеседницу, чтобы заглянуть к сыну, и потом ещё несколько раз ходил смотреть на него, неизменно в сопровождении санитарки, тенью следовавшей за ним. Сестра по несчастью была тронута его вниманием и тоже ходила в палату к своей матери. Так проходила их ночь.

Глеб Викторович засыпал на диванчике, ёрзая ногами из-за неудобного положения. Его собеседница предложила ему склонить голову ей на колени. Он был смущён и представлял, что подумает его обезумевшая жена, если, не выдержав домашнего заточения, прибежит ночью в больницу – и такое было вполне возможно. В засыпающем сознании голос произнёс, что не надо стесняться – горе объединило вас на короткое время, подобно тому, как судьба объединяет людей, приходящих на помощь друг другу. И сомнения пропали, или уснули. И он сам уснул. Уткнувшись седой головой в её мягкие колени.

А потом подошла медсестра и сообщила женщине скорбную весть о смерти её матери. И после этой вести о смерти коридор отделения интенсивной терапии странно оживился. Плакала потерявшая маму дочь, на бегу столкнулся с вышедшей из-за двери санитаркой куда-то спешащий медбрат. Глеб Викторович смотрел на происходящее так, словно разучился чувствовать реальность, и до конца не осознавая – находится ли он в яве или во сне, прошёл в палату сына и, коснувшись его руки, прошептал: «Только живи, пожалуйста. Я сделаю всё: отремонтирую твою машину или куплю новую. Не буду упрекать тебя в случившемся. Только живи, живи! Живи!».

Женщина исчезла, не простившись. Глеб Викторович представил себе тело её матери, накрытое простыней, и непроизвольно перекрестился.

Устроившись на диване, он спал и видел, как мчится на машине его сын, видел так же свою ночную собеседницу, она смеялась и держала за руку свою живую мать, а, может быть, его?

Проснулся он рано утром. Жена гладила его по голове.

Он вскочил, воскликнув:

– Как он?

– Всё так же, не бойся, дорогой. Я только что была у него.

Посидев с Ритой, он поехал домой. Приняв душ, скушал приготовленную женой еду, и снова уединился в комнате сына.

Раньше он избегал находиться в этом помещении, а теперь чувствовал себя здесь уютно. Казалось, что дух, находящегося в коме сына обитал не возле его тела, а здесь – среди моделек и эскизов спортивных машин. Внутри прозвучал голос ночной собеседницы: «*понимал ли он сына?*».

Хотел понять.

Где-то с год назад, они встретились в гараже. Глеб Викторович критически смотрел на очередные улучшения идеальной машины сына и попросился за руль.

«Только не выжимай больше второй передачи, а то в другом городе окажемся», – предупредил Алёша, и в этой шутке была доля истины.

Сын сидел на пассажирском сидении и ревниво следил за тем, как отец маневрирует на узкой дороге, между особняками соседей, и напрягался каждый раз, когда они переезжали очередной лежачий полицейский. Он бы отказал отцу, но был слишком зависим от него – выбора не было.

Вскоре, Глеб Викторович припарковал машину в укромном месте и обратился к сыну: «Алёша, нам надо серьёзно поговорить. Я вижу, что мы по-разному видим твоё будущее. Если бы твоё увлечение гонками было простым хобби и не мешало успевать во всём остальном – было бы прекрасно, и мы не говорили бы об этом. Но тебя ничего кроме гонок и твоей машины, к сожалению, не интересует. В такой ситуации я вижу один выход... Давай подойдём к этому практично: что тебе нужно, чтобы стать гонщиком? Чем я могу тебе помочь?».

Алёша терпеливо выслушивал отца, его лицо приняло страдальческое выражение. Мало того, что родители вопреки его желаниям делали из него юриста, так теперь отец решил вторгнуться в святую святых его души, чтобы помочь стать гонщиком.

«Папа, спасибо большое, – вежливо сказал тогда он. – Я, конечно, думал об этом. Но гонщик – это не тот, кто гоняет. Ты хочешь поговорить практично – давай!». Алёша принялся рассказывать о том, что в их стране автогонки не популярны, федерация слабая. Он, сказал, что нужно ехать за границу, но там попасть в хорошую команду нереально – места все заняты и расписаны на много лет вперёд. Начинать надо с нуля. Участвовать в самых простых гонках, поднимаясь от класса к классу; на каждый этап как минимум год, и то, только в том случае, если будет хороший результат, если нет – застрянет, как в болоте. И всё за свой счёт, спонсоры помогают только участникам престижных соревнований. Кроме непосредственных расходов на авто, ещё придется отчислять деньги за участие в заездах. «Если, – говорил Алёша, – такое устраивает – надо определиться со страной, снять там квартиру. Притом, что придётся кочевать из города в город, – подчеркнул юноша. – Парковки, страховки там на порядок дороже, особенно страховка за спортивное авто – и то вряд ли их вообще кто-то страхует. А каждый заезд – это потенциальные столкновения». Юноша не забыл упомянуть, о бытовых мелочах: «В Англии бокал пива стоит как у нас в супермаркете ящик – это конечно утрированный пример, ты знаешь, что я не пью и не собираюсь пить, но ты понимаешь... Даже при твоём искреннем желании, и твоих немалых возможностях, такое дорогостоящее предприятие можно не потянуть», – резюмировал Алёша.

Отец, поглаживая маленький спортивный руль, внимательно слушал сына и соглашался с приводимыми доводами. Все было логично, но всё же гложилась мысль: сын понимает, что потерпит крах на соревнованиях. Там серьёзные спортсмены, знающие, что они делают и ради чего. А когда он не состоится как гонщик, ему придётся покончить с этой ерундой и взяться за ум. Куда как проще ездить на машине, прокачанной за счёт папы, и соревноваться с такими же бездельниками, как он, побеждать тех из них, чьи родители не смогли дать достаточно денег.

«Если всё так бесперспективно, мне трудно тебя понять. Зачем ты тратишь время, деньги?» – спросил он сына. Алёша возмущенно ответил: «Потому, что я это люблю. Ты хочешь, чтобы я был практичен, ко всему относился так, чтобы извлечь пользу. Но как можно практично относиться к любви? А если от неё нет пользы – отказаться что ли от неё?!»

Алёша апеллировал к ценностям, которые Глеб Викторович не то что не разделял, но хорошо знал, что за ними стоит. «Я тебе объясню, как можно практично относиться к любви, – наставительным тоном сказал он сыну. – Девушка, которую ты любишь – рано или поздно будет требовать заботы. Чтобы заботится о ней, тебе нужны будут деньги. То же самое с детьми. В идеальном варианте ты должен любить родителей и когда-нибудь они будут рассчитывать на твою заботу – но об этом мы с мамой даже не мечтаем! – Глеб Викторович поднял вверх руку, чтобы погасить возникшие возражения сына. – Даже твоя машина, которую ты любишь больше всех, вместе взятых – тоже требует заботы: её надо заправлять, ремонтировать. На какие шиши? Представь, что меня нет и денег, которые ты получаешь от меня, тоже нет, и поймёшь, что “огонек твоей любви” будет гореть не от твоего пылающего сердца, а от плодов твоей практической работы. Всё просто до того, что я не верю, будто ты этого не понимал! Ведь ты мой сын!».

Алёша, выслушав отца, сказал: «Папа, ты практичен, как деревенский мужик – познал примитивную науку выживания и всё меряешь на мешки картошки. В жизни есть другие недоступные тебе измерения, например адреналин».

Адреналин.

Глеб Викторович буквально взбесился, услышав это, и крикнул: «Я езжу по жизни! Моя дорога – жизнь! Она даёт мне адреналин! А ты – бездельник хренов!».

Последовавшие возражения сына потонули в рёве мотора. «Я покажу тебе адреналин! – кричал Глеб Викторович, на скорости наезжая на лежащие полицейские. Сын кусал губу, слыша, как стучит отвес об асфальт, от напряжения у него пошла носом кровь. Теперь, вспоминая ту ссору, Глеб Викторович жалел о своей несдержанности, действительно есть другие измерения – жизнь сына. Но и он в том споре был прав – у него есть всё, чтобы сбересть жизнь ребенка. Алёша выкарабкается!»

На работе компаньон Глеба Викторовича поинтересовался здоровьем его сына и удивился обстоятельствам аварии. Все, кто знал Алёшу, говорили, что он хороший водитель. С чего это вдруг – на пустой дороге и в дерево?

Вечером Глеб Викторович приехал в больницу. Жена сидела в окружении своих родственниц – шумных пожилых женщин, которых он недолюбливал, и, глядя на них, подумал: «сидят, как плакальщицы на похоронах», и тут же укорил себя за кощунственные мысли.

– Ему установили питание, провели магнитно-резонансную томографию – нашли гематому. Будут ещё раз оперировать, – сообщила жена.

В этот раз, Глеб Викторович, привыкший к диванчику рецeпции, сразу заснул. Ему снилась операция – спины врачей склонились над телом пациента, он не видел его, но чувствовал любовь к нему и понимал, что на операционном столе его сын. Днём Глеб Викторович вернулся в больницу и вместе с женой они снова, как в первый день, вместе ждали, вместе боялись, вместе надеялись, поочерёдно ходили за кофе и подбадривали друг друга. Врачи просверлили отверстие в черепной коробке их сына и удалили гематому.

Алёша лежал в своей палате, точно божество, на жизнь которого работала целая больница. Аппарат искусственной вентиляции легких, словно духовой инструмент из оркестра, громко и торжественно вдыхал в него воздух, и через пару дней божество пробудилось.

– Он открыл глаза! – крикнула жена в телефонную трубку и Глеб Викторович, всё бросив, примчался в больницу.

Они стояли перед сыном. Полуживой юноша отрешённо смотрел на них.

– Ты нас узнаёшь? – спросила Рита.

Алёша утвердительно закрыл глаза.

– Ты узнаёшь папу? – спросила она.

Юноша снова закрыл глаза.

Рита бросилась к своему ребёнку и сквозь слёзы начала с ним сюсюкать. Глеб Викторович уединился в коридоре с врачом.

– Пока рано отключать искусственное дыхание – он ещё не полностью вышел из угнетённого состояния, – сказал врач.

– Что будет дальше? – спросил Глеб Викторович.

– Дальше придется побороться. Многое зависит от него, насколько сильно он хочет жить. Вы тоже можете помочь ему.

– Мы сделаем всё, что в наших силах.

– Сделайте так, чтоб он хотел жить, – сказал доктор.

Глеб Викторович вернулся домой к полуночи; жена после того, как Алёша открыл глаза, решила не покидать сына.

Дома, соскочив с подножки внедорожника, Глеб Викторович посмотрел на пустую половину гаража, где на полу было написано: «Митсубиси». Увидев год назад эту надпись, он отругал сына. Сейчас об этом жалел.

Придя в сознание, Алёша подарил родителям надежду на скорое выздоровление, но следующий день не принёс улучшений. Напротив, им становилось страшно каждый раз, когда он засыпал – казалось, что слишком много сил он отдаёт на то, чтобы в очередной раз всего лишь открыть глаза.

– Никогда не задумывалась раньше, как это легко: открыть глаза, – сказала Рита мужу, проснувшись в кресле на рецeпции отделения интенсивной терапии.

– Я принёс тебе кофе, – сказал он, протягивая картонный стаканчик, от которого шёл лёгкий дымок.

Пролетело несколько неотличимых друг от друга дней, потом сын перешёл на самостоятельное дыхание и заговорил.

– Как дома? – спросил он отца.

– Всё нормально. Тебя только не хватает, – ответил тот, натянуто улыбнувшись.

– Не знаю, как это произошло, я, словно взлетел и не мог управлять машиной, – выдавил сын. – Как в самом страшном сне – крутишь руль, а он тебе не подчиняется... Кстати, что с машиной? Где она? Сильно пострадала?

– Чёрт с ней, с машиной! На штрафплощадке она. Главное, чтобы ты поправился.

Сын нахмурился.

– Я, наверное, не скоро сяду за руль, если вообще сяду.

– Всё будет хорошо. Я заберу машину и отвезу в автосервис, – сказал Глеб Викторович.

– Правда? – сын с недоверием посмотрел на отца.

– Прямо сегодня это сделаю, – заверил тот.

Покинув больницу, Глеб Викторович поехал на штрафплощадку. Всеми забытое авто стояло забором из переплетённых металлических прутьев – капот гармошкой, разбитое лобовое стекло, спущенные передние колеса, деформированные двери. Работы непочатый край.

Машину поначалу не хотели отдавать, но помогли старые связи. Глеб Викторович вызвал эвакуатор, который перевёз её в ремонтную мастерскую при фирменном автосалоне.

– В ремонте твоя машина, уже оценивают предстоящую работу, – поспешил обрадовать он сына позаним вечером, усаживаясь перед койкой.

Алёша широко улыбнулся.

– Это прекрасная новость. Я чувствую, что мне стало лучше, – почти бодро ответил он.

– Но только обещай мне одну вещь! – строго сказал отец.

– Какую?

– Не ездить на ней со скоростью больше шестидесяти километров.

Кровать тихонько, но заметно задрожала – сын не смог сдержать подступивший смех:

– Я не могу тебе этого обещать, – сквозь смех сказал Алёша. – Потому, что не собираюсь умирать и надеюсь выжить...

Директор автосервиса к полудню принял Глеба Викторовича в своём кабинете и представил счёт на круглую сумму, равную трети первоначальной стоимости машины.

– Естественно, это не считая аэрографии и нитродвигателя, – осторожно сказал директор.

Кресло скрипнуло под его посетителем, лицо Глеба Викторовича покраснело, он положил руки на стол, наклонившись к директору:

– Что в этом естественного? А как же страховка?

– В вашу машину внесены конструкторские изменения. Все гарантии на неё не распространяются. Страховка не действует.

Глеб Викторович от злости ударил кулаком по столу.

– Я не знал, что там стоит нитродвигатель... Сколько он будет стоить?

Директор автосервиса с деланным удивлением посмотрел на него.

– Я не могу сейчас точно сказать. Мы не занимаемся их установкой. Мы можем вызвать специалиста со стороны или лучше, если вы найдёте своего. Но опять же – гарантий после этого специалиста не будет.

Получив такой ответ, Глеб Викторович, поехал в страховую компанию, но там упёрлись в то, что машина была переделана и никакие доводы на них не действовали. Связавшись с друзьями сына, он отвёз машину в тот автосервис, где её тюнинговали. Это была полулегальная на вид контора, в депрессивном районе города, глядя на ремонтные боксы казалось, что в них выращивают марихуану, а мастера походили на бандитов, что поджидают своих жертв в подворотнях, но зато все хвалили их золотые руки.

Столько забот выпало Глебу Викторовичу из-за разбитого вдребезги авто, он был не рад, что занялся восстановлением автомобиля. Про себя он считал, что место этой разбитой тачке на помойке, пожалуй, впервые в жизни он делал то, что считал неправильным. Единственный аргумент – от этих «неправильных» действий Алёша заметно воспрянул духом. Ещё недавно он с трудом открывал глаза и был не в силах говорить, а, узнав, что машина в ремонте, смог даже рассмеяться в ответ на шутку.

Едва Алёша пришел в сознание, вторая волна посетителей потянулась к нему. Врачи разрешали посещения только близким родственникам, и Рита решала, кому можно посетить его, а от кого просто готова была передать Алёше привет. Плотный молодой человек с чёрными волосами, закрывавшими лоб, тот самый с которым соревновался Алёша, оказался настойчив, и Рита рискнула провести его. Увидев выражение лица сына, она пожалела об этом, но тот сказал, что всё нормально и попросил маму выйти.

Холодная волна накрыла тело юноши; иногда ему хотелось думать, что роковая гонка была всего лишь сном.

– Как дела? Слышал, что ты время здесь не теряешь, предки уже ремонтируют твою тачку... – сказал посетитель, усаживаясь на стул перед койкой Алёши.

– Переделывают, чтобы я быстрее ездил, – ответил юноша, пытаясь пошутить.

Недавний соперник критически оглядел пациента реанимации и, хлопнув по коленям, рассмеялся так, что эхо прошло в коридоре, и сказал:

– Переделывают с управлением для инвалида?

Алёша усмехнулся, хотя шутка была чересчур грубой. А гость поинтересовался его самочувствием.

– Подожди, жиртрест, скоро выпишусь – повторим заезд. Я тебя даже на инвалидной тарантачке сделал! – Алёша бодрился, когда приходили друзья и приятели одногодки – он не хотел выглядеть при них слабым. Гость снова критически оглядел лежащего на койке пациента реанимации.

– Конечно, повторим! Но согласишься, в этом заезде я тебя хорошо сделал! Как Бог – черепашку.

Алёша бессильно сжал зубы, ему хотелось послать его подальше.

– Я просто не доехал до финиша, – ответил он.

– Ты не доехал, а я доехал, – сказал парень и выразительно посмотрел на него.

Повисла пауза. Гость оглянулся на дверь, потом снова посмотрел на Алёшу и, подбирая слова, уперся взглядом в пол.

– Короче, такое дело... Ты не доехал до финиша, значит, я победил.

Юноша сжал руками простынь, и замер, ожидая, что дальше скажет или не скажет его недавний соперник. Мысленно поменявшись с ним местами, он понял, что никогда бы не сказал, то, что произнёс недавний соперник:

– Мне нужны сейчас деньги.

Алёша всё ещё находился на грани жизни и смерти, и его покорила такая суетливая меркантильность. Но конечно то, что он в подобной ситуации не позволил бы себе так поступить, не являлось аргументом. Соперник, победивший в заезде, имел право получить свой приз.

– Я выпишусь и заплачу тебе.

Полный молодой человек сразу после аварии не то, что не рассчитывал получить деньги, он боялся, как бы не было серьёзных последствий. Но теперь опасность миновала, проигравший соперник был жив, и возможность получить деньги стала слишком реальной, чтобы от неё отказываться.

– Мне деньги нужны *сейчас*. Действительно, нужны, иначе я бы не беспокоил тебя здесь. Ты же уже ремонтируешь тачку – там денег на порядок больше. Отдай мою штуку, и забудем об этом.

Молодой человек вышел из палаты и попросил маму Алёши зайти к сыну.

Рита склонилась над отпрыском. Ему хотелось всё растолковать ей, что-то придумать, чтобы красиво соврать, но силы оставляли его и он просто сказал:

– Дай тысячу долларов этому парню. Я у него одалживал. Потом объясню.

Мама боялась спорить – как бы не стало Алёше плохо от этого, и договорилась, что рассчитается за его долг. Вечером, вытирая слёзы, она пожаловалась мужу.

– Я с ним поговорю, – сказал он. – Когда это всё минет, у нас будет крепкий мужской разговор.

На работе, утром следующего дня, компаньон озадачил невыспавшегося Глеба Викторовича:

– Поговаривают, что не всё чисто было с аварией. Якобы там был заезд уличных гонщиков на деньги.

– Кто говорит?

– Люди говорят. Напрямую из якобы участников никто не признаётся, всё через десятых знакомых.

В обеденный перерыв Глеб Викторович поехал в авторемонтную мастерскую. Его не водили по кабинетам, механик прямо во дворе озвучил сумму:

– Ремонт обойдется в семь тысяч. Это без аэрографии, вы её себе потом сами сделаете. Но с отвесом, заменой диска, с установкой нитрооксидной системы.

Установка нитрооксидной системы, из-за которой в большей мере пропала гарантия на машину, не воодушевляла Глеба Викторовича.

– А сколько будет стоить ремонт без нитро?

– Всего на тысячу дешевле.

– Давайте без него!

– Это не так дорого, – сказал механик, с удивлением глядя на клиента. – Мы поставим хорошую систему с коваными спортивными поршнями, электробензонасосом высокой производительности. Отладим всё как надо. Ваш сын, конечно, может и потом его поставить, но лучше сделать сразу. Вы раньше сталкивались с нитродвигателями? Знаете, что это такое?

– Нет, – сквозь зубы процедил Глеб Викторович, ему было стыдно сознаваться, что он в чём-то не разбирается.

– Эта система позволяет получить на двигателе дополнительную прибавку мощности. Нитрооксид азота двухкомпонентен – он состоит из азота и кислорода. Кислорода в закиси азота в два раза больше чем в воздухе. К тому же во время распыления закись азота существенно снижает температуру воздуха, увеличивая его плотность.

– Хорошо, я понял, – махнул рукой Глеб Викторович. – Давайте так – я съезжу за деньгами, а вы пока не трогайте её...

– А мы в кредит не ремонтируем, – вежливо «успокоил» его механик, пристально глядя на клиента, так словно раздумывал, давать ли тому денег в долг.

Коллеги механика, вышедшие покурить, смеялись в спину удаляющегося мужчины. Но Глеб Викторович хоть и слышал их – не обращал внимания. Сумма за ремонт машины набежала не малая. Алёша по ежедневным мелочам тратил на неё не меньше. Но откуда у Алёши были деньги? Он достаточно получал на карманные расходы; этот шалопай, как и множество его сокурсников, окончив свой университет, не

сразу столько зарабатывать начнут. Алёша тратил родительские деньги, ни в чём себе не отказывая, и едва ли мог накопить сумму на серьёзный тюнинг машины. Где же он их брал? Зарабатывал на гонках? Клянчил у доброй мамы?

Нужно серьёзно поговорить с Ритой! – отмечал про себя Глеб Викторович, барабанив пальцами по рулю и глядя на красный глаз светофора.

Он с трудом припарковал машину перед главным корпусом университета. Сторонясь идущих навстречу молодых людей, вошёл в здание и, подойдя к лифту, глянул на часы в холле. Ещё не так поздно – руководство должно быть. На пятом этаже он, бегом оглядевшись, узнал раскидистый фикус возле панорамного окна. За три года здесь мало что изменилось. Впрочем, как и у него в семье, за исключением последней недели, которая могла поменять всю привычную жизнь.

– Здравствуйте, я отец Алёши Степанова, – сообщил он молоденькой секретарше, входя в приёмную деканата.

Девушка, оторвавшись от монитора, удивлённо смотрела на солидного седовласого мужчину. Он подошёл к ней и положил руку на столешницу.

– Мой сын в реанимации. Может быть, сокурсники вам сообщали, но я решил сделать это лично.

Девушка растеряно моргнула.

– У нас такого студента нет.

– Он должен быть на третьем курсе, – уточнил Глеб Викторович.

– Алёша Степанов, – растягивая буквы, произнесла секретарь, её глаза скользили по строчкам списков, раскрывавшихся на мониторе. – Такого студента нет.

– Ну, как? Может, он перевёлся на другой факультет? Глупость, конечно...

– Извините, я не могу сказать вам больше. Мы не предоставляем такую информацию, – решительно ответила девушка.

– Я действительно его отец! – сказал Глеб Викторович, положив перед секретарем своё водительское удостоверение.

– Этот документ не удостоверяет ваших родственных отношений, – сказала девушка, язвительно улыбувшись.

– Да, конечно. С этим было бы глупо спорить, – ответил он, забирая свой документ.

Глебу Викторовичу было унижительно упрощать секретаря. В конце концов – не такая проблема будет узнать, как обстоит дело с учёбой Алёши. Кивнув, он попрощался, застыл в дверях и резко повернулся. В руке у него был бумажник.

– Нет, даже не пытайтесь, – сказала девушка, глядя на мужчину, шедшего на неё с решительным видом. Он взмахнул перед ней купюрой. Секретарь отвела глаза.

– Пожалуйста... – попросил он и посмотрел на массивную дверь. – Надеюсь, декан у себя?

– Его не стоит беспокоить по такому поводу, – сказала девушка и прибавила вполголоса: – Алёша Степанов отчислен. Полтора года назад.

Их взгляды встретились, и он понял, что девушка говорит правду. Тем более, это был ответ, который он, по правде говоря, ожидал услышать, собираясь сюда.

Он об этом догадывался и теперь получил подтверждение: сын два года брал у него деньги, чтобы оплатить учебу, а на самом деле тратил полученные деньги на машину.

И на что он только надеялся? Машина отняла у него совесть, способность здраво рассуждать.

– Алло, Рита! Как вы там? – спросил он жену, отъезжая от университета.

– Всё в порядке, ему заметно лучше. Ты скоро?

– Заеду домой за деньгами, хочу закрыть вопрос с починкой авто. Потом в больницу – нам надо с тобой поговорить насчёт Алёши.

– Он спрашивал про машину. Очень волнуется из-за неё. Что с ней? – торопливо спросила жена.

– С машиной всё хорошо, – скривившись, сказал он. – Пусть больше не думает о ней. Так и скажи ему.

Глеб Викторович, не заезжая домой, отправился в ремонтную мастерскую. Паркуясь, он в зеркале заднего вида увидел машину Алёши. Увидел в ней не столько автомобиль, сколько источник зла, всех бед обрушившихся на их благополучную семью.

Работники автосервиса, собравшиеся на перекур, заметили клиента и повернулись к мужчине, ожидая, что тот подойдет к ним, но он шёл к машине. Шёл решительно, словно к человеку, которого хотел запугать.

Он остановился перед мятым капотом и дотронулся до покорёженного железа. На подушечках пальцев

капельками крови остались кусочки автомобильной краски.

Глеб Викторович медленно обошёл вокруг авто, оценивающе разглядывая его. Он заметил, что обивка сидений совпадала с алыми тонами, так любимыми сыном в одежде. Прикоснулся к искривлённой молнии на крыле машины, тут же одернув руку так, словно дотронулся до татуированной руки незнакомого человека. Дерзко-вздернутый спойлер на багажнике авто ни капельки не пострадал и выглядел так, словно в любую секунду был готов поднять разогнавшуюся машину к звёздам.

Враг был одновременно и величественным, и беззащитным. Именно враг! Глеб Викторович не любил двусмысленностей, и всегда стремился обозначить для себя главное. Эта машина отняла у них сына, поработила глупого юношу, сделав своим придатком, удовлетворяющим её потребности. В связке: машина-водитель, хозяином должен был быть человек, но хозяйкой стала машина. Когда любовь вмешивается в отношения, всё идёт наперекосяк и становится с ног на голову! Машина влияла на сына Глеба Викторовича, на которого он, немало добившийся в жизни, не мог повлиять.

Но власть машины на него не распространялась. Пускай он знал, сколько она стоила – он вместе с тем знал другую цену. Этой ценой кроме тех, тайком выкинутых на машину денег, был их сын!

Подойдя к окрашенному в яркий красный цвет стенду со средствами противопожарной безопасности, он, не удосужив взглядом курящих мужчин, выдернул багор и, взвесив его в руке, вернулся к машине.

Размахнувшись, он ударил по лобовому стеклу. Звенящие осколки влетели в салон. Прицелившись, он ловко срубил боковое зеркальце и ногой отфутболил его в сторону. Передние фары авто возмутительно уцелели после сокрушительной аварии и нагло глядели на него ободками светодиодов. Глеб Викторович принялся долбить и сверлить ближайшую к себе фару, словно хотел сделать прорубь во льду. Разобравшись с передними фарами, он повыбивал стопы и задние поворотники, со всей силы ударил по вздёрнутому спойлеру, забрался на покорёженный багажник и обрушил удары на крышу.

Кто-то из собравшихся рабочих присвистнул, предложил вмешаться, но его одёрнули, и в воздухе прозвучала фраза: «Нам больше работы будет!».

Но человек с багром не собирался предоставлять кому-то работу. До изнеможения он рубил авто, хлопковая рубашка затрепала под мышечными спазмами, ворот удавкой сомкнулся вокруг покрасневшей и вздувшейся шеи, левой рукой он яростно дернул кончик накрахмаленного воротника, оторвав две пуговицы. Машина должна пить бензин, а не кровь – изрядно обессилевший мужчина, вытирая блестящие капли пота со лба, вернулся к своему джишу и открыл дверь багажного отделения. В салоне разрывался мобильный телефон, но внешнего мира для Глеба Викторовича в тот момент не существовало. Переложив теннисные ракетки в сторону, он под целлофаном нащупал небольшую канистру с запасом бензина.

Рабочие недоверчиво смотрели, как солидный мужчина обливает бензином спортивную машину.

Зажигалка вспыхнула в руке Глеба Викторовича. Он поднёс пылающий язычок к корпусу автомобиля и огонь за несколько секунд охватил машину.

Резко махнув рукой, он выразительно поклонился, и, с чувством выполненного долга, направился к своему авто.

Механик мастерской шёл ему навстречу. Глеб Викторович, сбавив шаг, жестом остановил мужчину, достал из кармана пиджака визитку и бросил в его сторону. Лёгкий кусочек картона, завертевшись в воздухе, не долетел до адресата и упал между мужчинами.

– Я всё улажу с вашим боссом! Сейчас у меня нет времени!

Глеб Викторович сел за руль и завёл машину. Тревожно зазвонил оставленный на приборной панели мобильный телефон. Тяжело дыша открытым ртом, мужчина смотрел в зеркальце заднего вида, где вились клубы дыма, багровел огонь и не мог различить в этих чёрных клубах машину сына. Автомобиль Глеба Викторовича заглох, но он не заметил этого. Зато заметил в дымовой завесе проступающие контуры человеческой фигуры.

На миг он похолодел, подумав о том, что в машине или под ней каким-то образом оказался человек. Но откуда он там взялся?!

Глядя на фигуру, он узнал в этом поедаемом огнём человеке своего сына! Опухшее лицо юноши почернело от ссадин и копоти, правый глаз отсутствовал – на его месте зиял уходящий в голову алый конус, словно тесаком выковыряли, правое ухо срезано, языки огня, впившись в спину, развивались за плечами, словно плащ на ветру.

Единственным подбитым глазом он укоризненно смотрел на отца и шевелил кровоточащими губами. Глеб Викторович не сводил с него глаз, игнорируя вновь зазвонивший телефон. Когда лицо юноши скрылось в поволоке серого дыма, его отец глянул на дисплей и увидел, что до него пытается дозвониться жена.

Он взял смолкнувший телефон и обнаружил пять пропущенных вызовов от Риты!

Имя жены снова высветилось на голубом дисплее. Она никогда не была настойчива в таких случаях, значит, что-то произошло... Глеб Викторович предполагал самое худшее, ему так и виделась она, лежащая на бездыханной груди сына, ему так и слышался её душераздирающий крик: «Глеб, наш сын!».

Он не заслуживал услышать это, и она не заслуживала. Алёша должен был жить!

Когда он пообещал лежащему в коме сыну отремонтировать машину – юноша пришёл в себя, когда он забрал её со штрафплощадки и сделал первые шаги к починке – Алёше стало заметно лучше.

Как же он мог её уничтожить?

Непростительная ошибка!

Глеб Викторович почувствовал себя физически и душевно опустошённым. Он не хотел верить в случившееся, он понимал, что такого не может быть, но лицо полыхающего сына стояло перед глазами. Собрав волю в кулак, мужчина через мгновение вылетел из своего авто, вытащил огнетушитель и побежал к костру. Задыхаясь от гари, он ходил вокруг охваченной огнём машины и заливал пену в корпус. Он отбросил в сторону выработанный огнетушитель и побежал к противопожарному щиту. На глазах изумлённых людей он тушил костёр, который всё больше походил на пепелище.

Он тушил огонь, надеясь исправить свою ошибку.

«МЕГАФОН»

О ПОЛЬЗЕ КНИГ И ПИСАТЕЛЕЙ

интервью Андрея Дмитриевского с Ольгой Ильницкой

Впервые опубликовано

во общественно-политической газете «Донецкий край» (2011 г.),

<http://donkr.gorod.dn.ua>

– Ольга Сергеевна, расскажите, что связывает вас с Дебальцево, как и почему вы там оказались?

– С городом Дебальцево связано многое в моей жизни. Возле дворца культуры похоронен мой дед Георгий Попов, человек талантливый, одержимый идеями революции, он и похоронен, как её герой возле ДК машиностроительного завода под большим общим памятником героям Донбасса. Работал он много, был и директором железнодорожной больницы, ещё железнодорожную газету «Кривошип» выпускал, был корреспондентом «Правды».

Во время Великой Отечественной войны мой отец, тогда старший лейтенант Сергей Гапеев, защищал этот город, и познакомился с мамой моей, Людмилой Поповой, в Чернухино, неподалёку от Дебальцево. Там жили мои прадеды – казаки запорожские и донские: Грачёвы и Афонины. Там они и сегодня живут – я в мае побывала и в Чернухино, и в Дебальцево.

В Дебальцево я училась в седьмом классе (когда жила у бабушки, Елены Николаевны Поповой), и меня приняли в комсомол на год раньше, чем положено по уставу в 13, а не 14 лет – очень была активна. Комсомольский билет хранила, и только недавно отдала его в архив ЦГАЛИ Ольге Романовой, вместе с другими писательскими документами: решила, что отныне я возраст отменяю, буду считать себя «вечно молодой», то есть – позволять себе всякие вольности. Например – «сыграть в ящик» документально, до того, как это произойдёт в реальности.

Очень странное ощущение – прикоснуться к вечности таким необычным способом: жить и здесь, и уже – там: «Я живу вдоль светящейся линии, я для всех уже мир невидимый».

Когда-то я сама работала в историческом архиве Одессы и знаю, насколько важна работа по комплекции личных фондов, это работа на Историю, для Истории. Научный сотрудник архива, собирающий документы – человек, провожающий тебя в жизнь уже по – за твоей конкретной живой жизнью расположенную, как бы проводник в «навсегда» – страшновато, ты-то ещё жив....

У меня появился ещё один мой пожизненный собеседник, Ольга Романова, а таких людей я считаю одними из самых ценных для себя, они помогают мне жить вне времени, уже как бы всегда, от этой мысли и напряглась и улыбнулась.

– Насколько активно Вы поддерживаете сейчас литературные связи с Украиной?

– Да для меня литературные связи Украины с Россией и не прерывались, мы живём и работаем в поле общей культуры. Осенью мы с писателями Андреем Пустогаровым и Михаилом Роммом задумали провести литературный фестиваль «Украинский мотив», а в июле прошёл в Одессе Международный литературный фестиваль, организованный совместно российским журналом «Октябрь» и литературным музеем Одессы. Двадцать четвёртого августа – уезжаю на литературный фестиваль «Славянские традиции» в Крым, там же проходит в сентябре «Волошинский фестиваль», то есть разговоры о том, что в России перестали интересоваться украинской литературой, сильно преувеличены. Уже печатается тираж первого номера толстого литературного журнала «Южное сияние» в Одессе, и много ещё есть чего сказать по теме. И я бы заметила, что в России сегодня стали интересоваться гораздо больше украинскими писателями, пишущими на русском языке. И мне лично это нравится. Литература в принципе объединяет людей, а не наоборот, задача у неё объединительная, а украинская и русская литературы имеют единую корневую систему.

Ещё есть единое поле мировой литературы, и славянский литературный букет я бы не разбирала на отдельные составляющие. Ибо литература – гражданка не отдельного государства, но – общего Мира людей.

И если мы в каких-то моментах не дотягиваем до её мирового уровня, то имеем дело не с «нетленкой», а с созданием сиюминутных вещей, обслуживающих социум, вроде «Окон Роста».

Я не люблю, когда активничают службисты, стремящиеся перепрофилировать литературу в сферу обслуживания, вроде парикмахеров или официантов. По мне – это неправильное отношение к искусству.

Да, я за «чистое искусство» – но гражданскую лирику люблю, когда и если она лирика, а не социальная апитка и компостер для революционизированных мозгов.

– Часто ли в современной России литература используется для решения однодневных задач?

– А власти только тем и занимаются (когда занимаются культурой), что пытаются приспособить литературу и литераторов для решения задач сиюминутных и прагматичных.

Вечность и общность Мира Миром начальников над жизнями не интересует. Я не люблю определение «актуальное искусство», «актуальная литература», и когда слышу выражение «актуальщины», начинаю цыкать зубом (помните замечательный момент у Стругацких в «Понедельник начинается в субботу – разговор «зубом не цыкать»?).

Большим спросом пользуется у читателей и слушателей «актуальная поэзия», отличающаяся социальной ангажированностью, вкусовой свободой, словесной раскованностью на грани расхристанности, скандальностью, протестной позицией автора. Такая поэзия очень нравится молодёжи и либерально настроенной интеллигенции, Михаил Ефремов читает именно такие тексты Дмитрия Быкова на радио «Эхо Москвы» – очень популярные тексты. А я их слушать не люблю. За сознательную эксплуатацию уличного сленга вместо чистой русской речи. А не надо писать стихи теми словами, которыми чай приглашают пить, а тем более теми, что на заборах пишут. Может быть, со мной станут спорить – мол, если художественно послать на... то есть применить сакральные слова, то всё нормально! Сакральные – пожалуйста, а вот ругательски-плохие, ушедшие от задачи своей сакральной – не надо, но это, как говорил один из моих учителей – «моё личное собачье мнение»).

Не буду говорить по поводу поэтических имён: это сильные авторы с хорошими языковыми данными, но тот язык, который они мне предлагают (я что, не знаю его? тоже знаю), вводить в текст не хочу. А ведь его и вводить нет надобности в тело текста, он настолько агрессивен, что «тонишь в двери, влезает в окно» сам! И появляется литература прогибающихся и кокетничавших дурным словом писателей перед агрессивной и ждущей «хлеба и зрелищ» толпой, «типа» разучившейся говорить и, «блин» понимать язык без этих самых «типа блинов»...

Вот и пекут мастера слова блины – тексты для бедных, не наученных понимать поэтический язык в принципе. И я не люблю слушать ни перлы, что выдаёт украинский мастер слова Лесь Подервянский, ни находки в стихотворных текстах мастера русской речи – Дмитрия Быкова. Художественный уровень от этого не выигрывает. А социальные задачи – да. Выполняются. Кто что выбирает. И – каждый выбирает по себе.

А проблема в связи с «актуальной литературой» ещё и в том, что писатель не должен прогибаться ни под какую власть, это прямое противопоказание для писателя... Иначе вообще разойдётся с литературным языком, а это уже непоправимо и для писателя и для читателя.

– Сто лет тому назад подобную роль в культурной жизни играли шансонье, о творчестве которых говорили: «Утром в газете, вечером в куплете...».

В принципе актуальная поэзия делает то же, она хочет к себе активного внимания и потому не очень разборчива в способах его приобретения и накопления. Сказать, что это мне вовсе неинтересно, будет неправильно: я историк по образованию, понимаю причины появления этого явления, и даже сама испытываю в этом какую-то болезненную потребность – это зависимость от эфира, и с этой зависимостью бороться сложно. Но необходимо.

Я люблю гражданскую лирику – но чтобы её писать – можно и нужно найти иные слова, чем уличные «типа блины». И только, когда срываюсь, не справляюсь с эмоциями и переживаниями, только тогда у меня тоже появляется язык, против которого я бунтую.

– Почему?

– Язык – живое существо, мы общаемся друг с другом как живые существа, то есть тем языком, что

в нас живёт, а мы в нём – живём. И благодаря ему – люди.

*«Слова даны нам только для того,
чтобы один не понимал другого.
О, беззащитность в ожидании слова!
Слова даны нам только для того,
чтобы один не покидал другого»*

Я к процессу взаимоотношения языка и человеческого в человеке отношусь с интересом, это окружающая реальность, от которой не спрячешься. Но её можно убивать – что и наблюдаю.

Я лично не хочу, чтобы меня формировал язык, которым позволяют себе изъясняться писатели-удобы. Я не хочу сама им стать или приложить своё слово к появлению стаи читающих удобов... Чтоб не сказать резче. Не хочу жить в такой среде, которая будет формировать меня с помощью уже опущенного языка: язык делает человека человеком, не зря в советские годы язык и литература преподавались с первого класса по выпускной.

А сейчас иное. И если будет плохой язык, то он будет делать плохих людей. Что и наблюдаем, удивляясь. А удивляться не надо, надо – не допускать, чтобы власть манипулировала людьми с помощью «Аншлага», к примеру, или «Эха Москвы», то есть следует развивать вкусовые сосочки языка – как гурманы развивают вкус, посещая рестораны. Так и хочется сказать «блин!» – вот, очень наглядно.

А поэзии задача – вочеловечивать... И обходиться без манипуляторов и манипулируемых. Поэтому заметила, что агрессивно отношусь к тем, кто девальвирует слово. А себя, схватив за руку, то есть за язык, «наказываю чтением» классиков – в обязательном порядке два часа перед сном – у Платонова такой язык, что горло к утру болит, словно лезвий наглоталась... А после чтения Бунина, или Тургенева – собственный язык становится плавным, чистым и молчаливым... и хочется «*Поэзию молчанием продлить. Я и без слов сумею говорить*».

– В каком состоянии сейчас находятся литературные журналы?

– Они издаются, более того, их становится всё больше и больше: «толстые» литературные журналы – русская традиция. В большинстве своём они сейчас выживают на энтузиазме своих редакторов и редакционных коллективов, это специалисты – подвижники. На них давит дурная бесконечность системы – и это сложный и тяжёлый процесс, ничем хорошим это для культуры не кончится.

Литераторы перестали быть профессионалами – они не получают за свой труд достойной зарплаты. Да большинство никакой не получает, то есть – писатели любители. Я вот – любитель, у меня нет зарплаты. Нет гонораров. И я свои книги не продаю – дарю. Это хорошо или плохо? Это неправильно.

Но беда в том, что журналы в силу печальных социально-культурных обстоятельств существуют как бы клубно, закапсулированно, практически ограничиваясь своим авторским кругом, теряя тиражи и гонорары. Но – поддерживая писателей. Не могут материально – поддерживают психологически, а это «не валется».

Однако, на крупном политико-культурологическом сайте «Русский Журнал» есть виртуальный «Журнальный Зал», собирающий на своих «этажерках» – как старые «толстые» журналы, которые мы раньше выписывали, так и появляющиеся новые, которые подписок и не знали. Но у меня есть подозрение, что читателям не нужны журналы в таком большом количестве, им некогда читать даже книги. Или уже не хочется...

Это писателям нужны журналы – и эта мысль меня тоже огорчила. Неслучайно в самой литературе набирает силу короткое слово, и становится активнее, чем это было в прошлые времена (я о прошлом веке) – короткий рассказ, короткий роман: люди заняты зарабатыванием денег. Зато у них возникает желание самим писать, поскольку эпистолярный жанр (я думала умер, но нет), он трансформировался... И пишет народ наш, перестав быть активным читателем – пишет языком, существующем в деформированном виде, использующимся для SMS-сообщений и переписки в сети Internet.

Во Всемирной Паутине есть даже любители, которые проникают в тело готового чужого произведения и по-своему расставляют акценты, становясь явочным порядком соавторами. Жуткое явление.

Когда я обнаружила в своём тексте, расположенном в интернете, присутствие постороннего, поняла: каждого первого автора надо спасать, и это возможно только при помощи «бумажной» литературы.

Я спросила у коллег, встречались ли они с новым феноменом внедрения в твой текст чужака? Да, встречались – как и с прямым воровством текста, когда твой текст фрагментами подседают в тело чужого

произведения. На электронных носителях текстом можно легко манипулировать. И поэтому тоже – книга не должна уходить из книжных шкафов, книги нужно издавать и переиздавать обязательно.

– Интересная ситуация получается: литература сворачивается, а телевизионные сериалы раздуваются...

– Эта проблема связана с агрессивными явлениями социума: идёт сознательное в государственном масштабе обованивание граждан. Та именно ситуация, когда из культуры делают служанку социума, тем самым искусство адаптируя для домохозяек и читателей сэмпсов.

Но сейчас появилась (да никуда и не исчезала) небольшая группа читателей, интересующихся произведениями, поднимающими психологические и философские проблемы, а не только глотающих романы в мягких обложках – весь этот ширпотреб, от которого у нормального человека, отличающегося «Бабея от Бебея» почесуха аллергическая. Люди, получившие хорошее образование, тяжело выживают в среде оскудения литературных интересов.

Слава Богу, книга есть, но книг так много, что в дом продвинутые юзеры книги уже не заносят – пользуясь электронной заменой. Вот это меня пугает. Наверное, как наших бабушек и дедушек пугало появление телевизоров, отеснивших кинотеатры и, собственно, кино.

– Вы были знакомы с Анной Яблонской, недавно погибшей в аэропорту «Домодедово» от рук террористов...

– Она запомнилась юной, талантливой, любопытной и во всё вникающей. На мой взгляд, драматургия ей удавалась больше, чем поэзия: у неё был особый наклон слуха и угол зрения, интерес к психологии и диалогу, к живому разговорному языку. И она любила театр. Как пишущему стихи человеку ей было свойственно предвидение, она предчувствовала скорый уход к большинству: известно, что она написала в своём блоге в ЖЖ, за месяц до взрыва в Домодедово. Все читали.

– Вы сказали, что поэзия может предвидеть будущее...

– И не только: она ещё и моделирует его. По себе знаю, многое написанное до тридцати лет отслеживала, потом проживая. Но скорректировать ничего не получилось. Написанное – прожила. Мы все носим в себе свои счастья и трагедии и – и иногда, доживая до них, понимаем задним умом – знали, как будет. Чувствовали. Но не понимали, не прочитывали знаков.

А жизнь всегда знаки подаёт – вот писатель этим и отличаем от не писателя – у него статистика наблюдений. В прозе это выражено меньше, а в стихах – более точные попадания: поэт входит в какое-то особое состояние, и начинает воспринимать то, до чего не может дотянуться памятью, чего ещё не было, доходит интуитивно, основываясь на том, что было, процесс часто бессознателен, или аналитический анализ настолько быстр, что не отслеживается...

Ведь простой человек ради удобства структурирует время на прошлое, настоящее и будущее, а поэт этого не делает: он живёт во «Всегда» и, в силу своей трудовой занятости, попадает в сферу, мало поддающуюся рациональному объяснению.

Говорят философы, что поэтическое творчество ближе к Богу, чем молитвенное состояние. Думаю, есть резон в таком понимании.

– В одном из Ваших стихотворений есть такие строки: «Предчувствую глухие годы бед и тишину, в которой мира нет». С чем связан такой пессимизм...

– С тем, что я не оптимист: мы попали в исторически интересную, но сложную полосу времени, сменны формаций и переход из века в век... и потом, классика обобщения: «Нет ничего настолько плохого, чтобы его нельзя было ухушить».

А это во все исторические времена случается с разными народами. Сейчас случилось с нами. К оптимистам отношусь скептически: считаю, что они обманывают себя и этим оказывают медвежью услугу своему периоду времени. Людям хочется, чтобы их обнадеживали, но надежды хороши быстрым исполнением, иначе ситуации затягиваются и переходят в категорию безнадежных. Хороший пример – существование нашей социальной системы – этой дурной бесконечности, грибницы, проросшей всех поголовно. Племя пессимистов растёт, и это очень плохой показатель для человечества, для вечности, если люди настроены на убывание надежд. Но я бы не ставила знак равенства между пессимизмом и реализмом: пессимист всегда может горько отшутиться, а реалист – нет. Реалист станет страдать и агрессивничать.

– И всё-таки, хочется завершить беседу на светлой ноте. Что пожелаете нашим читателям?

– Как пессимист – пожелаю оптимистично смотреть в завтрашний день, найти свою экологическую нишу, своё дело, которое будет важным, прежде всего для себя любимого. То есть, быть разумным эгоистом, начинать любить ближнего – с себя, иначе не понятно, как это делать с ближними.

А начальникам большим и поменьше – читать побольше писателей своих районов – регионов, может что-то полезное для жизни, хотящей жить, а не выживать, вычитают (да они хотя бы из чувства самосохранения читали!) – ведь писатели, как правило, хорошие аналитики. Я бы им, писателям, будь я губернатором или президентом, доплачивала за эту их писательскую трудовую особенность.

Я да, «Предчувствую глухие годы бед. И тишину, в которой мира нет», и потому всем пожелала бы мира.

Дебальцево – Москва, 2011

ЕФИМ ГАММЕР

СВЕТ – ВСЕМУ ГОЛОВА мини-проза

КОВЧЕГ ЗАВЕТА

Когда я летал со знакомым ангелом над Стеной Плача в Иерусалиме, он сказал:

- Помнишь, на днях здесь было зафиксировано на видео НЛО?
- Светящийся шар, яркий, как солнце?
- Точно, как солнце. К слову, у древних египтян верховное божество – Ра – солнце.
- На иврите «ра» – ужас.
- Ничего странного, солнце – это и благо и ужас. Одних греет, других может испепелить. А тех, кто не нуждается в обычной пище, подзаряжает энергией.
- К чему это?
- А к тому, что здесь, глубоко под землёй, в одном из тайных помещений находится ковчег завета.
- Пропавший?
- Для искателей сокровищ – пропавший. А для истинных толкователей древних манускриптов – спрятанный.
- Ты полагаешь, его скоро найдут?
- Как только включатся на всю мощь его энергетические батареи. За тысячи лет погребения в темноте под землёй они сели, и вот сейчас появились посланцы небес...
- НЛО?
- Яркие, как ты заметил, подобно солнцу.
- И?
- Подзаряжают.
- Значит?
- Ты близок к догадке.
- Надо ждать событий вселенского масштаба?
- Сначала обнаружьте ковчег. За событиями дело не станет.

РАЗНИЦА

Знакомый ангел остановил меня в подземном переходе.

- В чём разница, – спросил, – между миром и войной?
- А то не знаешь.
- Я знаю. И тот, кто направил меня с того света, знает. Но знаете ли вы?
- Во время мира, – сказал я, – дети хоронят родителей. Во время войны, наоборот, родители хоронят детей.
- Так отчего же?

АБСТРАКЦИЯ НА СКОРОСТЯХ

Скорость поспорила с молнией: кто быстрее.

Думаете, молния?

Э, нет! То была не автомобильная скорость – 100 километров в час, а скорость света – 300 000 километров в секунду.

Поспорила и помчалась. Кто же за ней теперь угонится, чтобы вручить приз – туристическую путевку в Канны на кинофестиваль?

КОЛУМБ И НЛО

11 октября 1492 года Христофор Колумб «вошёл в меридиан» – так моряки называют нервное перенапряжение. На горизонте он увидел светящийся объект.

НЛО вынырнул из-под воды и устремился по небу вбок от курса каравеллы, направляя адмирала моря-океана на открытие Америки.

Колумб кликнул матросов, чтобы посмотрели на это чудо.

Матросы посмотрели, хмыкнули, не поверив своим глазам, и пошли пить любимое «кларете». А один из них, Педро Кутьерос, видимо, язвенник, не пошёл пить вино со всеми, а написал донос в инквизицию.

Скажите, в чём был виноват Колумб?

В том, что первым увидел НЛО? В том, что благодаря этому открыл Америку?

За что его судили? И кто? Теперь не упомним.

Америка стоит.

Колумб живёт в истории.

И почему надо вспоминать о том, что его ни за что, ни про что могли приговорить к смерти?

А надо...

ДУША И РАЗУМ

Знакомый ангел, прочитав по моей просьбе «Фауста», выдал такой комментарий:

– Человек не имеет права на продажу своей души. Она, если вдуматься, ему вовсе не принадлежит. Душа – это Божья искра, проще сказать, частица Божьего света. Следовательно, когда Нечистый вводит людей в искушение, выманивая душу в обмен на немислимые блага, он тем самым хочет по частицам собрать целое, духовный, скажем, пазл, чтобы наконец-то превратиться в Бога.

– Как же с ним бороться?

– А бороться не надо. Просто поставьте разум на защиту души, и всё образуется – Божья искорка не сгорит. Ум ведь вам тоже дан Богом.

КОСМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Свет далёкой звезды принёс сообщение: вам оставлено наследство.

Какое?

Космическое!

Точнее?

Матушка-Земля. Теперь вы её хозяин.

Не согласен, к чему мне такое наследство?

У вас никто и не спрашивает. Наследство есть наследство.

И что?

А ничего! Земля теперь – это ваша забота.

НОЧНЫЕ ЗАБАВКИ

Солнечное затмение 1952 года, обещанное по радио, мы увидели воочию точь-в-точь в указанный диктором день и час. Но предварительно, чтобы увидеть его во всей красе, коптили стеклышки, через которые доступно было смотреть на солнце. Невооружёнными глазами на него не помотришь, не то, что

на звёзды. К тому же, можно ослепнуть и ничего приличного при этом не увидеть. Звёзды – совсем другое дело, да и не так далеки, как солнце. В особенности ночью, на балконе, если взобраться на табуретку.

Меня уже записали в первый класс. Мне уже купили букварь и родную речь. Мне уже при ознакомительном посещении 67-й семилетней школы учительница задала самый важный в жизни вопрос:

– Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

До солнечного затмения я сказал бы: Иваном Царевичем, чтобы сразиться с Кащеем Бессмертным. А после солнечного затмения я сказал то, что было на уме у любого мальчишки нашего двора:

– Астрономом.

Учительница ласково улыбнулась, приветствуя моё похвальное желание, и посоветовала хорошо учиться.

Разумеется, я собирался хорошо учиться. И ещё до 1 сентября стал готовить себя в астрономы. Как только начинало смеркаться, выходил на балкон, чтобы наблюдать за звёздами.

Это никому не мешало: мало ли чем занимается малец, главное, не шумит, не играет в войну и не бегает с деревянной саблей по квартире как оглашенный.

Но однажды я припозднился. Взрослые собрались идти спать, а я двинул на балкон.

– Куда тебя понесло? – спросил папа.

– Смотреть на звёзды.

– А зачем тебе ножик?

– Чтобы отковыривать звёзды от неба.

– Брось эти свои ночные забавки.

– А как я иначе стану астрономом?

– Ладно, – согласился папа. – Лучше становись астрономом, чем в советское время Иваном Царевичем. И помог мне отнести на балкон табуретку.

НОСТАЛЬГИЯ

В ресторане московского Домжура, за поджаркой, знакомый ангел рассказал мне забавную историю. По телевизору он услышал Левенбука с такими доступными пониманию словами: «как говорил мой любимый актер Лившиц, ностальгией не страдают только идиоты». И обратился с опросом к населению. Оказалось, что у многих присутствует ностальгия по сталинским временам.

– Вот так, – сказал мне ангел. – Ностальгия есть, следовательно, идиотов нет и в помине.

– Живут же люди!

– Одному я предложил руль лёгкой жизни.

– А что это такое?

– Бог его знает, – указательный палец вверх. – Его патент!

– И что?

– Взял. Держит в руках – не нарадуется.

– А дальше что?

– Ничего. Руль есть, а света вокруг нет – Бог отключил.

– Куда же вырুলит?

– Это вопрос не ко мне. А к его ностальгии.

ВСТРЕЧА НА ПЕРЕПУТЬЕ

Внезапно вспыхнул свет, преобразился в человеческий образ.

– Кто ты?

– Человек.

– Куда идёшь?

– К тебе.

– Но я тебя не приглашал.

– Я Мессия.

ОЛЕГ КУИМОВ

ВСТРЕЧА НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА

рассказ

Температура в городе опустилась за минус сорок – никто не хотел высовывать носа из дома без крайней нужды. Даже дороги опустели. Тишина. Непривычная для беспокойного города-миллионера, в котором почти невозможно теперь услышать, как громко, на сотни метров вокруг, скрипит под ногами прохожих на сильном морозе снег. Холод задирает, подгоняет пугливые натуры, но зато как покойно на обезлюдевшей улице. Ничто не будоражит, не нагнетает суеты. А главное, оказавшись, наконец, в одиночестве в столь сильный мороз, осознаешь внезапно свою зависимость от природы, с которой разучились почти уже совсем считаться; а с ощущением этой зависимости, подобно тому, как проклёвывается из-под прохудившегося асфальта хрупкий росток, в душе пробуждается задавленная цивилизацией истинная натура человека; и она сразу замечает, как вспыхивают в крупных чистых снежинках звёздочки – жёлтые, оранжевые, красноватые, синие и даже бирюзовые. И что тогда до мороза, ведь сибиряк не тот, кто не мёрзнет, а тот, кто хорошо одевается. А Володя одет как надо. И мороз ему по нраву. И идти вот так, когда суета большого города отступает, когда внезапно и уже совсем даже непривычно оказываешься один на один с собственными мыслями, которые, неожиданно выясняется, даже в мегаполисе, когда он пустеет, могут течь долго и не прерываясь, – идти тогда хочется больше, чем прятаться от непогоды в тёплой квартире. Идти, пока есть силы, пока укутанное одеждой тело держит тепло, идти целую вечность по хрустящему при каждом шаге снегу. Хрум-хрум-хрум. В каждой клеточке мозга отдается этот «хрум» радостью. И на самую малую подвижку мысли непременно приходит ответ, без которого всё это небо над головой, эти редкие проклюнувшиеся из мрака звёзды, эти внимательно глядящие на тебя окна, освещённые манящей желтизной электрического света, – словом, весь этот мир вокруг был бы пресен. Солью жизни в такой миг напиться мир. И ты ощущаешь её вкус, откуда замерли в гаражах промороженные машины, куда прячется в своих норах человек спешащий, человек суетящийся, человек утративший себя в этом чудном загадочном мире. Ты чувствуешь и знаешь это до той поры, пока не исчезли морозы и пока этот притихший на миг человек, ищущий опоры в разрушении, не обретёт пошатнувшуюся от страха самоуверенность. И лишь тогда, гордо встряхнув головой, он вновь вспоминает о своём величии и тут же забывает о том, с какой робкой надеждой глядел только что в разверзнувшуюся над ним черную молчаливую бездну, ощущая незримую с ней связь и веря, что там, за её краем, о нём помнят.

– Помогите! Грабят! Сумочку украли! – вырвал Володю из размышлений пронзительный женский крик.

Догнать и скрутить грабителя труда не составило, хотя тот и был ощутимо крупнее; однако на деле оказался рыхлым, сам же Володя когда-то, как-никак, всё-таки был кандидатом в мастера спорта по лыжам. Сдавать в милицию наглого вора он не стал; тем не менее, и отпускать безнаказанным было не в его правилах. Будучи по характеру человеком отнюдь не мягким, Володя с силой пнул лиходея в бедро. «Отдохнешь на больничном, бегунок, – криво усмехнулся он катавишемуся от боли на снегу жулику. – Некогда с тобой по милициям волыниться, а так хоть какой-то урок».

Ограбленной женщине тоже было не до вора: жажду возмездия с лихвой компенсировала радость от совершенно неожиданного возвращения сумочки.

– Что же вы в такое время по парку одна ходите? – позволил себе лёгкое недовольство Володя.

Женщина смутилась.

– Да я... ну... дура, конечно, – вдруг улыбнулась она виновато; улыбка из-за только что пережитого потрясения получилась напряжённой, но глаза выдавали человека редкостно доброго. – Никак не ожидала... такой морозика – и кому охота сопли морозить! Срезала дорогу на свою голову! А вообще даже не

знаю, как вас благодарить. В сумочке по большому счёту ничего ценного нет, но у меня там документы на усыновление одного нашего мальчишка. Я в детском доме работаю... директором. Их бы, конечно, восстановили, но это столько потерянного времени, нервов. А главное, и новые родители (прекрасные, кстати, люди) уже ждут не дождутся, а тем более что переводят их скоро в Саратов, и самой ребёнку не терпится поскорее в хорошую семью отдать.

– Никогда не думал, что в детдоме такие молодые директора работают, и даже не на машине, – пошутил Володя.

– Бывает, – рассмеялась женщина, – меня, кстати, Лидией Сергеевной зовут, лучше просто Лида. А машина в автосервисе стоит, сцепление меняют.

– Понятно. А меня зовите просто Владимиром.

– Хорошо, так и буду вас звать – «просто Владимир».

– Договорились, – отшутился он. – А давайте я вас провожу. Вам вообще далеко?

– Ну, чуть больше остановки осталось.

Лида повернула голову и окинула его долгим взглядом.

– А вы знаете, сегодня сочельник, особенный день. Если кто благое дело для деток сделал, то может многое в награду получить. Вот загадайте желание! Ваше обязательно сбудется, ведь вы же полному сироте помогли.

– Зачем? – недоуменно пожал плечами Володя. – Я не особо-то верую... так... как все, не фанатею. И потом, моё желание не из тех, что сбываются.

– Почём знать! Пока жив, надо верить и надеяться, а иначе зачем жить-то тогда?

– Ну, не знаю, – неопределённо, чтобы оставить эту тему, протянул Володя.

Завидев приближавшегося к ним рослого мужчину, Лида воскликнула:

– А вот и мой муж! Ещё раз благодарю от всего сердца, от наших детишек. Заезжайте к нам в детский дом, будете желанным гостем. Обязательно приезжайте. Обязательно, – повторила она. – Нашим деткам не хватает общения, особенно с такими мужчинами, как вы.

– Какими такими?

– Ну, с настоящими – добрыми, сильными. Да ещё с тренерами. Так вы приедете? – с надеждой спросила слегка смущённая Лида.

– Ну, хорошо, – не смог отказать Володя, – приеду.

Поздоровавшись с подошедшим мужчиной, Володя поспешил распрощаться:

– Вы меня извините, я побегу: жена ждёт.

Неподалеку находилась остановка, и Володя направился к ней: и так сделал лишний крюк в сторону, а дома – Маша звонила – ужин стынет. Время было ещё не позднее, и маршрутки пока ходили.

Душа ликовала – не оплошал: за добро постоял, жулика проучил, ребёночку, получается, помог. Замечательный вечер. И сам не заметил, как запел, но осёкся, смутившись внезапно проשמывнувшего мимо него подростка. Стоило лишь тому скрыться, Володя тут же замурлыкал под нос снова. Подумаешь, что мороз принялся щипать нос – прижал к лицу варежку, задышал в неё теплым воздухом, отогревая, и снова затянул тихонечко: «Ой, моро-оз, мо-ор-о-о-оз, не морозь меня...». Скоро дом, тепло, горячий чай и мягкий диван с недочитанной книгой Куприна!

Однако расстаться с ролью спасителя не получилось. Возле остановки, под окном дома, прямо в сутробе спал пьяный мужик. Две женщины с ребёнком ожидали маршрутки, и никто из них, к его внутреннему возмущению, не удосужился подойти к замерзавшему на их глазах человеку. Утеплен тот хоть был и добротнo, однако против такого мороза и овчинный полушубок – не доспехи, и унты на собачьем меху – не спасение.

Володя принялся растирать ему снегом щеки, и пьяный немного пришел в себя.

– Ты, че меня... ты че меня муча... муча-и-ишь? – занемевшие губы его еле двигались.

Везти пьяного домой пришлось на такси, потому что жил Игорь (так он представился в машине) не близко. Володя опасался, что тот мог ошибиться с адресом, однако после того как они вошли в указанный подъезд по его «таблетке», Володя, наконец, перестал переживать.

Дождавшись, когда Игорь откроет дверь, Володя поспешил регироваться: «Ну, все, тут уже ты и без меня обойдёшься. Я пошёл, счастливо оставаться!», – но Игорь вдруг застонал: «Нога! Ногу жжёт! У-у-у...».

Володя со злостью выдохнул из себя воздух: дома ждала жена, и вообще, давно уже пора было вернуться, а тут... из-за этого пьяного недотёпы приходится задерживаться.

– Дома-то есть кто? – скрипучим из-за сдерживаемого раздражения голосом проговорил он.

– Миша.

– А это кто? Сын?

Однако Игорь вместо ответа снова застонал. Отбросив всякие церемонии, Володя громко крикнул:

– Михаил!

Никто не отозвался.

– Михаил! – ещё громче выкрикнул он, и снова без ответа.

«Наверное, дома нет», – подумал Володя.

Дверь в комнату была открыта настежь, и пробивавшийся из коридора свет выхватывал из темноты диван у стены. Володя уложил на него Игоря, стянул с его ног унты, а затем, преодолевая брезгливость, снял заношенные до дыр вонючие, лоснившиеся от пота и грязи носки. Ледяные мурашки пробежали по телу опытного тренера, не впервой сталкивавшегося с подобным: правая нога была белой, как снег.

Не дожидаясь, пока придет вызванная им «скорая», Володя набрал в ванной полведра холодной воды и опустил в него ногу бедолаги, чтобы смягчить его страдания. Тот облегчённо выдохнул.

– Сейчас за тобой «скорая» придет, – сказал Володя.

– «Скорая»? Угу... – недовольно сморщился в ответ Игорь. – А это... а Миша как же?

– Какой Миша?

Игорь словно не слышал и продолжал своё:

– Мишу-то с кем оставить? Маленький он ещё.

– Какой Миша? Сын, что ли? Сколько ему лет?

– Четыре.

– А мать где?

– Умерла. Вчера сорок дней было. Сердце у неё... порок с рождения.

Володя сочувственно покачал головой:

– Да... соболезнаю. Как же ты тогда такого маленького сына одного оставил, а сам бухаешь где-то?

– Племянник он мне, сестры сын.

– Всё равно нельзя так, – сдерживая недовольство, с лёгкой укоризной сказал Володя.

Игорь, на удивление, хоть и был нетрезв, а спорить не стал, сокрушённо опустил голову.

– Конечно, нельзя. Я думал быстро обернуться, пока он спит. Тётю Зину с ним оставил, соседку. У неё и ключи есть, если что. Я ей звонил: всё нормально, – Игорь недовольно поморщился, – с товарищем одним заболтался... ездил насчёт работы. А в больницу мне нельзя... никак нельзя. Родных у нас никого. Заберут ещё в детдом, попробуй потом забрать! Нет, я в больницу не пойду.

Володя присмотрелся к нему повнимательней: вроде не ханыга – обычный работяга. Пьющий, правда, – сразу видно, однако же не опустившийся всё же.

В коридоре послышалось шлепанье босых детских ножек.

– О! Миша! – обрадовался Игорь при появлении заспанного белоголового мальчугана. – А тетя Зина где?

– Дяденька строитель позвал. Дядя Игорь, сикать хочу, – захныкал тот.

Володя остановил жестом собравшегося было подняться мужчину.

– Лежи, я сам отведу. Не напрягайся.

Обычно к детям Володя относился ровно, Миша же чём-то приглянулся – может быть, забавным сочетанием очаровательного лепета и необычно развитой для такого малыша речью.

Мальчик присел возле него на стульчик и стал расспрашивать, как его зовут, кем работает. Затем рассказал, что, когда вырастет, станет работать дядей в белом халате и будет глядеть в позорную трубу.

«Мой Васятка был бы сейчас таким же, – с горечью подумал Володя, – так же лепетал бы. Да... Эх, Васятка... если бы ты сейчас был жив». И вспомнился крошечный гробик, крышку которого не открывали, потому что лежали в нём растерзанные взрывом кусочки собранного по частям тельца. Два таких гробика похоронили в тот день рядом – их Васятки и Егорушки-соседа. Только Егорушку похоронили вместе с родителями, а Васятку – с бабушкой. В тот день похоронили многих из их подъезда.

А вообще не зря говорят, что человек чувствует смерть близких. Они с Машей смотрели в театре спектакль, и вдруг на обоих напала необъяснимая сильная тоска, что хоть волком вой. «Володя, – зашептала в ухо жена, – мне что-то не по себе. Боюсь, как бы дома чего не случилось». – «И мне тоже».

Без лишних слов поспешили покинуть зал. Праздничная атмосфера фойе вмиг утратила всю свою торжественность, и оба, не находя себе места, метались по длинным коридорам в ожидании, когда же, наконец, бесконечно длинные гудки прервутся родным голосом Машиной мамы, но она не отвечала. Какой уж тут театр! – домой!

А дома уже не было. Вместо их квартиры и верхней, над ними, зияла страшная чёрная дыра. На земле лежали искуроченные бетонные панели, в окнах уцелевших соседних квартир торчали осколки разбитых стёкол. А дальше всё как в тумане, из которого появлялись и вновь растворялись в нём сосредоточенно-скорбные лица пожарных, спасателей, медиков. Взрыв газа...

– Что говоришь? – очнулся от горестного воспоминания Володя.

– Я говорю, зря «скорую» вызвал! Всё равно в больницу не поеду. Заберут иначе племянника.

– Почему заберут-то? – удивился Володя. – Ты же не один на белом свете! Оставь на друзей; соседи, наверное, есть хорошие.

– Точно, тетю Зину попрошу. Она на пенсии, соседка моя, – вдруг вспомнил Игорь, одобрительно поднимая кверху большой палец. – Во-о такая женщина!

День продолжал выкладывать свои сюрпризы: тетя Зина, которая, как по заказу, появилась в квартире сразу же после слов Игоря, оказалась бывшей классной руководительницей Володи. Самое приятное, что Зинаида Ивановна признала его, даже несмотря на то, что за двадцать-то лет Володя успел вырасти, возмужать, измениться, само собой. А главное, была очень рада ему, как и он – ей.

Однако Игорю, как ни сокрушалась, помочь ничем не могла: завтра у неё операция.

От Зинаиды Ивановны исходил запах щей – какой-то особенный, поднимавший из самых глубин памяти что-то неуловимое, ускользавшее от фиксации, – но точно что-то радостное откуда-то из детства. И этот запах породил в Володе неожиданное, умиротворяющее спокойствие. «Как, оказывается мало нужно человеку для равновесия, – подумал он. – Всего-то, а на душе уже так хорошо». Мысли его потекли спокойней, и он сразу понял, что должен делать.

Лида, с которой Володя связался по телефону, сразу же согласилась:

– Да конечно же! Привозите! В принципе, если ситуация безотлагательная, привозите хоть сегодня – я позвоню и распорядусь. Но если есть возможность, лучше завтра с утра.

– Знаете, Лида, самое сложное, что дядя мальчика категорически против официального оформления. Можно будет обойтись без оформления? Это ненадолго, недели на две.

– Ну... – Лида задумалась, – пару недель, пожалуй... м-м-м... можно, а дальше посмотрим. Будем вас ждать, – сказала она на прощание.

Отключив телефон, Володя обратился к Игорю:

– Я вот что хочу предложить. В больницу тебе определенно надо, не то без ноги останешься. Мишу я отвезу на это время к одной замечательной женщине в детдом. Она там директором. Оформлять, ты уже слышал, не будем. Так что в этом плане никаких проблем у тебя не будет. А чтобы ты не боялся, что незнакомому дядьке ребёнка доверяешь (мало ли кто я?), вот смотри мои права. Видишь? Бондарь Владимир Иванович. И Зинаида Ивановна подтвердит мою личность.

– Конечно, Игорь, соглашайся, – охотно подтвердила учительница, – это Вова Бондарь, мой ученик.

Володя быстро зашёл в интернет с телефона и набрал в поисковике свои данные.

– Ну что, видишь? – протянул он телефон Игорю, – Вот моё фото. Узнаешь?

Игорь внимательно посмотрел на фото, затем – на Володю и утвердительно кивнул головой.

Володя мягко положил ему на плечо руку.

– Видишь: заслуженный тренер России по лыжным гонкам, извини уж за нескромность, известный. Найти меня проще простого. По-хорошему мне оно не надо вовсе – тебя, дурака, жалко, а больше мальчика. Ну, думай, репайся. Я уговаривать не собираюсь, просто останешься без ноги – и всё!

Игорь находился в нерешительности, и Зинаида Ивановна поспешила поддержать Володю:

– Игорь, ты не бойся, я Володю со школьной скамьи знаю, семь лет классной руководительницей была. Он очень ответственный человек. Если слово дал, то в лепёшку расшибётся, а сделает. Он с детства такой – надёжный. Я тебе говорю, поверь мне. Это и в самом деле для тебя выход, а я, ты уж меня прости, никак не могу за Мишей присмотреть – оперируют меня завтра. И потом, – продолжала она убеждать, – они с Мишей уже и общий язык нашли, а это немаловажно. Доверься, Игорь, ты же меня знаешь, я плохого не посоветую.

Игорь, низко наклонившись, оглядел с хмурым видом обмороженную ногу.

– Ладно, тетя Зин, я согласен. Только телефон мне свой дай, – обратился он уже к Володе, – и директора детдома тоже.

Домой добрались быстро. Правда, таксист заломил цену в два раза выше обычной, но деваться было некуда. Открывая дверь, Володя переживал, как встретит его с чужим ребенком жена, и мысленно уже готовил защитную речь. В прихожей горел свет – Маша ждала, не ложилась.

– Ну, что за сюрприз, о котором ты говорил по телефону? – появилась она.

– А вот! Знакомься – Миша! Наш постоялец. Утром отвезу в детдом. Давай, жена, накрывай на стол – всё расскажу.

Маша внимательно, как строгий врач, посмотрела на мальчика и приветливо улыбнулась ему, отстраняя мужа в сторону.

– Ладно, сюрпризник, иди отдохни. Я сама раздену мальчишка. Отойди.

Сняв с малыша верхнюю одежду, она с грустью шепнула мужу:

– Как он похож на нашего Васятку – такие же белые, как сметана, волосики.

– Маша, да ведь в этом возрасте все дети похожи, – Володя крепко обнял жену за плечи.

Но и на следующий день Миша остался у них. Игорь, к которому Володя приехал вместе с малышом, охотно с этим согласился, услышав от племянника, что ему «у дяди Володи и тети Маши весело».

А Миша и правда быстро освоился в их доме; от серьёзного поначалу выражения на его личике не осталось и следа. Особенно полюбились ему сказки, которые Маша читала по вечерам. Миша слушал с таким забавным выражением лица, какое бывает только у маленьких деток: округлённые от восхищения глазки, приоткрытый ротик; и сам он вытягивался вперёд, позабыв обо всём на свете и видя перед собой только доброго и отважного героя Ивана-Царевича, преодолевающего страшные дремучие леса по пути к своей прекрасной Василисе.

«Наш Васятка был бы сейчас таким же», – с грустью улыбнулась про себя Маша и погладила мальчугана по головке.

– Читай, тетя Маша, читай скорее! Не отвлекайся! Что там с Иваном-Царевичем? Он же со змеем драться сейчас будет, – смешно залепетал Миша.

Маша приобняла своего внимательного слушателя.

– Читаю, читаю. Никуда наш Иванушка от нас не денется. Мы в этой вот книжке везде его отыщем.

– Правда-правда? – детские глазки загорелись восторженным удивлением.

– Правда-правда, – рассмеялась Маша, ещё крепче прижав к себе ребёнка.

От её первоначального желания сохранять вежливую доброжелательную дистанцию с мальчиком давно уже не осталось и следа. Поначалу сдерживало опасение прикипеть к Мишутке, ведь после ожидало расставание, да и мальчику это после смерти матери может разбередить душу; вдобавок ко всему, она испытывала непонятную, странную вину перед умершим Васяткой, если кто-то из чужих детей вызывал у неё сильное притяжение, желание приласкать. И как-то само собой получилось, что именно теперь, когда это белоголовое озорное непоседливое чудо всё время находилось рядом, не смогла всё-таки устоять перед тем обволакивающим её теплом, которое рождалось в ней при обращенных на неё совершенно распахнутых, как бывает только в чистых детских душах, взорах Мишутки. Машу тянуло к этому жизнерадостному сорванцу, и потому, в конце концов, не удержалась: а будь что будет! Какая дистанция?! Не слишком ли она и в самом деле понапридумывала себе?..

За дверью послышалось бряцанье ключей. «Ой, Васят... – она осеклась на полуслове, – Мишутка, пошли дядю Володю встречать.

Не разуваясь, он сразу подхватил мальчишка и, держа его на руках, крепко прижал к себе жену.

– Какое сегодня число, дорогая женушка?

– Десятое января.

– Запомни этот день навсегда – десятое января! Я сейчас, – Володя отстранился от Мишутки с Машей и, весь в каком-то лихорадочном возбуждении, быстро разделся и повел их в зал.

Маша в молчаливом ожидании смотрела на мужа, заинтригованная его поведением.

Володя вынул из портфеля папку и, глянув в напряжённо устремленные на него глаза жены, просиял окончательно, не в силах более сдерживаться:

– А Васятка-то наш жив! нашёлся!

– Вова, ты что... ты что такое говоришь! Как он может найтись?! Откуда он может найтись!!! Он же...

– Да вот же он! – Володя подкинул мальчишка. – Это и есть наш Васятка!

Маша побледнела, выпрямилась в напряжённую струнку: что там ещё муж выдумал? А ведь и у самой проскакивала сегодня поддразнивающая фантазия о том, что как хорошо было бы, если бы вдруг этот самый мальчуган оказался её собственным сыном. Мечтала об этом, как верят в сказки, – добрые, светлые, в которых сбывается всё, во что даже и поверить страшно, но в глубине всё равно понимала, что это и в самом деле всего лишь простая и совершенно несбыточная грёза, вроде тех, что бывают у детей-сирот: а завтра за мной придёт мой папа, и все узнают, что он главный начальник.

Однако сейчас что-то и в самом деле происходило необычное, она видела это по лихорадочно-счастливому возбуждению мужа, чувствовала разлетающиеся от него, как электрические разряды высокого напряжения, счастливые токи. Что-то произошло точно. Но что?

– Володя, что за шутки! Какой Васятка?! Нет уже Васятки, – губы её дрогнули, но она сдержалась.

– Хорошо! Тогда фокус-покус номер один, – торжественно провозгласил Володя, раскрывая папку.
– Аг-ле!

Мишутка в недоумении поворачивал аккуратную стриженую головку то в сторону дяди Володи, то в сторону тети Маши. Он ничего не понимал. Вначале дядя Володя был отчего-то странный и совершенно несолидный – не как всегда, а теперь что-то стало происходить с тетей Машей. Она разглядывала какую-то фотографию и отчего-то замерла, даже перестала дышать.

– Откуда у тебя этот снимок? Это же... – Маша откинула назад голову, устремив напряжённый взгляд снизу вверх на возвышавшегося над ней Володю. Она не могла поверить. – Это же Васятка! Ну да, точно Васятка. Но у нас никогда не было такой фотографии. И одежда чужая. Где ты её взяла?

Мишутка тоже посмотрел на фото.

– Ой, да это же я! – и ткнул пальчиком на снимок. – Она у нас дома в серванте стоит. Это я когда ещё маленький был.

Маша побледнела, руки её бессильно свесились.

– Вова, этого не может быть! Мы же его... – губы её задрожали.

Муж крепко сжал ей руку.

– Да, Маша, может. Я сам боялся поверить, но всё сходится.

Мишутка совсем растерялся. Что с ними происходит? И почему они так странно смотрят на него?

– Вова, это всё-таки фотография. А вдруг это всего лишь невероятное сходство? Я... я боюсь ошибиться, это будет невыносимо, – слабо прошептала Маша.

– Я тоже боялся. Поэтому и не стал тебе сразу рассказывать. А теперь смотри. – Володя приподнял на мальчишке маечку. – Видишь?

Машины глаза наполнились слезами.

– Родинка... как у Васеньки – под лопаткой.

– Да, Маша, точно на том же месте. Это она самая и есть. Помнишь, когда он у нас родился, – Володя кивнул на мальчика, – я сразу сказал, что по этой родинке всегда смогу его отыскать. И, если бы не она, то... я когда мыл его в самый первый день, сразу ее заметил. Ты же обратила внимание, что я тебе Ми... Васятку мыть не давал и одевал сам, – чтобы ты не переживала раньше времени, ведь и в самом деле: а вдруг? Я и сам поверить не мог, сам же хоронил. Сказать по правде, меня и раньше часто сомнения одолевали, просто не хотел говорить, чтобы не рвать понапрасну душу: почему так мало нам от нашего, – Володя зашнулся, – от... останков ребёнка дали, а главное – черепных костей. Ты же помнишь, нам тогда сказали, что тельце разорвало и кусочки смешались с разрушенным материалом; больше, мол, ничего не удалось собрать. Так вот, поехал я на следующий день после того, как нашего Мишутку-Васятку привёл, на его квартиру. Я же тебе уже говорил, что соседка этого Игоря – моя бывшая классная руководительница. Ну, поговорил с ней по душам. Так вот она сказала, что сама толком не знает, потому что жила тогда полгода в Хорватии – у её сына там квартира. Чтобы Ира была в положении (так её покойную соседку звали, ну, ту женщину, с которой Васятка жил) – не помнит. И с мужем Ира в разводе была. К тому же она брюнетка... была. Видишь, Маша, вот уже первая зацепка, пока ещё так себе. Теперь слушай дальше. У Зинаиды Ивановны ключи от квартиры Игоря хранятся. В общем, фотографию я там и взял. Это второе. Дальше: там же и метрики Васяткины на полке лежали. И вот тут вообще интересная картина складывается: жила женщина в таком большом городе, а рожала в крошечном райцентре. С какого перепугу? Там, что, сервис особенный? Или профессура обслуживает? Помнишь, я вчера по делам ездил? Так вот я туда и мотался. У меня же в милиции знакомых хватает, любую информацию дадут. Выяснил: тётка покойницы работала в ЗАГСе. Племянница ей рассказала всю правду, как она сама думала: что семья погибла и что жалко стало такого чудного малыша в детдом отдавать. Тётка тоже малыша пожалела – сделала на него документы.

– Вова, это что, правда? Неужто..?

– Да, Маша, «ужто», самое что ни на есть «ужто»! Тётке этой я слово дал, что разговор наш никаких последствий для неё не составит, что это только для меня лично – не более. Ну, она мне всё как было и рассказала. Ира в тот вечер проезжала мимо нашего дома на машине, взрыв на её глазах произошёл. Видишь, всё сходится. Она сразу бросилась на помощь. Хорошая, видимо, женщина была. А Васятку нашего в сугробе нашла: волной выбросило в окно. Ни царапинки не получил, даже замерзнуть не

успел. Ира его сразу же в машину отнесла, чтобы отогреть. Выскочила на минутку, когда Васятка уснул, чтобы у подъехавших медиков насчет него узнать, а тут рядом две женщины между собой сетуют, что в двенадцатой квартире...

– Это же наша квартира... – слабо выдавила из себя Маша.

– И я о том же! Так вот! Слышит эта Ира, как женщины говорят, что в ней даже младенец годовалый – все погибли: и родители, и последняя живая бабушка (судьба, мол, такая: как раз на взрыв приехала). Ну, в общем, поняла Ира, что это они про Васятку говорят, и жалко ей стало его отдавать: такой хорошенький, жизнелюбивый – разве можно его в детдом? К тому же у самой детей не могло быть.

– Да, да, – рассеянно ответила Маша мужу, веря и не в силах поверить, что жизнь гораздо на такие невероятные сюжеты с чудесным концом.

Радостное возбуждение теперь уже охватило и её, и она заплакала от счастья.

Мальчуган дернул Володю за рукав.

– А что тетя Маша плачет?

– От счастья, сынок, от счастья.

Мальчик успокоился: всё у неё хорошо. И ему тоже у них хорошо.

Обнимая жену и новообретённого сына, который, к его удивлению, прильнул к нему, Володя произнёс:

– Да, Маша, послезавтра Олег Пименов должен получить результат теста на ДНК, я его очень попросил, чтобы в минимальные сроки, у них аппаратура сейчас новейшая. Но это уже для официального разбирательства, а нам уже и так всё понятно.

Маша, сдерживая наворачивающиеся слёзы, согласно кивнула головой:

– Да, Вова, нам всё понятно.

И детский голосок подтвердил их слова, вызвав всеобщий смех:

– Да, Вова, нам всё понятно.

А сам счастливый отец, машинально рассматривая иллюстрацию в лежащей на столе книге сказок, думал в эту минуту о том, что у каждой необычайной истории скрывается где-то кончик ниточки, за которую потяни – закрутятся вихрем события, покатаются клубком по тропинке и выведут к счастливому концу. А не потянешь... но это совсем другая история. Да и история ли, если она даже не началась? И при этой мысли Володя невольно передёрнул плечами от страха: а что было бы, если..?

ВЕРОНИКА КОВАЛЬ

ВО ВСЁМ ВИНОВАТА МУРАСАКИ

повесть

1.

В тридцать два Стасик понял, что прожил жизнь зря.

Роковая мысль накатила внезапно. Просто шёл на работу, и его как обухом по голове. Вот он сядет за компьютер и опять будет сводить в таблицы ответы опрошенного электората: делать выборку по возрастам, социальным слоям и прочим параметрам, суммировать, вычислять проценты. И вся эта неподъёмная, как цепь на ноге каторжника, бесконечная, как лента Мёбиуса, работа будет псу под хвост, потому что в золотое кресло депутата всё равно сядут те, в кого ткнул указующий перст. Немногим по интересу отличались социологические опросы населения по разным поводам: цена на капусту, качество крема «Восторг», рейтинг группы «[Протокол]», самая сексуальная женщина и т.д. Стасик до такой степени насобачился в опросах, что мог, обведя взглядом пассажиров в троллейбусе, мысленно разложить их на референтные группы и составить кривую их предпочтений.

Стасик – из племени вечных мальчигов. Никто его полным именем и не называл. Мелкокостный, поджарый, с узким стёртым лицом. Свою неприметность он будто культивировал. Кроме джинсового костюма в его допотопном шкафу, кажется, ничего не водилось. Внимание мог привлечь разве что его цепкий взгляд да губы, всегда готовые обозначить сарказм. Трудно было разглядеть под таким обличьем чувствительное сердце Стасика, а оно действительно тонко реагировало на всё. К тому же, он был склонен к самоедству. Рефлексировал по каждому поводу и без оно.

Работа в тот день не клеилась. Стыд заливал глаза. Здоровый мужик, рукастый (отчим ремнём вбил навыки), а просиживает штаны в офисе. Чёрт его дёрнул вяпаться когда-то в философию! Возжелалось, видите ли, проникнуть в тайны бытия человека. В универе переварил горы научных и околонаучных трудов. Долго увлекался восточной философией. Однако до истины не докопался и причалил к берегу конкретной социологии.

И вдруг стало ясно, как божий день: не его это дело. Комплексом перфекциониста он не страдал. Науку двигать не хотел.

Само собой пришло решение: пора отчаливать от осточертевшего берега. Немедленно.

Но куда? Где оно, его место на земле?

Была и ещё одна проблема, от которой хотелось отчалить. Проблему звали Розочка. Пригласила она возле Стасика лет пять назад. И приросла – не оторвать. Он привык думать, что Розочка – это данность. Это неизбежность.

Розочка походила на аппетитный оладушек и так же аппетитно пахла. Ей пошли бы светлые волосы на прямой пробор, и чтобы они не закрывали чистый лобик. Но бог подарил ей избыточное количество неуправляемых смоляных кудрей. Этим она напоминала Кармен, правда, слегка сплюсненную. Малый рост, крутые бёдра, походка носочками навыворот превращали трагический типаж в забавный. Когда Розочка, болтая ножками, сидела в кресле перед телевизором, она была такая симпатяшная! Несла всякую чушь, но иногда выдавала просто перлы мудрости, и Стасик поражался, как она ухитрилась замусорить свой природный ум.

Розочка ни на что не претендовала. Но Стасик знал: это до поры до времени. Не дай бог объявит, что беременна. А жениться он не собирался. И всё искал морально чистый предлог ретироваться.

После ужина Стасик машинально включил компьютер. Эмоции обуревали его. Мозг констатировал:

произошла накладка двух негативных факторов: потеря смысла жизни и катастрофическая неизбежность потери свободы.

Что-то нужно было менять.

Неправда, думал Стасик, что мы управляем своей судьбой. Её указующие знаки содержатся в броуновском движении эгрегора, который представляет собой взвесь поднимающихся снизу, от людей, их высказанных и тайных мыслей, энергий, чувств, желаний, побуждений. Чтобы эгрегор включился в твою розетку, нужно сформулировать в мозгу вопрос. Ответ обязательно придёт. Только сумей выловить его и расшифровать таинственные символы. Но что именно хочет он, Станислав Домрачёв?

Чтобы отвлекаться, Стасик решил прочитать в интернете нашумевшую книгу молодого писателя Самсонова. Он набрал в поисковой строке «Повесть об остывшей звезде». Однако там почему-то всплыло: «Повесть о Гэндзи, бланштательном принце». Что-то зацепило Стасика, и он щёлкнул мышью. Всплыла картинка: из пены кимоно выглядывала женская головка, как чёрная голова белого лебедя. И подпись: «Десять веков назад придворная дама по прозвищу Мурасаки Сикибу написала первый японский роман “Повесть о Гэндзи”, в котором изобразила окружающий её мир, рассказала о своих современниках, поведала о том, что волновало и тревожило её душу». Сюжет: ослепительно прекрасный принц путешествует по стране в поисках своего идеала женской красоты. Он встречается с множеством персонажей, попадает в невероятные ситуации. Мурасаки растянула путешествие Гэндзи на 52 тома, которые читаются, тем не менее, с неослабевающим интересом.

Крутанув колёсико мыши, Стасик врехался в середину повести: «Гэндзи разместился в поспешно приведённых в порядок восточных покоях главного дома. Журчащие по камням ручьи были и в самом деле прекрасны. Тщательно ухоженный сад окружала сплетённая на деревенский манер тростниковая изгородь. Что могло быть пленительнее этого вечернего часа? Лёгкий ветерок навевал прохладу, где-то в траве звенели невидимые взору насекомые, в воздухе мерцали бесчисленные светлячки. Любуясь чистыми струями, вытекавшими из-под галерей, спутники Гэндзи угощались вином. Хозяин суетился вокруг. Мысль о том, что где-то в доме скрывается женщина, о которой в своё время столь одобрительно отзывались при дворе, возбуждала в принце желание увидеть её. Он напряг слух – и вот почудилось ему, что в западных покоях кто-то есть: оттуда доносились шелест платьев, молодые, нежные голоса...».

Подсознание Стасика тонким звоном откликнулось на призыв, исходящий из сплетения чарующих слов. Он мысленно перебирал свои ощущения, долго блуждал в хаосе ассоциаций, и наконец нащупал: хочу стряхнуть с себя всяческие путы и, как Гэндзи искал абсолютную красоту, искать себя. Найти себя.

Постепенно в действие вступил разум. Стасик осмысленно начал думать, что бросит осточертевшую социологию и отправится, куда глаза глядят! Пусть невеликую, но собственную кругосветку он сделает! Люди океаны в одиночку переплывают, на Джомолунгму восходят, а он прирос к компьютеру и к Розочке! Кое-какие сбережения есть, да и вообще – разве он, молодой и здоровый, не найдёт по пути работу, чтобы прокормиться?

Сейчас или никогда! – это было ясно, как божий день. Стасик мгновенно уложил в рюкзак документы, пару белья, фотоаппарат (привык щёлкать везде), книгу своего гуру Ошо, полотенце и прочее. Сел писать записку Розочке. Начал в покаянном тоне, передумал и коротко известил, чтобы она передала в Центр его заявление об уходе, чтобы жила здесь, не заливала его кактус, за коммуналку он будет платить с карточки. А он уезжает надолго.

Предстояло самое трудное решение: брать ли планшет и мобильник. Стасик долго колебался. Перерезать последний провод связи с прежней жизнью?

В конце концов он оставил всё на столе.

В общем тёмном коридоре (жёстко экономили электричество), на ощупь пробираясь к двери, он вдруг вздрогнул от трёхкратного сигнала звонка. Это к нему! Не иначе, Розочка! Стасик в замешательстве спрятался за соседской вешалкой. Сердце стучало, как у застигнутого вора. Ещё звонок, ещё. Наконец Розочка открыла своим ключом дверь в прихожую, затем в его комнату. Стасик мышью проскочил к выходу. Всё! Свободен!

2.

На автовокзале беглец выбрал из расписания далёкий, судя по цене, маршрут. Прочёл: «Прибрежное». Берег моря или реки его устраивал – он любил воду.

В автобус людей натолкалось немерено. Стасика пихнули в душный угол, и он, измучившись от дум и недостатка кислорода, провалился в сон.

Проснулся он от того, что автобус резко затормозил. Народ высыпал на утрамбованную площадку. К Стасику уже нацелилась дородная женщина. Схватила его рюкзак, проронив только:

– Рядом. Недорого.

И пошла вразвалочку (ну, чисто топтыгин в сарафане), не оглядываясь. Стасик поплёлся за ней. Он уже знал, что согласится на всё. В первые же секунды его опьянил здешний воздух – божественная аура зноя, солёных брызг, скошенного разнотравья. А море – оно нежно мурлыкало, накатывая на белый искристый песок. Простор светился бирюзой и солнечными зайчиками.

Первые дни пролетели в блаженном ничегонеделании. Утром Стасик, едва разлепив глаза, бежал к морю. Волны бросались обнимать его кружевными руками. Было конец мая, незаласканная солнцем вода обжигала, но после нескольких энергичных рывков оживал каждый мускул.

Раскалённый полдень прогонял в летнюю кухню. Головокружительно пахнущий борщ, кус жареного мяса или свежывловленный судачок, компот – и в постельку. Даже во сне Стасик чувствовал, как разглаживается лицо и молодеет тело.

Часов в пять он уходил в степь читать Ошо. Индийский мудрец уже который год подначивал его своим примером отрешиться от суеты. На островке зарослей чабреца Стасик твердил вслух мантры или читал наставления мудрейшего: «Нет, я ничего не делал. Я просто лежал, сидел, ходил – но там, в глубине, не было никого, кто что-то делает. Я утратил все честолюбивые мечты. У меня пропало желание к чему-то стремиться, чего-то достигать. Я просто погрузился в себя. Это была пустота, а пустота сводит с ума. И всё же это единственный путь к Богу. Бога достигает только тот, кто готов сойти с ума...».

Может, это и есть божественное счастье, думал Стасик, – ничего не делать, слиться с природой, как трава, как вода? Если бы ещё научиться медитировать! Он изо всех сил пытался погрузиться в безмыслие. Но не получалось. То увязавшаяся Жулька гавкнет, то комар вопьётся в щёку...

На четвёртый день по дороге к морю его перехватил колоритный тип. Будто шагала египетская пирамида: слоновьи ноги, объёмный зад и узкие плечи. Тяжело пыхтя, он тронул Стасика:

– Слышь, браток, покальмить не против? Эти чёртовы гастарбайтеры... На стройке приходилось?

– С отчимом дачку поставили.

– Ну, лады?

Гастарбайтеры явно не пришли в восторг. Особенно самый молодой, Реджеп. Косился на конкурента чёрным жеребьчьим глазом. Как оказалось, платили им нормально, поэтому вернуться на историческую родину они не спешили. Стасик старался найти с ними общий язык. В целом получалось, однако они были недовольны, что новичок спешит. А он действительно вкалывал с удовольствием. Даже показалось, что физическая работа нравится ему больше интеллектуальной. А в перерыве Стасик запечатлевал фотоаппаратом окружающее.

Всё бы ничего, если бы не Реджеп. Он то доску конкуренту на ногу как бы нечаянно уронит, то мешок цемента рядом выпряхнет. Да ещё на беду замешалась Людка, сестра хозяйина, девица с ножками, как бутылки, и линиялой блондинистостью. Реджеп, все знали, на неё запал. Она же, то ли чтобы вызвать его ревность, то ли по правде стала липнуть к городскому. Стасик вежливо отшивал её, но простая девушка тонких намёков не понимала.

Зато как приятно было ночью, под невероятно крупными звёздами, плескаться в душе, вернее, в затянутой плёнкой кабинке на огороде!

Спустя где-то неделю Стасик наслаждался под колючими струями душа и во всё горло орал ковбойскую песню из старого фильма, которую пел его дед, качая внука на коленях:

– *Мы ворвёмся ночью в дом*

И красотку украдём,

Если парня не захочет полюбить!

Вар-вар-вары!

Вдруг по плёнке полоснул луч фонарика. На заборе Стасик рассмотрел тёмный силуэт. Схватив доску из поддона, он кинулся туда, но фигура растворилась в ночи.

Ну, мало ли кто, успокоил он себя, может, пацаньё озорует. Он охладил себя душем и опять заголосил:

– *Но к чему такая страсть,*

И зачем красотку красть,

Если можно её так уговорить!

Через пару дней хозяин дал аванс, незаметно добавив Стасику несколько купюр.

А ночью...

Под струями на него рухнула мощная туша и принялась колошиматить. Сублильный Стасик даже пальцем не мог шевельнуть. Били долго, безжалостно. В печень. Головой о железную стойку... Боль ослепила. Всплыл горячий шёпот Реджепа:

– Увижу завтра, прирежу!

Несчастный вырубился. Через какое-то время холодные струи привели его в чувство. Он еле доплёлся до своей пристройки. Из рюкзака исчез полученный днём аванс. Слава богу, не заметили фотоаппарат (новейшая оптика!) в боковом кармане рюкзака.

На рассвете Стасик буквально вытащил себя из постели, хотя каждый мускул просил покоя, заплывшие глаза мешали ориентироваться. На железнодорожной станции, которая оказалась рядом с посёлком, купил билет на местный поезд до областного города.

Да, первый блин его новой судьбы вышел комом, думал Стасик, покачиваясь в ритме колёс. По привычке он принялся искать источник своих бед в себе. Что он сделал неправильно? Значит ли его поражение, что он не должен был пребывать в блаженстве бездумной жизни? Это не его путь?

Разволновавшись, он стал искать ответа у Ошо. Открыл книгу наугад. Но мудрец рассуждал обо всём на свете, что в данный момент Стасика совсем не волновало. Однако, пробегая глазами строчки, он всё-таки выискал, что его утешило: «Свобода означает, что ты можешь выбрать правильное и неправильное; если ты свободен только выбрать правильное, это не свобода. Тогда это будет похоже на первые машины Форда – все они были чёрными. И он приводил своих покупателей в магазин и говорил: “Вы можете выбрать любой цвет, при условии, что этот цвет чёрный!”».

Значит, свобода означает, что человек имеет право на ошибки?

Однако урок хороший! Теперь он не будет доверчивым придурком!

3.

Конечная станция, город Кременск, встретил бедолагу ласково. Лучи умиротворённого солнца прорывались сквозь густую зелень. Частный сектор благоухал садами в кольце надменных великанов новостроя. Люди улыбались. Никто не уколол его взглядом за разбитую физиономию. В уютной частной гостиничке тоже сделали вид, что рады гостю.

Несколько дней несчастный зализывал раны. Злость и досада постепенно растворились в освежающей ванне, откуда лень было вылезать. Но, однако, пора и за дело браться. Что предложит ему гостеприимный, на первый взгляд, город?

Стасик осматривал окрестности и попутно изучал объявления. Требовались рабочие на сталепрокатный завод, строители (нет уж, хватит!), повара, сотрудники в перспективные фирмы (читай – торговые агенты!). Как-то под вечер, поедая гамбургер в уличной палатке, он упёрся взглядом в лаконичное объявление на двери Интернет-клуба: «Требуется специалист». Стасик был с компьютером на «ты» уже лет с десяток. Может, покантоваться, пока ничего интересней нет?

Так он решил и толкнул стеклянную дверь.

В отлично оборудованном подвальном помещении за компьютерами сидело несколько посетителей. Оказалось, требовался просто дежурный по залу. Однако администратор Руслан, пригласив кандидата в свой кабинет, дотошно спрашивал о его возможностях. Видимо, остался доволен, поскольку объяснил его обязанности. И то, что он будет получать процент от выручки.

Работа – не бей лежачего. Дежурный должен определять места для пришедших, помочь выйти на нужный сайт, следить, чтобы мелкота не лезла во «взрослые» сайты, исправлять мелкие неполадки и получать плату. Стасик удивлялся, откуда посетители, в основном, подростки, ведь компьютер сейчас чуть не в каждом доме. Пацаны охотно раскрыли тайну: родители долго за компом сидеть не разрешают, за «стрелялки» ругают. Вот и приходится врать, что в футбол пошёл гонять, а на самом деле – в клуб. Был ещё предмет удивления. Доход-то от клуба смешной, а на что приобретены компьютеры, сделан современный дизайн? Но заморачиваться он не стал.

Рабочие смены проходили бы бесцветно, если бы не Владик. Этот мальчик появился в клубе буквально на следующий день. «Постреляя» чуть-чуть, а потом робко обратился к Стасику:

– Я хочу знать компьютер досконально. В школе – мало.

Такой оборот речи заставил Стасика приглядеться к мальчугану. Лет двенадцать, стрижен кое-как, футболка сто раз стиранная.

– А у тебя какой компьютер?

– Никакого. Но мне очень нужно научиться работать на нём профессионально.

Что-то строгое и одновременно притягательное было в его взгляде. Он не оставлял сомнений в серьёзности намерений мальчишки.

– Как же ты себе это мыслишь?

Ответ был, конечно, заранее обдуман и сформулирован:

– Вы будете со мной заниматься здесь. Платить я не могу. Но мы заключим договор, что когда я начну зарабатывать, я вам всё выплачу. Это как кредит. Беспроцентный. Но можно и с процентами.

Так возникла странная дружба. Странная, потому что Стасик совершенно не чувствовал разницы в возрасте. Знания Влада и его собственные суждения иной раз вызывали у Стасика оторопь. Этот мальчишка заставит о себе говорить! С таким талантом и упорством он пробьёт все стены. А ведь мать растит его одна, работает горничной в гостинице и ничего, конечно, дать сыну не в состоянии. Притом, порой Влад был как малое дитя. Вместе с друзьями гонял в футбол, бегал тайком от матери купаться.

После занятий они бросали мяч на заброшенной баскетбольной площадке или уходили в лес. На поляне Стасик выгружал из рюкзака здоровый кус мяса, хлеб, помидоры, печенье (он знал, что Влад всегда голодный). Стасик пытался приобщить мальчика к восточной философии, но тот категорически её не воспринимал. А иногда они просто делали забавные селфи, подкалывали друг друга или орали во весь голос:

– *Эй-о, эй-о, эй-о, эй-о,*

Если только конь хороший у ковбоя, (хо-хо!)

Эй-о, эй-о, эй-о, эй-о,

Всегда найдёт он счастье своё!

Стасик купил у Руслана по дешёвке старый клубный компьютер, отремонтировал и подарил Владу на день рождения. У того блеснули слёзы. А Стасик понял, что ему, оказывается, нравится учить, очень нравятся такие пытливые дети и дети вообще – ведь он никогда с ними не имел дела. У него впервые возникло сожаление, что у него нет собственного такого пацанчика.

Дней через десять Руслан чуть не с поклонами встретил на пороге трёх уверенно держащихся парней и проводил в дальнюю комнату, которая вообще-то всегда была заперта. Стасик мельком смог разглядеть, что там стоит ряд новейших компьютеров. Он вопросительно взглянул на Руслана. Тот, оглянувшись, прошептал:

– Разрабатывают спецпрограмму для министерства обороны. Болтать об этом не нужно, усёк?

– Оно мне надо? – пожал плечами Стасик.

Однако дня через три Руслан позвал его и попросил помочь разработчикам. Компьютерное задание было не из лёгких. Стасик долго мучился, но всё-таки справился. Потом было ещё задание, ещё... Стасику даже понравилось решать эти головоломки. Тем более что Руслан спросил номер его банковского счёта, чтобы перечислять на него деньги за эту работу.

Нынешняя жизнь Стасика устраивала. Он начал подумывать, не приземлиться в этом тёплом городе и открыть свою компьютерную школу.

Радужные мечты рассыпались в один миг...

Однажды утром Стасик, рысцой пробежав по набережной, приближался к клубу и вдруг заметил возле него толпу зевак. Приглядевшись, он увидел: дверь заблокирована милицией. Сердце ёкнуло – приди он на полчаса раньше, был бы там, внутри. И сразу – спасительная мысль: хорошо, что он работал по-чёрному, без оформления.

Он испугался, что его могут узнать люди из толпы, спрятался за дерево.

Вот зеваки расступились. Из подвала вывели в наручниках Руслана и одного из «разработчиков». Лицо у него было такое зверское, что Стасик пустился наутёк. Быстренько нырнул в свой номер и стал соображать, что это было и что делать дальше. Нужно бежать – это ясно. А сколько у него денег? Стасик вспомнил обещание Руслана переводить на его счёт заработанное. Огородами он пробрался в банк, холодея от мысли, что наверняка здесь засада. Но куда деться? Дрожащими руками он загнал карточку в жерло банкомата. На счёте оказалась фантастическая по его меркам сумма!

А вечером по городскому каналу показали сюжет о разоблачении банды хакеров, отмывавших деньги через Интернет-клуб. Они взламывали банковские карты физических лиц и даже снимали огромные суммы со счетов солидных банков. Нанесённый мошенниками ущерб составляет около шестидесяти миллионов.

Стас был в ужасе. Опять он попался! Когда же жизнь его научит? Раным-рано он бочком пробрался мимо стойки ресепшен и ринулся на автовокзал. Но ему подфартило. Проходя мимо риелтерской фирмы «Глория», он увидел объявление: «Продаётся дом в Черногории. 100 метров от моря. Срочно. Недорого».

Он еле дождался открытия конторы. Сделку оформили фантастически быстро. Виза в Черногорию не требовалась. Загранпаспорт у него имелся (словно предчувствовал, что он понадобится, и недавно выправил).

В восемь вечера Стасик уже вылетал навстречу другой жизни.

4.

В первую ночь на новом месте уснуть не удалось. Дело в том, что от города, где приземлился самолёт, было ещё шестнадцать километров. Южная ночь падает мгновенно. На такси Стасик подъехал к дому затемно. Не успев ничего разглядеть, напился из-под крана, сбросил одежду и рухнул на диван.

Едва он начал кимарить, как в дверь заколотили со страшной силой. Одурев от неожиданности, Стасик решил, что полиция уже его разыскала, и бросился к окну, чтобы бежать. Но тотчас сообразил, что это даже физически невозможно, и рискнул включить свет и открыть дверь.

– Стоять! – заорал возбуждённый мужичина с хорошим дрыном в руках.

Почти голый Стасик прыгнул на диван и зарылся в одеяле.

– Стоять, а то ка-а-к двину! Местная шшапа ты или кто? Отвечай, а то как двину!

Стасик даже не понял, почему черногорец орёт по-русски. Инстинктивно отреагировал:

– Я купил этот дом.

Он нашарил на полу рюкзак и вытащил документы.

Незванный гость обрадовался:

– Свой, значит? Класс! А я, так сказать, на страже... Ну, давай, Стас, за знакомство. Михаил.

Откуда вынырнула фляжка с коньяком, Стасик не понял, но с устатку и от испуга выпил с удовольствием.

– А я дешёвый постоялец. Твой, выходит, квартирант. Свободный художник.

– Какой ещё квартирант?

Михаил зычно захохотал:

– Ты что, не в курсе, что тебе дом с приданным продали? Во дворе вагончик на две семьи. Договор об аренде на два месяца. Я-то один, с утра до вечера на этюдах, а вот соседняя семейка – обхохочешься. Ладно, не буду пугать. Сам увидишь.

Михаил внезапно заскучал и вознамерился прикорнуть на ковре, но Стасик выставил его.

Какой уж тут сон!

Стасик решил осмотреть свои владения. Прикольно, ей-богу! Хозяин убежал в такой спешке, что даже оставил в раковине грязную посуду. Нежно урчал холодильник с парой банок консервов и тарелкой задохших спагетти. Но зато была вся мебель, газ, работал душ, шла вода из крана. Не хило!

Уже светало. Стасик, накинув куртку, вышел на крыльцо.

Дивный вид открылся его взору. Дом стоял на возвышенности, с которой открывалось аквамариновое полотно моря. Восходящее солнце уже бросило на него ослепительные блёстки. Яхты на рейде казались пёстрыми бабочками, что готовы вспорхнуть. Под горой белели дома рыбацкого посёлка. Лодки у причала стояли, не шелухнувшись, словно ещё спали. Лёгкий бриз доносил сложные морские запахи.

Фасад дома выходил на море. А на задворках, как увидел Стасик, обогнув жилище, действительно прикорнул вагончик с двумя дверями. Как раз в этот момент дверь одного приоткрылась, и оттуда, зевая и потягиваясь, явила себя миру женщина – растрёпанная, и, главное, топлесс. Белёсое её тело напомнило Стасику тушку замороженного кальмара. Женщина была на голову выше нового хозяина, так что он как-то оробел и сжался. А она – ничуть:

– Please, вы теперь здесь? Я – Линей. Iseland – Исландия.

Вероятно, очумелый взгляд Стасика подвигнул её вернуться к себе и выйти через минуту в драной пижаме. За ней высочили дети – такие же драные и растрёпанные. Старший с воплями принялся носиться за приبلудной кошкой, а девочка лет пяти подошла к Стасику и молча взяла за палец, пытаясь заглянуть в глаза.

– Я взяла раньше два курса русский в вашем университете. На вакации автостоп Париж. Там – полиция. Вернули Iseland. Но я вас люблю. Привожу детей. Асгард и Ларус. Два месяца плачено.

– Очень приятно. Стас.

Он не удержался и спросил:

– Вы на родине тоже считаетесь высокой?

– No. Меня называют крошка Линей, – засмеялась она и стала симпатичной.

Стасик хмыкнул про себя, сделал ручкой и отправился к себе. Ларус пошла за ним, с ногами влезла на диван и следила молча, без улыбки, за каждым его движением, будто за диковинным, но не опасным зверем.

Что делать дальше, Стасик не представлял. Но жизнь подсказала. Он невольно стал хозяином пансионата. Постояльцы вели себя так, словно он отвечал за их комфортное пребывание на этом, самом чистом побережье Европы. Им каждую минуту было что-то нужно. Вода, чайник, веник, открывашка, мусорное ведро... Ранним утром он выметал площадку с островками порыжевшей от зноя травы между домом и вагончиком, поливал её и поникшие кусты из шланга, потом на велосипеде привозил питьевую воду. Его это злило. Ведь он привык заботиться только о себе! Художник ещё куда ни шло, а вот семейство! Трудно вообразить что-то подобное. Линей вылезала из вагончика только если что-то было нужно. Она не загорала, почти не купалась, только читала электронные книги. Ларус и Асгард были предоставлены себе, поскольку она придерживалась взгляда, что дети должны развиваться абсолютно свободно. Она даже на море их одних отпускала, что приводило Стасика в ужас. Он бросался за детьми по крутому спуску, где запросто можно было переломать руки-ноги, плескался вместе с ними, карауля, чтобы далеко не заходили. Попутно начал учить Асгарда плавать, да и Ларус, Ларочка, которая наконец начала улыбаться, тоже запросилась. Дети очень любили кривляться перед фотоаппаратом и искать куриных богов.

Через пару дней после приезда Стасика Линей на хозяйском велосипеде укатила в посёлок и привезла съестное. Гамбургеры, булочки, что-то вроде шашлыков, кока-колу. Словом, всё, чтобы у детей началось несварение. Не смог Стасик это видеть. Наварил борща, сделал плов и позвал детей. Они уплетали за обе щёки. Так и повелось.

В хлопотах день пролетал со скоростью звука. Вечером бы расслабиться, да Михаилу, вернувшемуся с этнодов, неважноту было одному. Он показывал Стасику наработанное. Его марины с лодками, стаями чаек, рассыпанными вдоль побережья кубиками домов, были своеобразны по манере, но хороши. Параллельно художник писал нечто абстрактное, чего Стасик не признавал.

– Ты, Стас, не знаешь, каково сейчас реалнсту. Ни на одну выставку в Европе не пробьёшься. Уж не говорю о том, чтобы продать. Авангард, концептуализм! Да я такое за пару дней малюю, а вот ты попробуй, концептуал, море на закате написать, когда на нём тысячи оттенков!

Поскольку Стасик не был концептуалом, он соглашался с Михаилом. Распивали они по бутылочке пива, а художник потом и к фляжке прикладывался. Только поздним вечером оставался новоиспечённый собственник наедине с собой. Но это было опасно. Лезли в голову мрачные мысли. Напраслину он затеял. Мотает его из стороны в сторону, а толку? Что он получил? Вечный курорт? Это не для него. Дело нужно, дело! А тяжелее всего было думать, что Владик, конечно, считает его мошенником. Ему не объяснишь, что он сам попал в лапы негодяям (хотя, по большому счёту, мог бы и догадаться, что дело нечисто). А идти сдаваться – значит признать себя сообщником, получить срок. Каково чуткой душе мальчишки узнать, что такое лицемерие и обман! Он так и выйдет в жизнь с убеждением, что все люди – гады. Эта мысль была для Стасика невыносимой.

Летели дни, кончался август. Стасик загорел до черноты, накачал мускулы, раздался в плечах, вроде даже вырос. Просто другой человек! А что у него внутри творилось, никто не догадывался.

Однажды, часов в пять вечера, когда солнечный свет уже становился мягким, контрасты сглаживались, Стасик бродил вдоль моря и ловил в объектив то крабика, бочком ползущего к морю, то цветные камушки в прозрачной воде, то ныряющего за добычей баклана, то старинную поселковую водонапорную башню. Волны лизали ноги, убегали и возвращались. Тишина и покой царили в этом заброшенном мирке.

Стасик не заметил, как из-за горизонта выползла сизая туча. Он опомнился, когда она с бешеной скоростью уже неслась к его холму. Враз потемнело, поднялся сбивающий с ног ветер, вздыбились вихри песка. Небо раскололи ветвистые молнии, гром потряс окрестности. Хлынул ливень, по телу больно застучали градины. Стасик увидел, как вдарит утёс, на котором стоял его дом, надломился и начал медленно сползать. Машинально он несколько раз щёлкнул затвором. Мозг отказывался понимать, что происходит. Белый пластик стен ухнул в чёрную пропасть. Взрыв грязи и пыли заставил его упасть и вжаться в землю. Твёрдый, как камень, ком земли разбился о голову. Он начал терять сознание. Но тут обожгла мысль: люди! дети! Превозмогая головокружение, он стал карабкаться по раскисшей тропе...

Наверху Стасик увидел, что оползень добрался почти до вагончика, но иссяк. И ливень мгновенно прекратился. Наступила какая-то жуткая тишина. Двери были закрыты. Стасик пинком разбил одну и во-

рвался в комнату Линей. Все трое забились в угол, но были живы, потому что кричали. Он наклонился над ними. Ларочка повисла у него на шее и больше не размыкала рук. Так, с ней, он выбил другую дверь. Михаила не было.

Несчастные долго приходили в себя. А небо вновь просветлело, будто ничего не случилось, не произошла чудовищная несправедливость!

Вскоре прибежал запыхавшийся Михаил. Оказывается, он ездил в город за красками, а там и капли не упало. Но он видел, куда пошла страшная туча.

Стасик рискнул пройти по завалам. Зачем-то вытащил покорёженный чайник. Порезал ногу осколками битой посуды. Рюкзак, к счастью, чудом уцелел. Мятые, с кляксами дождя документы и жалкий остаток денег – тоже.

Он впал в ступор. Как будто оглох и ослеп.

Всё взял на себя Михаил. Он переправил Линей с детьми в соседний посёлок. Не добившись от Стасика, куда ему нужно, купил два билета на поезд до своего города.

5.

С неделю Стасик просидел в мастерской Михаила без сна, не притрагиваясь к еде. Тело было зажато в тиски. Голова разламывалась – и от боли, и от мрачных дум. Стасик понимал, что это расплата. Но за что? За его безалаберность? Или всё-таки есть закон кармы, о котором постоянно предупреждает Ошо? Кто же так провинился в его роду? Иногда он помимо воли представлял, как дети летят в разверзшуюся яму, за ними – Линей... Холод пронизывал его с головы до ног.

Михаил оказался мужиком что надо. Не трогал Стасика, молча стоял у мольберта или копался в бумагах. Постепенно сознание гостя прояснялось. Он просил, есть ли у Михаила инструмент и может ли тот одолжить его на время. Вышел в город и купил мобильник. Потом отпечатал на принтере штук пятьдесят объявлений: «Домашний мастер. Звонить в любое время».

– Уважаю, – одобрил Михаил. – Ты, Стас, сам выбрался из депрессухи. А я уж хотел тебя к психиатру... Пока не снимешь квартиру, живи здесь. Инструмент я тебе обеспечу.

О прошлом Стасика он не спрашивал.

Звонки не заставили себя ждать. «Муж на час», как его именовали, был на разрыв у одиноких женщин. Его приветливо встречали, поили чаем, болтали всякие глупости, что оказалось лучшим лекарством для опустошённой души.

Так вошла в его жизнь Синичка.

Когда она открыла дверь, Стасика что-то кольнуло в сердце. С чего бы? Маленькая, хрупкая, стриженная, как подросток. Может быть, лучезарная улыбка? Или глаза светлой воды? Или весь её облик беззащитного ребёнка?

– Как я вам рада, как рада!

Голосок у неё был, словно колокольчик.

– Раковина течёт, линолеум отклеивается, ключ в двери не провёртывается, ножка кухонного стола отвалилась! Кошмар и ужас!

– Ну, хозяйка, посмотрим на месте. Не переживайте! Пусть это будет последней неприятностью в вашей жизни.

Почему-то это пожелание её рассмешило. Звонкий смех рассыпался по злополучной кухне.

– Кофе?

– Сначала на кофе надо заработать. Вы занимайтесь своим делом, а я начну.

Стасик обследовал все «болевы́е точки» и понял, что работы непочтатый край. Это его неожиданно обрадовало. Он с удовольствием взялся за дело, а сам невольно прислушивался. Хозяйка то и дело кому-то звонила, звонили ей. То кому-то она выговаривала за нарушение сроков, то хохотала, то всхлипывала, то вела долгие серьёзные разговоры, в которых мелькали слова «контракт», «подрядчик», «судебные издержки». Стасик понял, что эта маленькая женщина – непростая штучка.

В перерыве они вместе шли кофе с бутербродами и попутно знакомились. К тому же, вечером должны были прийти подруга со своим новым парнем, поэтому Лесе (так она представилась) надо что-то приготовить, хотя не хотелось бы крутиться на кухне, мешать мастеру. Леся охотно рассказывала, что она – юристконсульт в строительной фирме, состоит в обществе защиты животных, поёт в любительском квартете. Она довольно бесцеремонно расспрашивала Стасика, почему он, как видно, образованный

человек, занимается не своим делом, почему оказался в их городе, много ли заказов... Вывернула его наизнанку! Конечно, Стасик говорил вокруг да около, но Леся явно поняла, что он попал в переплёт.

Когда гости пришли, Стасик с сожалением принялся сворачиваться. Но Леся схватила его за руку и представила гостям:

– Это Стас, мой муж на час.

– Синичка, где ты такого классного мужа отхватила? – не без кокетства спросила подруга, и Стасик впервые почувствовал, что нравится женщинам, и что ему самому это нравится, и что надо будет приодеться.

– Я Синицына, вот друзья меня и прозвали, – пояснила ему Леся, что привело его в полное умиление. Она птичка певчая, точно!

Конечно, его не отпустили.

Во время застолья Стасик был в состоянии то ли гипноза, то ли анабиоза. Словом, был полностью под обаянием этой необыкновенной женщины, о которой с утра даже не подозревал. Он не хотел уходить из её дома!

С трудом он оторвал себя от стула. Леся, как ему показалось, тоже огорчилась.

– До завтра! – произнёс он с каким-то неожиданным для себя смыслом.

– Я буду ждать, – ответила Синичка и тоже как-то особенно на него взглянула.

Оба поняли, что эти стёртые слова стали для них паролем в тайное будущее.

Ночь прошла беспокойно. Стасика то охватывали волны восторга, то страх (не может быть, думал он, чтобы такая женщина была одна), то желание немедленно бежать к ней. Он метался. Вспомнил, что у Ошо есть целый трактат о любви. Он принялся читать, перепрыгивая через строчки. Но они были как противно нравоучительны! Старый дурак, подумал Стасик о своём гуру, – он даёт рецепты любви! Сам, видно, никогда не любил, а учит других.

Он еле дождался восьми утра. Взбежал по лестнице, позвонил. Дверь тут же отворилась – Синичка ждала его! Ни слова не говоря, он бросился к ней и крепко сжал в объятиях. Она ответила ему неловким поцелуем куда-то в горло...

Сумасшедшие дни и ночи! Они еле отрывались друг от друга, когда она спешила на работу. Да и Стасик вынужден был брать хоть по одному заказу на день, чтобы иметь деньги. А в отсутствие Леси он ремонтировал кухню. И так спорилась работа, что он сам удивлялся!

– *Хорошо в степи скакать, вольным воздухам дышать,*

Лучше прерий места в мире не найти,

Вар-вар-вары! – мурлыкал он, забывая очередной гвоздь.

– *Если солнце не печёт, и лошадка не трясёт,*

И пивные попадают в пути!

Стасик правдиво рассказал Синичке только то, что он купил дом в Черногории, что там произошло, что он временно потерял память, и Михаил вывез его оттуда.

– Надеюсь, милиция или налоговая тебя не разыскивают? – в шутку спросила она, не подозревая, как разбередила его тайные страхи.

Синичка же рассказала, что вышла замуж студенткой за мужчину старше на двенадцать лет. Он так её ревновал, так боялся потерять, что в конце концов потерял. Был ещё один бурный роман, который внезапно оборвался из-за решения Игоря уехать в Израиль. Он звал её, но – что там ей делать? Леся не скрыла от Стасика, что долго приходила в себя после этой потери.

Удивительным образом их натуры совместились. Ни тени мелких обид, непоняток, разногласий. Вечерами они выходили в свет или наслаждались приготовленным вместе ужином, валялись на широком диване, болтали ни о чём, смотрели хорошие фильмы. Он её без конца фотографировал. А ночью они буквально влипали друг в друга, превращались в единое целое...

По выходным Леся обычно ездила как волонтер в приют для собак. Стасик тоже поехал. И надо было так случиться, чтобы как раз привезли бродягу-щенка. Когда его отмыли, оказалось, что это настоящий фокстерьер – белый, с фирменным бурым пятном на боку. Стас первым потрепал его за ухо, и это, наверное, крепко привязало к нему найдёныша. Он ходил за Стасиком, как на верёвочке.

Что делать? Пришлось его забирать. Долго над именем не думали, так он и остался – Фокс, Фоксик. Теперь у Стасика появилась новая забота. А вечерами пёс неугомимо их веселил и вытаскивал на прогулку.

Первый тревожный звонок прозвенел для Стаса во время судебного процесса, на котором выступала Синичка, пригласившая его послушать, чем она занимается. Интересы противной стороны отстаивал молодой юрист – безукоризненно одетый, неглупый, умеющий говорить. Леся тоже была на высоте.

Стасик, не слыша их дискуссии по поводу каких-то поставок, смотрел на эту деловую женщину с хорошо поставленным голосом и не мог совместить с ней свою хрупкую Синичку, колокольчик её смеха. Но его возбуждённое сердце вдруг подсказало, что оба юриста не просто излагают свои доводы. Это была дуэль, в которой оба участвовали с удовольствием. На равных. Да, такой мужчина куда более подходящая компания для Леси, чем он, «муж на час».

Каждый день он наблюдал, как Синичка востребована, и удивлялся: он никогда не был так нужен другим! Защитники животных просто не могли обойтись без юриста. А многочисленные знакомые! Казалось, ни один не живёт без проблем, и помочь может только она. Что Леся и делала, не отказываясь. Взяла она Стасика и на концерт их квартета. В песне «Нежность» она солировала, и у него сердце сжималось от её трогательной интонации. После выступления девушек обступили друзья, поздравляли, дарили цветы. А он стоял в стороне и чувствовал себя чужим на этом празднике жизни.

Леся заметила, что у Стаса часто портится настроение. Она не могла найти причину и прямо спросила. Он также прямо ответил:

- Пройдёт ещё месяц, и я стану тебе неинтересен. Потому что я – никто. Никто! Муж на час и только.
  - Ты хороший человек, а это немало, – возразила Синичка, но, как ему показалось, неуверенно.
  - Мало! Я мужик и должен крепко стоять на ногах!
  - Так устройся на работу.
  - Нет! Кое-какую – не хочу. Я вообще не знаю, что я хочу.
  - Ты говорил о компьютерной школе...
  - Не знаю. И ещё – не хочу жить в твоей квартире. Я везде лишний – понимаешь, лишний. У меня нет перспектив. Я не могу дать тебе того, чего ты достойна.
  - Стас, не городи ерунду! – рассердилась Синичка и ушла на кухню.
- Они не касались больше этой темы, но в воздухе повисло облако тревоги.

Кончался сентябрь. Резко налетели холода, колючий ветер распластывал потоки дождя по мостовой. Жестяные листья дворового тополя надоедливо стучались в стекла.

Мысль о возвращении домой обретала материальные формы. Стас не брал новых заказов, попрощался с Михаилом... Он знал, что лишает себя самого дорогого, что судьба больше не сделает ему такого подарка. Но чувство собственной неполноценности и страх неизбежности расставания были сильнее.

Синичка держалась мужественно. Умница, она не хотела отягощать свои предстоящие воспоминания. Она только всё время мёрзла и, сутулясь, обёртывала себя пуховой шалью.

Пока Стасик, взяв Фокса на короткий поводок, уходил, то и дело оглядываясь, к остановке автобуса, она смотрела сквозь занавеску. Так и запечатлел он её на последнем снимке. Он жестом попросил убрать завесу, чтобы проявилось лицо, но в эту минуту пёс бросился за голубями, поводок запутался, а потом Синичка исчезла.

6.

Застоявшийся воздух и пыль на мебели – так встретила Стасика его комната. На компьютерном столе огромными буквами было выведено по слою пыли: «Урод!».

Что ж, Розочка права. Он урод, раз не смог утвердиться в жизни. Зачем он только повёлся на сказку Мурасаки? Никакая кругосветка не приведёт человека к самому себе. Болезнь неприкаянности безнадежна. И нестерпима.

Стасик бросился лицом вниз на диван. Ему отчаянно не хотелось возвращаться в действительность! Но Фоксик скулил, просил есть! Пришлось за шиворот выволакивать себя на улицу.

Надо было искать работу. В Центр он возвращаться не хотел. Позвонил Сашке, однокласснику, в строительную компанию.

– Ты нашёлся, дрянь этакая! – завопил Сашка. – Мы уж хотели в международный розыск подавать. После работы приду. Готовь банку пива!

Вечером Сашка вытащил из друга все подробности. Хотел было снова обрушить на него праведный гнев, да передумал:

– Ты, пожалуй, прав. Если бы рассказал, что хочешь поменять жизнь, я бы первый начал тебя отговаривать. А так – ты испытал себя. Молодец! Ничего, что не получилось. Уроки тоже полезны. Так что ты – настоящий мужик! Я на такое не способен. Хотя, знаешь, и здесь много интересного. Я ведь теперь председатель общественной организации «Безопасный город». Дел невпроворот. Подключайся!

Стас вяло усмехнулся и пожал плечами.

На компьютере была выложена фотография грустной Синички, завернутой в пух.

– Девуля тут не случайно? Признавайся!

Стасик промолчал.

– А есть ещё снимки? Её и вообще? – Сашка явно заинтересовался.

– Навалом!

– Слушай, дай я дома внимательно просмотрю.

– Смори, если не лень.

В последующие дни Стасик искал объявления о работе, звонил, ходил на собеседования. В принципе он решил открыть компьютерную школу, но нужен был хоть невеликий стартовый капитал. И отпугивала морока с оформлением частного предпринимательства. Нет, на это испытание энергии нет. И Стасик пять впал в апатию. О Синичке изо всех сил старался не думать. Но сердце саднило. Он по привычке пытался найти ответ у Ошо в его длинном трактате о любви. Кроме злости, ничего не возникало. Препарировать любовь – это всё равно что пить не воду, а химическую формулу! Даже Фокс лучше понимает, когда что не мило. Лезет целоваться, повизгивает.

Сашка пропал чуть ли не на месяц. Однако всё-таки объявился. Назначил по телефону встречу почему-то в городском выставочном зале.

При входе Стасик увидел афишу: «Моя крутосветка». Выставка работ фотохудожника Станислава Домрачёва». В печёнке ёкнуло. Что за авантюра?

Довольно много народа толпилось возле развешанных по стенам фотографий. Стасик обомлел. С больших, окаймлённых рамками его работ смотрел с наивной улыбкой колоритный хозяин недостроенного дома в Прибрежном; исподволь бросал взгляд голый по пояс прокалённый солнцем Реджеп; оборка морской пены таяла на поседевшем от соли песке; задумался над шахматной доской взъерошенный Владик; выступала из туманной дымки панорама рыбацкого посёлка в Черногории; капризуля Ларус зашла в плаче на коленях у матери; останки белого дома в вихре чёрной пыли низвергались в бездну; Синичка с тюрбаном из красного полотенца исполняла индийский танец; ржавые тополиные листья лепились к плачущему от стеклу...

Действом дирижировал возбуждённый Сашка Он представил Стаса публике. Выступавшие говорили об удачном композиционном строе работ, о цветовых соотношениях, об умении передать характер и чувства портретируемых, о выразительных ракурсах. Все сошлись на том, что открылся новый яркий талант.

Стасик был как в тумане. Неужели это происходит с ним?

Поступило приглашение в городской фотоклуб. Многие работы с выставки были выложены в фейсбук и разлетелись по всемирной паутине. Его пригласили участвовать в нескольких выставках в других городах. Снимок с падающим домом (под названием «Апокалипсис») победил на конкурсе журнала «Фокус» и был напечатан на обложке. Редактор пригласил его к штатному сотрудничеству.

Стас попал в водоворот светской жизни. Ему без конца звонили, брали интервью для телевидения, приглашали на вернисажи, мастер-классы.

– Ну что, пацан, пошла движуха? – хохотал довольный Сашка.

Постепенно Стасик вписался в крутой вираж судьбы. Но в полусне приходила к нему Синичка. Его мучили фантомные боли. Да, он так назвал своё состояние. Фантомные боли бывают у тех, кому отрезали руку или ногу. А отрезать живого любимого человека? Разве это не страшно? Отрезать её смех-колокольчик, ямочку на правой щеке, запах подушки, колкость жёстких волос? Кроме неё, ни с кем он не может поделиться своим счастьем!

Намучившись, он решил: «Звоню! Скажу: “Без тебя ни жить, ни быть!”. Скажу: “Прилетай, Синичка!”».

Он набрал номер и, мгновенно охрипнув, сказал:

– Привет! Как дела?

АНДРЕЙ КОСТИНСКИЙ

ОДРечение

поэма

Вот оно, отречение.
Ручной ручей течения речи.
Берега два ничейные.
К речи кричащий кречет –

и в печень ре.сh.ень клюёт.
Сердца – middленный ритм.
Зов! – Лишаются «я», «ю» йот.
И т. д., и
т. п., и т.
р., и т. м.

Липается лунный бок.
Выстрелом из катапульты
личный и мелкий бог
взлетает забвеньем манкурта.

Лечит ли тьма луну?
Серебряной ли монетой
сама прижалась ко дну
невыхитого бессвета?

Я никогда не берёт
себя от чэ-ка-го-либо.
У речи урочен урок,
наберестово-липов.

Липа – до всхлипа дождя,
берёза – под вереск секиры...
А Я... Б Ю... В Э... *Для*
длится делением мира.

Отречение поздноотрочье...
Оторочье остроконечное
тенью к полдню его короче.
Вот и вышел я на междуречье.

Буквы ложатся в кор о бок бок о бок,
издавая звуки при укладывании
будто банки, выцокиваясь в погребок,
чью крышу с дедушкою залатывали.

И о и.о. Ио,
и о на берегу кычащей сове
Иона и она плачут *тихо, ио,*
ао, уо, зо и ью на лунносвет.

Смягчился мел,
и уже – на *ней* мой корабль сел.
Смыло стоящих на корме
в н е м о (е) - жна лья лзе.

От с м е х а
до с м е р т и
«я» –
Незаумоключенная
х а р т и я.

– Сколько раз
прощал Господь!
Со двора
Его ты подь!

Вышли жизни
все твои.
Щезни, изни,
Раствори

сам себя, избегнув ада...
Нищ, насквозен и наг.
– Рада?

Я с тобою теперь – с тобой.
И возвратной дороги нет.
Под стожарами спит стоболь.
Все мечты – из оновых смет.

В край, о который порезалось небо,
ты приехала дня на два.
Дна на два умножается сгорсточка пепла,
под которым отъятое нечетно – д в а.

По Нетеченской, встречно-встревожно
из любовей, надежд и вер
ветер враз разделяет на четыредорожно
душу каждого на семь сфер.

И хохочет, и хонечет, и хнычет
ветер, встретев меня сеЮночью.
Вот она достаёт из нычек
сноподобие снов-обочин.

В лобовую – фара луны.
Знаки звёздами в тучах видны.

Только я никогда не сверну –
не свергну – сеВерную утешту.
Сверив время, дождать весну
зим между...!!!

Вой волков. Волков и волоков
обратный, небратный круг.
Приложу его к прежнему. Олово
и охотно застынет круж,

Видишь, выйдешь – свеча, вечеря,
истекает меняконечной звездой.
Останавливаюсь над «ре» я,
Отаннивая «до».

Фа уст слышится на пороге.
До бра луны луч-ниточка – дёрни, включи.
А ре с тревожным Големом в слоге
ищет выход, чтобы найти ключи.

Эс.виданья, мой друг, дос.вида.НИя.
д о с в і д а н и я,
а н и т ы,
а н и к т о.

Обладоние обладания
Застеколья до овечьих «сто»

Порезов неба молнии сшиванье
расходится мгновенно.
И предложенье продолженья оправданья –
веню вина и вены вено.

И спеший на себя лавиной ум
родит чудовищ, чуяньем предтеча.
С луны запяток спрыгивает грум,
истошным криком тишину увеча.

Спотыкаясь,
тыкаясь,
каясь,
лучебродил, истомясь навзрыд,
день невыносимо долгой казни,
будто бы подкопом был прорыт.

Мне не хочется жить. Передышково
отсыпаюсь в пути от дома.
По периметру – ангелов вышки,
будто я ещё не уготован.

Будто будет и завтра, и после,
и лишь лучшее сохранит
память-ключница, вставив сослепу
ключ в ту дверь, за которой болит.

– Отче?

– Что?

течёт

вре (те) ни нерв

поперёк рек,

в доль доль,

впереди редит,

заспинно заспан...

– Отче!..

– ЧТО-О-О?!

Да, я Отче твой.

Живу на небесах.

Да и на земле.

Хлеб даю вам,

оставляю,

не искушаю,

прощаю,

от лукавого избавляю.

И чего тебе надобно

ещё-то?!

– ...щ ё т ы...

– Какие счёты?

Небо утонуло в ДТП,

из бока кость торчит, се – ребро месяца.

И присно, и т.д., и теперь –

млечных туманностей месиво.

Здесь платная стоянка – Рай.

Заплатная тень от солнца.

Над доадовым перевалом – лай

охраняемый; здесь пасётся

легион стаг. Авель пастушок

пас тушок когда-то здесь овенность,

но онднаждать в небеса ушёл

от овечности – до мгновенности.

Что, штормит?

Штурмдевятыйвал не отпускаин.

До реми –

редо, рере, а п о с л е К А р ь И N!

Р е м и – к с и через ресоль.

Искуситель змей сам искусан.

И подводит скрипучесть рессор,

на подводе же – ложе Прокруста.

АдамьЕва я б лакомство отведал.
Да вот надыскушаемо оно.
И Ветрополк уходит от ответа,
и Вьюгодолк наспешен ли войной?

Спешит – ведь пешен.
Ешит – коль верхом.
Ползла ползла и подобра стадоля.
Нарывом из семи один лишь – холм,
и тот обнесен час'г'око-льем.

Ключей проволокой нагоризонтных деревьев
ночь пришта к земле. И мне не зайти ЗА.
Ржавчина солнца, себя на деберкадере въев,
растворяется тьмой, вычиркнутой из кресал.

А пока что...

Моего поезда первый вагон
набит пассажирами желаний.
Расписание изменили, направив
лоб в лоб к отцепному.
В оцепенении
столкновения ждали
в первом спальном.
В отцепном товарном
на каждое желание
было по дощатому дому.

В вагон-ресторан
набились гордыни,
тщеславия, похоти,
пехота бравяды,
и к пахоте годные прямства.
В той тесноте им всем было –
однако, легко, хоть и
самодовольно и разбухаемо
в ащдвао зёрнами ямса.

Скрежет колёс.
Рельсо-шпалаля лестница
встала к луне, словно в лунке
опробовав дно.
Полоска рассвета
тонка окровавленным лезвием.
Пассажиры не поняли
ничего.
нечедо..
ничено...

Но я знаю, будут дни, других днее.
И ночи – ночее других.
Встанут утрия – одно на другое, вытягивая шею,
чтоб к вечеранам вплечиться по самый дых.

Ты будешь тою же, я – тем же.

а

к

н а м а н е ж е – н а м а н

к

а.

Каждый день безнаший будет безутешен
прокручиванием девушки на шарманке.

Ты будешь слушать м о и г л у п о с т и,
несушьющиеся над околицеицей,

как я молюсь:

(Боже, упаси,

брось хотя бы мюнхаузишную лестницу,

чтобы я взобрался – высоко-выше, далеко-дальше,

так, чтобы ни одна живомёртвая душа

не процидила себя туда через небо-звёздный дуршлаг...)

Ты запомни меня. Если и не был я. Даже

если тебе я приснился

оночью оденьжды,

простоволос,

на ветру,

без надежды,

на касанье к тебе, на хоженье в тебя

за три моря, две горы, одну степустьнь...

Посмотри – я лечу, я себя отпустил –

эту вечность тобойно одвухдневил я.

В коридоре протянутых рук

только свет твоего лица.

Я уже никогда не умру

ни от водки, ни от свинца.

Отчего же сбивается ритм –

сердцевина меня хандрит –

не находит такого-то такта,

до хорея сбивается дактиль

учащающимся стуком

теннисного шарика о стол...

У дуба судьба бука:

Ствол – столб – стол.

Проведи меня до двери,

за которою память горит,

там, в дыму её, угорит

предок мой – урарат, угарит,

домонгол – не монгологном?, –
гунн, ацтек, розенкрейцер, софиг.
Я не знаю уже – где мой дом.
Только знаю, что он болит...

...Высвети, Господи, все мои комнаты тёмные.
В каждой зажги по свече. В каждой лежу я.
Входят проходят, но не друзья – знакомые.
Всё, что осталось для всех – улыбка моя.

Я не юродивым, не оглашенным не был.
Принял бы постриг, да тени мои темней,
чем у других, хоть одинаково небо
для посетивших землю на сгорсточность дней.

Высветли, Господи, комнату, где будут други
пить за меня, жить, и без усталости петь.
Звёзды погасшие – для разгорания уголь.
Небо закрыто заслонкой уже на треть.

Вот оно, ОДРечение...

ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК

ПЛАСТИЛИНОВЫЙ ЦВЕТОК

***

Крошки в постели –
инсталляция громадного скворечника,
но все грачи улетели,
и я изучаю твои складчатые веки,
будто серебристо-металлические закаты над городом
пост-ядерного одиночества.
Ты опять не смыла на ночь косметику:
принцесса в белье из лягушачьей кожи,
ты так любишь овсяное печенье –
ребёнок в тебе, как в батискафе,
становится на цыпочки
и вглядывается в мир за стеклом,
а там темным-темно,
изредка мелькают грозные тени.
Ночь. Густой свет торшера
цвета гречневого мёда на вязком изломе,
твои маленькие ладони – рукопожатие птички,
но прощаясь, ты всегда обвиняешься вокруг шеи,
нащупываешь родинку
и смотришь на замершие отражения
в зеркале прихожей – как мы смотримся –
фотогенично ли?
идиотично ли? –
как и все самодостаточные любовники.
Тишина после тебя – кильватерная пена,
и вот появляются взбаламученные кувшинки
с подводными венами, перерезанными винтом.
На кушетке в приёмной парапсихолога
я прокручиваю в голове твой голос,
словно обруч с голубой лентой.
А за окном крадётся хромающей рысью осень
и пахнет тлеющими листьями. Лучинки из детства.
И мне всё равно, куда тебе нужно деться:
я вижу, как загорается свет
в твоей параллельной жизни,
неприятные мысли, и я присыпаю их тальком –
соплевшие попки младенцев...

Стягиваю тугие джинсы с твоих бёдер,
 точно плотную кожу с рептилии,
 вдруг останавливаюсь. Десятки воспоминаний
 наслонились друг на друга, став твердыми,
 будто жемчужины. Так рождается дежавю.
 Так из десятков моих стихотворений
 однажды выйдешь ты –
 испачканная голубым сиянием, как джемом,
 смеющаяся лебедь
 с хулиганским засосом на изящной шее...

***

«Не стоит разбрасываться сердцами», –
 сказал мне седовласый капляющий К
 с интонацией благородного одиночества,
 будто рассматривал старинную шпагу.
 «Господи, сколько сердец я похитил в юности,
 а они сморщились и проросли, как картошка в сарае.
 Жизнь – баснословное состояние,
 и ты его обязательно промотаешь,
 и многое уйдёт с молотка –
 без чеков, без памяти, бесследно».

-
 ...Но первая любовь,
 как бутафорная статуэтка Оскара,
 врученная за худшую мужскую роль в моей жизни,
 останется со мной навсегда.
 Вот он – трагикомический лопухий герой –
 с карими, как капитаны, глазами и большой головой,
 мир, наполненный слезами счастья и досады,
 точно бочка дождевой водой
 у поворота в сад (тюльпаны бокалами
 с красновато-жёлтым воском, длинношение, торчат).
 О первая любовь, я не узнаю твой голос,
 так бы заговорила статуя Венеры –
 чуть картаво, медленно, с притыками,
 будто идёшь на лыжах по серебрищему снегу.

-
 Первая любовь – пункция спинного мозга,
 прививка от оспы жестокости.
 Лужа лосиной крови в тайге, облепленная комарами.
 Эти тайны навсегда останутся тайнами.
 И как же тебя звали? Боже ты мой – не помню...
 Только осиротевший нимб – там, где золотые волосы
 мягко испарялись в солнечном свете...
 Собака зарыла кость во дворе, но дом снесли
 и землю заасфальтировали, построили кафе.
 Мне тебя никогда не найти.
 Это не опыты детского разврата и любопытства,
 когда во время тихого часа мы, точно спелеологи, изучали
 на ощупь тела друг друга под одеялами.
 Нет, ту рыжую девочку я даже не любил,

с тобой же я даже не целовался.
 Как же мне раздвинуть сей чутунный камыш?
 Как взглянуть сквозь влажную черноту,
 туда, где проложен исток всей жизни –
 сумбурной, дурацкой?

-
 Это танцы с туманом,
 твои щёки с цыплячьим пушком,
 и корона из позолоченного картона на утреннике –
 ты играла царевну, не меньше, – и роскошная коса –
 шелковистая якорная цепь, а вместо якоря
 билось большое прозрачное сердце ребёнка,
 готового любить тебя сто лет.
 Отверженный мальчишка.
 Ибо первая любовь по законам жанра
 должна быть несчастной и сладкой,
 как запечённое яблоко в сиропе растаявшего сахара.
 Купидон первую стрелу
 натирает не тюленьим жиром или новокаином,
 но выбирает самую ржавую и кривую,
 чтобы побольней, позаковыристей.
 На всех женщинах, которых душа любила,
 есть отпечаток золотистой девочки без имени.

***

парк –
 здесь мы попадаем в сказочный мир
 акупунктурное пение птиц нежно прокалывает слух –
 тонкие музыкальные иглы свиваются в невесомые узоры
 лужайки бездельничают и похожи на
 сковородки с заплесневевшей яичницей
 чистые небеса безмятежно синеют над нами
 с оттенком превосходства – будто глаза отличницы –
 и тяжёлые фонтаны хрустальными щёточками
 вычищают наши чутунные мозги
 от накипи реклам и бреда...
 так не есть ли любовь вневременной победой
 над мускулистыми карликами реальности?
 здесь в парке мы вдвоём спасаемся
 от каменных эмпиреев города
 рухнувших в тёплую пыль и скуку лета
 не спешим раствориться в чистилище века...
 мы увязли в переходах месяцев из весны в солнечное
 и нам хочется целоваться под липами до одури
 ощущая как вспыхивают искорки сока на наших лицах
 как щекочет и лопается на щеках
 мельчайшая газировка звуков и запахов

-
 наш путь в бессмертие пролегает
 мимо терпеливой старушки –
 сидит на складном стуле с эспандером и напольными весами
 яркие стайки подростков беснуются на роликах

девушки несут сами себя на блюдах – яства плоти
 деликатесы молодости с бледностью и пирсингом
 вот компания индусов с лицами цвета и вкуса фиников
 (глаза – мраморное молоко с живыми жуками)
 и доблестные милиционеры топорными циркулями –
 столбиками государства –
 измеряют пространства
 в тихом столбняке июня...
 мы ощущаем непрерывный день рождения души
 задуваем свечи на монструозных тортах
 наши минуты настоянные на переходе вечности в лето
 вмещают в себя патлатого Чиполино
 с громадной лакированной луковицей гитары
 и неизбывный шелест шагов в асфальте
 (периоды полураспадов наших дней)
 и мы уже добираемся до чёрного дерева на отшибе
 (негатив голой старухи стоящей перед громадным зеркалом)
 за старым кинотеатром
 и возвращаемся снова и снова
 и опять проходим мимо фонтанов –
 клепсыдры измельчающие время в мокрую пыль
 и деликатный клён и художник-карикатурист тут же под клёном
 являет зевакам штрихами сквозь серый шум
 лицо девочки
 лицо проявляется на альбомном листе –
 из отбели бело-серой проявляются очертания двойника –
 девочки из другой вселенной.

-
 и я ощущаю себя карандашом в умелых руках –
 рисую чьё-то лицо не видимое вблизи –
 строки выложенные гектарам леса...
 чтобы острием как пикой пронзить всё – и солнце
 и дирижабельный шелест парка и голоса будто тени колодцев
 и фонтана хрустальную вздыбь и зыбь наших слов
 и тебя моя любовь с замороженным апельсиновым соком
 с глазированным миром отражённым в зелёных глазах...
 вот мы кормим мгновения как вертялых белок
 крошками красоты неповторимости-невозвратимости
 и внезапная береза за углом – красавица жирафиня
 замотанная в желтоватые бинты
 с любопытством рассматривает нас
 и мелодия зреет и наливается в кончиках пальцев –
 тягостно мучительно сладостно –
 свинцовое молоко в грудях суки чьих щенков утопили
 чувствую что мы никогда не умрём
 под сенью бессмертия в солнечных бликах...
 и снова рождается музыка карандаш стихотворение
 всё это умещается в милое хрупкое безобразие
 причудливый франкенштейн бытия
 и что может быть лучше жизни?

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ
в переводах Юлии Безугловой

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

THE LAW OF THE JUNGLE

Now this is the Law of the Jungle – as old and as true as the sky;
And the Wolf that shall keep it may prosper, but the Wolf that shall break it must die.
As the creeper that girdles the tree-trunk the Law runneth forward and back –
For the strength of the Pack is the Wolf, and the strength of the Wolf is the Pack.

Wash daily from nose-tip to tail-tip; drink deeply, but never too deep;
And remember the night is for hunting, and forget not the day is for sleep.
The Jackal may follow the Tiger, but, Cub, when thy whiskers are grown,
Remember the Wolf is a Hunter – go forth and get food of thine own.
Keep peace with the Lords of the Jungle – the Tiger, the Panther, and Bear.
And trouble not Hathi the Silent, and mock not the Boar in his lair.
When Pack meets with Pack in the Jungle, and neither will go from the trail,
Lie down till the leaders have spoken – it may be fair words shall prevail.
When ye fight with a Wolf of the Pack, ye must fight him alone and afar,
Lest others take part in the quarrel, and the Pack be diminished by war.
The Lair of the Wolf is his refuge, and where he has made him his home,
Not even the Head Wolf may enter, not even the Council may come.
The Lair of the Wolf is his refuge, but where he has digged it too plain,
The Council shall send him a message, and so he shall change it again.
If ye kill before midnight, be silent, and wake not the woods with your bay,
Lest ye frighten the deer from the crop, and your brothers go empty away.
Ye may kill for yourselves, and your mates, and your cubs as they need, and ye can;
But kill not for pleasure of killing, and seven times never kill Man!
If ye plunder his Kill from a weaker, devour not all in thy pride;
Pack-Right is the right of the meanest; so leave him the head and the hide.
The Kill of the Pack is the meat of the Pack. Ye must eat where it lies;
And no one may carry away of that meat to his lair, or he dies.
The Kill of the Wolf is the meat of the Wolf. He may do what he will;
But, till he has given permission, the Pack may not eat of that Kill.
Cub-Right is the right of the Yearling. From all of his Pack he may claim
Full-gorge when the killer has eaten; and none may refuse him the same.
Lair-Right is the right of the Mother. From all of her year she may claim
One haunch of each kill for her litter, and none may deny her the same.
Cave-Right is the right of the Father – to hunt by himself for his own:
He is freed of all calls to the Pack; he is judged by the Council alone.
Because of his age and his cunning, because of his gripe and his paw,
In all that the Law leaveth open, the word of your Head Wolf is Law.
Now these are the Laws of the Jungle, and many and mighty are they;
But the head and the hoof of the Law and the haunch and the hump is – Obey!

ЗАКОН ДЖУНГЛЕЙ

Вот Джунглей Закон, достоверен и древен он, как небосвод;
 Волк, чтущий его, преуспеет; поправший – заведомо мёртв.
 Закона кольцо неделимо, лианой, обвившею ствол:
 Волк – Стаи опора и сила, сам Волк мощью Стаи силён.

Умывшись с хвоста и до носа, пей, мутью со дна не давясь,
 Запомни, что ночь – для охоты, а днём полагается спать.
 Шакал пусть наследует Тигру, но помни, мужая, Щенок,
 Что Волк – это вольный охотник, возьми же добычей оброк.
 Уважь Повелителей Джунглей: Медведь то, Пантера ли, Тигр.
 А Хатхи-Молчун и Вепрь дикий не повод для шуток и игр.
 Коль в Джунглях встречаются Стаи, друг другу тропу заступив,
 Ляг, жди: Вожаки пусть решают, их разум закон утвердит.
 Повздорил с собратом, – дерись же один с ним, от братьев вдали,
 Чтоб прочие, бой ваш услышав, всю Стаю в раздор не ввели.
 Убежище – Логово Волка, от прочих отличное мест
 Тем, что не войдёт ни Вожак в дом, ни Стаи всеильный Совет.
 Убежище – Логово Волка, но если не скрыто от глаз
 Чужих, то Совет Стаи вправе другое отрыть дать приказ.
 Убьёшь до полуночи – воем не рви заповедной тиши:
 Пугая пасущихся ланей, ты братьев добычи лишешь.
 Подруге, Щенкам несмыслённым своим пропитание добудь.
 Но не ушвайся убийством, убить Человека – табу!
 Добычу того, кто слабее, схватить не великая честь:
 Любой в Стае право имеет на часть от неё, чтобы съесть.
 Добытое Стаей – для Стаи, пусть каждый лежащее рвёт,
 Но тот, кто похитит хоть малость и в логово стащит – умрёт.
 Добыче своей Волк хозяин, над нею – его только власть.
 Пока не допустит он, Стая не смеет к дичине припасть.
 Детёныша право святое к собрату из стаи воззвать,
 И сытый охотник не может в еде малышу отказать.
 Особое – Логова – право. Любая из ценных волчиц
 От каждой добычи для малых своих вправе часть получить.
 Отцовское право – Пещеры. Свободен охотник от всех
 Призывов. И властен над Серым лишь Стаи всеильный Совет.
 От мудрости, ловкости, хватки его мир зависит пока,
 Всё, что неподсудно Закону, решает вердикт Вожака.

Итак, это Джунглей Законы, мудры и могучи в веках;
 Пред ними склонились покорно все Джунгли. Да пусть будет так!

BLUE ROSES

Roses red and roses white
 Plucked I for my love's delight.
 She would none of all my posies –
 Bade me gather her blue roses.

Half the world I wandered through,
 Seeking where such flowers grew.
 Half the world unto my quest
 Answered me with laugh and jest.

Home I came at wintertide,
But my silly love had died
Seeking with her latest breath
Roses from the arms of Death.

It may be beyond the grave
She shall find what she would have.
Mine was but an idle quest –
Roses white and red are best!

СИНИЕ РОЗЫ

Красных роз и белых роз
Я любви моей принёс.
Ею дар отвергнут был –
Ты б мне синих раздобыл...

Я прошёл полмира вдоль,
Тех цветов ища юдоль.
И полмира мне в ответ
Слали лишь насмешки вслед.

По зиме вернулся я.
Страсть наивная моя
Умерла, на вдохе вдруг
Розы взяв из Смерти рук.

Может статься, за чертой
Обретёт она покой.
Я же втуне мерил свет –
Белых, красных лучше нет!

GIPSY VANS

Unless you come of the gipsy stock
That steals by night and day,
Lock your heart with a double lock
And throw the key away.
Bury it under the blackest stone
Beneath your father's hearth,
And keep your eyes on your lawful own
And your feet to the proper path.
Then you can stand at your door and mock
When the gipsy vans come through...
For it isn't right that the Gorgio stock
Should live as the Romany do.

Unless you come of the gipsy blood
That takes and never spares,
Bide content with your given good
And follow your own affairs.

Plough and harrow and roll your land,
 And sow what ought to be sowed;
 But never let loose your heart from your hand,
 Nor flitter it down the road!
 Then you can thrive on your boughten food
 As the gipsy vans come through...
 For it isn't nature the Gorgio blood
 Should love as the Romany do.

Unless you carry the gipsy eyes
 That see but seldom weep,
 Keep your head from the naked skies
 Or the stars'll trouble your sleep.
 Watch your moon through your window-pane
 And take what weather she brews;
 But don't run out in the midnight rain
 Nor home in the morning dews.
 Then you can huddle and shut your eyes
 As the gipsy vans come through...
 For it isn't fitting the Gorgio eyes
 Should walk as the Romany do.

Unless you come of the gipsy race
 That counts all time the same,
 Be you careful of Time and Place
 And Judgment and Good Name:
 Lose your life for to live your life
 The way that you ought to do;
 And when you are finished, your God and your wife
 And the Gipsies'll laugh at you!
 Then you can rot in your burying place
 As the gipsy vans come through...
 For it isn't reason the Gorgio race
 Should die as the Romany do.

ЦЫГАНСКИЕ КИБИТКИ

Пока не ступил на цыганский путь
 Кражи ночью и днём,
 Накрепко сердце спеша замкнуть,
 В пустошь швырни ключом.
 Чёрным прикрой его валуном,
 Могильной отца плитой.
 Взгляд утверди на своём, родном –
 Верен, мол, выбор твой.
 И можешь с ухмылкой стоять в дверях,
 Глядя на караван –
 В корне неверно, чтоб жил чужак,
 Так, как живет цыган.

В жилах пока не цыгана кровь,
 Что берёт, не пада,
 Живи, своим дорожа добром,
 Мирно дела ведя:

Надел свой тьяни, борони, паши
И сей то, что быть должно,
Но сердце всегда в кулаке держи,
Не то упорхнет оно!
Тогда преуспеешь, богат и сыт –
Мимо, прочь караван...
Ведь чужаку не дано любить,
Как может любить цыган.

Пока цыганский не принял взгляд,
Что смотрит на мир без слёз,
Небес чурайся, открытых над –
Помеха сну россыпь звёзд.
Луна с оконным стеклом пред ней
Какие сулит нам дни?
Под дождь полночный бежать не смей,
И утром, в росу – ни-ни.
Ты можешь сжаться, глаза закрыв –
Мимо, прочь караван...
Чужому не ведома до поры
Воля, что у цыган.

Покуда цыганский не принял род,
Во все времена един,
Дай Месту с Временем окорот,
Честь свою пощади.
Жизнь отдать, чтобы жизнь прожить –
Делай, что быть должно.
Кончено... Богу, цыгану ли,
Даже жене смешно!
Гниёшь в могиле своей пока –
Мимо, прочь караван...
Резону нет сдохнуть для чужака
Так, как умрёт цыган.

ВАЛЕРИЙ БАЙДИН

*От редакции: Начало опубликовано в журнале «Знамя» 2013, №11.
Валерий Байдин – писатель, эссеист, культуролог. Родился в Москве в 1948 г. Окончил исторический факультет МГУ. В начале 1990-х гг. выехал из России, учился в Женевском университете, защитил во Франции (Университет «Нанси 2») диссертацию доктора русской филологии, читал курсы лекций в университетах Нанси, Нижней Нормандии, в Сорбонне. Автор стихотворного сборника «Patrie sans frontières» (Paris, 1996), монографии «L'archaïsme dans l'avant-garde russe. 1905–1945» (Lyon, 2006), романа «Сва» (М.: Русский Гулливер, 2012) и около двух сотен статей и эссе о русской культуре разных эпох. Проживает во Франции и в России.*

РАЗГОВОРЫ С ВЛАДИМИРОМ МАРТЫНОВЫМ

Отрывок из автобиографической повести «Неподвижное странствие»

ИДЕЯ «ПУСТОТЫ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ И В РЕЛИГИИ

Другой темой моих частых разговоров с Мартыновым была идея «пустоты». Начались они после того, как в 1975-м году наша общая подруга Нина Анарина привезла из Японии и принесла в Студию электронной музыки на Арбате редчайший диск, почти неизвестный даже на свободном Западе: «Молитвословие в буддийском монастыре». Послушать его собралась вся наша компания и, разумеется, ползнакомя богема из студийных завсегдатаев: музыкантов, бородатых мистиков, девиц заумного вида и бритоголовых московских буддистов-эзотериков. Пластинка вызвала настоящее потрясение основ. Я не слышал музыки. Произошло нечто совсем другое. Зазвучала неведомая мне вера, жизнь духа наедине с вечной природой. Сознание то и дело проваливалось в беззвучие. Между пением и чтением молитв, звуками шагов, дождевых капель, порывов ветра разверзалась блаженная пустота, и в ней возникало непередаваемое – божественное присутствие...

Втроём с Ниной и вдвоём с Володей мы не раз часами говорили об откровении в звуках, об этой пластинке, слушали и переслушивали то её начало, то конец, то середину. Вместе с ними я чувствовал восторг, а в глубине души росло отчаяние: я, как православный, не мог найти ничего подобного ни в русской культуре, ни в византийской. Конечно, в то время я лишь начал их изучать и совсем не знал Востока. А мои собеседники плохо представляли себе православие, да и не пытались искать истину «на Западе», к которому пренебрежительно относили Россию. Ухватить суть в разговорах нам никак не удавалось. Но, как и раньше и позже, нас объединяло самое главное. Мы искали истину не на земле, а в небе, едином для человечества.

Тогда на много месяцев нас с Мартыновым увлекло учение Нагарджуны о просветлённом «срединном пути» без утверждений и отрицаний. Этот древнеиндийский мудрец был одним из тех, кто сформулировал понятие «пустоты», шуньята. Оно разительно отличалось от античной идеи вакуума, наполненного атомами вещей, и от материалистического по сути утверждения Аристотеля: «природа не терпит пустоты». Боязнь пустоты (*horror vacui*) преследовала западную мысль вплоть до Эйнштейна с его «пространством без материи».

Я был убеждён, что в духовном универсуме христианства нет и не может быть пустоты, Дух Божий заполняет всё мироздание, проникая до ада. Средневековая апофатика заменяет это понятие «неизреченным», «незримым», «непознаваемым». Визуально «пустота» в иконе изображается золотым фоном (или его заменителями) и одновременно являет полноту – Свет. Другим иконописным выражением пустоты являются образы «тьмы крошечной»: клубящийся мрак на иконах и фресках «Страшного суда», чернота

пещеры или безвидной, без-образной адской бедны на иконах «Воскрешение Лазаря» и «Воскрешение (Сошествие во ад)». Несовместимость христианства и восточных религий в отношении к «пустоте» мне казалась незыблемой аксиомой. Но я продолжал искать этому объяснения и подтверждения.

После одного из моих летних странствий я привёз и подарил Нине небольшое плоско-выпуклое раскрашенное изображение бодисатвы Авалокитешвары из обожжённой глины – бурятский «бурхан», купленный за десять рублей в Улан-Удэ. Местные жители продали мне его с великой радостью. Как оказалось, на пустыре рядом с разорённым краеведческим музеем, покопавшись в земле, можно было отыскать остатки старинных буддийских святынь, варварски выброшенных на улицу в годы хрущёвских религиозных гонений. Было бы у меня больше денег, я привёз бы в Москву немало сокровищ. По поводу этой статуэтки у нас возник очередной разговор о дзен-буддийском понимании пустоты. Авалокитешвара, создатель «Алмазной сутры», учения «о запредельной мудрости», проповедовал спасение от страданий путём «постижения пустоты» в себе и в мире.

Я допытывался, существуют ли зрительное, звуковое, жестовое воплощения этого понятия? В буддийских мандалах, в мелодиях сякухати, в японском театре Но, в культовой архитектуре? Или оно лишь описывается в текстах, как непредставимое ни в образах, ни в символах? Пустота мира, сознания и сердца? Нас с Володиёвым объяснение Нины поразило: шуньята «изображается» лишь умозрительно, в виде «безграничной мандалы», абсолютная пустота приравнивается к бесконечности и вечности, к Абсолюту. Значит в дальневосточной живописи «безграничный» пейзаж на свитках или ширмах отражает ту же идею? Как и белый, ещё не тронутый художником лист бумаги? И неподвижность в театральных мизансценах и жестах актёров? И долгие паузы в их движениях или в прерывистом звучании японской флейты?

Мне представлялось, что понятие пустоты универсально, хотя выражается по-разному. В русской светской культуре я искал его прообразы, «воронки пустоты», в которые погружается слово, музыка, пластический образ. Аналогами «пустоты» мне казались безлюдные и, особенно, «небесные» пейзажи – от А. Иванова и Куинджи до символистов и постсимволистов. Они тянули взгляд вдаль и ввысь, в беспредельное. Иначе, но в том же направлении действовали на сознание пространственные описания природы и странствий «в лесах и на горах» у Мельникова-Печерского, Тургенева. Тютчев проповедовал молчаливую поэзию, символисты – поэзию умолчаний. И авангардистские сверхпейзажи Кандинского, и «космическое пространство» супрематизма и футуристическая «заумь» Хлебникова или Кручёных – кружили вокруг «воронки пустоты» и проваливались то в «конец поэзии», то в упразднение станкового искусства, то традиционной архитектуры, то театра. Однако в классической музыке и в авангардистских сочинениях Шёнберга, Штокхаузена, Лигети, Ксенакиса, Берно паузы «не звучали» подобно тишине. Разверзающуюся над головой бесконечную «пустоту» я чувствовал лишь в электронных композициях Шульце – в «Мираже» и в «Timewind».

Конечно, я знал очень мало. Область музыки оставалась для меня полузакрытой. Изначальную, «творящую пустоту» я несколько лет искал в ней, общаясь с Мартыновым, и уже не только на Востоке, но и в амвросианских хорах, в византийском гомофонном пении, в русской средневековой церковно-певческой традиции. И не очень удивился, когда позже Володя увлёкся минимализмом, стремительно продвигаясь к молчаливой «музыкальной иконе» Кейджа, к «4,33».

Нелегко было понять, что в европейско-христианской мысли понятие «пустоты» антиномично: «пустоту» выявляет и бесконечный животворный Свет и мёртвая тёмная бездна. В древнекитайской космологии эта антиномичность снимается вечным взаимозамещением мировых первоначал «шнь-янь». Древнеиндийская «шуньята» предлагает абсолютную нерасчленённость полноты и пустоты. Какая же модель более истинна? Уже третье тысячелетие этот вопрос остаётся без ответа. Не было ответа и у нас. Я догадывался, что библейский креационизм предполагает существование «предвечной» пустоты, пока не предположил, что «в начале начал» не было ни света ни тьмы, как и в античном Хаосе. Именно в этой безвидной пустоте зазвучало божественное Слово, мгновенно превращаясь в Свет. Эта мысль повернула наши разговоры в иное русло. Библейская культурная парадигма предполагает творение мира «из пустоты», от неё исходит и творческий акт художника. На Западе, как и на даосско-буддийском Востоке, всё берёт начало в непостижимой, божественной «творящей пустоте». Более полное понимание этого пришло к нам всем лишь спустя годы, когда сами споры об «истинности» и «неистинности» разных вер потеряли для нас былое значение.

Исихазм ближе всего подошёл к идее «опустошения» сердца и ума во имя стяжания божественной благодати. В католицизме после Второго Ватиканского собора и затем в протестантизме, возникло особое богословие тишины и молчания и весьма повлияло на богослужебную практику. Увы, в православном

богослужении ничего подобного пока не произошло. Оставим в стороне канонический богослужебный чин, который был и остаётся неизменным. Речь идёт лишь о церковном пространстве, об исторически меняющихся эстетических стилях в его создании, то есть о храмовых искусствах. В идеале православный храм воплощает идею полноты – словесных, зрительных, слуховых и, в каком-то смысле, даже обонятельных боговоплощений. В действительности, особенно, в нынешней, это приводит к оглушающей избыточности богослужения – чтения, пения, проповедей, молебнов, акафистов, иконных образов, храмового движения – к тому самому «многоглаголанию» при выражении Истины, в котором «нет спасения». В непрестанном «шуме» и «суете» уже не божественной службы, а обслуживания людских религиозных нужд неразличим «дух хлада тоною».

Живительным противовесом обесмысливанию и церковной службы и православной культуры остаётся поразительно долгое, с продолжительными перерывами старообрядческое богослужение, древнее церковное пение и народная песенная традиция, в которой частые, иногда длительные остановки мелодии воспринимаются совершенно естественно, собирают сознание, образуют те самые «воронки пустоты».

В конце 1980-х годов изучение языка и обрядов древних славян привели меня к предположению, почти к убеждению: в славянской архаике существовала забытая культура ритуального молчания. Само слово «молчание» оказалось весьма значимым. Об этом я написал отдельное небольшое исследование, но уже во Франции.

ОБНОВЛЕНИЕ ВНУТРИ ТРАДИЦИИ

С конца 1970-х годов, после разрыва Мартынова с авангардом и ухода в строго церковное творчество, в наших разговорах то и дело возникала тема, которую в то время мы никак не формулировали. Проще всего было бы обозначить её как «православие и авангард». У Володи было богатое авангардистское прошлое, я лишь начинал изучать русский авангард, как наиболее радикальную антитезу православной культурной традиции. Это ничуть не мешало мне зачитываться в Историчке почти недоступным четырёхтомником Хлебникова 1930-х годов и вместе с Мартыновым восхищаться гениальными стихотворными строками и ещё более – интуицией поэта. Я чувствовал в нём пророка русской архаики, авангардиста наизворот. Всё его творчество представлялось огромным смысловым палиндромом или, на языке Хлебникова, – перевертнем.

– Чин зван мечом навзничь. Мы низари летели Разиными!.. – цитировал Мартынов, я восхищённо кивал головой и не мог проронить ни слова. Мастер слов проникал до глубин сознания и творил во мне неизречённые, немислимые слова. Им не было выхода наружу. Океан словотворчества накатывал и перехлёстывал разум словно утлую лодку. Вода и суша словно поменялись местами, всё вздыбилось и устремилось к небу.

– Как можно писать после Хлебникова? Нужно заново изучать родной язык... – только и смог выдохнуть я. – Тебе-то хорошо, ты композитор...

Полгода я рыскал по московским библиотекам, разыскивая манифесты художников авангарда: Ларионова, Гончаровой, Матюшина, Филонова. Целая залежь их нашлась в библиотеке Музея Маяковского за Таганской площадью. Поразил литературный дар Кандинского. Половину его книжечки 1918-го года «Ступени. Текст художника» переписал в тетрадку. Теряя терпение от невнятицы и косноязычия, вчитывался в брошюрки Малевича и его статьи в периодике 1910-20-х годов. Два дня читал слепой гектографированный текст витебского манифеста Малевича «Бог не скинут» 1922-го года, вышедший в самый разгар борьбы большевиков с религией. Неуловимый, невесомый Бог супрематизма существовал под именами Бесконечности и Космоса, гнезвился в недрах беспредметности, противостоял безбожию. Разные мистические природы православия и религии Малевича были очевидны, но я искал точки их соприкосновения. Чувствовал, что Малевич оставался богоискателем в толпе воинствующих атеистов. Как искать Бога в мире расплавленных форм, взорванных понятий? За полвека после Малевича этот вопрос встал ещё острее.

Более всего меня влекло внутренне незбылемое, но «открытое» мистической философии и опыту иных вер христианство Соловьёва, Бердяева, Флоренского. Оно было канонично и в то же время универсально. Да и можно ли было сходу отбрасывать огромный пласт мировых, называемых «эзотерическими» знаний лишь во имя чистоты веры? Не потеряет ли такая стерильная чистота жизненной субстанции? А вера без границ, не отравит ли она сознание? Мои церковные знакомые меня не понимали и не поддерживали. Володя понимал. Нас обоих отвращал атеизм, но возмущало враждебное отрицание христианства со стороны Блаватской и прочих теософов. Однако наши взгляды на связь веры и художественного творчества

не совпадали. Я не был оригинален, убеждал, что никакой культ невозможен без культуры, ссылался на десятки авторитетов. Мартынов лишь хмыкал и отвергал разом всю светскую культуру России и Запада, как давно бесплодную. Вслед за этим повторял, что авангард – тоже тупик. Двигаться в будущее можно лишь, возвращаясь в религиозное прошлое и, чем радикальнее будет возврат, тем плодотворнее окажется движение.

Позже он говорил про «огромный смысловой поворот 1974-75 годов», связанный с обесмысливанием слова, с преобладанием «ситуации» над «текстом», который она порождает. Культура переставала быть литературоцентричной – в этом и у меня не было сомнений. Но Володя шёл дальше, утверждал, что наступает «конец» традиционному музыкальному сочинительству. Позже он стал говорить и писать о «конце времени композиторов». Я понимал эту мысль, как возврат к архаичной импровизационной технике. Мартынов одновременно с композиторами Арво Пяртом и Валентином Сильвестровым искал некую «поставангардную» зону в рок-музыке особого типа и даже создал свою группу «Opus Posth». Пярт в то время обратился к григорианским хоралам, Сильвестров к тончайшим инструментальным «постлюдиям» и русскому романсу времён Глинки. Для меня это общее движение означало поиск нового мелодизма в музыке, художественного образа в живописи и поэзии.

Но в те же годы в московский культурный контекст ворвались далёкие силы последней волны западного авангарда – концептуализма. Появились «советские концептуалисты» в живописи и литературе – Кабаков, Булатов, Пригов, Рубинштейн, Сорокин. Всё они были, несомненно, талантливы, но я их воспринимал как истолкователей чужих идей, как очень изобретательных подражателей. Наиболее оригинальным оказался политизированный и полуподпольный «соц-арт». Так образовалось обратное, проавангардное движение в культуре.

Мартынов, Пярт, Сильвестров и, независимо от них, московские «художники-метафизики» с Малой Грузинской и религиозные поэты ленинградской «второй культуры» оказались в стремнине противоположающихся потоков. На какое-то время эти влияния захватили и нас. Разговоры неизменно уводили к истокам авангарда. С какой авангардной традицией разорвал в 1917 году Дюшан, противопоставив беспредметничеству Кандинского, Малевича и «пластической предметности» Пикассо дадаистскую «новую вещественность», провокативные манипуляции с ready-made? Велосипедное колесо, оставшееся незамеченным, и пресловутый писсуар, перевернувший с ног на голову все представления об изобразительном творчестве? А что было потом? Потом у Дюшана произошёл неизбежный для авангарда «разрыв с разрывом», но к тому времени этот художник уже исчерпал потенциал самореализации, хотя и сумел вдохновить изобретателей поп-арта. Будто по советским прописям после Первой мировой войны искусство начали повсеместно создавать «для народа». Авангардистский натиск снизу безвестной и нищей богемы разных стран на культурную элиту сменился натиском сверху «на массы» обеспеченной интернациональной псевдобогемы, предшественников нынешних усереднённых и расслабленных «бобо».

После падения СССР мировой художественный андеграунд повсюду вывернулся наизнанку, стал господствовать и диктовать правила художественного творчества. Кстати, попытка канонизации советского авангарда в 1920-х годах кончилась эстетическим крахом, который нельзя объяснить одними лишь идеологическими репрессиями. Иная судьба ждала глобальный «новый андеграунд»: в 1980-90-х годы поставангардную культурную среду радикально изменили технологии серийного производства симулякров и манипулирования сознанием: интернет, рекламные клипы, цифровое телевидение, ноутбуки, смарфоны, айпады, айвотчи... Конца техническому прогрессу, разумеется, не будет, но художественное творчество уже почти иссякло под напором тотальной виртуальности, выпешших из всех мыслимых берегов массмедиа и целого океана «культурного спама». Кризис наиболее массовых, аудиовизуальной и вербальной «посткультуры» будет лишь нарастать. Чем он закончится?

В 1970-х годов никто из нас не мог и помыслить о таком «культурном будущем». Володя, искренне пытаясь преодолеть «комплекс авангарда», однако неудача его рок-оперы «Серафические видения святого Франциска» обозначила пределы его «поставангардных» исканий. Увлечение авангардным роком длилось у него года два, до закрытия Студии электронной музыки в конце 1979-го, перед московской Олимпиадой. Рассыпалась созданная Мартыновым музыкальная группа «Форпост» и аналогичные группы его друзей. Володя воспринял это событие, как знак новой судьбы и на целых десять лет порвал со светской музыкой, обратился к изучению древних православных песнопений, начал преподавать историю музыки в Духовной Академии Троице-Сергиевой Лавры и даже сочинил несколько выразительных церковных песнопений.

Его разрыв с тогдашним «поставангардом» весьма напоминал авангардистский жест. Только вместо «конца поэзии» Василиска Гнедова или «нуля форм» Малевича произошёл «сдвиг» в культурном

времени – воинствующе антифутуристический, как и у «бюджетянина» Хлебникова. В каком-то смысле Мартынову было проще. У меня же одновременно рос интерес и к русской церковной древности и к авангарду. В голове неделями крутился вопрос, ребром поставленный на рубеже XIX и XX столетий ещё старообрядцами: как совместить традицию с новизной? Ведь это, главным образом, старообрядцы «профинансировали» русский модерн в искусстве и новорусский стиль в архитектуре, это они выпускали журнал «Золотое Руно», объединяли поэтов и художников символизма. Поразительно, что в начале 1900-х годов именно старообрядцы отпечатали поэтический сборник «декадента» Александра Блока – его «Стихи о прекрасной даме»...

В наших разговорах казус старообрядцев вызвал вопросы: можно ли убедительно «сказать старое», если оно несёт в себе истинные ценности? Стоит ли фальшивить, пытаюсь «выкрикнуть новое», не имеющее никакого значения? Находить «старое по-новому» умели и Хлебников и обэриут Александр Введенский. Однако новая ценность не может существовать вне пространства культуры, она должна соотноситься с предшествующей традицией, либо отрицая, либо утверждая её. Значит, вопрос следует поставить иначе: можно ли осуществить «обновление внутри традиции», не разрушая её основ?

Применительно к православию эту проблему следует поставить, как проблему соотношения «священного и нового». Новизна, то есть «иная сакральность», поначалу воспринимается священством как нечто враждебное, как профанация старых святынь или кощунство. Вместе с тем, в Средневековье святыни, почитаемые народом, постоянно обновлялись, возникали культы новых святых (старцев, целителей, прозорливцев) и новых святынь (источников, святых камней, явленных икон) – сначала местнопочитаемых, затем всеобщих. При этом совпадение художественного гения и святости было необычайно редким: к нему можно отнести наследие величайших творцов, таких как Рублёв или канонизированный староверами Аввакум... И в православии, и в католицизме гениальное художественное произведение далеко не всегда признавалось религиозной святыней: были заброшены и уничтожены сотни изумительных соборов, фресок, скульптур, а в России – церквей и икон, причём далеко не всегда из-за их «ветхости».

И всё же изменение эстетики, стилевые революции в русском церковном искусстве происходили неоднократно. В народном сознании, несомненно, существовало «женское» и «мужское» восприятие церковных канонов, святынь и святости, более инерционная и склонная к новизне религиозность. «Православный» авангард является по типу сознания, скорее, «мужским», хотя в 1910-е годы появлялись «иконоподобные» композиции Любови Поповой, а Наталия Гончарова не раз обращалась к религиозным сюжетам. Но их произведения, как и творчество всего авангарда, находились вне православной традиции. Личная религиозность не играла никакой роли: Владимир Стерлигов с учениками или малоизвестные Евгений Спасский и Виктор Черноволенко не претендовали на соответствие православным канонам.

Русская православная культура представляет собою совокупность разных исторических стилей. Их обновление вполне естественно происходило до 1917 года, затем было прервано революцией и частично продолжилось в русской эмиграции. Смена эстетических форм закономерна, их канонизация или отвержение подчиняется общим тенденциям стилевого развития художественной культуры. Однако сакрализация нового при почитании старого, своеобразная «полистилистика», необычайно характерная для русской церковной культуры, на первый взгляд, кажется противоестественной.

В сравнении с авангардом сила церковной культуры состоит в том, что она не отвергает старого, признавая новое. Утопический, во многом декларативный максимализм авангарда требует разрушения старого до создания нового, утверждает «парадигму разрушения» во имя созидания. Лишь немногие гении авангарда подобно Хлебникову и Стравинскому унаследовали традиционную, свойственную православной культуре «парадигму обновления», не требующую авангардистского разрушения всех предыдущих форм. Авангард утверждает яростный отказ от памяти, церковная традиция призывает помнить всё и так осмысливать целое. Понятие «цельности» в авангарде отсутствует, даже такие яркие личности, как Малевич, несколько раз в течение жизни меняли эстетическое кредо (символизм, кубофутуризм, супрематизм, идея «конца живописи», архитектоны, магический реализм, вплоть до «соцреализма» последних работ 1933-34 годов).

Меня удивляло сходство фёдоровской утопии «всеобщего воскрешения умерших», так повлиявшей на русских авангардистов, с архаическими обрядами Нового года – мистического обновления мироздания, а также с обрядами шаманской инициации, требующими символического разрушения «прежнего тела» посвящаемого и обретение им нового «тела шамана». Более десяти лет, уже во Франции, я занимался «арханкой в авангарде», чтобы разгадать суть явления, которое в постмодернизме получило описательное название «ретроавангард». Определение «авангард внутри традиции» пришло ко мне при изучении творчества Хлебникова, Введенского, архитектурного «постконструктивизма» Ильи Голосова.

Наши дружеские споры с Володей, больше похожие на совместные поиски истины, продолжались с перерывами многие годы. Они предполагали отрицание частной «правды» отдельных художников, культурных явлений или эпох. Нам казалось очевидным, что, обновляясь изнутри, следуя «парадигме обновления» без разрушения, традиционная культура (церковная, народная) принимает и примиряет и боговдохновенную дерзость эстетических открытий и самовоспроизводящийся «народный канон». Органическая культура – а именно такой является полноценная церковная культура – не приемлет парадигму разрушения всего «до основания» во имя строительства «затем» своего «нового мира». Знаменитая строчка из «Интернационала» может быть поставлена эпитафией ко всему европейскому и основной части русского авангарда. Принцип «созидания через разрушение» отбрасывает и классическая культура. И такими «отбросами», мертворожденными останками «актуального искусства» заполнены современные музеи и выставки. Их мгновенно забывает массовая культура и, если бы не искусственная поддержка людей, которые не видят и не ищут выхода из поставангардного тупика, никаких «знаковых событий» и «открытий» в современном искусстве не происходило бы уже много десятилетий.

О «КИТЧЕ» В РЕЛИГИОЗНЫХ ИСКУССТВАХ

Каким словом назвать «благослепные» мерзости, которые в конце советской эпохи начали массово проникать в церковные лавки и фирменные софринские магазины, а потом заполнили бесчисленные православные ярмарки, прилавки свечных ящичков в церквях и монастырях и даже ларьки в подземных переходах?

– Что ты думаешь о «китче» в православии? – спросил я Володю однажды в юбилейном году, тысячном после Крещения Руси.

Мартынов ехидно заметил, что он неизбежен, что такого «китча» полно и у католиков на Западе и на Востоке, например у индуистов, где святыни благоговейно украшаются блестящей мишурой и огоньками, как новогодние ёлки в наших детских садах.

Я задумался. Путь признания народной святыни и художественного шедевра сходен, но не во всём. «Святыня народная» почти всегда антиэстетична – это либо произведение природы, которое нужно оценивать вне категорий искусства, либо антиискусство, созданное «святыми простецами» по совершенно иным законам и с иными целями, либо украшательский и полумагический, но всегда рукотворный «примитив». Понятие «китч» описывает порождения урбанистического общества потребления и никак не соответствует архаическому сознанию, благоговейному примитиву, трепетному поклонению чуду и святости. Фольклорная традиция всегда сплеталась с религиозной, святыня соседствовала с древним примитивом, который никогда не повторял священный образ, даже копируя. Он творил его заново – «обновлял», а затем магически ограждал от враждебных сил. Архаический бриколаж, древние узоры-украшения играли роль оберега двойственной художественно-ритуальной природы: красотой обереги привлекали внимание верующих, магическими «знаками» и «ликами» отпугивали злые силы. Так или иначе, эти украшения были связаны с религиозным обрядом, с инициациями и приобщённостью к традиции. В православии важнейшим знаком приобщения к ней является нательный крест. В окладе иконы, сделанной из конфетной фольги, в вышитых рушниках и так далее отражён жест наивного богопочитания. В священных идеограммах «небесного грома», «огня», изображениях русалок-берегинь, львов и пр. – вера в их защитную силу.

Сегодняшний промышленный китч, в том числе «православный китч» из софринских мастерских, – это повторенная множество раз копия копий, ремейк ремейков какого-либо из впечатливших массовое сознание прототипов. Священный или эстетический первообраз в наши дни усваивается рынком и массами, давно потерявшими традицию, в основном, в форме «промышленного китча». Вне связи с живой традицией, народной или религиозной, любой первообраз неизменно искажается. В постхристианских культурах он неуклонно подменяется симулякрами, и этому активно помогают «поставангардные» течения. Когда их «акции» перестают восприниматься обществом как кощунство, первообраз умирает в культурной памяти и заменяется одним из идолов «поп-культуры», затем следующим и так далее. Суть современного индустриального китча – однодневность, постоянное соответствие моде, ибо он никак не соотносится с неизменным, с самовоспроизводящимися ценностями в традиционных культурах.

Мы с Володей сошлись на том, что современный квазирелигиозный китч предлагает массам лишь общедоступные, ничтожные во всех отношениях фальсификации сакрального.

– В пострелигиозном сознании осталось лишь карнавальное отношение к святыне, – глубокомысленно

но заключил Володя. – Другое попросту невозможно. Точно так же в современной свадьбе относятся к невесте и жениху.

Я вздохнул и задумался. Почему на наших глазах повсюду, исчезает метафизика свадьбы, народных обрядов и даже церковных таинств? И человека оглушает надрывная мистика похорон? Потому что энергия жизни связана не с традицией, а с энергией веры? В её отсутствии китчевые «красивости» украшают лишь пустоту, иначе говоря, – буржуазный комфорт. Впрочем, «пустота», как нам уже стало ясным, – слишком значимое слово...

ГРИГОР АПОЯН

СКАЗАТЬ ВСЁ отрывки из трактата

***

Ровное состояние – это мёртвое состояние. Жизнь без сожалений фактически равна смерти, такую жизнью может наслаждаться либо абсолютный праведник, либо абсолютный грешник, а и то, и другое – смерть, в том или ином смысле. Впрочем, по большому счёту, смерть и есть вся наша жизнь, и истинный смысл жизни – в смерти. И главная наша неотступная мысль – также о смерти! Задача жизни, возможно, единственная задача жизни – демонстрировать смерть, готовить человека к неизбежной кончине. И вся человеческая цивилизация – это, по-существу, великий плач по смерти!

Поражающий воображение своей мощью и красотой небоскрёб цивилизации зиждется на фундаменте специфического знания, знания о смерти. Это была первая осмысленная идея существа, постигающего разум, и именно она превратила – постепенно, конечно – животное в человека. Когда существо осознало смерть, оно сразу же стало надеяться на потустороннюю жизнь – этого требовал его инстинкт самосохранения. Неведомый мир после смерти порождал страх, и это давало шанс слабому, ибо страх тот легко было трансформировать в мораль. «Не убий!» – взмолился слабый, – «Там тебе отмерится». И сильный отвёл руку. Это был краеугольный камень в фундаменте цивилизации. Страх породил мораль, мораль обеспечила прогресс. Без морали не может быть прогресса. Без морали не может быть государства. Государство есть заговор слабых против естественного права сильного. А демократизация есть дальнейшее последовательное расширение прав слабого и достижение в итоге солидаризированный мощи Человека. По большому счёту, демократизация и есть социализм.

Культура человека, и даже сам человек начинается с уважения к подчинённому, вообще к слабому. «Но за что его уважать?» – этот полупрезрительный, полувозмущённый вопрос кажется естественным. А ответ очень прост: за то, что он *человек* – и какой бы он ни был, он тоже имеет чувства и мысли. Он брат твой по смерти.

И сегодня, как всегда, смерть – самое важное, что есть в нашей жизни; ничто другое не идёт в сравнение с ней. Смерть наполняет смыслом жизнь. Жизнь нуждается в смерти, жизнь требует смерти. Нет жизни без смерти, так же как смерти нет без жизни. Они – неразделимы. Жизнь дана человеку, как возможность подготовиться к смерти; далеко не все умеют правильно использовать эту возможность. Быть готовым принять смерть в любой момент – вот единственный способ всегда сохранять своё достоинство. Ещё Гораций обратил на это внимание: «*Она неустрашима, так как решила умереть*».

Но, как было сказано, всё это не должно порождать чувство безответственности за скоротечную (что же делать!) жизнь. Наоборот, ты должен находить смысл и значимость в каждой проходящей секунде, ощущать великую свою ответственность перед универсумом (он породил тебя!). Тогда ты не превратишься в мизантропа даже к самому концу своей жизни. Это очень нелегко, удаётся немногим. Ибо более всего начинаешь ценить жизнь, когда подходит пора расставания с нею, и тогда остаётся только ненавидеть тех, кто ещё молод и полон сил, у кого ещё всё впереди. Уметь примиряться с жизнью и с судьбой – вот истинный и, в сущности, единственный талант!

Жизнь жаждет бесконечности, но в реальности бесконечность ассоциируется только со смертью, и только *там* мы можем рассчитывать на неё. Во всех наших больших и малых проявлениях незримо присутствует смерть – в любви и в ненависти, в радости и печали, в неистовстве и в меланхолии. Отчаяние, которое сопровождает секс – самое острое и яркое проявление жизни – это трагическое чувство расста-

вания с ней самой (такой прекрасной именно в данный момент!), возникающее после соития у всякой живой твари, как имплицитное осознание завершения миссии, передачи эстафеты и ухода в тень. *Post coitum omne animal triste est.* (После соития всякая тварь печальна.) Это чувство, естественно, намного сильнее выражено у самца, поскольку у самки секс только начало, а не конец миссии. Не случайно древние добавляли «*sive gallus et mulier*» – «*кроме петуха и женщины*».

Есть такие насекомые, самцы которых погибают во время, или после спаривания – прозрачный намёк Природы мужчине о его истинной роли в этой жизни. Полагаю, биологическая ценность мужчины многократно возросла бы, если бы с ним происходило нечто подобное, например, ему изначально было бы отпущено строгое и немногочисленное количество совокуплений. Впрочем, кажется, мужчина идёт именно по этому пути: научно доказано, что секса от эпохи к эпохе становится всё меньше, не говоря уже о распространении девиантного сексуального поведения.

Для мужчины каждое соитие – это уступка смерти. Пик восторга сменяет невероятное чувство одиночества сразу после кульминации слияния, единения с другим существом, которое моментально превращается в фантом, фикцию, недостижимый и уплывающий мираж, едва отлепится он от тела, с которым, казалось, был единым и неделимым навсегда. Вдруг становится предельно ясным, что одиночество не в том, что тебе не с кем совокупаться, или пить вино, а в том, что тебе не с кем говорить о самом сокровенном. Не с кем умирать. В постели ты отдаёшь ей свои самые горячие чувства и потому более всего хочешь верить, что и в жизни и в мыслях – она тебе самый близкий человек. Это трагическое заблуждение.

[...]

Может ли таким другом для мужчины стать женщина? Может ли стать мужчина? Не обречены ли мы, на самом деле, на убийственное унылое одиночество – и не перед лицом смерти, что в принципе неизбежно, а именно в живой жизни, в повседневной суете, кажущейся такой весёлой, насыщенной такими глубокими человеческими чувствами? Но даже тем редким счастливицам (может, они есть?), которым действительно выпало испытать глубокое и продолжительное взаимопонимание, умирать всё равно в одиночку. Осознание этого факта когда-нибудь изолирует человека от остального мира, поворачивает лицом к смерти, к своему истинному предназначению. Принуждает углубиться в философию. Ницше: «*Чтобы жить в одиночестве, надо быть животным или богом, говорит Аристотель. Не хватает третьего случая: надо быть и тем, и другим – философом*». Мишель де Монтень говорил, что «*философствовать – значит учиться умирать*». Философия формулирует главный вывод, о котором уже было сказано: смерть – это и есть вся наша жизнь. Примириться со смертью – единственная осознанная цель человека! Цель жизни. Достойная человека цель. «*Жаль старика, который за эти долгие годы так и не научился презирать смерть*», меланхолически заметил Цицерон. Иммануил Кант обнаружил тонкую закономерность: «*Смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность*». Достоинство человека в том, что он знает предел, за которым ему не стоит жить. И не нужно, не нужно драматизировать. В конце концов, каждый из нас живёт только ради своей жизни, и, право, она не стоит того, чтобы поднимать слишком большой шум. Где бы ты ни стоял, в какую сторону бы ни шёл, впереди у тебя маячит смерть, и дорога твоя – к ней, только к ней. Без сожаления и стонаний переворачивай страницы своей жизни! Ноль реакций на всё – вот твой всевременной настрой.

Люди делятся на тех, кто вполне спокойно воспринимает идею смерти, и тех, кто категорически не приемлет её. Эти последние по мере приближения к последней черте становятся ужасно озлобленными, истеричными. Но разве не глупо впадать в депрессию от того, что случится неизбежно? «*Не умирай, пока живёшь!*» – советует русская народная поговорка. Радуйся жизни! Оставь страдать дуракам!

Говорят, любить что-то больше, чем жизнь, означает сделать жизнь чем-то большим, чем она есть на самом деле. А если это «что-то» безвозвратно ушло, имеет ли смысл держаться за то совсем уж малое, что осталось? Жить прошлым – это не для меня. В тот день, когда я пойму, что уже не в состоянии сказать-сделать что-то новое – меня не будет. Надо постараться к преклонным годам полюбить жизнь так, чтобы не цепляться за неё до последнего. Это означает полюбить жизнь в себе, а не себя в жизни. Единственный способ сохранить до конца своё человеческое достоинство. Спокойной готовностью принять смерть определяется величие твоей души.

[...]

Я уже писал, что лично для меня страшна не смерть, страшно неумолимое движение к ней. При-

близнение. Ожидание дряхлой старости и страх за её наступление много хуже самой старости, в которой обязательно есть и своя прелесть. И точно так же страх смерти, конечно, много хуже самой курносой. Вот, у тебя ещё ничего не болит и всё в порядке, всё в полном порядке, но ты всё-таки ждёшь чего-то плохого, потому что тебе уже немало лет. И это, вот, ожидание отравляет все твои радости. Ты стараешься не думать о своих годах, о неотвратимом, но в этом деле нет у тебя помощников – одни пособники твоего неумолимо стойкого недруга – зеркала!

По большей части будущее внушает страх более, чем что либо ещё. Ибо у каждого в будущем – неизбежная смерть, и от этого никуда не уйти, сколько бы ни заговаривал сам себе зубы. Непреходящая истерика человека обусловлена его знанием о своей смерти.

Идея о конце света так сильно занимает умы людей, ибо она есть сублимация их страха смерти. «Смерть в компании – праздник!», – гласит армянская поговорка.

Когда по очереди уходят тем или иным способом, тем, или иным манером друзья, любимые, любовницы, собаки, а также и – жёны, дети, а внуки никогда и не приближаются ни на грань, что нам остаётся в этой жизни, кроме спасительной самоиронии? Возможно, нищие духом и блаженны, поскольку верят, что попадут в царствие Божие, – и это удел подавляющего большинства, дрожащего при мысли о смерти – но сильные духом люди имеют то преимущество, что никогда не теряют самостоятельность и уповают только на свои силы. И на смерть идут с открытыми глазами, не хныча и не обсираясь. Кант был великий философ.

Известно, что хороший, здоровый сон надо заслужить праведным дневным трудом. Формула Канта подсказывает, что точно так же хорошую, спокойную смерть необходимо заслужить праведно прожитой жизнью. Кто за свою жизнь не сотворил много зла, на исходе спокойно принимает свой естественный конец.

На самом деле, неосознанное, непреодолимое и последовательное стремление к смерти – единственное чисто человеческое проявление. Это не парадокс и не забава изощренного ума.

Разберёмся. Более всего человек (разумный человек!) одержим двумя глубоко взаимосвязанными вещами – правдой и свободой, а и то, и другое, по существу, являются синонимами смерти.

Разве правда, вся правда не эквивалентна смерти? В сущности, смерть – единственное наименование правды. В любом разговоре, если мы захотим докопаться до исходных, а также до завершающих истин, разве мы неизбежно не вернёмся к идее смерти?

Нищие говорил, что искусство дано человеку, чтобы он не умер от правды. Он знал её убойную силу. Лично я думаю, что искусство дано человеку, чтобы он не умер от несвободы. Если поставить знак равенства между правдой и несвободой, то у нас с Фридрихом не будет разногласий.

Высшее искусство – это Бог, идея Бога. Религия, моленное упование на Бога и есть самый отчаянный уход от правды.

Всё искусство создается на основании ожиданий от жизни, от людей большего, чем они на самом деле могут дать: до тех пор, пока эти завышенные ожидания кажутся оправдывающимися, искусство оптимистично; с того драматического момента, когда раскрывается горькая истина – искусство пессимистично, зачастую – трагично. Именно потому трагедии производят гораздо более сильное впечатление на людей, «очищают» их.

Искусство не терпит никаких канонов, запретов, цензуры. Если искусство не является символом свободы – это не искусство. Игнорирование невыносимых оков постылой реальности – упоение искусства. В настоящем произведении художника всегда острее всего ощущается раскрепощённость, свобода. Это может быть даже порнографический фильм.

Наука признает фактом только то, что может быть повторено в исследованиях других учёных; искусство признает фактом только то, что неповторимо. Всё, что может быть разоблачено, раскрыто до конца, не может быть названо искусством. Если когда-нибудь, не дай бог, с искусства будут сорваны его таинственные покровы, оно просто перестанет существовать, превратится в науку. Подлинным символом искусства является музыка – чистая музыка, без примеси поэзии, картинок и других «украшений». Результат ее воздействия на нас – чистая эмоция. В любой поступающей в наш мозг информации мы ищем смысл и эмоцию. Крайне редко они бывают полностью разделены.

Для науки единственно важно, «что» сказать.

Для искусства – преимущественно, «как» сказать.

Но и то верно, что искусство – это во многом профанация искусства. Впервые эту истину в присущей ему строго научной форме озвучил Карл Маркс. «Предмет искусства, – писал он, – а также всякий другой про-

дукт создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета». А Марк Твен примерно ту же мысль изложил, естественно, в своей юмористической форме: «Цивилизация это машина по производству потребностей, в которых нет потребности». Он имел в виду, конечно, не еду и секс, потребность в которых формирует отнюдь не цивилизация. А всё остальное – искусство, и вот тут цивилизация, конечно, постаралась. Кто-то говорит ей за это «спасибо», кто-то проклинает, но пути-то обратного нет...

Как бы ни уводило тебя искусство от правды, жизнь безжалостно возвращает тебя в реальность. А правда жизни – вся правда жизни – не оставляет тебе иного выбора, кроме самоубийства. До поры умей закрывать на многое глаза!

Убийственная правда жизни заключается в том, что тебе никто не нужен, и ты не нужен никому. Невозможно сказать всю эту правду и не сделать кому-то очень больно, себе – прежде всего. Но надо уметь стискивать зубы. Зачем? У меня нет ответа на этот вопрос. Наверное, природа велит нам время от времени опорожнять свою душу от накопившихся шлаков, точно так же, как безоговорочно требует освобождения нашего тела от содержимого кишечника и мочевого пузыря.

Правда безжалостна, а свобода – это её иное название. Свобода есть отстраненность; полная отстраненность есть смерть. Поприветствуем её.

Свобода не может быть абстрактной и абсолютной. Когда мы говорим – «свободен!», мы подразумеваем свою свободу от чего-то, от какой-то опасности, угрозы, или соблазна. Если таковых нет в принципе, то и ощущения свободы быть не может. Свободный дух над океаном в кромешной тьме – какая чушь!

Ничем не дорожить – вот, что такое свобода! И прежде всего – собственной жизнью. Но разве это и не значит – принять смерть, вот прямо сейчас и принять!

Ты хочешь быть свободным? Забудь о любви! Любовь – это наша несвобода, но та, ради которой только и стоит жить.

Упомянутый призыв буддийского поэта Миларепы к жизни без сожаления фактически есть призыв к отказу от любви, и если тебе действительно удастся следовать этому призыву, ты сможешь воскликнуть: Боже, какое это счастье – не любить! Какое восхитительное, ни с чем не сравнимое чувство свободы! Но и окончательное понимание того, что единственный вид свободы – смерти! Не случайно Миларепа говорит о религии, то есть о предмете веры, а не практики. На самом деле конец наступает с приходом абсолютного равнодушия, а не раздражения, или ненависти. Но кто готов к нему?

Такова реальность: чувство свободы – это всего лишь мера нашего незнания и безответственности.

Диалектически чувство свободы неотделимо от противоположного чувства страха, страха за предмет своего обладания и обожания, за предмет своего вождения, за саму свободу, наконец!

Страх пронизывает всю нашу жизнь, определяет нашу жизнь, фактически это единственная ниточка, поводок, ведущий нас по жизни. Только сам носитель этого страха знает обо всём его ужасе, о всех его извращениях, сладости его и коварства.

Страх многолик и многообразен, нередко он выступает даже под маской храбрости, бравады, но это всё равно страх. Со страхом кончат только тот, кто кончает с жизнью. И самый липкий перманентный страх, быть может, испытывает тот, кому, вроде, и бояться уже нечего, кто мнит себя властелином мира. Откуда бы ещё у них, у этих «властелинов» столько ненависти и жестокости?

Кажется, Вольтер заметил, что насмешек боится даже тот, кто уже ничего не боится. Несомненно, он имел в виду королей. Но вот, божжи – неужели они испугаются насмешек? Да и мне, Григору Аполян, откровенно говоря, совершенно по фене, что там толкуют вокруг вторичные люди. Так кто же в итоге истинно свободен? И что это на самом деле такое – свобода? Разве не единственное – свобода умереть? Ты свободен ровно настолько, насколько готов пренебречь собственной жизнью. Это, конечно, не означает по-глупому жертвовать ею, или бездумно транжирить её. В ощущение свободы входит также осознание ценности того, чем ты готов *при необходимости* и пожертвовать.

Ещё я должен сказать, что когда зависимы мы – это необременительная зависимость; когда зависят от нас – это невыносимое бремя. Это самая кабальная зависимость. Естественно, если у тебя есть чувство ответственности и немного доброты. Речь не о политиках, конечно.

«Кто напуган, наполовину побит» – генералиссимус Александр Суворов отлично знал военное дело. Я человек невоенный, совсем не военный, и я скажу по-другому – «Кто напуган, наполовину любит, наполовину влюблён». Засим и закабалён.

Мало кто понимает, на самом деле, что такое свобода; люди, в основном, связывают это понятие не с внутренним, а с внешним миром. Между тем, свобода заключается не в том, что ты можешь позволить в

отношении других, а только в том, что ты можешь позволить в отношении самого себя.

Человека всю свою жизнь более всего увлекает стремление к какой-то мифической свободе, и редко кто осознает, что единственная свобода, которая ему может быть доступна, уже дарована самим Богом (или Природой), и это – свобода мысли. Чем в меньшей степени человек осознает и, соответственно, вступает во владение этой свободой, тем сильнее у него тяга ко всякого рода иным химерам. Одна из них – свобода от людей. У несколько более продвинутых – свобода от своей природы, от желудка и фаллоса. А вот это всё и недостижимо.

Свобода и независимость – внутри нас. По большому счету означают они одно: готовность принять смерть. Ибо для человека истинная свобода есть свобода умереть – и только.

Что касается твоей свободы от мира, то это отнюдь не односторонний процесс; он включает в себя также свободу мира от тебя. Даже если ты добился, как тебе кажется, абсолютной власти над миром. Крах великих империй – самое убедительное тому доказательство; расплата может прийти через несколько поколений, но придёт обязательно. Когда ты принимаешь отчаянные меры, чтобы обеспечить собственную свободу от других, ты должен осознавать, что тем самым ты способствуешь также их свободе от тебя. Вот, например, ты хочешь, чтобы жена не ограничивала твою свободу, но тогда и ты не должен ограничивать её! И это касается всего-всего. Соразмеряй выгоды и потери!

Итак, ты свободен! До ужаса свободен. До смерти.

***

Чужих людей не бывает. И жена, и дети твои, и братья и сёстры – всё результат случайного выбора. На их месте мог оказаться и сосед твой, и эскимос или китаец, живущий сегодня за тридевять земель. Ты истинно становишься человеком лишь в той степени, в какой ощущаешь свою общность со всеми с ними. Но это – предельное состояние, когда ты станешь Собой-Человеком, Собой-Богом. А пока ты весь размещен в своём окружении. Если у тебя не будет твоих друзей, родственников, любимых и т.д., то фактически у тебя не будет и себя самого. Ты – во всех в них и нигде больше! Твоя задача – расширить коротенький свой список. И когда твой список включит в себя всех людей на земле, весь мир и Вселенную – ты станешь Богом. И все они станут Богами для тебя. Это не сказки, это твоя практическая задача. Многим кажется, что думать о смысле жизни – пустое занятие. Между тем это единственное, чем занимается человек в своём истинном качестве. Да и не может быть по-настоящему инициативным, динамичным, творческим тот, кто хотя бы изредка не задумывается об этом самом важном для *человека* вопросе.

В прежние времена говорили, что есть три занятия, достойные мужчины: война, любовь и философия. Человек внёс в установленный Природой жестокий порядок – смертные бои за самку (войну и любовь) – совершенно новый элемент, который и делает его отличным от других животных – философию! По большому счёту, все свои войны человек, как таковой, ведёт не за баб и не за хлеб насущный, а за утверждение собственной концепции смысла жизни. Разве не о том свидетельствуют все противостояния в современном мире? И так было всегда. Даже одержимые неуёмным желанием овладеть богатым имуществом и нежными женщинами цивилизованных народов дикие орды кочевников, наводнявшие в древние времена ушедшие далеко от них вперёд страны, имели собственные представления (пусть абсолютно варварские) обустройства жизни (например, монголы довольно длительное время считали своим святым долгом на корню уничтожать оседлые народы), и именно эти свои концепции они пытались насильно навязать всему миру.

Природа, однако, не так легко уступает свои позиции: даже в самых «продвинутых» слоях общества, включая «непогрешимых» вождей (туземных и цивилизованных) всенепременно и глубоко сидят их животные потребности, которые вполне уживаются с высокими (с их точки зрения) устремлениями; несомненно, у всех этих чингизханов, наполеонов и гитлеров основной движущей силой была жажда личной власти, неуёмные амбиции и сутобо эгоистические установки. Но у них никогда ничего бы не получилось, если бы они не уловили точно веяния своего времени, если бы не провозглашали страстно – искренне, или формально – лозунги, близкие сердцу рядовых сподвижников, воодушевляющие их на совершение подвигов. Кровавые войны (гражданские, или межнациональные) всегда шли за идею, определенную философию, пусть каждый отдельно взятый воин и рассчитывал получить в итоге свой жирный кусок.

Притом сама философия, размышления о смысле жизни, как путь к совершенству, не может быть безболезненной. Она наносит мыслителю травмы, которые заставляют его страдать не меньше, чем травмы физические, получаемые на поле боя, где есть смерть, но отсутствуют сомнения. Нет более тяжкого и

бесконечно длительного пути, чем путь к самому себе, к совершенству. Воистину, философия есть незаконнорождённое дитё Природы, которая в своей изначальной чистоте знает только безмятежную любовь (в её незамутненной форме – секса) и столь же непорочную, бескомпромиссную войну за доступ к этой самой безмятежной любви.

В этом же плане можно отметить, что в своей изначальной чистоте Природа не предусмотрела и такое занятие, как «труд», но только потребление, и человек, несмотря на все ухищрения, на все потуги цивилизации, в своей основе остается отнюдь не тружеником, а натуральным грабителем, хищником, потому войны не прекратятся, и армии не будут разоружены, пока философия, то есть поиски смысла жизни, не сформирует окончательно Самого-Себя-Человека. Самого-Себя-Бога.

Трагедия нашего времени – в реальном отсутствии трагедий, как таковых. Мы осознали своё ничтожество, незначительность человеческой жизни. Это произошло, когда мы отделили себя от Бога, когда мы отвергли его. Это было неизбежно, и это освободило нас, но и лишило смысла наше существование. Фанатики от религии, скорее всего, неосознанно, из последних сил цепляются именно за смысл жизни, и это цеплянье – последняя трагедия человека.

Сейчас, на мой взгляд, мы переживаем некоторый промежуточный этап, когда на место Бога должен встать сам Человек. Но это долгий путь. И это будет совсем иная религия, не та, которая закабалла человека, дав ему взамен, как бусы для дикаря, тускло-яркую надежду вечного рая. Эта будет религия, которая освободит человека от всех страхов, страха смерти – в том числе. Бог умрёт, когда бессмертным станет сам человек. Дело за малым: найти эликсир жизни (реальный, или виртуальный).

А пока Бог (тот!) нужен, он нужен каждому из нас, сильному – более всего. Это не парадокс. Слабому Бог нужен для утешения, это довольно просто и примитивно, а вот сильному он нужен для смысла. Неизбежное с течением времени разочарование в друзьях, любимых, идеях и привязанностях со всей остротой ставит перед человеком вопросы: для чего жить, для кого жить, что такое жизнь сама по себе? Не находя ответы на убийственные вопросы, он по необходимости приходит к идее чего-то высшего, недоступного, непознаваемого, потустороннего, что якобы управляет нашей жизнью и, следовательно, берёт ответственность на себя, освобождает от необходимости додумывать всё до конца. Там, в самом конце якобы восседает ОН. До него не дотянуться – на том и ставится окончательная успокаивающая точка. Исполать. Хвала тебе, Господи! Примем всё, как есть.

Великая трагедия науки – опровержение прекрасной теории безобразным фактом; великая сила религии – оправдание прекрасной теории безобразными фактами реальной жизни. Мифический, но прекрасный загробный мир она противопоставляет нашей постылой жизни, полной несправедливости и страданий.

Вера в загробную жизнь есть одно из проявлений инстинкта самосохранения у человека. И поскольку этот инстинкт, как и у всякой живой твари, развит у него чрезвычайно, попы всех мастей имеют хорошие шансы и впредь жить припеваючи очень долгое время. Ещё в старые-стародавние времена, узурпировав право личности на свободную мысль, они возомнили себя единственными глашатаями и толкователями воли высшего существа, его помазанниками на грешной (это мы, все остальные) земле. И не веры они ярые приверженцы, но церкви, окормляющей их отвислые брюха.

«Быть светом мира и солью земли» – так монахи определяют свою роль в этом мире. Это ли не великая гордыня? Претензия на святость не есть опять же наивеличайшая гордыня и, значит, наивеличайший грех? А ведь именно на святость претендуют всякие первосвященники, якобы умерщвляя плоть и проводя жизнь в постоянных молитвах! Да что там говорить, многие из них не стесняются даже официального обращения к себе, как к «святым отцам»! А понтифик, так тот вообще непогрешим по определению! Что это такое, как не величайшее богохульство? Разве Бог завещал Адаму святость? Что же это они, из другого теста, что ли? В конце концов, разве не сама церковь считает претензию на безгрешность наивеличайшим грехом?

На самом деле, истинно святым может быть только тот, о котором никто и никогда не узнает. Он думает только о спасении собственной души, не обращая внимания на жестокие удары враждебного мира. Когда же «святой» пытается творить какие-то учения, намереваясь просветить и чужие души, заводит учеников, с которых к тому же берёт плату – это уже никак не святой, а банальный пошлый бизнесмен. Они на виду у нас.

Суть религии – инквизиция, подавление инакомыслия. И это входит в вопиющее противоречие как с идеей милосердного бога (который, впрочем, отнюдь не милосерд в этой «святой» библии), так и с глубокой сутью самого очищения, покаяния человека, предполагающего *добровольный* его восход на эшафот.

Внутренняя религия – это готовность принять наказание, даже жажда его. Но это религия цивилизованного человека, постигшего своё несовершенство, порочность. Страданиями души искупляет он

мирские грехи свои. Но страдания души не могут быть аутентичными мучениям тела. Только дурак мог придумать в качестве наказания для души такую чушь, как геенна огненная! Хотя чем ещё можно утратить простодушного обывателя! А задача действующих религий вовсе не очищение, но именно утратить. Абсолютно нетерпимое отношение ко всяким сомнениям, требование беспрекословного и бездумного подчинения. Это самая изощренная форма человеческого рабства.

Человек, выросший в рабстве, никогда не сможет понять, что такое свобода. Конечно, он мечтает изменить своё положение, но единственное, что он может себе представить – это поменяться местами со своим угнетателем, а не изменить саму систему порочных взаимоотношений. *«Раб мечтает не о свободе, а о своих рабах»* (Цицерон). В этом вся трудность. Должно пройти несколько поколений после освобождения, чтобы люди наконец поняли, что свобода есть великая ответственность и только она.

А моральное рабство – мы говорим именно о нём – это зависимость от всякого рода предрассудков, табу, нелепых ограничений – на свободную мысль прежде всего. Такое рабство намного хуже, ибо выступает оно не от имени грубой силы, или демагогического требования сохранения некоего «божественного порядка», а от имени, так сказать, высшей нравственности, «справедливого» обустройства мира. Как бы ни промывали с детства мозги рабу на плантации, что так и заведено по божьему повелению, страдающая плоть его всё равно будет бунтовать против несправедливости, но внушённые с детства «нравственные» установки уже никогда не будут преодолены их носителями. Именно в долговременности и преемственности весь ужас морального рабства; оно никогда не вызывает протеста, не требует восстания против закамуфлированного, но наиболее жестокого насилия. Эти рабы даже не мечтают и не пытаются освободиться от удушающих пут, единственная их фанатичное стремление – накрепко опутать этими же путями всех остальных. Религия – первая в ряду такого рабства. Преодоление этого рабства потребует от человека гораздо больше времени и усилий.

Вот, Вольтер, великий философ и вольнодумец, должно быть, так и не сумел окончательно преодолеть внушённые с детства религиозные догматы, когда писал, что независимо от действительного существования Бога, Его следовало выдумать, ибо невозможно было бы управлять даже одной деревней, если бы она была населена атеистами. Фактически тем самым он признавал, что только Божий страх может держать людей в рамках *человеческих* отношений. Поразительно, как мог такой продвинутый интеллект уповать на божий страх в качестве основы обустройства цивилизованного общества! По существу, подобная философия является серьёзным шагом назад по сравнению с учениями древнего мира, квинтэссенцию которых в афористической форме выразил Цицерон: *«Мы должны быть рабами законов, чтобы стать свободными людьми»*. Формула Вольтера утверждает, что мы должны быть рабами страха, чтобы не сожрать друг друга! Сказать такое в XVIII веке, почти через две тысячи лет после Цицерона – нонсенс! Притом, по непонятной логике, Вольтер категорически отрицал роль церкви, которая в реальности и является инструментом «управления» от имени Бога.

Деизм, которого придерживался Вольтер, наверное, самое нелепое и непоследовательное учение. Мне оно напоминает остроумие Маркса, что нельзя быть немножечко беременной. Признавая сотворение мира неким высшим божеством, деисты отрицают его влияние на повседневную жизнь, при этом признают, как видим, очень важную роль страха перед божьей карой, а также все нравственные законы, которые бог передал человечеству посредством Моисея и Христа. Ха-ха. В плюс деистам, возможно, имеем право поставить только то, что они, видимо, первые высказали идею о первоначальном «большом взрыве» – в иных, конечно, терминах. (Оставляем в стороне вопрос адекватности самой теории «большого взрыва».)

Но даже по теории Вольтера религия должна отступать по мере того, как общество овладевает достаточными приёмами и техническими средствами, чтобы держать массы в узде без их утраты загромождёнными наказаниями. И она отступает. Окончательная победа произойдёт, когда человек сам станет Богом.

Дисциплинированность является, пожалуй, самым ценным человеческим качеством. Именно она, продиктованная или внутренней убежденностью, или примитивным страхом – это не суть важно – в конечном итоге позволяет создать и сохранить человеческий социум, а без этого нет и самого человека.

Пример Вольтера показывает, как основательно врастают и цепко держатся в голове человека догмы, внушённые с детства в особой «сакральной» обстановке «божественного» храма. Только этим я могу объяснить глубокую религиозность знакомых мне и незнакомых интеллектуалов (плюс инстинкт самосохранения, конечно). Но как бы я ни относился к их нелепым, на мой взгляд, убеждениям, я обязан уважать религиозные чувства людей, потому призываю верующих не читать мои хулиганские записки, а продолжать углублённое изучение «святых» своих книг – каждому своё! Напоследок только напомню, как всегда, вскрывающее самую суть вопроса высказывание Ницше: «В каждой религии религиозный чело-

век есть исключение». Лично я, если когда-нибудь действительно предстану перед богом, лишь весело рассмеюсь: *«это мистификация, на самом деле я вовсе не умер, а развлекаюсь с друзьями, и это их лучшая шутка»*.

Но на самом деле, я вовсе не атеист. Атеист – тот, кто яростно отрицает существование бога, высшего существа, я же исключительно скромнен, моё мнение – не знаю! Но что я знаю точно – все эти пузатые священнослужители, имея от своих душещипательных проповедей немалую личную выгоду (когда-то была и немалая общественная выгода, но для принципиального вопроса это не имеет никакого значения) очень умело водят народ за нос. Пусть мне объяснят, откуда они раскопали что-то большее, чем известно мне, привиделось?

А если человека на самом деле создал бог, то сделал он это, скорее всего, в том же порядке, как мы рожаем детей – для себя! Наверное, он, как и мы, страдает от несовершенства своего творения, но разве мы, по большому счёту, в состоянии чем-то помочь нашим несовершенным детям? Так и Он. Я уж не говорю о том, что всякое прямое вмешательство в земную жизнь моментально низведёт Его в наш грешный ряд, сделает таким же заинтересованным (и коррумпированным) членом нашего изнывающего от своих страстей сообщества. Может он себе это позволить? То-то же. Нечего на него уповать – только в *той* жизни, кто хочет в неё верить.

Один из моих знакомых, очевидно, никак не могущий примириться с идеей собственной смерти, предлагал различные варианты существования бога, и один из них показался мне более, или менее приемлемым. Идея состояла в том, что богом является вся совокупность людей, квинтэссенция всех наших интеллектуальных, художественных, волевых и нравственных достижений, которые в итоге формируют каждого из нас, вовлекая в то же время даже самого никчемного в великий процесс сотворения этого самого «бога», делая его неотъемлемой частичкой высшего существа. К великому сожалению этого моего знакомого, подобная трактовка бога никак не даёт ему шанса на загробную жизнь, если таковой не считать то наследие (материальное и духовное), которое он может оставить своим потомкам.

Из мировых религий только буддизм – который, на самом деле, и не религия вовсе, а философское учение – видит истинную цель человека именно в том, чтобы стать богом. По этому учению, каждый человек, пройдя через множество страданий и перерождений, должен сам стать Буддой, то есть «просветлённым», свободным от страданий – и сразу же умереть, уйти в небытие, ибо жизнь и есть средоточие страданий, а истинная и высшая задача духа – избавиться от них, «просветлиться». Молясь в пагоде перед статуей Будды, последователь данной веры фактически молится Самому-Себе-в-будущем, и, несомненно, это гораздо более вдохновляющая молитва.

В буддизме, по существу, нет ничего своего сакрального, ибо он принимает в качестве сакрального всё, что привносят его разнообразные адепты всевозможных верований. В толерантности и адаптивности буддизма его необыкновенная притягательная сила; он фактически оставляет каждого человека с собственным богом, и постепенно человек сам становится своим богом и покровителем (буддизм активно поощряет его к такому восхождению), а это, в конечном итоге, его единственная духовная цель.

У Бога нет религии, сказал Махатма Ганди. И ставший Богом человек также будет индифферентен ко всякого рода учениям о нём, ко всякого рода различиям и отличиям, он просто будет самим собой. Он окончательно отделит себя от всякой религии, от всякого диктата и всякого неравенства.

Нельзя, однако, не отметить, что в буддизме, как и в любом философском учении, тем более религиозном, есть свои противоречия и неувязки. Вот, например, окончательная смерть после многочисленных превращений рассматривается в нём, как избавление от мучений, средоточием которых является жизнь. В подобной интерпретации рождение человека должно восприниматься, как страшное наказание за какие-то грехи. Вопрос: кто наказывается и за что? Кто-нибудь в состоянии ответить на этот вопрос? С другой стороны, каждое перерождение рассматривается в буддизме, как шанс, или возможный путь для достижения нирваны, то есть всё того же ухода в вожденное небытие, но ведь хорошо известно, что грех – вещь неведомая и невозможная для животных, а тем более для растений, так что пребывание души в образе кота, или капусты должно рассматриваться только как воздаяние за грехи, совершенные в образе человека, этапы её очищения; в этом смысле, все эти превращения можно рассматривать, как некий аналог христианского чистилища, после прохождения которого душа получает шанс попасть в рай.

Вот, кто-то там говорит – суета сует и всяческая суета. Вроде, хочет сказать, что существует ещё чего-то – для него, по крайней мере. А что, вот, что? Неужели, кто-то, даже Он, может сказать, что в его жизни было что-то ещё? Какая глупость!

Гилберт Кит Честертон, английский писатель и видный мыслитель, искренне поражается: *«Чудо – свобода Бога»*. Но есть ли она, эта свобода? Пусть даже у Бога? Разве и сам бог, и его «свобода» – это не выдумка

тоскующей нашей души, мечтающей об избавлении от собственных оков? Разве есть иная форма свободы, кроме смерти, ухода в небытие? Пусть даже для бога? Сам Честертон разве не признает невозможность свободы Самого Главного, называя это чудом? Я уж не говорю о свободе известного всем библейского бога, зачем-то вступающего в борьбу с одним из своих жалких созданий и не могущего одолеть его в течение целой ночи (см. кн. Бытие, 32, 28). И эта бессмысленная, безуспешная борьба с каким-то там Иаковом, сотворённым им же самим из праха, отнюдь не единственный и не самый показательный пример мелких страстей Я могу совершенно искренне сказать, что если Вселенная действительно есть творение этого Существа, высшим смыслом для которого является безусловное и поклонение ему на всех углах, и который грозитя тотально уничтожить (и по случаю уничтожает) всё, если это его требование не будет денно и нощно исполняться, то пусть он на самом деле уничтожит этот мир, в котором по исходному положению должны вечно царствовать столь дикие порядки – ведь его поведение служит показательной моделью для всех его адептов, и каждый из них, стоящий ступенькой выше другого так же требует беспрекословного почитания. Отнюдь не случайно все (исключительно все) диктаторы, начиная от первобытного Александра и кончая «цивильными» Гитлером и Сталиным, видели себя богами, полагая что бог – это только абсолютная и нескончаемая во времени и пространстве власть. Именно таково восприятие бога во всех религиях, за исключением буддизма, и потому последний так привлекателен для современных интеллектуально продвинутых людей – я об этом уже говорил.

Здесь, в некоторое оправдание диктаторам можно вновь акцентировать уже отмеченное свойство человеческой природы автономного и абсолютного самоутверждения. Вот, каждого из нас всю жизнь все наше окружение, не жалея сил, пытается втереть в грязь (заметим, имея на это немало оснований), и, тем не менее, мы не теряем чувство самоуважения, ничуть не сомневаемся в своей особой ценности для мира, в своей исключительности и избранности. Так каким же БОГОМ должен ощущать себя тот, кого, по тем, или иным причинам, все вокруг превозносят, поют дифирамбы и кланяются в ножки! Надо ли удивляться, что они и мнят себя богами, и, если это не выглядит совсем уж комично, требуют к себе соответствующего обращения? Слаб человек, нуждается в поддержке других людей; в данном конкретном случае поддержка состоит в толке яда, припешиваемого к похвалам. Но кто это сделает, когда перед ним великий диктатор! Короля, как известно, играет свита, а свита труслива, расчётлива и корыстолюбива, и, соответственно, соревнуется она только в лести. Очень легко относиться к себе с юмором, пока ты – никто, гораздо сложнее сохранять это чувство, когда ты уже превозносимая всеми мировая знаменитость. Не просто в таких условиях удерживать в голове, что ты – всего-навсего человек! Посмотрите хотя бы на этих смешных «звёзд» и «звёздочек» эстрады или кино! Воистину, великим можно было бы назвать короля, который при всех своих регалиях никогда не забывает, что и он – всего лишь песчинка в этом мироздании, но разве такое бывает? Разве это не противоречило бы человеческой природе? Точнее, животной природе, которая принуждает всех нас стремиться к доминированию, к победам в конкурентной борьбе, к вселенскому успеху. И это дорога в никуда. Нет ничего более химеричного, эфемерного и лживого, чем общественный успех. И тяжёлая, непосильная для многих ноша.

Амбиции имеют все, но кто чувствует свою силу, свой масштаб, не разменивается на мелочи, его не волнуют новые ботинки соседа, он может реагировать только на крупные достижения. Внутреннее подсознательное ощущение предела своих возможностей диктует человеку соревноваться с окружающими либо в сфере тряпок и шнурков, либо в достижениях высокого духа. В соответствии с масштабом своей личности, своими истинными возможностями, человек вступает в конкуренцию либо по всякому пустому поводу с каждым встречным, включая даже малых детей, либо же с вызовами своего времени, с самой вечностью. Достойный человек с лёгкостью уступает в глупых бытовых спорах (которые принципиально важны для дураков), он игнорирует нападки на своё дело и свою личность, он почти безразличен даже к оскорблениям, ибо недосуг ему заниматься тем, что составляет смысл жизни тех самых дураков – холить своё самолюбие. Для развитого, думающего человека собеседник становится интересным именно в тот момент, когда произносит слово «нет!», ибо он рассчитывает узнать что-то новое, или необычное. Для тупого, ограниченного человека такой собеседник сразу же становится ненавистным; он полагает, что ему возражают, чтобы унижить, показать его несостоятельность. Ибо беседа для него – это не возможность узнать что-то новое, интересное, выяснить истину, а только шанс утвердить своё «эго». Если вам попался такой собеседник – поскорее заканчивайте разговор!

Каждому человеку приходится пройти в этой жизни через немало унижений, но дураки всю дорогу пытаются отыгрываться и чаще всего не на своих обидчиках, а на тех, кто послабее. И множат зло на грешной этой земле.

Чем невежественнее человек, тем непреодолимее его желание навязать окружающим своё дурацкое мнение. Чем меньше знаний, тем увереннее выступление. Невежество воинственно и бесстрашно, ибо не ведаёт о последствиях.

Страх порождает знание, и этот страх парализует волю, потому самые деятельные в этом мире – дураки, они не ведают, что творят. У англичан есть поговорка: «*Дураки вбегают туда, куда ангелы едва решаются вступить*».

Да, невежество воинственно и бесстрашно, и оно не может иным, ибо в противном случае ему пришлось бы признать своё ничтожество. Невежество, осознающее себя таковым, таковым уже не является – это его первый шаг к знанию, к свету.

Тот, кто, вроде, имеет все основания издеваться над другими людьми, никогда не делает этого, ибо сознаёт, что на самом деле таких оснований нет ни у кого. И именно те, кто в действительности достойны быть жестоко осмеяны, не прекращают своих попыток издеваться над другими.

Умному интересен и дурак в своей дурачности, а вот дурак во всем мире не видит никого, кроме себя. И вопрос он задаёт вовсе не для того, чтобы получить на него ответ (он ему совершенно неинтересен), а чтобы вы просто приняли его вопрос к сведению, обратили внимание на незаурядную его личность.

Если в споре умный желает докопаться до сути, до истины, то единственная цель дурака – непременно оказаться победителем, даже если его неправота уже очевидна ему самому. Тем больше ядовитой пены будет изрыгаться из недр его. Ибо всякое возражение он воспринимает, как личное оскорбление.

Но чем ещё ты можешь быть интересен этому миру и самому себе, кроме одного-единственного короткого слова – «НЕТ!»?

[...]

Не случайно американская писательница Луиза Олкотт заметила: «*Спорить умеют многие, мало кто умеет просто беседовать*». Несомненно, она имела в виду именно культуру спора, ибо если не спорить, то чем можно одарить друг друга? Застольными речами? Ты и сам себе интересен, когда споришь с собой, находишь что-то новое в своей душе и своих мыслях.

Людям содержательным интересны именно те, кто может им возразить, привести свои доводы, опспорить аргументы, ибо только вдумчивый, грамотный оппонент может обучить чему-то новому, дать пищу для ума, в конце концов, заставить пересмотреть устоявшиеся взгляды – всего этого, на самом деле, и желает искренне и страстно действительно умный человек. Соперник по плечу желанней брата, сказал поэт. Но для этого надо иметь соответствующий масштаб. Мало кто в реальности его имеет.

Умные всю жизнь пытаются найти людей, у которых могут чему-нибудь научиться; дураки постоянно пытаются поучать всех окружающих. Чем пустее человек, тем больше ему есть, что сказать этому миру, первому встречному на просёлочной своей дороге.

Логическое обоснование разговорчивости глушца могло бы состоять в том, что он более, чем кто-либо другой, испытывает потребность в обмене информацией: своего ума нет, так он должен опираться на чей-то чужой, а для этого ему необходимо общение. Но если бы это было так, глупец бы не был глушцом, он потихонечку чему-нибудь, да учился. На самом деле, дураки патологически не в состоянии слушать других людей; в любой ситуации им необходимо непрерывно самим говорить, говорить. О себе – говорить! Вольтер заметил, что «гордость людей низких состоит в том, чтобы постоянно говорить о самом себе, людей же высших – чтобы вовсе о себе не говорить». Для человека гордого, имеющего чувство собственного достоинства, истинное счастье – найти другого человека, которому он может безбоязненно рассказывать о себе. Для человека низкого нет ничего проще – это первый встречный на улице; такой человек несказанно рад всякому с открытыми ушами. В сущности, ему нужны не *со-беседники*, а благоговейно внемлющая аудитория, время от времени взрывающаяся бурными аплодисментами. Как правило, это люди, которые слышат только себя, которые видят только себя и не замечают вокруг великий и прекрасный мир. Ибо человек, слишком увлечённый собственной персоной, никогда не в состоянии увидеть и понять всю красоту и прелесть нашего дивного мира. Как много таковых, и как их жаль, на самом деле! Это люди, которые не устают говорить, и говорить практически только о себе, а есть и другие, которые не устают слушать. Но в редкие минуты, когда те, кто любит слушать, вдруг раскрывают свои уста, те, которые беспрерывно бубнят, в растерянности замолкают, ибо им неожиданно открывается, какую чушь они молили всю свою бестолковую жизнь.

Кто *должен* непрерывно болтать, тот, естественно, испытывает острую потребность в обществе, его

привлекает любой придурок, который согласен слушать его пустые речи. И наоборот: человеку, который желает не только что-то дать, но и получить от собеседника, который склонен больше слушать, чем говорить, такому человеку очень трудно найти себе компанию, он больше любит одиночество, где может вдоволь говорить с единственным умным человеком – самим собой. Если человеку с самим собой не скучно, значит, это умный человек! *«Только негиббасмый вправе молчать о самом себе»* (Ницше). И только он может понять смысл этих слов. А негиббасмый – это тот, кто спокойно готов умереть в любую минуту – вот, прямо здесь и сейчас.

Вот, он выдаёт одни глупости, а я осмеливаюсь открыть рот, только когда есть сказать что-то, хоть мало-мальски существенное, но его мнение в определённом контексте мне всё же интересно, а моё ему – абсолютно нет. Если есть в этом мире что-то действительно самодостаточное – это глупость.

В психиатрии неизлечимой, или, по крайней мере, наиболее тяжелой считается болезнь, которая не принимается со стороны её носителя. Неприятие собственной ограниченности есть также и первая характеристика дурасти. Профаны непробиваемо самоуверенны при обсуждении любого вопроса (в том числе, о котором слышат впервые); это знающий человек всегда в сомнениях – он понимает, как ничтожно его знание в сравнении с безбрежным морем незнания. И если не найти в себе достаточно душевных сил, чтобы относиться к ней с изрядной долей юмора, то более всего в этом мире способна раздражать именно самоуверенность профана.

Дураки вызывают наибольшее отвращение, потому что подлый человек может порой поступить и добро, если это будит исходить из его интересов, но дурак может по своей глупости совершить такую подлость, о которой никогда бы не догадался самый подлый подлец.

Дураков везде и всегда очень много; проблема организованного государства состоит в том, чтобы не допустить их до рычагов правления, к которым они, в силу своей дурасти, нисколько не осознавая меру ответственности, очень активно рвутся. Существо проблемы в том, что избирают, или проталкивают лидеров такие же дураки.

Настоящий ум, прежде всего, характеризует свобода, отсутствие всяких ограничений и табу, что даёт возможность домысливать до конца, не оглядываясь ни на какие запреты. И именно эта свобода более всего раздражает обывателя, каким-то внутренним чувством осознающего, что отсутствие у него свободы и является главным его несчастьем. Порой он пытается компенсировать это чувство разнузданностью, но разнузданность не есть свобода, скорее, – наоборот.

Одним ум нужен, чтобы верховодить людьми, другим – чтобы управлять собой, своими неуёмными страстями. Только во втором случае можно говорить о чисто человеческом достижении; первый – продолжение животных инстинктов.

Смелость – это тоже проявление ума. Своеобразный ум. Порой самый важный и решающий. Если ты очень умный, но трусливый, у тебя мало шансов практически употребить свой незаурядный ум, и получается, что ты не так уж и умён, быть может, даже хуже того глупца, которому просто нечего предложить, в то время как ты сознательно отказываешься от лучшего решения из-за своей подлой трусости. В подобной сравнительной оценке есть определённая справедливость, если вдуматься. Умные люди с годами приобретает мудрость и смирение, глупые – окончательно сходят с ума. Мудрость не в понимании жизни, а в примирении с ней.

Но и мудрость со временем всё более проявляется в том, что теряется уверенность в ответах на самые простые вопросы. Это драма истинного взросления.

Вот, почему ты думаешь, что твоя жизнь представляет большую ценность, чем жизнь несчастного бомжа из подворотни? Ты что, знаешь, в чём смысл существования человечества?

По мере накопления жизненного опыта, я прихожу к выводу, что все люди в равной степени наделены и памятью, и аналитическими способностями; разница между людьми – в пристрастиях, и вот в зависимости от этих пристрастий одни используют свои способности во благо, другие – во зло; для красоты, или уродства; нацелены на непреходящий успех любой ценой, или на постижение содержания, смысла. Человек, полностью сосредоточенный на себе самом, на своих переживаниях, на драгоценном своём самолюбии, никогда не способен на какое-либо творчество; простую таблицу умножения ему почти невозможно запомнить – его мозг занят исключительно собой. Он сетует: *«У меня плохая память»*, но это только следствие его всепоглощающего эгоизма.

У тебя, вот, есть талант хорошо писать, у того – хорошо петь, а у него есть талант просто хорошо жить! Не обязательно богато, но – содержательно. Разве ты можешь дать этому оценку? Самое великое открытие то, которое человек делает сам для себя. Почём ты знаешь, какие сокровища упрятаны в глуби-

не души его? Для человека, наделённого художественным восприятием мира, эстетика присутствует во всём, и только примитивный фанфарон высокомерно считает себя эстетом только потому, что он, как ему кажется, умеет изысканно одеваться. У кого истинно глубокие чувства, старается их скрыть; у кого едва что-то шевелится, тот желает кричать об этом на весь мир. Не верьте лужёным глоткам! Только абсолютный дурак весь день разглагольствует, какой он умный и красивый, не обращая внимания на то, что о нём действительно думают окружающие.

А когда ты даёшь оценку кому-нибудь, или чему-нибудь, ты опосредованно даёшь оценку и самому себе. Ведь по твоим оценкам будут судить и о тебе самом, не так ли? При обсуждении любого вопроса думай сперва о себе, лишь потом – о других, о другом. Старайся не говорить и не думать о людях плохо, потому что если обнаружится, что они не такие, значит – ты такой! Давно сказано: *«не суди о человеке по тому, что о нём говорят, а суди по тому, что он говорит о других»*. Не следи за другими, за собой следи!

Итак, единственно, что имеет значение – это ваша личность, о ней и заботьтесь, в смысле – совершенствуйте!

Когда много лет назад, не имея ни финансовых средств, ни связей, я пытался опубликовать свою книгу, один из друзей неожиданно открыл мне поразительную в своей простоте и ясности истину. Он сказал: «Ведь на самом деле главное везение в твоей жизни уже состоялось – ты написал свою книгу. Будет она издана, получит признание современников, или нет – дело второстепенное, житейское. От этого будет зависеть твой душевный и физический комфорт, а ни то, ни другое не делает нас более лучшими или продуктивными. Главное – работа, и она уже сделана. Ты имеешь полное право поздравить себя с победой. И я поздравляю тебя!». Я благодарен этому человеку.

А тех, кто книг не писал, небоскрёбов не строил и симфоний не сочинял, можно искренне поздравить с гораздо более важным везением, фантастической победой в соревновании сотен миллионов претендентов на уникальный приз, имя которому – жизнь! Ведь именно столько было сперматозоидов в окружении того единственного, который дал ему жизнь.

Как есть, ты уже представляешь исключительную ценность – ты можешь быть горд. Но ты не имеешь права удовлетворяться этим – ты должен работать над собой. Твоя задача, единственная – раздвигать горизонты. Посильная ли для тебя эта задача, может ли *каждый* раздвигать горизонты? Должен! Никогда не забывай – твои горизонты беспредельны!

Лично я уважаю человека за то, что он – человек. Уточняя: потенциально человек. Воистину, нет людей, которые выше, или ниже, больше, или меньше. Каждый меньше другого ровно настолько, насколько сам мнит, что больше того.

И тем не менее, у меня щемит сердце, когда я вижу зрелого, 40-50 лет мужчину, занятого простой работой – погрузкой вещей, мойкой машин и т.д. Я, конечно, понимаю, что кто-то должен делать и эту работу, что ничего зазорного в простой работе нет, что не всем дано писать книги, или изобретать новые машины, но всё-таки эта бесперспективность мне кажется ужасной. Чем он живёт, какими мечтами? Разве только тем, что дети его будут жить другой жизнью! Но ведь и они предадут его и покинут, едва продвинулись чуть-чуть вперёд. Как призрачны эти его надежды! Хотя... вся наша жизнь призрачна. И моя. Ведь и я бывал занят на этих самых «простых» работах – что же, разве это когда-нибудь унижало меня, мешало жить полноценной внутренней жизнью? Вряд ли, конечно, в душе у каждого грузчика есть те сокровища, что лелею я в своей, но почему у каждого из них не могут быть свои, сокровенные? Почему его мечты и чаяния, его мысли и откровения в чём-то уступают моим? Та простая музыка, которую с упоением слушает он, может, вызывает в его душе гораздо более сильные эмоции, чем самые сложные твои симфонии. Нет такой шкалы, по которой можно измерить глубину и тонкость чувств. И даже обширность и полезность знаний. Вот, чтобы понять слово, необходимо прочитать предложение; чтобы понять предложение, необходимо прочитать абзац; абзац поймёшь, лишь прочитав страницу, а страницу – прочитав главу. Естественно, главу можешь понять, лишь прочитав всю книгу, а чтобы понять полный смысл книги, необходимо прочитать очень много других книг, и эта цепочка бесконечна. Дураком родился, дураком помрёшь. Потому не надо быть высокомерным. Не надо жалеть людей, их надо уважать. Того грузчика в том числе. Да, да, конечно. И всё же, всё же... Не так всё просто. Есть, допустим, обслуживающий персонал. Все мы – обслуживающий персонал, в определённом смысле, но есть и разница. Вот, отношение официанта к клиенту примерно такое же, как у проститутки на панели: с одной стороны он жаждет его, ибо зависит от его широкого кармана, а с другой стороны – ненавидит за то, что обязан его обслужить. И профессиональные навыки их примерно в одной плоскости. Недаром в Москве говорили, что халдеи (так там почему-то обзывали официантов) не имеют никаких шансов когда-нибудь стать людьми. Это,

конечно, одно из проявлений обычного для России пренебрежения к человеку, как таковому, но я с болью должен отметить, что даже в самых демократических, толерантных странах, официанты, тем не менее, составляют какую-то отдельную касту (многие известные люди короткое время в молодости также занимались этим делом, так сказать, для поддержания штанов, но это, конечно, особые случаи). Должно быть, профессия всё же накладывает свой отпечаток. Говорят, бывших проституток не бывает. Я не должен был об этом писать, но я ведь и себя не жалею, хотя, наверное, это и не оправдание: намерение сделать хакакири вовсе не даёт тебе права, между делом, вспороть живот первому встречному. С другой стороны и быть исключительно корректным очень непросто. Ницше заметил, что *«кто честно относится к людям, тот всё ещё скучится своей вежливостью»*. Но разрази меня гром, если в моей душе есть малейшее пренебрежение к официанту, или проститутке, или к кому бы то ни было другому. Проблема, однако, в том, что мною дело никак не ограничивается; люди в быту всё больше хотят подчеркнуть всячески своё превосходство, доминирование – так непросто это вытравить из их сознания! Ах, жизнь сложна и часто очень жестока, и философия в состоянии максимум дать какое-то паллиативное объяснение, но никак не решить тяжёлые её проблемы.

Да, жизнь действительно жестока, но в своей жестокости она где-то и справедлива. В том смысле, что, в конце концов, она жестока одинаково ко всем, и тот, кто берёт от неё многое, быть может, и страдает затем более всех от её жестокости. Никогда не следует забывать, *что ждёт всех в самом конце*.

Вот, говорят, этот человек – лузер, издеваются. А кто не лузер в этой жизни, кто? Назовите мне хоть одного такого. Как можно быть человеком и не быть лузером? Ведь, в конце концов, каждый теряет самое ценное, единственно ценное, что он имеет – жизнь!

Замечательный американский писатель Стивен Винсент Бене в своём рассказе «Джонни Пай и Смерть Дуракам» задаётся философским вопросом «Как можно быть человеком и при этом не быть дураком?» и даёт ответ: *«Когда человек умрёт и его похоронят. Это каждый дурак знает»*. Данная мысль гораздо более значительна, чем может показаться на первый взгляд. Не стоит убежать от глупости, она всегда с нами, а неудачник – это совсем не тот, кто не добился богатства, или заметного общественного признания, неудачник тот, кто всю свою никчемную жизнь истекает переполнявшим его ядом – будь это дворник из подворотни, или кичащийся своими бесполезными дворцами и яхтами миллионер.

Итак, развесив сусальные картинки насчёт приоритета духа, равенства людей и прочих разговоров в пользу бедных, я сейчас сделаю разворот на сто восемьдесят градусов и откровенно скажу, чего на самом деле *по-человечески* жаждет моя душа. И прежде всего должен заявить, что похвалы меня не радуют, а раздражают. Ибо устроит меня только триумф.

Главный вопрос для меня сегодня всё ещё заключается в том, могу ли я реально сотворить нечто великое, даже прекрасно сознавая, что ничего великого, по большому счету, на этом захолустном шарике быть не может. На самом деле, разве пристало человеку, ссылающемуся на Бетховена для оправдания собственного существования, удовлетвориться чем-то меньшим? День, который убедит меня в том, что мне не дано совершить ничего великого, будет моим последним днём. Жив, пока ставишь себе великие цели. Не все, нет, не все живут! В апокрифическом Евангелии от Филиппа есть примечательное высказывание: *«Язычник не умирает, ибо он никогда не жил, чтобы он мог умереть. Тот, кто поверил в истину, начал жить, и он подвергается опасности умереть, ибо он живёт»*. Не знаю насчет тех, «кто поверил в истину», но, несомненно, досточтимый Филипп прав в том, что только совокупляться и рожать детей не есть жизнь для человека. На мой взгляд, только нацеленность на великое и есть то единственное, что может оправдать существование любого из нас. Что ещё, помимо великих дел, может увлечь меня, тебя, его, служить стимулом для жизни и творчества?

И кто, кроме меня самого, может дать оценку сделанному? Ведь признать за *ними* такое право будет означать и признание их равными себе, или даже, может быть, выше! Это же невозможно! Я не хочу, чтобы меня считали талантливым. Ибо это будет означать, что меня раскрыли, поняли, прочитали. Какой же я тогда, к чёртовой матери, талант! И в таком случае, чего я на самом деле хочу? Разве у меня не есть всё, что мне нужно – высочайшая самооценка? Странно ведь, на самом деле, презирать людей, мечтая одновременно о признании с их стороны! Чего вообще в этой жизни людям не хватает? Ведь каждый из них абсолютно уверен, что он – лучше всех, так зачем же им нужно общественное признание? Для денег? Но разве деньги кого-нибудь сделали лучше, или счастливее? Чужим подобострастием стремится компенсировать человек собственную неуверенность – вот, движущая сила карьеризма. Одному, чтобы стать памятником самому себе, не помешает то, что ему приходится подметать улицы, другому для этого необходимо завоевать весь мир, усыпая свой путь тысячами трупов – так кто из них действительно велик? Кто истинно свободен?

Тот, кто создал великую империю, или всеохватную теорию, или тот, кто не сделал ни того, ни другого, потому что был доволен собой и так? Не испытывал потребности что-то доказывать миру?

Великий и всеми признанный Микеланджело сетовал: «*Непониманье гения – закон*». Все люди ужасно одиноки в этом мире, но более всего страдает от одиночества тот, кому есть, что сказать этому миру – его никто не хочет слушать. Но было бы слишком расточительно, если бы Бог, наградив кого-то большим талантом, дал бы ему в придачу ещё и понимающее его окружение. Откуда бы ему взять столько гениев, и чем бы они занимались при таком изобилии!

Так что же мы, гении, стремимся получить от окружения? Вроде мы должны презирать общественное признание, а вот – не получается! Такая противная дилемма: как самый великий и единственный, ты должен презирать людское признание и всячески избегать его, а как человек во плоти и крови, награждённый и наказанный страстями, ты жаждешь этого более всего на свете! Вот оно, отчаяние: «Я – все, кроме одного – самого себя».

***

Творчество – это преодоление профессионализма, устоявшихся взглядов, «незыблемых» теорий, иногда даже законов логики. При том, что, как правило, оно зиждется на всём этом.

Если творец имеет склонность достаточно подробно рассказывать о своём произведении, о его смысле и выразительных средствах, «научно» обосновывать все перипетии в нём, то, скорее всего, он и не творец вовсе, а исследователь, и творение его – скукота! Это касается даже науки – и здесь для достижения нестандартного результата нужна раскованность, фантазия, свобода.

Разница между творчеством и обычной работой заключается в том, что если за кого-то сделать его работу, он этому только обрадуется, но если творца лишить его активности, он будет глубоко несчастен, какими бы благами ни возместили ему бездеятельность (великий армянский поэт Египше Чаренц, брошенный в тюрьму в проклятом 1937 году и изуверски лишённый там пера и бумаги, писал стихи на стенах камеры собственной кровью). Творцом при этом может быть и слесарь, и маляр, и повар – всё зависит от его отношения к труду. Любовь к своей работе превращает её в творчество. Полюбить работу саму по себе – есть важнейший шаг к Себе-Человеку. Ибо работа – единственное, что отличает нас от животных. Все остальные проявления – те же. И чем ближе стоит данный человек к животному, тем сильнее в нём отвращение к работе, как таковой. Он не то, чтобы устает, он просто не приемлет саму идею работать. Он не вор, он – животное. Не надо называть его вором, всё много проще и трагичнее – животное. Преступники – они идут из животного мира; эти несчастные так и не преодолели в себе природную установку потреблять, не работая, они остались на уровне примитивно травоядных, ибо даже хищникам приходится трудиться, чтобы добыть себе пищу. Преступники всех мастей любят себя сравнивать именно с хищниками, но, по существу, они могут претендовать на сходство лишь с шакалами, тоже «специализирующимися» на отъёме добычи у честно заработавшего её зверя.

Примечательно, что откровенный призыв к тунеядству провозгласил не кто иной, как «высоконравственный» Христос: «*Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?*» (Матф.6:26).

Но только на природе животные могут безнаказанно предаваться безделью. В человеческом обществе тунеядец – синоним зла. Все пороки, всё зло среди людей порождается допещерным желанием человека жить, не работая, – за чужой счёт. И зло это возрастает, становится нетерпимым, остервенелым по мере роста всеобщего благосостояния; ведь так легко соблазниться мыслью «оторвать» лично для себя «достойный» кусок от всеобщего изобилия! Но, истинно, только не творящий зло – человек. Возможно, это единственно точное определение существа действительно разумного.

В принципе, две вещи определяют суть человека: способность к труду и неспособность к убийству.

Человек – работающий! И только так! *Homo Operans*. Разум пробуждается в работе. Работа предшествует разуму, человек стал разумным в процессе работы. До «разумного» он должен был стать «работающим». И он не станет истинно разумным, пока не станет окончательно и бесповоротно работающим! Далеко нам ещё до этого, далеко. Пока цель обычного человека – получить максимальную усладу тела и души при минимальной работе тела и души. Но праздников без будней не бывает; тогда в будни превращаются сами праздники. И это самое страшное наказание для бездельника – богатого, или бедного. Есть два способа лишить себя праздников: 1) всё время работать; 2) всё время праздновать. Древние говорили: чувство меры – дар богов!

Засим: каждый человек сам себе наказание, чего ещё ему мстить? Каждый человек сам себе награда – чем ещё его можно одарить?

Японцы говорят: *один цветок более, чем сто цветков, передает великоление цветка*. Аналогично можно сказать: один человек больше, чем сто человек выражает суть человека. Изучай себя – познаешь людей! Посмотри на себя внимательнее, тебе станут понятнее чужие пороки.

Наивысшее наслаждение получаешь, преодолевая боль. Наивысшую выгоду получаешь, преодолевая себя.

Никак не можешь простить себе своей бездарности, лени, трусости и всех-всех пороков, которые есть на этом свете? Прощай, прощай, ты вовсе не одинок! (Я знаю, это тебе не утешение, но ты должен примиряться с собой, у тебя нет иного пути!)

Человеком по-настоящему ощущаешь себя в те редкие минуты, когда тебе удастся преодолеть свою природу, свой страх, свои первобытные комплексы. Но уж слишком редки такие минуты на самом деле! Долог ещё твой путь к самому себе. Наука и искусство пытаются вылепить Человека, бизнес и политика неизменно возвращают его в животный мир. Ежедневно, ежечасно, ежеминутно уходить, убежать, спастись от животного в себе – вот твоя перманентная задача, человек! Работа есть единственное средство достижения этой высокой цели. Без работы нет не только материального обеспечения, нет и самого человека. Всякий труд действительно почётен – это вовсе не дешёвый лозунг – ибо делает он нас людьми.

Почему, например, торговать своим умом должно быть почётно, а телом – позорно? Разве и то, и другое не даровано нам природой? Разве как раз не тот, который торгует своим умом, зачастую пытается получить за свои услуги незаслуженно высокие гонорары, в то время как несчастная проститутка нередко вместо своих заработанных действительно нелёгким трудом денег по преysкуранту получает кулаком по морде, а то и кувалдой по голове? Кто на самом деле честно отработывает свой хлеб – «безнравственная» проститутка, неизменно дарящая за полученные деньги успокоение страждущим клиентам, или «интеллектуальный» бизнесмен, «накручивающий» пару-тройку миллионов одним телефонным звонком, лежа на диване?

Есть в армянском фольклоре удивительно точные слова о нашей грешной жизни. Звучат они так: *«Счастливый человек – ни ума, ни зрехал!»* (Говорят ещё – «счастливый осел»). Грех от ума – вот вся правда жизни. Плата за этот грех высока – изгнание из рая. Не употреби свой ум во зло – сохранишь законное место в собственном раю, а других не бывает.

К сожалению, пока (и, очевидно, это будет ещё довольно долго) мир наш построен на принципе воровства, изъятия чужого добра, чужого труда. Разница только в том, что одни отнимают от имени силы, другие – от имени ума. Деление это весьма условно, конечно, потому что эти два начала никогда и нигде, даже в тюремной зоне не выступают в чистом, так сказать, в рафинированном виде – всегда имеется некоторый симбиоз того и другого. Но там, где всё-таки существует примат ума, хватает здравого смысла дать овцам сперва немного набрать веса, а не сдирать с них последнюю шкуру. Именно на этом построено благосостояние так называемых «передовых» стран. Эта простая по своей сути формула почему-то немногим оказывается по уму, и прозябают в нищете неглупые народы.

Успеха в жизни, как правило, добиваются те, у кого очень сильно развиты инстинкты. И это лишнее доказательство того, что мы ещё не очень далеко ушли от животного. Чем ближе человек к животному, тем больше у него шансов преуспеть в этой жизни. Ибо и окружен он таковыми, как это ни печально. Напрасно умные интеллигентные люди жалуется на то, что не получают в жизни адекватного своим талантам и способностям вознаграждения, в то время как необразованные, некультурные люди достигают немислимых, с их точки зрения, высот. Всё совершенно естественно. В сущности, деньги, власть и другие регалии «сильных мира сего» являются всего лишь современным способом реализации природного механизма отбора вожаков стаи, и этот конкретный механизм в определённом смысле определяет степень развития данного общества на данный момент. От примата грубой силы, царствующего в первобытном обществе, через примат преобладающего в современном обществе «ума» к ожидаемому в обозримом (надеемся!) будущем примату нравственности – такова должна быть эволюция человеческого общества. Должна быть. Надеемся. Ибо доминирующий сегодня примат ума очень мало отличается по существу от примата грубой силы. И путь к вожденной победе в этой жизни чаще всего лежит через густой ядовитый колючий кустарник, продираясь сквозь который, ты имеешь шанс дойти до цели, как ты её понимаешь, но руки твои и душа неизбежно наполняются при этом ядом беспощадных колючек. Тебе решать – стоит ли того «победа»?

***

Мне кажется нелепым, когда говорят, что кто-то – Александр там, или Наполеон – перевернул наш мир. Ни эти кровопийцы, ни действительно великие ученые и гуманисты на самом деле ничего перевернуть не могли – мир идёт собственным ходом и этот ход ведёт его к своему естественному концу. И не надо делать из этого особую трагедию, даже особую историю. Вселенная существует миллиарды лет (человечество – лишь сто тысяч) и в ней не произойдёт никаких особых изменений, если наша Земля, если наше Солнце провалится в тартарары. Каких-нибудь 5-10 миллионов лет тому назад на Земле не было и намёка на разумную жизнь, и Вселенная этого не замечала и никак на это не реагировала. Вселенной было всё равно. Самоценность человеческой цивилизации совершенно безразлична Вселенной, в то время как ценность отдельно взятой личности имеет немалое значение для других людей, особенно если это творческая выдающаяся личность. И хотя мы совершенно спокойно и естественно воспринимаем смерть каждого отдельного человека (а ведь для него это и есть конец света), нас почему-то приводит в ужас одновременный уход всех человек, на который некому будет даже реагировать. Пусть существуют так называемые «внеземные цивилизации», разве мы для них можем означать что-то большее, чем подопытные кролики? Или кто-нибудь полагает, что наш разум когда-нибудь приобретёт такую мощь, что сможет бросить вызов неуправляемой стихии Вселенной? Смогли ли мы за немалый, в общем-то, срок, при всех своих впечатляющих достижениях, хоть в какой-то степени обуздать грозное дыхание нашей крохотной Земли? Если не считать расстрел градовых туч, и сооружение относительно сейсмостойких зданий, то здесь и предьявить нечего. Да, мы подняли в небо многотонные махины, мы слетали на Луну и послали летательные аппараты за пределы солнечной системы, создали компьютеры, которые в чём-то уже превосходят нас самих, и сотворили множество иных «чудес», но ведь всё это мы сделали, всего лишь умело используя те законы физики, которые были продиктованы нам самим Универсумом! Можем ли мы выйти за эти пределы, можем бросить настоящий вызов Ему (некоторые называют это Богом)? Вот главный вопрос, неразрешимый. Ведь только в этом случае мы могли бы сказать о своей особой ценности, исключительности, значимости для чего-то, что реально находится за нашими собственными пределами, а так – мы всего лишь песчинка в чужой игре, и наше бытие-небытие ни для кого, помимо нас самих, не означает практически ничего, ноль с копейками. Мы в своей гордыне почему-то высокомерно полагаем, что уж, по крайней мере, на «своей» планете Земля (напомним, исчезающе малой величине во Вселенной) являемся единственными обладателями какого-то исключительного разума, субъектности, так сказать? Но разве в простом извержении вулкана меньше смысла и страсти, чем в симфониях Бетховена? А что из всего созданного человеком имеет для него же самого большую ценность, большую значимость, чем эти симфонии?

Конечно, человечество ещё очень молодо, в перспективе оно может добиться больших успехов, да и Солнышко наше по всем прогнозам протянет много-много миллионов лет, но ведь мы не застрахованы от какого-нибудь прибалудного астероида, который может одним ударом уничтожить всё живое на Земле, точно так же как укус какого-нибудь клеща может погубить совсем ещё молодого человека. Потому человечество должно жить по тем же принципам, что и отдельно взятый человек: трезво осознавать конечность своего существования, но не впадать из-за этого в истерику. Всему своё время.

Цицерон в Тулусканских беседах заметил: *«Может ли быть что-нибудь более нелепое, чем придавать значение совокупности тех, кого презираешь каждого в отдельности?»*. Разве не естественно сказать те же слова о самой жизни, или существовании всего человечества? Разве есть смысл придавать смысл существованию человечества, если смысл каждой отдельно взятой единицы этого человечества невозможно определить? Если каждый человек всё равно умирает, что изменится, если они все умрут в один день? Почему, например, моя жизнь стоит меньше, чем жизнь всего человечества, разве человечество состоит не из совокупности таких же жизней, чем они выше моей? Но я ведь умру, и это не произведёт особого впечатления на остальных людей, даже если до того я буду признан самым великим гением всех времен и народов. Так почему же одновременная смерть всех остальных людей так ужасает нас? Неизбежность этого явления должна примирить нас с кошмаром, точно так же, как она примиряет с потерей самых ценных человеческих экземпляров.

Существует такое выражение: Легко любить всё человечество, но очень трудно – своего ближнего, конкретного человека. Известное дело: любить издали всегда намного легче. Но должен признаться, у меня всё наоборот: я очень добро отношусь к своему окружению, жалею близких и далеких мне людей, даже самых благополучных из них (возможно, я просто острее ощущаю трагизм человеческого существо-

вания); я всегда пытаюсь понять (и значит, простить) даже самых недостойных из своих знакомых, а если это в моих силах – то и помочь им. У меня есть дурное свойство привязываться ко всем, кто хоть как-то контактирует со мной, кого я просто знаю, а порой и не знаю вовсе. Я по-настоящему привязываюсь даже к моим заклятым врагам. Это нонсенс, но это так. Хотя... может, в этом есть что-то доброе, сущностное. Может, я даже могу гордиться этим своим качеством.

Что касается всего человечества, я не могу сказать, что не люблю его в целом (нередко можно встретить и такое отношение, даже ненависть), я просто не склонен придавать ему большее значение, чем одному отдельно взятому человеку, пусть самому ординарному (в моём представлении, таковых и нет вовсе). Конец каждого человека для меня ничуть не меньшая трагедия, чем конец всего человечества, и я не склонен драматизировать неизбежность всеобщей катастрофы в большей степени, чем столкновение двух автомобилей, в результате которого погиб один человек.

Когда-то на Земле жили динозавры, сейчас живёт *Homo sapiens* – что изменилось с точки зрения вечности? Что изменится, когда и человека не станет? Засим не следует к жизни человечества относиться серьёзнее, чем к жизни отдельного человека – она так же преходяща и наполнена ничуть не большим смыслом. И единственная задача цивилизаций – умирать. Вовремя умирать. Так имеет ли смысл ужасаться того, что случится неизбежно? Полагаю, правильнее всего забыть об этом. Правда, сказать легко. Но и страдать преждевременно по этому поводу – глупо. *Не умирай, пока живёшь* – эту русскую поговорку я уже приводил, и она относится также к человечеству в целом – истерики по поводу конца света действительно нелепы. Человечеству следует относиться к своему существованию точно так же, как и отдельному человеку: осознавать, что жизнь конечна, но не впадать из-за этого в истерику, а стараться получать от неё по возможности большее удовольствие, продвигать вперёд всё прогрессивное, полезное, совершенное – компьютеры, смартфоны, казино, бордели... Следует отметить, что в истерику по поводу конца света преимущественно впадают те, кто и свою собственную жизнь не могут представить конечной, кто постоянно ищет для своего спасения какие-то мистические «иные миры»; это вполне понятный банальный страх смерти – как он отравляет жизнь!

***

Вообще, в нашем пристрастии к художественной литературе, к искусству проявляется вечная, неизбывная тоска по глубоким чувствам, по любви. Прикиньте, почему наши симпатии на стороне Антония в его противостоянии с Октавианом? Не потому, что он честнее, или мужественнее, или преследует более благородные цели, но только потому, что он действительно влюблён. Это его всевременная индульгенция. Он любить умеет. На самом деле, это мало кому дано. И это завораживает. Истинно влюблённая пара всегда завораживает. У низких людей такая пара вызывает ядовитое чувство зависти и острое желание разрушить чужое счастье (что они всячески и пытаются сделать); у высоких – добрые воспоминания и новый стимул к творчеству, к жизни.

Вообще, любовь и есть единственный секрет любого успеха. Простой и вполне доступный всем секрет. Человек, который умеет любить, счастлив уже предметом своей любви; ему многого не надо, он вполне удовлетворен, если обладает всего лишь тем, что на самом деле любит. Тот же, кто лишен этого *человеческого* качества, вечно недоволен и неудовлетворен – отдай ему все сокровища и всех женщин на земле, он всё равно не сумеет ими насладиться. Жадность – это тщетная попытка заполнить всяким мусором то пространство, которое не может быть заполнено ничем, кроме любви. И как часто она на самом деле заполняет то пространство, которое по праву принадлежало любви, иссушая душу и совершенно обесценивая, обнуляя любые достижения!

Жадность – первый признак низкого происхождения субъекта. Низкого не потому, что предки не были лордами (то есть разбойниками-убийцами), а потому что не заложили в нем потребность и способность воспринимать истинные ценности.

Итак, по сути дела, мы хотим понять, что такое любовь. Только она выделяет нас из животного мира, формирует «психологию».

Любовь, снова любовь. Есть ли тема, о которой сказано больше и о которой не сказано ничего, в том смысле, что всегда есть, что сказать ещё и ещё и оставить другим говорить, говорить, говорить... По-моему, это происходит оттого, что каждому представляется, будто только он способен на великое чувство – что там Ромео и Джульетта! – и потому чужой опыт не кажется ему убедительным, в достаточной степени интересным, волнительным – ему надо прокричать свою собственную боль. Человек – существо, которому

постоянно не хватает трагедии, а любовь – она и есть первооснова и суть всякой трагедии.

В сущности, любовь есть самая жестокая вещь на этом свете. Своей беспримечной избирательностью она не только безразлична, но и, по ситуации, беспощадна ко всему остальному миру; также она, без какой-либо логики, часто бывает беспощадна и к самому предмету своего обожания. Не случайно Оскар Уайлд сказал: *«Любимых все убивают»*. Тем, или иным способом. Лишённый в действительности каких-либо истинных чувств ловелас никогда не станет концентрироваться на одной личности, ему и в голову не придёт переживать по поводу измен, или преследовать свою «любимую» на почве ревности, он лишь улыбнётся и перейдёт на другой свой «объект». Не то истинно влюблённый – он готов в аналогичной ситуации дойти до убийства, такова любовь. Да, любовь, как и жизнь вообще – дело весьма опасное. Можно, наверное, даже сказать, что любовь и есть главная опасность *человеческой* жизни. Но без неё и жизни нет. *Горе сердцу, где страсти угасли давно –/ Ведь ему ни любить, ни страдать не дано./ День, который прошёл без вина и без милой,/ Прокляни и забудь – он не в счёт всё равно* (Омар Хайям). При всех её опасностях ты не должен отказываться от любви, как не смеешь отказываться от самой жизни. Ибо любовь, она и есть жизнь. Человеческая жизнь, я говорю. Лично моя ошибка, главная ошибка жизни была в том, что сомнения в собственной состоятельности и ложно понятое благородство удержали меня даже от признания, и долгое время высшим проявлением моей любви к женщине я в заблуждении считал отказ от самого предмета любви во имя того, чтобы она имела возможность сделать более удачный выбор, поскольку себя таковым не считал. Сейчас-то я отчетливо понимаю, что это было просто малодушие. Любовь – это прежде всего вера в любовь. И с годами мы теряем не саму способность любить, а веру в любовь – это и делает нас импотентами. В плане полного эмоционального истощения – прежде всего. Всё остальное уже приложение.

Лишь любовь совершает чистые сделки: она платит любовью за любовь! Но как и во всякой сделке, очень часто одна из сторон (или обе стороны) желает получить чуть больше, чем отдать, и тем самым полностью обесценивает весь контракт; настоящая любовь – редкое счастье. Лодка любви разбивается не о быт – о корысть! И нуждается твоя любовь более всего не в верности, а в вере – потому не хочешь принять факты неверности жены. Так любовь нас делает незащищенными.

Для одних любовь – это ожидание, а то и требование получить радость; для других – это острое желание подарить радость. Истинно любовью можно назвать только чувства вторых. Любовь – это готовность, острое желание пожертвовать чем-то важным, дорогим во имя своей любви. Разве эгоист в состоянии постичь всю красоту любви, ведь она по своей сути есть страсть к самопожертвованию? Когда же речь идёт о «полезности» – забудьте о любви. «Я – полезный тебе человек» означает, что вы просто совершаете сделку: я – тебе, ты – мне. За выгодой обычно гонятся те, кому неизвестно, что такое любовь. А любовь сама собой богата, сама для себя – всё! К сожалению, в реальности мало кто действительно понимает, что это такое – любить! Потому так легко «влюбляются».

У кого в душе действительно сильные чувства высокой пробы, тот всячески старается их скрыть, не показывать: не то, что он стесняется их, но он дорожит ими, он не рискует отдать их на суд людской, ибо знает, как он груб и жесток. Наоборот, у кого и нет ничего, никаких подлинных чувств, тот будет трезвонить по всему свету, как остро, как чутко он за всё переживает.

В сущности, что такое любовь, как не постоянный страх потери? Постоянная зависимость от чужого настроения, чужих желаний, капризов... Сладкая, необременительная, но – зависимость. Потому люди, дорожащие своей свободой, избегают любви. Кто не хочет полюбить сам, не хочет также, чтоб его любили. Позволить любить себя так же невозможно для свободного человека, как и любить самому. Это так же обязывает. А иногда даже в большей степени. Мы несём ответственность за тех, кто просто любит нас; мы дали им повод полюбить нас, позволили им отдаться своим чувствам. И это уже большая ответственность. Потому любви во всех её проявлениях избегают те, которые хотят сохранить свою свободу. Только отказ от любви может дать независимость. Что тебе важнее? Останется ли у тебя что-нибудь, во имя чего стоит жить, если ты исключишь из жизни любовь? Речь не идёт исключительно о гендерной любви.

***

Говорят, любовь – дитя бедности. По мне, важнее акцентировать иное: уважение рождается в достатке. Чем скромнее наши собственные возможности, чем менее защищёнными мы себя ощущаем, тем сильнее у нас тяга к другим людям, тем больше мы уповаем на их поддержку и любовь в критических для нас ситуациях. Где люди независимы, нужны гораздо более качественные узы для совместной жизни.

Чем богаче общество, чем неукоснительнее в нём верховенствует закон, тем более люди изолированы друг от друга, тем меньше они нуждаются в друг друге и тем слабее узы между ними, узы любви. Именно потому восточные люди не могут примириться с «холодностью» европейцев – они привычны жить общагой. Чем выше материальный и интеллектуальный уровень общества, тем в большей степени любовь замещается уважением, то есть истинной, *человеческой* любовью. И политики в этих странах стараются завоевать именно уважение, а не «любовь» электората всякими подачками, неосуществимыми посулами, популистскими лозунгами, а то и откровенным насилием. Заметим, что наибольшей (и искренней) любви народа-электората в этом мире удаивались (и удаиваются) наиболее жестокие диктаторы. Это подсказывает нам, что насилием нередко можно добиться даже любви, но никогда – уважения. Разве это не самый убедительный аргумент в пользу уважения как исключительно человеческого чувства? Ведь в дикой природе «любви», как правило, также добиваются насилием. Да и в человеческом обществе разве не предпочитает женщина чаще всего идти к тому, кого принято называть альфа-самцом? Наша «любовь» пока ещё тоже там, в пещерах. Долго она ещё будет пребывать в этих тёмных закоулках. Уважать! – вот мой клич. Вспомним: для Чехова высшим наслаждением было – уважать человека. Для тебя – тоже, пусть пока ты и не осознаешь это.

А когда говорят, что любовь – дитя бедности, я хочу спросить: для кого? Кто это сказал? Тот богат, который тосковал по любви? Или тот бедняк, что тосковал по богатству? На самом деле дитём бедности является не любовь, а постылое единение во имя выживания. Ещё дитём бедности (духовной бедности) может быть холодный секс, как дань беспощадной природе. Именно такой секс воспринимается, как что-то грязное, постыдное, недостойное высокого звания человека. И порноактеры – подневольные участники такого секса – на мой взгляд, есть самые несчастные люди: они превратили в работу, в постылую повседневность то, что в своём *человеческом* исполнении составляет высшее счастье на земле.

Дикость наша проявляется и в какой-то дурацкой убежденности, что секс унизителен для женщин и едва ли не геройство для мужчин. Между тем для цивилизованного человека секс возможен даже без любви, но он совершенно невозможен без красоты (красоты отношений) при любых, даже самых «непристойных» его проявлениях.

***

Как может быть счастливым человек, который поработил другого человека!

Как может быть свободным человек, который жаждет поработить, или уже поработил другого человека! Ведь ему приходится непрерывно изворачиваться, скрывать свои истинные намерения, лгать; себе – прежде всего! Он должен убедить себя, что он – хороший человек, а как это сделать?

Альбер Камю изрёк звонкую цитату: *«Свободен лишь тот, кто может не лгать»*. Но если принять и ту истину, что умолчание есть одна из форм лжи, то получается, что свободен лишь тот, кто не молчит, кто активно *воюет* за свободу. А война – это совсем не обязательно противостояние с другими; самая трудная война происходит у нас внутри. Конечно, у тех, кто действительно хочет стать человеком. Будда: *«Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, мудрецы смиряют самих себя»*. И тем самым обретают вожделенную свободу.

Каждый в итоге находит себе врага по плечу и остервенело, воюет с ним – муравьём или великаном – заполняя, как ему кажется, свою пустую жизнь псевдосмыслом. И только тот, кто видит главного своего врага в себе самом, медленно и мучительно нащупывает путь к свободе, расплачиваясь за неё тяжкими сомнениями и страданиями. Но только его война, на самом деле, приобретает смысл, может, не великий, но единственный.

Почему властитель мира в глубине души должен завидовать философу? Потому что только философу введома истинная свобода (в человеческих, опять же, пределах). И свобода эта – не убивать и насильничать безнаказанно, а именно находить баланс между своими желаниями и возможностями, сохранять нравственность и уважение к себе. Совсем не случайно великий царь при случае бросил: *«Если бы я не был Александром, я бы хотел быть Диогеном»*. Диогеном, который жил в бочке.

Итак, у человека, как такового, есть одна проблема – это проблема человека. Никто не решит её за тебя. Все усилия твои должны быть направлены вовнутрь, иначе они пропадают втуне. Остаться на уровне примитивного животного, или подняться до вершин высокого духа – это твой выбор.

Когда говорят, что человек – эгоист, он любит только себя, имеют в виду, ведь, только тело, что он любит только своё тело, не так ли? Я скажу больше: такой человек попросту является рабом своего

тела, первобытным сиюминутным потребителем. Никакие более тонкие ощущения, даже связанные с тем же телом, такому человеку просто недоступны. И когда-нибудь, по мере насыщения и пресыщения своей плоти, он неизбежно становится извращенцем – в том, или ином смысле. Поскольку нуждается всё в новых ощущениях. Какие у него могут быть *человеческие* радости, если он не знает, что такое дарить радость самому! Он может знать, что такое секс, чревоугодие, даже полное удовлетворение, комфорт, но он никогда не узнает, что такое человеческая радость – любовь, трапеза, гармония души. Ибо всё это достижимо только во взаимодействии, взаимообмене.

Вот, у одного кусок не лезет в горло, когда где-то на другом конце света голодают невинные детишки, а другой только тогда и получает наслаждение от еды, когда соседу нечего есть. В своём развитии последний ушёл не вперёд от животного, а далеко назад – как его жаль!

Известно, что в медицине существуют такие понятия, как сердечная недостаточность, почечная недостаточность, легочная... Я полагаю, самой страшной является личностная недостаточность. Очень многие страдают ею, не подозревая о своём тяжёлом недуге. И именно в этом весь его ужас. Данный недуг имеет множество симптомов, и один из них – отсутствие самостоятельности. Это, пожалуй, самый распространённый порок на земле. Между тем, ещё Кант призывал: *«Имей мужество жить собственным умом»*. Не старайся походить на других, заставь их походить на тебя. Примером своим заставь!

Но как часто мы видим людей, способных только копировать чужое поведение! Самостоятельность, пожалуй, самое редкое и самое ценное качество человека. Люди всё больше любят ходить табунами, даже принуждены ходить табунами – мы об этом ещё поговорим. Но если ты действительно хочешь стать личностью, ты должен, по крайней мере, стремиться вырваться из постылого плена. Самое пошлое, что ты можешь сказать – «И я так могу!». Ты должен делать то, или стремиться делать то, что более никто не сможет, или, по крайней мере, не делал до тебя, а не компилировать чужие отработанные действия.

Зависть – другой характерный симптом личностной недостаточности.

Самое противное, что есть в этом мире – мелкие завистники, и, боже, как их много! Не имея масштаба личности, не ставя перед собой высоких целей и даже не зная, что это такое, они, конечно, всегда нацелены на конкуренцию во всяких мелочах, начиная от шнурков для обуви. Как они глупы! Ведь единственное, что действительно есть у каждого из нас – это короткое время, что отпущено нам для познания мира и самого себя, и надо быть большим дураком, чтобы тратить его, ревниво наблюдая за чужими успехами, и грызя в отчаянии собственные ногти. Эти люди совершенно не в состоянии воспринимать красоту, которую творят их талантливые современники, они замечают только привилегии, которые те получают за свои заслуги.

Есть люди слепые, есть глухие от рождения, которые так и не научаются говорить, есть ещё более страшная ущербность – слепоглухонемые, но ничто не идёт в сравнение со слепотой души; это вот они! Совершенно не видеть и не слышать мир вокруг себя – какое несчастье! Не видеть вокруг ничего и никого, кроме самого себя – разве это не самое страшное в человеке?

Люди, которые не видят красоту вокруг себя, не в состоянии увлечься чем-нибудь по-серьёзному, искренне полюбить – даже своих собственных детей! Они знают и холят только себя, любимого – своё тело, своё самолюбие, свои капризы. Естественно, у человека, который слишком любит себя, не может остаться никаких чувств, чтобы полюбить что-либо ещё, отдалиться иной страсти. Между тем, истинная любовь, независимо от самого предмета любви, всегда жертвенна. Если мы действительно любим (женщину, родину, ребёнка, работу и т.д.), мы полны желания, страсти что-то сделать для предмета своей любви, что-то сверх того, что могут сделать другие, часто даже чем-то пожертвовать, причем без пафоса и дешёвого стремления доказательства чего-то особого; это просто внутреннее абсолютно чистое побуждение. Если же истинной любви нет, то всё происходит наоборот – человек воспринимает любовь, как комфорт для своего тела, который кто-то должен ему обеспечить. Несостоявшийся человек – это и есть человек без любви.

***

Коснёмся под конец самой сложной проблемы человека – его идентичности. Есть множество уровней идентичности – начиная от пола человека, его национальности, религии, родственных связей до участия в любительском хоре, или дворовой шайке, и все эти сообщества, по большому счёту, лишь подавляют его волю, какие бы преимущества сами по себе они ему ни сулили. Что такое, в сущности, идентичет? Это твоя схожесть с другими. Ты хочешь быть безликим?

Бердяев метко определил, что «всякая группирующаяся масса враждебна свободе». Она враждебна личности, как таковой. Примыкая к какой-нибудь общности – по природе ли своей, или по личному выбору, большой, или малой, экстремистской, или самой либеральной – ты теряешь частичку своего «я», уступая право принятия решений кому-то, или чему-то другому. Вот, казалось бы самое фундаментальное и незыблемое – пол твой – разве это не проклятье твоё? Разве не диктует он тебе безоговорочно следовать каким-то строго установленным правилам: быть брутальным, если ты мужчина, и, наоборот, нежным и ласковым – если женщина? А если ты – другой, если тебе органически чужд навязываемый образ, как тебе быть? Мне порой кажется, что гомосексуализм в своей основе есть своеобразная форма протеста против диктата плоти, восстание против него. И всякие иные восстания, включая великие революции – это, по существу, яростная борьба доведённого до отчаяния человека против клейма на собственном лбу. Революции эти, как правило, с треском проваливаются – сразу, или позже (иногда много позже), ибо клеймо на лбу никогда не бывает случайным.

Более всего мы дорожим нашими чудачествами, именно они делают нас неповторимыми, интересными (в собственных глазах, прежде всего). А всякая идентификация, в первую очередь, объявляет все эти чудачества вне закона. Чем консервативнее общество, тем непримиримее оно ко всякого рода отклонениям, свободе самовыражения. И, как реакция, тем иступленнее гнев, зреющий в недрах его, который взрывается когда-нибудь действительно бессмысленным и беспощадным бунтом.

Но отчего же человек изначально так покорно подчиняется необходимости идентифицировать себя в том, или ином качестве, так легко позволяет поработить себя? Потому что человек есть животное общественное, как и почти всё, обладающее способностью самостоятельно передвигаться по этой земле. Даже волк, одинокий волк – символ индивидуализма – в тяжёлую зимнюю пору сбивается в стаю, чтобы выжить. И царь зверей – лев также живет общиной, небольшой, правда, но изгнанный из своего прайда, он неизменно становится добычей шакалов. А человек и живёт среди шакалов, он и сам таковой, как же ему не прибиться к какой-нибудь шайке для защиты живота своего! И он группируется, отдавая свободу свою за живот свой – кто его осудит! Свобода – красивое слово, но чтобы ценить её и бороться за её осуществление, надо быть, по крайней мере, живым, не правда ли? Всё относительно в этом мире.

Широко известна и часто цитируется звонкая фраза, приписываемая Томасу Джефферсону: «Цена свободы – вечная бдительность». Ядовитый вопрос: а какова цена жизни, не сама ли свобода? Не будем максималистами, но будем честными. Примем жизнь таковой, какая она есть. Великие завоеватели и банальные бандиты, пузатые банкиры и жалкие подметальщики улиц – все они, все без исключения платят свой индивидуальный налог свободой за то, что им представляется благополучием – большим, или малым. Да пребудут они вечно в своих заблуждениях, да не раскроются никогда их заперенные глаза! И пусть находят в себе силы примириться с жизнью те, кому открылась ненароком горькая истина!

Нельзя не отметить также, что стандартизация – это спасательный круг для дураков, не имеющих предложить ничего нового, своего, интересного; именно потому они так яростно стоят на страже всевозможных табу. Если что-то не так, как у них, так, как предписано считать правильным – значит, это против закона, значит это – аномалия, угроза. Ату носителей необычного, ату!

Веда разговор об идентичности человека, никак нельзя обойти вопрос национальности – этот второй по важности после определения пола его индикатор.

Я где-то уже писал, что, быть может, худшее в человеке и есть его национальность. Она устанавливает для нас, вероятно, самые жёсткие рамки. И зачастую ты принуждаешься через свою национальность защищать то, что, возможно, не одобряешь. «Люблю отчизну я, но странною любовью».

Кто создает нацию – я? Ты? Он? Я и есть моя нация! Впрочем, ты можешь присоединиться. Если захочешь. Если сможешь.

В годы жизни в Ереване, я отнюдь не ощущал себя в *своей* среде: мне были органически чужды тамошние нравы. В плане приживаемости можно было даже просто сказать, что это – не моя родина. Куда я попал после, а это была Москва – тоже не моя родина. И уж тем более не родина мне Америка, при всех её несомненных преимуществах (вот, если бы я здесь родился...). Моя родина вообще-то – это только я. Я сам создаю вокруг себя свою родину, и только это, по-моему, правильно, только так и бывает по существу. Сбиваясь в стаю, мы сохраняем свою породу, но заметно понижаем личное качество, и главное, всё равно остаёмся в ней чужаком. Неоспоримая цель индивида – служение делу выживания вида. Но если бы это было единственной целью индивида, очевидно, не было бы никакой эволюции. Эволюция человека, я имею в виду. Животные выполняют соответствующую функцию простым самосохранением и размножением; у человека алгоритм значительно сложнее, у него много уровней, нередко противоречивых. Также

у него должна быть и некая метафизическая цель, непознаваемая, но самая важная.

По своему менталитету я никак не русский. И не американец, конечно. Но самое интересное, что я никак и не армянин. Я – другой, это истинное качество человека, надеюсь. Только о настоящем, самодостаточном человеке всегда и во всех аспектах можно сказать – он другой! И только он может быть творцом. Настоящий армянин – другой! Настоящий русский – другой! И настоящий китаец, грузин, поляк – тоже другой. Всё остальное – серая масса, безликая и внациональная, увы.

Значит ли изложенное, что я – космополит, манкурт, Иванушка, не помнящий родства? Никак нет. У человека есть голова, но есть и сердце, нередко они вступают в противоречия, в драматическую борьбу друг с другом – и это жизнь. Моё сердце никогда не оторвётся от Армении, в каких краях ни обитало бы мое брненное тело и какими бы изысками ни упражнялся мой беспокойный ум. Есть в моём сердце также место для России, и для Америки, болит оно их болячками и радуется их радостями. И всем остальным, даже врагам моего народа на самом деле я желаю только добра, истинного добра. И прежде всего понимания, что такое добро. Ибо правда, она одна, и она на пользу всему человечеству. *«Без подлинной любви к человечеству нет подлинной любви к родине»*, – это сказал Анатолий Франс.

У кого нет чувства родины, у того не может быть настоящей любви, вообще никаких настоящих чувств. Кто не помнит своих корней, тот, на самом деле, не в состоянии воспринять какие-либо *человеческие* знания – они тоже, по большому счёту, есть продукт любви. Без корней нет зелёных листьев и нежных соцветий.

Здесь, в Америке я, конечно, очень скучаю по Еревану и по Москве, по моим друзьям и родственникам, которых оставил там, но того чувства, которое называется ностальгией – неотвязного и щемящего – у меня нет. По-моему, ностальгию испытывают только те, кто подспудно ощущают, что вся жизнь – уже в прошлом. Это тоска по упущенной жизни, а не по месту пребывания. Плач по исчерпанным возможностям. Я же ещё надеюсь потрясти мир! И ты не теряй эту надежду, даже если тебе 90 лет! Слезливый стариком ты становишься в тот день, когда примиришься со своей немощью.

Вообще, самое глупое и безнадежное как для отдельного человека, так и для целого народа – жить своим прошлым, каким бы блестящим оно ни было. С того момента, когда ты начинаешь жить исключительно былыми достижениями, и начинается твоё умирание. Человек, который склонен чаще демонстрировать миру свои некогда полученные награды, но не созданные сегодня шедевры, очевидно, уже сам принадлежит истории, а народ, который фетишизирует своё прошлое, мало заботясь о достойном настоящем, не может иметь надежда на будущее. Всякая апелляция к предкам, их славе и достижениям есть имплицитное признание собственной несостоятельности, неспособности самому сотворить что-то стоящее и остающееся. Совсем не случайно этим занимаются, как правило, никчемные, ничтожные люди, не способные даже разобраться в том, что с таким упоением восхваляют.

Народ, который ценит своё прошлое больше настоящего, очевидно, прощается таким образом с историей, уходит в небытие. Так же, как и человек. Цени сегодняшний свой день! Сам твори его! Не лишне повторить максиму Боба Дилана: *«Кто закончил рождаться, тот начинает умирать»*. Это относится ко всему существу.

Чем менее цивилизован народ, тем больше у него количество «великих». Достойные нации даже самых своих выдающихся представителей чрезвычайно редко называют великими. Они живут сегодняшним днем, сегодняшними достижениями, сегодня доказывают свое право на существование.

Чем была хороша жизнь при царе? Тогда не было великих. Даже сам царь великим не обзывался – по умолчанию он признавался таковым, но вслух говорить об этом не было принято – он был просто царь, этого ему хватало. А кто ещё может быть великим, если сам царь не объявляется таковым! При коммунистах вдруг стало очень много великих. Именами партийных функционеров средней руки, а то и просто примкнувших к «движению» бандитов стали называть города и веси, а уж первые лица преподносились пропагандой исключительно как одарившие сырой народ светом и теплом божественные благодетели. Революции совершаются во имя справедливости, а результатом их, как правило, оказывается полное уничтожение справедливости, как таковой. И замещение одних бандитов другими; закамуфлированных – откровенными и наглыми.

Несчастье революций заключается в том, что в итоге всегда верх берут функционеры второго плана бывшей власти – недостаточно способные, но чрезвычайно амбициозные, лучше и острее других чувствующие свою несостоятельность, но никак не примиряющиеся с ней, и потому беспредельно озлобленные даже после своей победы и всегда с радостью готовые разрушить всё до основания, стрелять и вешать всех подряд. Талантливых, незаурядных – в первую очередь. Классовая ненависть *неизбирательна*, именно этим она и страшна. А ненависть бездарей страшна своей избирательностью, её мишень – талант!

Предателями же, точнее, ренегатами чаще всего становятся вчерашние восторженные романтики, свято верящие в непорочность своих идеалов. Далёкие от жизни, они «ломаются» как только сталкиваются с её реалиями.

Жизненная практика, в частности, практика революций показывает, что самыми большими лицемерами всегда и везде в итоге оказываются те самые непримиримые обличители, которые с «праведным гневом» обрушиваются на существующие несовершенства этого мира, – в реальности они лишь рассчитывают оседлать к своей выгоде волну народного гнева. Ибо в действительности протест в них вызывает не само несовершенство мира и его несправедливость, а только собственное неадекватное, как они считают, положение в этом мире. Их просто снедает жажда исправить эту «несправедливость». И первое, что они делают, придя к власти, «восстанавливают справедливость» к себе, любимым. Жестокое подавление всех остальных (ближайших соратников, в том числе) является у них первым пунктом в «восстановлении справедливости».

***

Очень много разговоров о том, что такое национальная гордость, достойна ли она интеллигентного, развитого человека? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует разобраться, что такое гордость вообще, психологически какими она ощущается, какими факторами подпитывается? Я полагаю, гордость – это осознание человеком своей личности, неповторимости, своих уникальных знаний, умений, чувств, своей готовности и способности творить добро на этом свете. Конечно, есть такие уроды, которые гордятся тем, что им удаётся творить зло – обманывать, воровать, избегая наказания, но это шагающий в обратную сторону от цивилизации контингент, о котором и говорить не стоит. Правда, пока его довольно много, и он, вероятно, наиболее успешен в этой жизни. Пока.

Ощущение собственной личности, исключительности имманентно присуще человеку, именно стремление доказать свою исключительность подвигает человека к активности, к совершению дел – малых, и великих (правда, великих подлостей тоже). Национальная гордость есть всего лишь одно из проявлений этой неизбывной жажды исключительности. Характерно, что чем меньше у человека оснований для подтверждения *личной* исключительности, тем ярче выражены в нём «национальные» чувства, как самый лёгкий способ примазаться к великим делам, сотворенным другими людьми. Это, конечно, самообман, вполне понятный и простительный в определённых пределах.

Как уже было сказано, ничего не добившиеся в жизни лузеры очень любят разглагольствовать о какой-то внутренней, очень глубокой и содержательной духовной жизни, о высоких ценностях, недоступных богачам. Ещё Дюгеном подмечено: *«Бедность сама пролагает путь к философии. То, в чём философия пытается убедить на словах, бедность вынуждает осуществлять на деле»*. Он был нищ и имел право так сказать о себе, так как был истинным философом, но те же слова в устах нищенствующих бездарей вызывают лишь саркастическую улыбку.

Так же и несостоявшиеся государства всё больше упирают на какой-то особый путь, на духовность, как главную ценность этого истинного пути, а народ у них голодает. На самом деле никакой духовной жизни у голодного человека быть не может: его Бог – еда, эту цитату Махатмы Ганди я уже приводил.

Достойные люди меньше заняты словесным возвеличением своей нации, больше – делами, которые действительно возвеличивают её. Их чистые чувства точно выражены в словах Альфреда де Мюссе: *«Мой стакан невелик, но я пью из моего стакана»* (правда, сказал он это совсем по другому поводу). Восхищаясь великими творениями Бетховена и Чайковского, я испытываю законную гордость, что мои Хачатурян, Комитас и Спендиаров не выглядят рядом с ними пигмеями. Но и те, кто не создал таких общемировых шедевров, кто не вышел за рамки сугубо этнографической, народной музыки, литературы, живописи и т.д. имеют не меньше оснований гордиться своим искусством и наукой. Кто-нибудь посмеет утверждать, что его переживания при прослушивании симфоний Бетховена более остры и тонки, чем того дехканина, который плачет, слушая заунывные мугамы Востока? Разве есть иная шкала оценки силы искусства, кроме этих слёз? Важно только то, что, восхищаясь и гордясь своими достижениями, я не отказываю и другому точно так же гордиться своими, может быть, одному ему ведомыми высотами, и пока это так, в моих чувствах нет ничего зазорного, противоестественного. Всё меняется, однако, когда я без удержу восхваляю только своё, в упор не замечая других, насмехаясь над чужими чувствами и ни во что не ставя их достижения. Тут я становлюсь на позорный путь «избранности».

Ох, многие страдают нынче этим недугом, многие вдруг стали «избранными», «богом отмеченными»,

«особыми», «родоначальниками», «первопроходцами» и ещё многим другим. Всем этим «избранным» хорошо бы иногда поразмышлять о том, что избранный богом может быть избран только на заклатие. С красной ленточкой на шее и с надрезанным ухом бредет избранный агнец к жертвенному алтарю. Грехи наши тяжкие искупает он своей невинной кровью. Данный пункт также стоит запомнить «избранным»: кровь жертвы должна быть невинной; кто-нибудь смеет претендовать на эту роль? Кто сам без греха, первый лезь на плаху! Уместно вспомнить ещё раз: христианская церковь едва ли не самым тяжким грехом считает заявление о безгреховности.

«ОКОЁМ»

От редакции: В этом номере «Южного Сияния» мы публикуем произведения победителей и лауреатов Пятого Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2015», а также отзывы о прошедшем в сентябре 2015 года празднике литературы и мира. В следующем номере журнала ждите произведения членов жюри фестиваля.

ПРОВИНЦИЯ У МОРЯ. ТЕРРИТОРИЯ МИРА итоги и впечатления

В Одессе и в Ильичёвске завершился Пятый международный арт-фестиваль «Провинция у моря – 2015».

Организаторами Пятого Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2015» традиционно стали **Южнорусский Союз Писателей**, арт-проект «Территория Ъ», Литературный портал «Графоманам.Нет!» и ЛИТО им. В. Домрина. В оргкомитет вошли люди, без которых фестиваль не мог бы состояться: Председатель Южнорусского Союза Писателей **Сергей Главацкий**, руководитель арт-проекта «Территория Ъ» **Ирина Василенко**, Председатель ЛИТО им. Владимира Домрина **Леонид Кулаковский**, руководитель творческого объединения «Аргонавты» **Александр Бедикян**, редактор сайта Творческой гостиной «Diligans» **Людмила Шарга**, музыкант **Сергей Кравчук**, Председатель «Союза студентов г. Ильичёвска» **Ирина Боброва**, бард и автор песен, организатор конкурса авторской и бардовской песни «Поющая гавань» **Светлана Полинина**, представитель арт-проекта «Территория Ъ» **Александр Семькин**, журналист **Лиана Фатеева**, операторы **Александр Манакин** и **Владимир Кунянский**, фотохудожник **Мария Чугунова**, представители молодёжных и творческих организаций **Ирина Бедикян**, **Юлия Петри**, **Ольга Ксенофонтова**, **Дарья Островская**, **Арина Утробина** и другие.

Дистанционный поэтический конкурс «Здесь можно жить, забыв про календарь...», в котором приняли участие 245 авторов из 16 стран мира, проходил с 1 марта по 31 мая этого года. В работе жюри дистанционного конкурса приняли участие **Станислав Айдинян** (Москва), **Дмитрий Артис** (Санкт-Петербург), **Евгения Баранова** (Ялта), **Владимир Гутковский** (Киев), **Владислава Ильинская** (Одесса), **Ольга Ильницкая** (Одесса), **Александр Петрушкин** (Кыштым), **Елена Росовская** (Одесса), **Марина Савиных** (Красноярск), **Александр Семькин** (Ильичёвск) и **Евгений Степанов** (Москва).

Результаты предварительного поэтического конкурса были объявлены 6 июля:

1 место – Маше Не (Москва)

2 место – Андрей Мединский (Севастополь) и **Майя Димерли** (Одесса)

3 место – Анна Маркина (Климовск) и **Арина Грачёва** (Москва)

Лауреатами конкурса стали: **Анна Галанина** (Москва), **Юлия Долгановских** (Екатеринбург), **Владимир Кац** (Одесса), **Анна Протасова** (Киев), **Аркадий Ратнер** (Санкт-Петербург), **Елена Уварова** (Алматы), **Павел Черников** (Москва).

Специальными призами фестиваля были награждены:

- от Южнорусского Союза Писателей: **Ольга Андреева** (Ростов-на-Дону);
- от арт-проекта «Территория I»: **Олег Сешко** (Витебск);
- от литературного портала «Графоманам.Нет»: **Елена Шелкова** (Киев);
- от ЛИТО им. В. Домрина: **Николай Даниш** (Минск);
- литературного журнала «Южное Сияние»: **Елена Лазарева** (Киев).

Сам фестиваль продолжался с 27 августа по 6 сентября. В жюри во время фестиваля работали **Евгения Баранова** (Ялта), **Дмитрий Бурого** (Киев), **Владимир Гутковский** (Киев), **Андрей Дмитриев** (Москва), **Владислава Ильинская** (Одесса), **Ольга Ильницкая** (Одесса), **Владимир Каденко** (Киев), **Александр Карпенко** (Москва), **Юрий Ковальский** (Киев), **Леонид Подольский** (Москва), **Елена Росовская** (Одесса) и **Александр Семькин** (Ильичёвск). Благодаря им 6 сентября определились победители *Основного поэтического конкурса* и *Анонимного конкурса одного стихотворения*.

Основной поэтический конкурс:

- 1 место – **Майя Димерли** (Одесса)
- 2 место – **Елена Шелкова** (Киев)
- 3 место – **Валерий Ременюк** (Выборг) и **Анна Стреминская** (Одесса)

Анонимный конкурс одного стихотворения:

- 1 место – **Тамила Синеева** (Киев)
- 2 место – **Анна Стреминская** (Одесса)
- 3 место – **Валерий Ременюк** (Выборг)

Также 5 сентября прошёл конкурс на Приз зрительских симпатий:

- 1 место – **Аркадий Ратнер** (Санкт-Петербург)
- 2 место – **Анна Галанина** (Москва)
- 3 место – **Галина Ицкович** (Нью-Йорк)

ГРАН-ПРИ досталось **Анне Маркиной** из Москвы.

А в Поэтри-слэме, который 6 сентября, перед самым закрытием фестиваля, провела Владислава Ильинская, приняли участие 16 авторов. Победителями стали:

- 1 место – **Елена Шелкова** (Киев)
- 2 место – **Аркадий Ратнер** (Санкт-Петербург)
- 3 место – **Анна Стреминская** (Одесса)

Максимальное количество голосов в СЛЭМе в ходе зрительских голосований набрала **Елена Миленти** (Одесса).

На закрытии «Провинции у моря – 2015» были объявлены и победители конкурса авторской и бардовской песни «Поющая гавань», который впервые в этом году проводился в рамках арт-фестиваля. Членами жюри конкурса стали **Сергей Батура** (Ильичёвск), **Александр Карпенко** (Москва), **Владимир Каденко** (Киев), **Евгений Лабунский** (Одесса), **Вадим Ланда** (Одесса) и **Алина Лукьянчук** (Ильичёвск). Победителями стали:

- 1 место – **Татьяна Шевченко** (Одесса)
- 2 место – **Валерий Ременюк** и **Мира Поисева** (Выборг)
- 3 место – **Анатолий Демчуков** (Одесса)

Приз зрительских симпатий достался **Руслану Шумскому** (Ильичёвск).

Кроме того, на фестивале его партнёрами и друзьями были учреждены дополнительные специальные призы – и без наград не остался никто из участников фестиваля. Но главным, самым значимым подарком, стал итоговый фестивальный сборник «Провинция у моря – 2015», презентованный на фестивале и подаренный всем его участникам.

Спасибо всем гостям и участникам арт-фестиваля за непревзойденную радость встреч и общения! Мы верим, что на нашей **Территории мира** вам всем было уютно и комфортно!

А напоследок, в доказательство предыдущей фразе, предлагаем читателю впечатления участников фестиваля о проведённых у нас днях.

Ольга Ильницкая (Одесса – Москва):

«Здесь можно жить, забыв про календарь...»

– Ещё как можно! – Потому что везде осень началась, а в провинции у моря – пляжные ночи, поют-гудят поэты до рассвета, и море волнуется раз, волнуется два и светится – три! И не первый год это происходит на песочке Ильичевска, прогревом ещё не остывшим сентябрьским солнцем, и август оглядывается, шурится золотисто – что, одесситы – ильичевцы – киевляне, что – славные гости из разных городов разных стран, знаете ли вы, что бывает сильнее силы слов? Нет ничего сильнее! Потому, что то, что добавить захочется, Бог и Любовь, и есть оно – Слово! «От слов таких срываются гроба шагать четвёркою своих дубовых ножек!» – Мы видели, как они шагают – то там, то – здесь, мы понимаем, о чём Маяковский к нам сквозь время говорит, и знаем, как справиться с этими рецидивами «любви по-поэтски», ведь мы и сами с усами!

Революционный Маяковский, думаю, менее интересен сегодня, чем актуализируемый поэт поэтов – Бродский. Ведь это не Маяковский сказал правду жизни нашей – «Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря». Может быть, потому и наш международный арт-лит-фест оказался той самой благословенной литературной территорией, которую все знают по имени, и окликают вот уже пять лет, лишь лето наступит на пятки?!

Фестиваль набрал нужный градус, точны и быстры его обороты. Говорят, фестивальное дело от пяти до восьми лет пружинит и творческий нерв будоражит, показывает читателю, что «поэты не вымерли, как турь», что погибель не коснулась литературы в провинции, как считают «адепты из столицы» русского классического слова. Потом наступает время собирать рукописи, набивать издательские портфели, создавать новые фестивальные поля. Поживём, почитаем, подумаем.

А сегодня – «наш ответ чемберленам», сомневающимся в силе литературного провинциального слова: фестиваль живёт уже пять лет, и на следующий год собирается быть. Тексты можно прочитать – они изданы «быстро и сразу». Листайте книгу фестиваля «Провинция у моря – 2015», знакомьтесь.

Участники – поэты и барды, себя показали, на других посмотрели. Гости фестиваля их узнали и запомнили. Книжки были раздарены, куплены, читаны «вместе и поврозь», и увезены во все четыре стороны света.

Есть наблюдение – двуязычие Одессы и Ильичевска, и смешанный тип разговорной речи, широко распространённой на юге Украины, обогащённой привходящими языками проживающих здесь украинцев и русских, евреев и грузин, гагаузов, болгар, цыган, французов... подчёркивает сохранность и стилистику русского литературного языка. Мы прочитываем это в текстах журнала «Южное Сияние», и наблюдаем в среде фестиваля «Провинция у моря» – на территории дружбы и взаимопонимания участников из разных стран. Вспоминаю с улыбкой фразу знакомой одесситки бабы-Муси с Молдаванки: «Я люблю усех наций!» – Это настроение души и нрава характерно для Одессы и всего края.

Фестиваль «Провинция у моря – 2015», не в первый раз показал, что культурная русскоязычная среда современной Украины в тандеме с украинским «Незлим тихим словом» (Т.Шевченко) – бережно сохраняет русский литературный язык, и русскоязычная литература живёт и дышит на благословенной земле Украины. О чём и свидетельствую, «жюря» не первый год стихи участников литературного фестиваля в Одессе и Ильичевске.

Александр Карпенко (Москва):

В последнее время я не очень активный «ездок» по литературным фестивалям. Но Одесса заинтриговала меня и заманила в свои сети. Собственно говоря, работа в разного рода жюри мне совсем не в диковинку. В Одессе среди членов жюри были настолько опытные и искушённые в переговорах с организаторами мероприятий люди, что все конкурсные программы прошли без сучка, но с задоринкой. Опять-таки благодаря таким мастерам компромиссов, как Ольга Ильницкая, Владимир Гутковский, Владимир Каденко. Сами по себе все они – люди бескомпромиссные в своём мировоззрении, но умеют находить точки соприкосновения с другими людьми. Литературные дипломаты. Главная, как мне кажется, задача «Провинции у моря» – не только выявить лучших в своих номинациях, но и никого не забыть, никого не обидеть невниманием. «Человеческая» составляющая в таком душевно-благородном деле, как поэзия и авторская песня, не менее важна, чем сугубо «спортивная». Замечательно, что все участники кое-что увезли домой с фестиваля, помимо отличного настроения.

В Ильичёвске запомнилось чистое, тёплое море. В безветренную погоду просматривалось даже дно, и тогда можно было заметить в глубине огромных медуз, плавающих тут и там. Я старался избегать встреч с ними, но получалось не всегда. Пару раз прикосновения медуз больно меня обожгли. Местные жители успокаивали: не смертельно, поболит часа три – и перестанет. Так и происходило. Вода в Ильичёвске морская, но практически пресная. Берег пологий, песчаный. Очень удобно входить в воду. Отплыв от берега на километр, не надо бояться глубины: глубины чередуются здесь с отмелями. Заплыв далеко в море, можно минутку отдохнуть на отмели, упершись ногами в мелкое дно. Я считал себя неплохим пловцом. Но быстро выяснилось, что и Юра Ковальский, и особенно Дима Бураго плавают, по меньшей мере, не хуже. Впрочем, жить у моря (пусть даже искусственного, как в Киеве) и не уметь хорошо плавать – согласитесь, нонсенс. Свободного времени было катастрофически мало, но мы то и дело коллективно срывались к морю – негоже упускать такой отличный способ запастись на зиму южным теплом. Спасибо тебе, море! До встречи в следующем году!

Сильным был и состав участников. Иногда мы просто не знали, как лучше распределить места среди призёров: все конкурсанты, что в поэтической части, что в бардовской, были по-своему интересны и практически равны, плюс-минус, как говорится, на тоненького.

Случались забавные ситуации. Возвращаясь я как-то пешком с пляжа в компании трёх друзей-киевлян, которые работают в журнале «Радуга» – Юрия Ковальского, Андрея Дмитриева и Владимира Каденко. И вдруг ребята заметили на одном из высотных зданий Ильичёвска крупную неоновую надпись «РАДУГА». «Караул, украли! Украли наш журнал!» – возмутился один из парней. Я тут же предложил зафиксировать этот прискорбный факт на фотоплёнку, с тем, чтобы затем обратиться в Верховную Комиссию по этике и авторскому праву. Сказано – сделано. Долго и смачно, с выдумкой позировали киевляне на фоне «своего родного журнала».

Очень запомнился гостеприимный дом Светланы Полинной, руководительницы местного бардовского движения. Мы с Володей Каденко использовали единственный штормовой день, непригодный для купания в море, для общения в неформальной обстановке со Светланой и её друзьями. Было вкусно, тепло и гостеприимно. Вот только мало – нужно было снова бежать на работу в жюри. Каких-то поэтов, бардов и прозаиков я знал ещё до поездки на фестиваль, с какими-то познакомился и крепко подружился за время конкурсных мероприятий. Удалось вспомнить полузабытое ощущение «команды». Это проявлялось не только во время судейства, но и во время путешествий из Одессы в Ильичёвск и обратно. Нельзя было опаздывать на автобус, заставлять себя ждать. Требовалась некоторая самодисциплина. Конечно же, огромную роль в обеспечении нормального функционирования фестиваля сыграли Россотрудничество и лично Константин Воробьёв и Ирина Царёва. Большое вам спасибо, друзья! Активно, но не очень акцентируя внимание на собственной персоне, руководил фестивалем глава Южнорусского Союза Писателей Сергей Главацкий. Многое было учтено в процессе подготовки юбилейного, пятого фестиваля «Провинция у моря»...

Евгения Ажен Баранова (Ялта):

С «Провинцией у моря» мы дружим давно: три года – время шалостей, разбитых коленок и обживания в мире. В прошлом году сам фестиваль я пропустила (жалею), в этом – несмотря на две границы, отваливающиеся колёса у автобуса Севастополь-Одесса и бессонную ночь – приехала. Что сказать? Лица

светаы, Одесса пропитывает, Ильичевск убаюкивает. Оргкомитет выбивается из сил, но продолжает. Лёгкость шагов, поэтические беседы, встречи с новым и старым. Аня Маркина, Майя Димерли, Аркадий Ратнер, Оля Андреева, Галина Ицкович, Лена Шелкова, Аня Стреминская... Непохожие, яркие – племья и пламя поэтов. «Только бы не уезжать» – чеканит внутренний голос... А если отставить образы и перейти на деловитый сленг, могу сказать, что «Провинция у моря» – это та фестивальная территория, на которой представители Одессы, Нью-Йорка, Москвы, Ростова, Киева, Ялты, Николаева, Петербурга могут чувствовать себя одинаково свободно. Словом, **нет** войне – **да** поэзии, **нет** политическим играм – **да** творческому общению.

Владимир Гутковский (Киев):

Когда представительная киевская делегация членов жюри в составе Дмитрия Бурого, Владимира Гутковского, Андрея Дмитриева, Владимира Каденко и Юрия Ковальского отправлялась 2-го сентября спецавтобусом в Ильичевск на Пятый арт-фестиваль «Провинция у моря – 2015», все мы и не предполагали, каким захватывающими выйдут следующие пять дней.

Нас принимали прекрасная Одесса и уютный Ильичевск. Щедрое южное гостеприимство и замечательные залы, в которых проходили мероприятия фестиваля, оставили самое приятное впечатление. Свою лепту в наше пребывание внесли хорошая погода, тёплое море и уникальный ильичевский пляж.

Пусть большую часть времени у членов жюри и занимали их непосредственные обязанности, но его, этого времени хватало на всё. И на дружеское общение и на поэтические посиделки.

Бардовский конкурс «Поющая гавань», который впервые был включён в программу фестиваля, оказался очень удачным. Как и основная поэтическая часть. Организация фестиваля тоже была выше всяких похвал. А когда на заключительном представлении на сцену вышли все те, кто принимал участие в проведении фестиваля, то она оказалась заполненной практически полностью.

Никогда прежде мне такого видеть не приходилось. Несколько десятков человек готовили и проводили фестиваль. Всем им большое спасибо! За всё.

Ольга Андреева (Ростов-на-Дону):

Одесский литературный музей – в прекрасном здании в стиле вольной южной эклектики – во дворце князя Гагарина, который он на зиму сдавал для литературных вечеров родному городу – связан с именами Пушкина, Мицкевича, Гоголя, Толстого, Коцюбинского, Леси Украинки, Шолом-Алейхема, А.П. Чехова, И.А. Бунина, Ивана Франко, Ахматовой, Бабеля, Ильфа и Петрова, Катаева – чьи судьбы так или иначе были связаны с Одессой... Вот в таком намоленном месте проходили встречи литераторов, приехавших на фестиваль «Провинция у моря» из Украины, России, Беларуси и даже из Нью-Йорка.

...Я приехала в Ильичёвск вечером 1 сентября, меня встретил поэт и член жюри фестиваля Александр Семькин, устроил в гостиницу, по дороге мы созвонились с Сергеем Главацким. Всё время, всю праздничную неделю хозяева фестиваля опекали нас, гостей, как малых детей. А мы там, и правда, немного впали в детство – море рядом!!! Пляжи, креветки, все наперебой искали куриного бога, рассказывали друг другу о больших медузах в виде синих грибов, которые водятся в Ильичёвске. А знаменитый паром Ильичёвск-Варна, знакомый из школьных уроков географии – вот же он, рядом!

Одесса для меня теперь навсегда – праздник, который всегда со мной. Эти улицы гипнотизируют, по ним хочется бродить, роготейничать, фотографировать, восхищаться – эта симфония скульптуры и зелени, архитектуры и душевной, радостной атмосферы – на двух языках и на всех промежуточных суржиках, а сколько юмора и оптимизма – и в названиях, и в разговорах... Дорогу здесь не только расскажут, но и покажут, и посоветуют, что ещё интересного там рядом можно посмотреть – наверное, никто так не любит свой город, как одесситы, и их так можно понять...

Был круглый стол о толстых литжурналах в эпоху интернета. Мне кажется, тут могла бы стать решением электронная версия журнала, которую можно скачать за деньги. И издатели сохранили бы доход, и читателю удобнее – можно ссылку сбросить другу, можно цитату целиком скопировать. На всё не подпишешься, и в библиотеках мало что найдёшь.

А бумажные журналы тоже нужны, и не только по подписке. Подпишется тот, кто уже знает, кто уже завербован. А в книжном магазине журналы могли бы привлечь внимание неискупленного читателя. Но их нет в продаже – во всяком случае у нас, в Ростове.

Конкурсов и номинаций было много, в итоге всё равно запомнились люди, а не награды. А прочесть друг друга нам ещё предстоит. Мне многих захотелось прочесть вдумчиво и серьёзно. На то и нужны фестивали – пробудить живой интерес к автору, помочь увидеть друг друга, вырвавшись из суеты нашего клипового времени. Увидеть и полюбить. Когда вместо известного или малоизвестного имени из сети видишь живого человека, смеёшься и говоришь с ним обо всём на свете, поёшь песни и купаешься в море – его стихи обретают для тебя множество новых смыслов...

А потом мы будем общаться в сетях, будем читать стихи друг друга, делиться ими с другими людьми. А значит, фестиваль имеет начало, но не имеет конца. Он открывает новые имена – новой аудитории – а потом мы уже так и живём в этом ярком, обновлённом мире.

Да, мы старались не говорить о политике. Мы говорили о категориях, которые не знают границ. Нам нечего делить. Мы умеем по-настоящему радоваться жизни.

Майя Димерли (Одесса):

Для меня участие в поэтическом Фестивале, да еще и в Международном – дело небывалое. Тем большей неожиданностью оказалось то, что мои стихи были отмечены членами жюри. Я до сих пор не могу поверить в то, что это случилось со мной. И всё же, получение двух наград для меня, как ни удивительно – не самое яркое, хотя и невероятно приятное событие.

Встреча поэтов из разных городов и стран показала, насколько прекрасную миссию выполняет арт-фестиваль. Встретить живую поэта, стихи которого существовали для тебя только на бумаге, или вы встречались только в соцсетях, услышать живой голос, живую интонацию, и полюбить уникальность каждого нового друга – потрясающий опыт. Он объединяет всех – и тех, кто пишет, и тех, кто читает поэзию, дает уверенность в том, что каждый из нас не одинок во Вселенной. Без фестиваля и его организаторов это было бы практически невозможно. Очень жаль, что не все участники смогли приехать. Сложно представить, насколько трудно жюри было определиться с победителями.

Самое сильное впечатление на меня произвел поэтри-слэм, в котором мне не посчастливилось победить, но участие в нём, азарт, юмор и бурное выражение эмоций участниками, доставило ни с чем несравнимое удовольствие. А потом мы просто читали стихи, безо всякой попытки победить. И произошло то, ради чего пишутся стихи. Изменилось пространство, время перестало существовать и остались только мы. Настоящие.

Анна Маркина (Климовск):

Любые фестивали, публикации, премии – это опорные пункты, узлы, там сходятся отдельные нити писательских судеб в одну большую паутину, которую и будем считать современной литературой. Соревнования, призы, погоня за первыми местами – норма бытования среднестатистического литератора, которая отражает само время, заставляющее бороздить просторы, быть в тренде, вешать на стену гостинной трофеи, кричащие о твоей востребованности, жать правильные руки, быть на связи, быть в... в чём-то, с кем-то, лишь бы не одному. Фестиваль «Провинция у моря» ценен. Организуемый вокруг поэтического конкурса, он, как ни странно, практически лишён элемента серьёзной соревновательности, конъюнктурности, необходимости автору подчеркивать своё место. Другими словами, есть встречи необходимые и есть – желанные. «Провинция...» – эта желанная встреча. Встреча с людьми, которым всерьёз есть дело друг до друга и до литературы, территория жизнелюбия и дружбы. Спокойный жаркий Ильичевск, светящееся ночное море с лунной дорожкой, чтения, разговоры, слэмы, концерты, вечернее пение русских и украинских песен на побережье. Место, которое сразу же становится родным, и люди, с которыми сложно прощаться. Могу пожелать организаторам стойкости в преодолении внешних обстоятельств, над которыми мы, к сожалению, не властны, а фестивалю – держать лицо, не сгибаться под натиском времени.

Анна Галанина (Москва):

Я не буду называть ни одной фамилии – просто потому, что не смогу назвать всех. Все были прекрасны, и каждый был на своём месте. Но организаторы и их многочисленные помощники каким-то чудом успевали быть везде, и никого не обделили вниманием. Я не знаю, как организаторам это удалось, но всё происходило так, как должно было, и в то же время неожиданно, и одновременно с тем – торжественно.

Празднично, но без пафоса. Удивительно и прекрасно. Площадки менялись каждый день – одна замечательней другой. Одесса и Ильичёвск сменяли друг друга. Море и солнце были там, где им положено – везде и рядом. И ощущение праздника не уходило. И конечно, замечательно, что в этом году был не только фестиваль поэзии, но и песни. Поэзия и музыка были везде – и во время конкурсных программ, и после. Ночные заплывы по лунным дорожкам и песни по кругу на ильичёвском пляже. Русские, украинские, белорусские – кто что вспоминал. И это было замечательно, когда кто-то из ильичёвцев начинал «Подмосковные вечера» – и все подхватывали. А потом кто-то из гостей запевал «Запрягайте хлопцы коней», и через минуту пели все, независимо от того – знали слова, или нет. И конечно, была «Беловежская пуца», и что-то ещё – много чего ещё. А на песочке стоял коньяк Шабо среди печенья и ломтей колбасы, присыпанных песочком же. И была поэзия и музыка. И даже приз на следующий день одному из запевал. Я ведь говорила, что организаторы и помощники успевали быть везде и не обошли вниманием никого из гостей и участников фестиваля. И конечно, была победа победителей. И многочисленные призы и номинации лауреатам и финалистам. Но не это главное. Была поэзия и музыка. И море. И солнце. И дружба. И Одесса с Ильичёвском. И это никуда не ушло. Осталось с нами. Навсегда.

Елена Шелкова (Киев):

...Ехать на фестиваль мне выпало с целой дивизией известных, знаменитых и очень знаменитых литературных деятелей. Такого количества гениев на один квадратный метр я не видела никогда. Первый вопрос, который мне задали в автобусе: «А вы говорите по-французски?» – поверг меня в глубокое поэтическое уныние, так как в голове вертелось только «месье, жене манж па сис жур», а выглядеть умной так хотелось! Но, вспомнив афоризм Шоу: «лучше молчать и выглядеть дураком, чем открыть рот и развеять всякие сомнения», я улыбнулась (как мне показалось, очень по-французски) и забила в угол.

Но спокойно сидеть я не могла, так как добрые литературные гении втянули меня в разговор, ощущение от которого мне очень понравилось, но я не могла понять, чем. И тут меня осенило: мы НЕ говорили о политике! Было всё: книги, издательства, воспоминания о встречах с Окуджавой и Дольским, а политики не было. Именно в этот момент я поняла, что не пожалео о поездке.

Именно так и произошло.

В провинцию у моря приехали люди, самые обыкновенные люди, которые в повседневной жизни работают, учатся, воспитывают детей. Но. Ещё они пишут стихи, любят стихи, читают стихи. И эта объединяющая составляющая стирает границы стран, возраста, социального положения. Здесь все равны, не важно, насколько ты крут там, в другой реальности, на этой маленькой планете имеет значение только одно – твоя любовь к поэзии.

Стихи писать хорошо, писать хорошие стихи – ещё лучше. А читать хорошие стихи на берегу синеглазого Чёрного моря – что может быть прекраснее?

Конкурсанты состязались, смеялись, говорили, слушали (о чудо!) собственные стихи на видео, продекламированные Владимиром Вишневым, Эммануилом Виторганом, Борисом Грачевским, Иваном Кононовым, Александром Лебедевым, ходили на мастер-классы членов жюри, а вечером ложились спать пораньше, чтобы на утро встать бодрыми и свежими... Надеюсь, в последнюю строчку не поверил ни один читатель. И правильно сделал. Какой поэт спит ночью, когда рядом шумит море, и можно выйти на берег, и говорить, и молчать, и думать о том, что этот праздник никогда не закончится, и знать, очень грустно знать, что он пройдёт, обязательно пройдёт...

...Все разъезжались, увозя в свои страны и города не только тёплые воспоминания. Мне кажется, главное, что приобрёл каждый, кто приехал на конкурс – это новых друзей, людей, с которыми пообщаться два часа, а запомнишь их до конца жизни, до последнего своего стихотворения. Так случилось со мной. Пусть так будет у других.

Никто не знает, как сложится жизнь каждого в дальнейшем, что хорошего написать, сделать для нашей страны, для других стран и всей земли смогут те, кто потратил такое количество усилий на организацию фестиваля. Но даже если эти люди не сделают в своей жизни больше ничего, они уже заслуживают места в раю. А рай, теперь я это точно знаю – выглядит очень просто – провинцией у моря...

МАША НЕ**ОТСТРОИТЬ ТЫСЯЧУ НАГАСАКИ**

АНДЕЛ

«Что утонет, то, поди, не сторит?
Да, иголку проще найти в золе... –
бабка Нюрка шёпотом говорит, –
Люди – божьи ангелы на земле!
Не копи, скардничай – всё одно:
жисть – костёр, кочёвка невдалеке.
Будь простым, широким.
Добро – оно посильней чем,
денюшка в гомонке.
Не считай обиды – напрасный труд.
Заживут, как прыщики до венца.
Что грехи? И мухи к навозу льнут.
Человече – ты.
Отрухнись в сенцах.
Я б ещё добавила в Богов след:
не замай,
не жадничай,
не калдырь!».
Бабки нет уж больше десятка лет,
но приходит ночью,
поёт псалтырь.
С нами правда?
А может быть, Босх, и Бах?
Обережный круг, навесной замок?
Тихо «андел божий» скулит в сенцах –
целовальник,
висельник,
скоморох.

МОНОЛОГ НИ О ЧЁМ

Допить кагор своей бездомной ночи,
притягивать за лацканы судьбу,
смотреть в глаза и ничего не видеть
ни в них, ни за плечом... На берегу
лишь галечный грильяж и запах мидий,
как сотни лет назад такой же... точно
со старой киноплёнки чернобелой,
архивной копией застыло это лето.
Субтитрами: потрескался, облез
рояль, ещё четыре ноты до рассвета,
веревочную лестницу с небес
спускает наблюдатель жестом смелым,
от старых облаков до чёрствых вод...
Лишь только это вслух не пророни,

вспорхнёт, и не поймашь чайку-птицу...
 не говори, что ты..., что я..., что мы...
 Зачитана последняя страница, –
 граница дна...сюжетный поворот:
 По чётным казнь, бессмертье по нечётным,
 но слишком много ликов на гербе,
 не в меру... На миру и смерть почётна,
 когда ты носишь этот мир в себе,
 наброском на раскрашенном картоне, –
 перпетуум-мобиле из бытия и сна,
 а знаешь... На миру и жизнь красна,
 когда мой мир дрожит в твоих ладонях...

РЕВНОСТЬ

*Положи мя, яко печать, на сердце твоём, яко печать,
 на мышце твоей: зане крепка, яко смерть, любовь,
 жестока, яко смерть, ревность: стрелы её – стрелы огненные.
 /Песнь Песней/*

Страсть – это тоже горнило власти. Лунные ночи – наги, бесстыжи.
 У Соломона в покоях счастье в образе девочки рыжей-рыжей.
 Солнцем обугленная дикарка, – кладезь природной любовной прыти.
 Женская мудрость – сгореть – так ярко, чтобы собою его насытить.

Спросит, заластится, занскрится, звуки, как мочку, губами тронет:
 «Книги – такие ручные птицы, если кормить их теплом ладоней?»
 Шёпотом выдохнет, так серьёзно, глупый исток виноградной жизни:
 «Ты зажигаешь луну и звёзды? Мой Соломон, ты же... Бог? Скажи мне...»

Дурочка – я! Мне бы быть такою девочкой, ящеркою песочной...

Воин, убей их!
 Убей обоих!
 Слышишь?!
 Убей их сегодня ночью!

ОРИГАМИ

Под сердцем колко, на сердце разум.
 Не трачу силы на сны и страхи,
 во мне ведь столько, – хватило б разом
 отстроить тысячу Нагасаки.

Кричать, аукать совиным смехом,
 взрываться в лёгких, но бесполезно –
 будить пустое. В пустом лишь эхо,
 и спёртый запах вины нетрезвой.

Всё блажь, любимый, смешно и вздорно –
 подсесть на нежность и славословье.
 Кружится ворон, банально черный,
 над этой братской твоей... любовью.

А завтра снова наступит осень
на пятки мокрыми сапогами,
чихнёт по-детски, и в дом попросит
впустить журавликов оригами...

Под сердцем колко, на сердце разум...

ЧЕЛОВЕЧЬЕ

*Человек человеку – волхв,
Если к ночи не станет волком.
Тейт Эш*

*

отогрел в ладонях бы сам Сварог
память – время – бусинку – узелок,
разделяя явь на своих и дальних,
человеки весь свой надмирный срок,
пили бы корнями грунтовый сок,
понимая, что без корней – лишь камни...

сказка – ложь, икоту прогнал испуг, –
смерть ворует близких, кладет в сундук,
говорят не выследить, не постичь, но
под качанье зыбки, прозрев к утру,
человек человеку – гончарный круг
до последней горсточки черепичной...

*

Дремлет кот, и сажки черней восток,
и сверчок уже потерял шесток
/перебрался просто поближе к печке/.
Оперяя крылья, расправив плечи,
набирая смелости в шепоток,
прорастает, словно весной росток,
простодушье тихое человечье.

СЕМЬ НЕБЕС ПО ВЕРБЕРУ

Первое небо

Нити нет, оборвалась, печаль лети
колокола гулом ...гули-гули,
Голуби мои, мои молчаливники
выдохом под облако вспорхнули...

Второе небо

Небо второе – неброское,
плёсами рвётся полосками ночи и дня...
Не поминайте в молитве меня,
лихом не поминайте и хватит...
В неба расписанный батик
движется племя голов

светлых, чудных, оголтелых
 тело оставлено признакам дня,
 вы не ищите меня,
 ...улетела...

Третье небо

Бабушка, как ты? В подоле пшеница,
 ноги босые, косынка в цветочек...
 Мается снова земля-роженца,
 Ночь-повитуха устало хлопочет.
 Бабушка, где ты? От края до края
 звёздная, пыльная, тыльная пустошь.
 Все мы когда-то... и вдруг умираем,
 мне посмотреть бы...
 Руку отпустишь?

Четвёртое небо

То ли видимость, то ли крайность,
 то ли бездна под твердью вод,
 этот край золочённый рай, но
 мне наверно не подойдёт...
 То ли суетность, то ли вольность,
 То ли шрамы твоих лучей,
 Может, вспомню опять про боль, но
 Крылья, Господи, мне пришей...

Пятое небо

Падаю без оглядки,
 слишком высок порог,
 щиплют босые пятки,
 угли земных дорог.
 щурится Фауст слепо,
 плещет луна в горсти.
 сколько кругов по небу
 не сосчитать... прости...

Шестое небо

чтобы объять необъятное
 стань на краю бездны и распахни руки
 чтобы понять непонятное
 шире открой сердце если ещё дышишь
 чтобы простить себя
 просто прими всё всё что дано свыше
 просто прости любя
 стань на краю бездны и распахни руки

Седьмое небо

Палец к губам души, —
 ямочка над губой.
 Вот и рождён. Дыши.
 Ангел уже с тобой...

АНДРЕЙ МЕДИНСКИЙ

ВСЁ РАВНО, ЧТО ЮЛИТЬ ПЕРЕД БОГОМ

***

На вечернем морозе, на пьяном январском вокзале,
где к полночной платформе вчера подкатил новый год,
пляшут синие люди, у них синяки под глазами,
да наряд милицейский казацкие песни поёт.

Я стою обалдевший среди разливного веселья,
и твоя на губах несозревшая юность горчит,
голосую такси, и ко мне приезжает Емеля,
и увозит меня на дымящей от счастья печи.

А твой поезд идёт по заснеженной стылой равнине,
в черноте законной ни звездочек, ни огоньков.
Посмотри на ладошку, и в переплетениях линий
ты увидишь меня посреди бесконечных снегов.

От судьбы убежать – всё равно, что юлить перед Богом,
ты заснёшь тяжело, но под утро увидишь во сне,
что я мчусь на печи за тобой по железной дороге,
только искры летят и с шипением падают в снег.

КРЫМСКОЕ

Город ушёл на дно, поезд уехал в Крым,
где, темнотой объят, выплонул материк.
Завтра скажусь больным, выпаду из игры,
станет смешно, что здесь некого материть.

Город зажжёт огни, снова начнет камлать,
пьяные звонари станут набат звонить.
Всякий ползучий гад – сын своего кубла,
в каждом кубле любовь сделана из войны.

Год пролетел, криклив, как попугай жако.
Город ушёл на дно. Поезд уехал в Крым.
Вот уже машинист ловит багром Джанкой,
далее по прямой к морю ведёт арык.

Далее по прямой – чёрная мякоть гор,
море, как антрацит,
чайки над ним кричат,
воздух над ним дрожит.
В топку залив кагор, поезд заходит в порт,
бьётся о борт причал,
трётся борт о причал,
трётся причал о борт.

Хочется дальше жить.
Хочется
Дальше
жить!

ЛЕТНЕЕ СТИХО

Очумевший вокзал зашумел,
и, склоняясь по всем падежам,
завопил о судьбе-шаурме
привокзальный азербайджан.

Это лето пришло и жара,
что вдохнёшь и захочется пить.
Шёл по небу пятнистый жираф –
искры сыпались из-под копыт.

И чирикали стайки девиц –
если в юности кровь с молоком,
счастье пишется через дефис
с чем угодно, светло и легко...

ЗОЛОТАЯ СТРОКА

Непрочтённому мне, непростённому
грянет сорокоуст октября,
день, размазанный белым по чёрному,
оторвётся от календаря.

Но дорогой, как вена распоротой,
я вернусь навсегда в этот свет,
где в заштатном окраинном городе
я с землёю остался в родстве.

Там – на сонной речушке без имени
скрип уключин и мат рыбаков –
не ищи ты меня, не зови меня
из моих перезревших стихов.

Там – заросшие чертополохами,
пережившие смерть на века –
золотая строка архилохова
и моя золотая строка.

ТРАМВАЙ

Вечером весенним и густым
шёл трамвай, дверей не открывая,
вдоль дороги жёлтые кусты
освещали сумерки трамваю.

Пассажир, помятый от вина,
в полосатой будничной пижаме,
глядя из трамвайного окна,
горевал, что годы убежали.

А кондуктор, добрый до слезы,
и от этого большой и сдобный,
безбилетного его возил,
не нарушить пассажира чтобы.

Наступила осень, лился дым,
жили два случайных человека,
снова стали жёлтыми кусты,
а трамвай всё ехал, ехал, ехал...

СЕРЕБРЯНЫЙ САМОЛЁТ

Тот город, в котором ты никогда не была,
едва различимый на географических картах,
плавится летом, прокаливаясь добела,
до черноты остывает к началу марта.
В том городе есть железнодорожный вокзал
с фасадом, хранящим отгиски сонных взглядов
тех, кто когда-то мимо него проезжал,
не пытаясь понять, что прячется за фасадом.
Там никуда не спешат, там больше живут пешком,
а если надо быстро – на велосипеде,
там баба Маруся, торгующая молоком,
деньги берёт через раз, потому что соседи.
Там в каждом апреле жарко цветёт сирень,
а в октябре воспаляются клёны,
но позже, когда вокруг начинает сереть,
город стоит равнодушно, как приговорённый.
И только в конце декабря, один раз в год,
над ним пролетает серебряный самолёт...

МАЙЯ ДИМЕРЛИ

СЕВЕР – СЕРД ДА БОЛЕН

***

Глубокой ночью по небу в тумане
Плыл человек со свечкою в стакане.
Увы, во тьме не различить ни зги.
И выпить из стакана не могли.

За каждой гранью полного стакана
Выходит пьяный месяц из тумана
И, перочинный нож в руке держа,
Он режет безо всякого ножа.

Он знает, что Восток –
 что кровосток.
 Что Запад – заперт,
 Север – серд да болен,
 А Юг – многоуголен
 Да туг.

И никуда не деться, милый друг,
 Тебе от многогранного стакана,

Где годом обступили месяца
 И ты плывешь по небу на Ловца
 В его тумане,
 И в его стакане.
 И лишь благодаря своей свече
 Ты ничего не видишь вообще.

***

Нужна работа по душе, –
 Так говорил мой друг Моше,
 И в даль седую вглядывался долго...

Издаലെка текла река
 Величественна, глубока.
 И звать её – ни Дать ни Взять, а Волга!

Но кто-то, взяв под козырёк,
 Кого-то брал на карандаш.
 Когда отец сказал: Хорёк!
 Тогда – шабаш!

Распятый на карандаше,
 Так думал вслух мой друг Моше:
 Вот. У кого-то
 есть работа
 по душе...

В ПЕСОЧНИЦЕ

В песочнице песок впадает в детство.
 Вокруг него в моря впадают лодки.
 К ним реки тянут мокрые от пота,
 Застиранные наспех рукава.

Впадают души в детские тела.
 И утирая море рукавами
 В песочнице впадает
 Детство в Лето.

***

И снова я беру разбег
 И в ночь солдатиком ныряю,
 Но вместо ночи злой Себек
 Пасть отворяет.

И в животе моём темно,
И кислорода не хватает,
Подлодка стукнулась о дно.
У вас светает.

Осенняя, весенняя –
Две разных ночи –
Сырыми маками усеяли
Земной клубочек.

И он калачиком свернулся,
Словно мальчик.
– Пенальти вам! Пинайте там
В ворота мячик!

Судья достанет алый мак
И удивится.
И мячик шлёпнется в гамак,
Чтоб не разбиться,

Но всё равно земля гудит
Под человеком.
И он солдатиком глядит
Во тьму Себека.

***

М. Крамеру

Те, чьи слова рассыпались во прах
Во тьме счастливой вавилонской ночи,
Чьи души спотыкаются впотьмах,
Чьи волосы становятся короче,

Потомки фессалийских кобылиц,
Мужья и пасынки Лернейской Гидры,
Все те, кто не показывают лиц
И время пьют из треснувшей клепсидры,

Чьи имена на дне библиотек
Завёрнуты в истлевший синий саван
И очи в бесконечной слепоте
Теперь сосредоточены на главном.

За вами следом новый человек
Из ран сердечных источает дёготь.
Чело приблизьте, я хочу потрогать
Излучины бровей и бархат век.

За пальцами божественный герой.
Его во все века ждала опала.
Вам нитью Ариадны покрывало
Он вышивает по земле сырой,

Чтоб вы смогли, хотя б на миг, вернуться
 Из чёрной глубины материка.
 Ещё приблизьтесь, я хочу коснуться...
 Но снова не дотянется рука.

АННА МАРКИНА

МИР С СИРЕНЕВЫМ ПРИЗВУКОМ

***

человек умирал не какой-то шальной человек
 не пылинка какая-то бабочка и черемша
 не кривой старичок что в троллейбусе рядом дышал
 фитилёк на огрызке одной из замызганных свечек
 мандельштамовский томик что ты прочитал и не понял
 не приятель с которым на Ленина ты выпивал
 не сходящая осенью в руки глухая листва
 не забытый щенок дескать жаль и котёнок и пони
 а родной человек вся гармония тяжесть и гамма
 для которого в омут на паперть давай-ка по сто
 тот который тебе вместо пенного луга цветов
 самолёттик с сожжённым крылом человек оригами
 это смерть эта смерть будто в вечность запущено эхо
 и не ходит уже человек и лежит и молчит
 и в тебе тишина что давай ты её закричи
 и давай и давай будто взял он и просто уехал
 будто выгатачил два пострадавших в пути чемодана
 и адью говорит отлетаю как стая грачей
 только вот он лежит а ты рядом живой и ничей
 словно город на милость каким-нибудь варварам сданный
 человек родной что мне сделать обнять может чаю
 может просто сесть рядом обмякнуть уже зареветь
 где ты прячешься свет моей жизни потерянный свет
 я за этим кошмаром почти что тебя различаю.

СТАНСЫ

1.

Уходит человек. Почти ушёл.
 Покинул дом и телом, и душой.
 И вот как гром среди аппендицита,
 тебя закрутит ледяной волной.
 Стоишь зимой, присыпан стрептоцидом,
 стерильный, бодрый, но ещё больной.

2.

А помнишь только море чепухи:
ряд коридоров, облачка бахил,
подсолнухи на кухонной клеёнке,
держачие просыпанную соль.
Ты памятью наполнен, словно ёмкость
по капле высыхающей росой.

3.

И немудрёные дорожки слёз
влелелась весной, наверно, в сок берёз.
Минуты скачут – жеребцы на хорде.
Тем удивительней, что всё как будто гуд,
ничто не сбилось с принятого хода:
все тикают, бормочут и живут.

4.

Который раз консерж, слепой, как крот,
роняет маслом на пол бутерброд.
И пахнет заливаемым асфальтом,
и груши созревают в свой черёд,
и девочка закапывает фантик,
надеясь, что он в землю прорастёт.

5.

И в голове строка опять поёт,
слегка треща, как в газировке лёд.
Ты попадаешь в жизнь, куда ни целься:
вот дети в парке тянутся, как нить,
и самой безнадежной из процессий
ежа с дороги тащат хоронить.

6.

И ходит молоко внутри коров,
и в теле ходит молодость и кровь.
А то, что там в тебе дыра сквозная
(и сквозь неё проходят поезда,
да батискаф свободно пролезает),
то никому, по сути, не видать.

7.

Но вот пока ты красишь в голубой
прихожую и, раздражён собой,
идёшь мотаться в снежности двора,
где обливается товарищ закалённый,
вдруг замерзает чёртова дыра,
как лунка, под поношенной дублёнкой.

***

Вот перекрёсток – гогочут матом,
 вот всё идет, да и шло бы мартом.
 Сходит на двор пыльца
 белая, снежная – на рябину,
 дворнику на руки и на спину
 мимо его лица.

Встань и оставь все свои печали,
 что тебя в люльке зимы качали,
 это легко – оставь,
 их перетянет (так может статья)
 в южные скалы с одной из станций
 дышащий тьмой состав.

Вот и давай на вокзал с вещами,
 в поезд запрыгни, пообещай мне
 всю эту ночь глазеть,
 слушать, как движетесь вы по карте,
 храп оседает на дне плацкарты
 и на краях газет.

Утром вздремнуть, обругать кого-то,
 брызнуть на спутников анекдотом
 и занести в блокнот
 фразу о том, что ты знаешь точно –
 запад к закату не кровотоцит,
 поезд идёт в тепло.

Там, где кларнеты крадут Клариссы,
 в полдень со службы спешат хористы,
 и на краю тепла
 день безразмерен, тягуч и ровен,
 круглое время поют вороны,
 парки, колокола.

Что же ты, веришь? А я на совесть
 всё сочиняю про море, поезд,
 пляжи, колокола.
 Ехать нельзя, но давай воспрянем.
 Если всмотреться – под фонарями
 ночь до сих пор светла.

***

не жалели любви и людей. в это время
 я писала помадой стихи над трюмо.
 безантенные лысины низких домов
 были смазаны щедро клубничным вареньем.
 оно густо текло между улочек узких
 на котельную. белую вязь голубей.
 ужин выкрашен был в цвет любви и ламбруско
 и неведомо как выгибался в обед.

мы готовили морсы и соки из фруктов
 мы считали потери прививки ворон.
 под зонтами нагревшихся к полднику крон
 из плохих новостей раскурив самокрутки
 мы дремали в изгибах гамачных парабол
 всё на свете считая за блажь за игру.
 из моих потерявшихся в воздухе рук
 я в ладони твои запускала кораблик.
 ты раздумывал. где этим летом все осы.
 мир с сиреневым призывком. будто Моне.
 мы поссорились – я говорила что нет
 в этом мире мне кажется больше из Босха.
 от рождений до свадеб. от них до поминок.
 выходили кормить комаров на крыльцо.
 ты носил по кошмарам такое лицо
 будто соткано было оно из жасмина.
 покупали у бабки ликёра из роз.
 говорила она дескать сладок целебен.
 проплывавший по заводи медленный лебедь
 на ходу превращался в скользкий вопрос.
 солнце снова валилось за лес со стыда.
 ты велел мне подумать о чём-то попроще.
 куда делись грибы из берёзовой рощи.
 и я думала. делись. ведь правда. куда?

***

я возвращаюсь как всегда к твоим опухшим городам.
 клоповникам что отторели и упокоились в сирени.
 сидеть на скорлупе эпохи. в душе темно. в диване блохи.
 мигает свет. как неврастеник. столетние ковры на стенах.
 снег вырос – тесто для печенья. пошляешься. лизнёшь качели.
 и как смешно и как легко примёрзнуть тёплым языком.
 примёрзнуть к родине с торца. без имени и без лица.
 ждать пенсии. ходить на штурм. контор. шараг. регистратур.
 где часть питанины разыскав в пути теряешь весь рукав.
 держись. пакуй добро. молчок. плетёт свой домик паучок.
 кто заржавел? кто огрубел? скрипит на вдохах колыбель.
 там я. подобно пауку. уже свой плач бескрайний тку.

***

сколько ни проговаривай. ни пиши. ни ври.
 что ты оправилась. что календула расцвела.
 что в твоём доме смолкли календари.
 будто кричала, мучилась и девочку родила.
 или такое что-то. прилив. песок.
 розовый от кораллов. вода икает.
 южное солнце стреляет тебе в висок.
 вечер сшивает прямоугольники мотыльками.
 всё не проходит. шиповник внутри страниц.
 там где герой целует. кого? в карете.
 слышишь любовь. холишь чужих синиц.
 держишь своих журавлей в секрете.

столько всего. что не вынесешь и в двоём.
 столько всего. что рядом живёт и тает.
 свечи (смотри) загораются на кашганах.
 и оплывают по капле на чернозём.

АННА ГАЛАНИНА

ЛЮДИ-ЧИСЛА

***

Мир насквозь горизонтален...
 Рассекая параллели,
 бродят люди и зонтами
 небо крутят еле-еле.

Вдоль дождей перетекают
 разлохмаченные тучи
 и стирают вертикали
 на худой, неясный случай.

Куполов не видно, шпилей...
 Вместо них – домов огрызки,
 словно землю прицепили
 к тучам намертво и низко.

Мир исчез, остались мели,
 город сжался без окраин
 и притих – берётся пеленг:
 лужи – небо – вертикали...

***

На Маросейке моросит...
 И день-деньской, и вечер каждый
 скрипит Бульварное в оси
 у стен Москвы малоэтажной.
 Под капюшоном до бровей
 идёшь, нелепый и неловкий,
 всех встречных зонтичных правей
 от Маросейки до Покровки.
 Брусчатка умирят шаг
 у подворотни в переулке...
 Здесь не живут и не спешат,
 и каждый звук простой и гулкий.
 Прийти сюда – смешной зарок.
 Всё возвращается. Ты тоже.
 Тебя берёт под козырёк
 подъезда, на воина похожий.

Решётки ржавая броня
и баррикадами ступени,
и двери битые хранят
полы, что о тебе скрипели.
В кармане штоф, походный нож,
горбушка, ливерка, газета.
В окне всё дождь... Ты всё идёшь
к окну, где свет. В дому без света.

***

В этом городе люди-числа...
Мимо каждого – путь в обход,
чтоб забыть навсегда и быстро.
Но в дороге не много смысла,
если верить, что всё пройдёт.

Затемнённые люди-шторы...
И не вспомнишь, когда забыл.
Чуть задержишься – разговоры
о погоде, про «час который»,
и о том, кабы, если бы...

Равнодушные люди-боги
смутно верят, что веры нет.
Если встретятся по дороге,
то кругами от них тревоги,
да бессмысленный дальний свет.

И конечно же, люди-страны,
люди-песни и города,
люди удали окаянной...
Их запомнишь, но поздно-рано
заскучаешь: водой вода...

В этом городе – просто люди.
Вроде, ясно всё наперёд –
их забыть бы, уйти, уснуть бы,
но – не вырваться... Люди-судьбы.
Те, с которыми всё пройдёт.

***

Мы все – питомцы общежугий,
и пациенты общепита.
Мы сообща смелее шутим,
поодиночке чаще биты.

И нам, конечно, легче – в ногу,
и по возможности, колонной.
Мы неприкаянны немного,
но впрок – коленопреклонённые,

Мы всё умеем, да не можем,
и потому почти не рошлем.
Не удила страшат, а вожжи,
но мы привыкли. Тянем, в общем.

***

Крутили землю не с руки –
безрукие, но башковито.
Держали землю простак
на спинах согнутых и битых.
Вели зеваки разговор,
что землю держат-крутят с дури,
и наблюдали, кто – кого,
а больше – землю кто надует.

А Бог детишек замесил
и землю ждал: застряла, что ли...
Крутнул легонько вдоль оси –
помог, поскольку не спесив.
Услышал: «иже» да «еси»...
Вздохнул и плюнул, что есть сил
с высокой самой колокольни.

СОСЕДКА

Муsoleя мулине в пальцах,
мечтала, в чудеса веря:
Бог крестиком распят в пяльцах
налево от входной двери,
подкова и чеснок справа –
помогут на худой случай.
На полочке рядком травы –
своё, оно всегда лучше.
По радио поют песни,
по телеку страшат войны,
а спицы шелестят вместе
и вшиты рукава в пройму.
Устала... Но себе рада –
готова к жизни за смертью.
И в общем-то, скучать надо –
мешают в голове черти:
галдят, на суету ладят,
как будто мало ей боли...
Наверно, вышивать гладью
пора – берёзку и поле.

***

Никто не хотел умирать. Кровать
скрипела отчаянно и сердито.
За стенкой молитвы читала мать,
с экрана вещал по бумажке диктор

и сеть, раскалённая добела,
кричала, прощалась и зависала,
а где-то звонили колокола
отважно, безадресно и устало...
И в проклятом мире был тот прощён,
кто думал, последние силы тратя,
о жизни и смерти, о чём ещё...
Что мир убаюкает скрип кровати.

АРИНА ГРАЧЁВА

С НАЛЁТОМ ОСЕНИ

ПРЕДОСЕННЕЕ

С дождём и ветром снова спорит сад,
удерживая яблоки на ветках,
над вазочкой ещё одна оса
кружит в надежде
сладкого отведать.

Опавших листьев разноцветный сор
и серебро туманов – будут после.
Но этот сад в дожде, но этот сонм
тягучих ос
предвосхищают осень.

Ещё пойдёт пылать за флоксом флокс,
мотивы лета повторяя вкратце,
но чем-то новым будут звоны ос
и шелест ливней
в сердце отзываться...

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ

Он ярок, упоителен, прелестен,
легко в него попасть, но не уйти –
мир женщин, коим и не меньше если,
то и немногим больше тридцати.
А ощутив себя в числе изгнанниц,
дам зазвучать пронзительней словам,
и снова, выдавая горечь тайны,
миг вдохновенья будет сладковат...

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Взамен осадков солнце обещали.
Но дождь сильнее прежнего пошёл.
Не оттого ли осень так печальна,
что лето было слишком хорошо?

А нынче звёзд бессонные крупницы
 рассыпаны среди свинцовых туч,
 и тяжело сознавать, что не случится
 переступить опасную черту,

что жизнь заставит поутихнуть страсти,
 забыть, как искушающе краснея
 так подходивший к моему запястью
 твоей любви гранатовый браслет.

***

Перо роняя, прокричали гуси,
 PS оборотился зычным «ЗЫ»,
 и будут живо строки пахнуть Русью,
 нутром нечерноземной полосы.

Простор в них будет, будет некто Мышкин,
 в котором всё, что не вмещает ложь,
 и чувствований до того с излишком,
 что разве сердцем грешным разберёшь.

И будут строки страстными до всхлипов,
 с отчаяньем, переходящим в спесь,
 с характером Настасии Филипповны,
 который в русских женах был и есть...

ПРИЗРАЧНОЕ

Казалось, череда погожих дней
 не даст расстаться с золотистым пляжем,
 но нынче будто призрачный злодей
 на волнах ошестинившихся пляшет.

Пустился ветер выть и бушевать,
 задул небес лучистое горенье,
 и ставшая ненастной синева
 с волненьем разбивается о берег.

И кажется уже, что впереди
 лишь осени заждавшаяся пристань,
 что не напрасно душу берedit
 мелькнувший призрак возраста седин,
 мелькнувший призрак...

ЕЛЕНА ШЕЛКОВА**ОСЕНЬ-ИМПРЕССИОНИСТКА**

СТИХ ПОТЕРЯННОГО ЧЕЛОВЕКА

Случайные встречи ложились на полку.
Прощальные взгляды бомбили планету.
Непросто, непросто найти незнакомку,
Когда от знакомых спасения нету!

Когда вся планета – сплошное болото,
Когда вся планета – шестая палата,
А рядом всё время какой-нибудь кто-то,
Кого я не знаю, кого мне не надо.

И осень всё ближе – падение яблок.
На сердце всё меньше цветущих Испаний.
Но хочется верить, что в чём-то и я – Блок,
И я незнакомку найду в ресторане.

А мир, он прекрасен. Но как надоело
Кого-то искать, от кого-то теряться.
А ливень всё рвался на мокрое дело,
Бежал, как жених от невесты из ЗАГСа!

Бежали вокзалы, причалы и пристань,
Как жить пацанами, забыли мужчины...
И осень, и осень – импрессионистка
Всё чаще и чаще рисует морщины.

Ночами звонят мне и Верка, и Томка,
А я домовитый, но страшно бездомный
Опять убегая искать незнакомку,
Чтоб сделать её безнадёжно знакомой...

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?

Помидоры – крохотные Марсы.
Семь рублей за килограмм планет.
Ешь планету, кроха, улыбайся,
Кутайся в китайский синий плед.

Я рождён запойным фантазёром,
И наедине с собою, брат,
Я учился резать помидоры,
Спички не жалеть, когда горят.

А когда я был особо «весел»,
Кроха бежал, требуя ответ:
Есть ли жизнь на Марсе? Есть ли? Есть ли?
Есть ли смерть на Марсе или нет?

Помидоры цвета революций
 Жались к тыквам, брюквам и стене.
 Их везли из Сирии, Из Турций –
 Распродажа раненых планет.

Ешь планету, кроха, и не кайся.
 Ты поймёшь, что жалость – это бред.
 Я не знаю, есть ли жизнь на Марсе,
 На Земле сегодня жизни нет...

***

*Куда идём мы с Пятачком?
 Винни Пух
 Брось монету в море, чтобы вернуться сюда.
 Примета*

Ты подарил мне пяточок
 На память, просто так.
 Я был когда-то дурачок,
 Теперь – большой дурак.

Пятак, зажатый кулачком
 Живёт в моём дому.
 Куда идём мы с пяточком,
 Не скажем никому.

На свете много есть примет,
 Но верю я лишь ей:
 Забросишь горсточку монет –
 Вернёшься поскорей.

Летят монеты вглубь реки,
 В колодец и фонтан.
 А я кидаю пятаки
 За твой большой диван...

МОЕМУ МУЗУ

Без ухищрений и искусств
 Мы выбираем жизнь на вкус.
 К поэтам ночью ходит Муза,
 А к поэтессам ходит Муз.

Я стала бледною, как груша,
 За что мне тяжкий этот груз?
 Ведь я хотела просто мужа,
 А вместо мужа – только Муз...

Лежит немытою посуда,
 Мне не понять, «в чём сила, брат».
 Хочу сбежать, сбежать отсюда
 К тебе – на сто стихов назад!

Воспоминания не ранят,
Я на тебя уже не злюсь.
Конечно, муж терпеть не станет,
Когда на кухне ночью Муз.

Что натворила я?! Творенья...
Холодный Муз глядит в упор.
И каждое стихотворенье –
Себе же смертный приговор.

Характер мой – конец любому.
И от меня (я так боюсь!)
Не только муж сбежит из дому,
Но и последний хилый Муз...

ТЕЛЕФОННЫЙ МОНОЛОГ

Я – телефон. Я слышу голоса.
Я знаю, это признак паранойи.
И снова обострение – весна.
В меня поют, смеются, плачут, воют.

Звонки для встреч легки и коротки,
И на свидание потом летят ракетой.
Но есть на свете длинные гудки –
Они для тех, кто любит без ответа.

Но, наплевав на мудрость и на быт
В хрущёвке синеглазая Мадонна
Звонит ему, звонит ему, звонит,
Не зная даже номер телефона...

И говорит: «Мне Бог шепнул: рискуй!
Я к Вам звоню, гудки рыдают где-то.
Как страшно трубку подносить к виску –
Как будто это дуло пистолета!».

...я – телефон. Без денег и без виз
Я сокращал немислимые дали.
Но сколько раз меня бросали вниз
За то, что их любимые бросали!

Я телефон, я слышу голоса...

СУМАСШЕДИШЕЕ СЧАСТЬЕ

Больной номер девять – сбежавшее Счастье.
В психушке – тревога. В психушке – бедлам.
В прозрачном, воздушном, смирительном платье
Танцует по сёлам и по городам.

Танцует над будущим и над прошедшим,
И смотрят нормальные в смутной тоске...
А Счастье не может не быть сумасшедшим!
А Счастье, как ослик, идёт по доске!

Медбратья несутся, хватая за пятки,
И Счастью, к несчастью, не смыться от них.
Приходится быть и случайным, и кратким
Как чей-то, как чей-то талантливый стих.

И снова утрата, и снова расплата,
И снова дожди, и уколы, и грусть.
Но Счастье опять убежит из палаты!

А значит, я к Вам непременно вернусь...

ПАВЕЛ ЧЕРНИКОВ

ЛЕТА ПОСЛЕДНИЙ ПЯТАК

***

*лелеет лето лучший свой цветок
в деревне-неге утро сон сменяет
хоть за порогом – подлость и порок
но мы опять играем временами*

*не изменяйся, будь самим собой
пускай, вокруг – безверье, злоба зверя,
ведь вечный свет – прозрачно голубой –
срыгает всё, во что рядится время*

***

выход метро, незнакомый знакомый район
странные здания, пшили на мачтах колонн
множество залов, зелёный в саду лабиринт
и без дверей в небеса поднимается лифт
вид открывается, тянет безудержно вниз
шаг, и висипь на руках, жалко узок карниз
в комнате – люди, негромкие речи и странная грусть
завтра – расстрел, и нельзя убежать, если я не проснусь

***

кто взойдёт на парящий – летящий град
по плечам, головам, по сердцам, бобам
тот поступит немедля в отряд негритят
что стоят на линейке, внимая там
нежной музыке сфер, им Гомер – пример
и судьба – облака, окиян – отец
и взмывают спокойно от дум и дел
искупаться внизу, где вода – свинец

вот, конец у считалки, венец дорог
у кисельных у рек берега – творог
девять лун, кладенец, золотой песок
и последний глоток, и прощальный рог
а на синем на небе – сияет град
а на море – воронка и смотрит гад
и ни скорби, ни боли, ни му́к, ни драк
и ни шагу назад, и вперёд никак

***

вот и лета последний пятак, междометий тупик, тюрьма
был небесного цвета флаг, а теперь опустила тьма
словно занавес плащ на мир, и на ветхий присела стул
у порога чужих квартир синеокий дракон уснул

на дороге к закату лет никого – ни людей, ни звёзд
перехода манящий свет в безвременьи застыл, замёрз
черепицей покрылся мир – от небес укреплённый щит
охранитель чужих квартир у порога тихонько спит

***

едут ЧОНовцы домой
а матросы – в ночь по льду
бьётся в окна дождь-прибой
я покоя не найду
потерял отряд бойца
где Гренада? где Сиваш?
молодцам не жаль свинца
берег левый, берег наш
переправа, кровь, стена
раскидало-замело
всё – война, война, война
ворон-чёрное крыло
и сквозь мутное стекло
убегай отсель скорей
весело им весело
нет печали у чертей
что Гренада, что Сиваш
мертвецы бредут толпой
берег правый, берег наш
едут ЧОНовцы домой

***

у забытой речки
по мосту-мосточку
ехали навстречу
светлые денёчки

с грустными ночами
ехали на встречу
мёртвые уланы
с беженцами с Речи

серые потоки
с двух сторон сходились
нет ни дня, ни ночи
не открылась милость

не настала радость
ни коням, ни людям
говорите – старость?
все когда-то будем

у забытой речки
по мосту-мосточку
выходить навстречу
в серые денёчки

***

башни-башни, страшно-страшно
колет ветер снегом серым
горько плачет ангел падший
под тяжёлым грязным небом
потерявший клад ворюшка
лист-полип налип на лица
просит хлеба воробышка
бродит-воет ночь-волчица
над холмами-сороками
над столицей и судьбою
как медведь у Мураками
с кем-то съеденной ногою...
и лишь мы с тобой не тужим
от камина свет глотая
в этой стуже неуклюжей
ожидая чуда-мая

***

те, кого убили,
будут долго жить
скачут кони в мыле
рвётся нерва нить
по проспекту с боем
к крепости по льду
перед строем стоя
скоро к вам приду

ЮЛИЯ ДОЛГАНОВСКИХ**«КОГДА ВРУТ КАДАВРЫ В УДУШЛИВОЙ ТЬМЕ...»**

7.40

Семь сорок. Смеркается. Стрётот сверчка
чеканит пунктирную линию точек,
вкрапляя отрезки летящих тире
в затасканный временем краткий подстрочник
историй, костёр из которых гореть
вовек не устанет. Бумага тонка,
хрупки и затейливы символы веры,
но вера, что храмовый камень – крепка.

Безлунная полночь. Небесный чертог
отчаянно чёрен, как замыслы чёрта.
Шалом тебе, дремлющий Ершалаим!
Шуршит шелуха теоложных обёрток,
венец из терновника не опалим
ни спичкой, ни словом. И каждый пророк,
под носом своим не унюхавший серы,
к подножью конфессий слагает оброк.

Семь сорок. Утреет, и вся цитадель
дрожит как желе, перегретое летом;
А-Котель окутан туманом из слёз,
берущих начало от высохшей Леты,
и вновь неотвеченный вечный вопрос
качает божественную колыбель;
листает страницы усталая эра –
волхвует декабрь, воскресает апрель...

ЛАТЫНЬ, ЛАТУНЬ И КАТЕХИЗИС

На ухо наступил медведь,
на горло – собственная песня.
Как страшно жить! Но умереть –
страшней. Ещё страшней – воскреснуть

и вдруг увидеть без прикрас
трёх обезьян в дорожных тогах –
пустыни ртов, ушей и глаз.
...Течёт сквозь пальцы время Бога,

латунный крест роняет след –
росток травы на бледном теле,
несётся прочь велосипед,
изобретённый на неделе;

в кармане прячется рецепт –
omnia mea mesum porto,
и где-то там, за перевёртом,
день беспощаден и свиреп.

Пора сворачивать, держись –
здесь угол прям и так эвклидов,
что своевольная планида
кромсает на косынки жизнь

от точки «Я» до точки «Нет».
Пути опять не изменились:
вопрос – ответ, вопрос – ответ,
латынь, латунь и катехизис.

¹ Omnia mea mesum porto (*лат.*) – всё своё ношу с собой.

НЕ ПРОГИБАЯСЬ

Белки-летяги и мыши летучие,
волей какого нелепого случая
делите трассы воздушные с птицами
и самолётами?
Снится мне, снится мне,
как проплывают, качая ресницами,
небо царапая куцыми лапами,
не обжигаясь под лунными лампами
не прогибаясь под тяжестью тучевой –
белки-летяги и мыши летучие.

Я просыпаюсь и думаю – лучше ли,
сидя в траве поджидать неминуемое,
или вращая события лапами,
масло сбивая и небо царапая,
взять высоту и поплыть вместе с птицами
и самолётами?
Снится мне, снится мне,
как проплываю, качая ресницами,
не прогибаясь под скученной участью.
Я просыпаюсь. И думаю – лучше ли?

ВЕРБЛЮДЫ И ЛЮДИ

Верблюды вербуют людей, чтобы те,
зажав между ног шерстяные бока,
несли их наощупь, в густой темноте –
туда, где гора прорвала облака.

Верблюд к сибаритству не склонен – вода,
кустарник солянки – пожалуй и всё,
что нужно ему, но зовут иногда
ступени наверх – их три тысячи сто.

– Послушай, верблюды! – говорит Моисей, –
Ступени для тех, кто уверовал во ..!
Для вас, кораблей, есть тропа, что левей –
там Левий Матвей ждёт бакшинш страховой.

Бакшинш невелик – человечья душа,
зажав между ног шерстяные бока,
должна вознестись (слышишь, крылья шуршат?)
туда, где гора прорвала облака.

...Верблюды и люди, скрижали топча,
встречают рассвет на Синайской горе –
одни дуют на бедуиновый чай,
другие жуют в неизбежность билет.

ДОЖДЬ

Шум города, как шорох тапок мужа,
становится с годами фоном жизни,
текущей равномерно – в такт с часами,
которые бесстрастно закрывают
страницу за страницей чью-то книгу,
открыв её однажды наудачу.

А ночью шёпот улиц будет вкрадчив –
Москва прошелестит, чуть вздрогнет Рига,
на трёх китах стоящий Копенгаген
спит крепко и сопит тремя носами,
задремлет Рим на лавках пыльных ризниц,
Санкт-Петербург от сырости недужен,

и, разметавшись реками-руками,
примкнул к граниту лбом разгорячённым...
Вдруг хлынул дождь!– на Рим, на Копенгаген,
на Невский, на Арбат, на дамбы Риги –
смывая с грубой кожи тротуаров
набитые подошвами обиды.

Глубокий вдох и длинный волглый выдох –
открылись жабры вымокших бульваров;
стаккато капель, ливневые лиги –
а дождь летит, летит над городами,
гранит не разбирая – отрешённый,
и насмерть разбивается о камни.

Ему не страшно, он ещё вернётся –
в шум города и в шёпот тихих улиц,
в московский шелест, в шорох рижских листьев,
упавших в реки дремлющего Рима;
в Санкт-Петербург и в старый Копенгаген –
на спины львам, китам и пароходам.

Страниц всё меньше – год за годом, год за годом...

МИР, КАК СВАДЕБНЫЙ ТОРТ...

Мир, как свадебный торт –
 многослойный, нарядный и праздничный –
 улыбается глянцево
 с гладких журнальных страниц:
 карнавальное Рио, мосты над Невой, Тула пряничная,
 Трафальгар, Коллизей, Амстердам, Самарканд, Биарриц...

Прислонившись щекой к чемодану,
 до дырок затёртому,
 я закрою глаза и отправлюсь в невидимый путь,
 на часах – ровно десять утра,
 самолёт – в полчетвёртого,
 коридорами сна
 в город мой поспешу ускользнуть.

...Лица улиц мелькают
 забытыми бледными кадрами,
 на деревьях не счесть всех колец –
 и потерь, и побед.
 Паутина из пыли и слов под седыми аркадами
 старых храмов,
 в которых не раз я давала обет –

не блуждать до зари
 переулками лающей памяти,
 выходя, как всегда,
 в хрипоту и туман тушиков;
 не молить о любви
 на заплёванной нечистью паперти;
 не искать глубины в голубиных глазах дураков.

Под плащом незаметна праща,
 и в сумятице площади
 я рискую подставить под камень открытый висок.
 Грузным мячиком
 катится под ноги загнанной лошади
 шар земной –
 в многолюдности древней, как перст, одинок...

...Мир, что твой чемодан –
 с уголками до дырок затёртыми,
 улыбнётся устало – не глянцево! –
 с книжных страниц.
 На часах ровно три. Тишина.
 Самолёт – в полчетвёртого.
 Я забыла, куда же лечу – в Самарканд? в Биарриц?..

ИМАГО

Когда врут кадавры в удушливой тьме,
 а Шива колдует над куклами вуду,
 осанну осине возносит Иуда,
 в сердцах задувает огонь Прометей,

раздавленный камнем, свободный Сизиф
впивается в небо недрёманным оком
и видит, как в прах рассыпается кокон,
заснежив набухшие ветви оливок.

Секунда, другая, крыло, два крыла –
имаго над магией, мифами, верой
летит, опыляя сверхновую эру
сверхновой историей. Вновь. Добела.

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

Я ПОПРОШУ ВЕРНУТЬ МЕНЯ СЮДА

***

Научи меня, Господи,
просто, свободно писать,
взять стило и писать,
позабыв о форматах и стилях
тех, кто знает, как надо...
Забуть о долгах, о часах,
о холодной ломающей боли –
когда не любили

Не на север, не в лодке,
не в холод, не в дождь, не в мороз,
а в озноб подсознания,
в ересь похожих, безликих,
как в аду,
в сырый ком закипающих слёз,
оплетённый крутом
рыжей проволокой повилики

На кушетке у Фрейда
я вспомню такие грехи,
за которые вертятся
на электрическом стуле.
Научи ворошить
мой надёжно укрытый архив,
отделяя от боли
всю прочую литературу.

Мозг инерции просит,
не хочет спиральных свобод,
неучтённых, опасных,
лихих, не дающих гарантий.
не дающих плодов...
уносящих бурлением вод
и ребёнка в тебе –
под сомнительным кодом «характер».

Серпантинны уводят
 всё дальше от плоской земли,
 сублимации, скуки,
 привычки, инерции, дрёмы.
 Про Русалочку – помнишь?
 Часы отключились, ушли
 вверх по склону – и в вечность
 с постылого аэродрома.

Я останусь вверху, на плато,
 здесь наглядней дела
 и слышнее слова Твои –
 ближе, наверное, к дому.
 Архимедов огонь
 насылают Твои зеркала
 на корабль – и пылает фарватер
 так странно знакомо...

УТКИ

...отражая, нести молчаливый
 невербальный утиный восторг,
 осознание прилива, отлива,
 томный запад и нежный восток
 узнавая, тянуться над морем
 на уютных послушных волнах,
 по транзитной ликующей флоре
 различая места, времена
 года, века, сличать очертанья
 берегов с джи-пи-эсом в крови,
 пренатально и перинатально
 чутя древнее эхо любви...

их немислимый дар –
 возвращаться
 на знакомые с детства моря.

...вот теперь начинается счастье –
 приготовься и сразу ныряй!
 Там, наверное, пахнет озоном,
 дышат свежестью поры земли.

...Ничего, кроме сердца и зова,
 пары крыльев и тысячи ли...

***

Там, волнуя траву, мягко стелются овцы,
 сами – волны, опаловы, пегы, черны,
 и невинны... Их суть – из бесчисленных опций –
 там, где стелются овцы – нам не до войны.
 Где в зените акации отяжелели
 знойным маревом, и опоиали июнь,
 воздух гуще, и овцы плывут еле-еле
 по летеиским волнам, и неслышно поют,

в серебре встань-травы, в сонмах ласковых духов,
с детским сонным доверьем левкой звенят,
оттолки беды не касаются слуха
и не тронут тринадцатидневных ягнят.

Над равнинной рекой – к водопою – склониться
и протечь вдоль неё чуть повыше – туда,
где не так безнадежно чернеет вода
и ещё пробивается свет сквозь ресницы...

***

Саламандры лесов подмосковных ещё не натешились.
Под снегами торфяники тлеют, шевелятся волосы
буреломов, сгоревшие звери, русалки да лешие
колобродят в ночи, да горельника чёрное воинство...
Мир языческий – ладный, отзывчивый – мимо проносится,
наши скорости не допускают прислушаться к дереву,
отразиться в ручье, дожидаясь, пока мироносицы-
фитонциды летучие снова живым тебя сделают.

Все мы тут погорельцы. Растоптано и исковеркано,
что росло и струилось, цвело, ошибалось и верило.
Жаль побегов – в тени, где ни солнца, ни смысла, ни вечности –
тоже ведь веселы и беспечны, наивны и ветрены.
Ждать добра от добра в этой дикой чащобе брошенной?
Да кому тут нужны наши дети с открытыми лицами?!
Перегретый город простит несурзанность прохожему
с неумной нелепой неумной гражданской позицией.

Нам к лицу Исаакий – отнюдь не теплушки вагонные.
Всякий храм – на крови, если сора из храма не вынести.
Небо держат атланты, мы их заменили колоннами –
но они усмехнулись подобной дикарской наивности.
Нашим рыжим опять биографии славные делают,
повторяется фарс белой ниткой прошитой истории.
Здесь останется лес и бельчонок в ладонях у дерева –
звонким цокотом, лёгким метанием в разные стороны...

***

Свет не сходится клином – он в принципе создан иначе
и заточен под веер, порой уступающий тени –
тот, японский...
раз клетка открыта, а птица внутри – это значит,
ей не надо летать, хоть могла бы по праву рожденья.

Водопады отчаянья льются с висков по гортани.
Да с чего бы? Поглубже вдохни, можжевельник утешит.
Капиллярный подсос метафизики из подсознания
снизойдёт к нелогичным весёлым русалкам да лешим.

Ради цельной картины пришлось пренебречь мелочами –
и состарились. Мелочи, в принципе, делают детство,
в смысле – радость... Осталось расталкивать плечами –
дежавю, повторяемся. Пройдено, некуда деться,

чистый Чехов кругом, торжество несмешного закона,
и сама-то не лучше – иду, где протоптано – жутко,
и уже на последней секунде бегу на зелёный –
мне в награду за дерзость подходит восьмая маршrutка.

Я танцовщица будто. Об этом спросите у тени,
Может, вам объяснит. Мне велит, ничего не решая
и не слушая жалоб на занятость, хитросплетенья
суеты – удерживать балансир на поверхности шара.

В день рождения Будды мы выпили чашу муската,
эта ложь во спасение – очень опасный наркотик.
Все желанья твои есть твои ахиллесовы пяты,
визерункове скло, правда, я обмануться не против.

Ветер взяв за крыло, как-нибудь поднимусь по Рельефной,
оглянусь – и замру от резной синевы и прозрачной –
до Азова – планеты. Возможно, мы выживем, если
нас захочет спасти красота. Впрочем, неоднозначно.

***

Ключ легко повернулся в замке.
Хризантемы кивнули – пока.
Надо в мир выходить налегке.
Как я выгляжу? В общем, никак.
Дух – невидим, а тело – невечно
и неважно. Дышало бы, шло.
Рыжий пух облетевших соцветий –
это необходимое зло,

значит, нам его не обойти.
Слишком долго стоим на мели.
Не заплакать – рецепт трагедии.
Облетают пятёрки, нули,
юбилей, кончается лето,
не обманешь свою колею.
Я пошла бы с тобой на край света –
только мы ведь уже на краю

Начинается гамбургский счёт,
и теряешь с реальностью связь,
с этим миром, что вечно течёт,
изменяется, рошчет Save us...
Там бы ты – пастушком со свирелью,
там бы я – пышнотелой красой...
...Даже рельсы не так параллельны,
как хотелось... Храни это всё,

сохрани – как росу и траву,
как плотву на речной быстрине –
серебрится река наяву,
разметались ромашки во сне.

я: – *Ах, сударыня, простите! Мне кажется, вы будто не в себе...* Взмахнут её ресницы, невесомы, улыбка оживит её уста, и мы, как будто издавна знакомы, заглянем в ресторанчик у моста. На стенах там парящая Аврора, расписан купидонами плафон, и, чтоб не отвлекал от разговора, я выключаю мобильный телефон. И где-нибудь в районе полшестого скажу ей без жеманства и манер: – *В трагическом романе Льва Толстого вы подали неправильный пример! Судьба вам не представила уступок, не жжалась ни на день, ни на миг, но ваш неосмотрительный поступок десятки на подобное подвиг. И вы меня послушайте, как друга, и это постарайтесь не забыть: и так у нас с рождаемостью туго, так вы ещё смогли усугубить! Простите уж за юмор солдафонский, но истина и в юморе видна: Онегин там, Печорин или Вронский – их тысячи, а жизнь у вас одна!*

Закат раскинет розовые перья, качнутся за окошком дерева... Чем больше говорю, тем меньше верю и сам в свои разумные слова. В посуде закопчённой и железной нам вынесут картошки и грибов. И скажет мне Каренина: – *Любезный, вы знаете, как лечится любовь? Помогут ли больничные палаты от боли, что терзает и печёт? Любовь неотделима от расплаты, и мне ещё не выдали расчёт!* – Потом поправит шарфик от простуды и обратится ласково ко мне: – *Спасибо вам! Ступайте с Богом, сударь. Мне не поднять рождаемость в стране!*

А крыть-то мне, фактически, и нечем, окончилось волшебное кино. Я выйду в разгорающийся вечер и гляну на Каренину в окно. Сидит она, поникнув головою, задумчива, возвышена, тиха... Пускай она останется живою хотя бы в мире этого стиха!

ВОСПИТАНИЕ ПО МИСТЕРУ СКАЙПУ

*По наблюдениям автора, сегодня родители
всё больше заменяют реальное общение
с детьми на общение по Скайпу...*

Мы заехали в такую эпоху,
Где сменили ко всеобщему кайфу
Воспитание по доктору Споку
На общение по мистеру Скайпу.

Мы освоили такие этапы,
Где не видим ни проблемы, ни драмы
Ни в отсутствии присутствия папы,
Ни в присутствии отсутствия мамы.

Воспитание, известно, докука,
И сегодня эту жесткую пайку
Уступили без малейшего звука
Интернету и товарищу Скайпу.

И к чадящим без родителей чадам
Доставляются прямехонько на дом
Назидательные изображения
Очень качественного разрешения.

Паутиною обьята планета,
У неё теперь девиз и эмблема:
«При наличии сети Интернета
Остальное всё уже не проблема!»

Это истинно эпохи свершенья!
Но присуще виртуальному кайфу,
Что кончается его притяженье
С завершением сеанса по Скайпу.

Звонче, песня, разлетайся и вейся!
Но о чём твои тревожные звуки? –
Не придумали ещё интерфейса
Совершеннее, чем мамины руки.

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Всё начинается со звука тишины
В неосязаемой минуте предрассветной,
Когда и сумерки оттенков лишены,
И сны прозрачны, и уже бесцветны.
Та тишина так интригующе звучит
Что по-испански, что по-фински, что по-русски,
И наступает в завершение ночи
В оркестре дня момент перезагрузки.

Потом невидимый небесный дирижёр
Движеньем палочки рассеивает чары
И будит скрипочку, и это хорошо,
И хорошо, что это лишь начало.
Та пробуждает бормотание ручья,
Потом включается гобой – дыханье ветра,
И петухи, так жизнерадостно крича,
Тревожат нас за много километров.

И всё слышнее рокотание сердец,
И стук колёс, и чей-то зов: «Вернись в Сорренто!»,
И означает это всё, что, наконец,
Настала роль ударных инструментов.
А уважаемый небесный дирижёр
И рад убавить децибелы бы, да тщетно:
День пробудился и пошёл, пошёл, пошёл –
Звучит орган! Мажорное крещендо!

Вот так устроен этот сложный механизм,
Нерасчленимый и этим уникальный.
Хотя и старенький, но не анахронизм,
А вариант шкатулки музыкальной.
Когда мы снами, как картечью, сражены
И мягко тают отгоревшие поленья –
Всё начинается со звука тишины,
С перезагрузки темы, с обнуленья...

ФИЗМАТ ДИАМАТ

Век живёшь, а не знаешь точно,
Словно мелкий какой школяр:
Совесть – линия или точка?
Честность – вектор или скаляр?

Жизнь подкидывает примеры,
Но не очень они ясны:
Каковы же валентность веры
Или радиус кривизны?

Не узнать из сё тетрадок
Ни разгневанности вольтаж,
Ни порядочности порядок,
Ни озлобленности рН.

Всё так зыбко и неконкретно,
Лишь одно однозначно нам:
Благородство, увы, дискретно.
Непрерывны дурак и хам.

ЛОШАДКИНО СЧАСТЬЕ

Ни валко, ни шатко шагала лошадка
В коричневой шубке – ну, прям, шоколадка!
Коричневые круц, голова и спина,
За что и звалась Шоколадкой она.
Хотя Шоколадкой прозвали лошадку,
Жилось Шоколадке не очень-то сладко –
Тащился по полю унылый обоз,
Везла Шоколадка с поклажею воз.

Преодолевала бугры и преграды,
Тащила патроны, тащила снаряды.
И вот на исходе рабочего дня
Она повстречала красавца коня!
Он вышел из леса, таинственный странник,
Такой белоснежный, как сахарный пряник,
За что и прозвали его Сахарком,
А звал его маршал, сидевший верхом.

И стало на сердце лошадкином сладко,
И сразу влюбилась в коня Шоколадка.
И выгнула шею, а шея – ого!
И нежно сказала ему: «И-го-го!»
А синие дали вдали грохотали,
Там люди сражались, но это детали.
Исчезли тревоги и грохот, и гул,
Когда Сахарок на лошадку взглянул.

И тут же отвлёкся, и тут же забылся,
И сам он по гриву в лошадку влюбился.
Сказал «И-го-го!» и другие слова,
И маршал всё понял, он был голова –
Не зря же на нём ордена и медали!
Её распрягли, а коня расседлали,
А сами поспешно укрылись в овраг,
Поскольку сжимал окружение враг.

А кони в поля пошагали украдкой,
Шагал Сахарок со своей Шоколадкой.
Шагали бок о бок под гром и металл,
И ветер им гривы в косички сплетал.
Всё дальше они от людей уходили,
Снаряды и пули коней пощадили –
Она не виновна, он не виноват,
Что люди зачем-то хотят воевать!

Картину такую увидит не каждый,
Но мне посчастливилось видеть однажды:
По горному лугу, где небо синей,
Бегут табуны легконогих коней.
Они жизнерадостны, даже гривы –
Они шоколадны, но сахарны гривы.
И нет ни войны, ни врагов, ни ям...
Пусть будет удача, хотя бы коням!

«ШШКАФ»

ВЛАДИСЛАВ МИСЮК

О ВЛАДИСЛАВЕ МИСЮКЕ – создателе гипотезы...

Писатель и журналист, краевед Владислав Мисюк (11.07.1936 – 10.11.2001) жил под Одессой, в Бессарабии, в городе Белгороде-Днестровском со школьных лет, хотя родился в Симферополе, в Крыму.

Историю Белгородо-Днестровского, древнего Аккермана, ставшего ему родным, Владислав Семенович исследовал и описал в большом художественно-краеведческом романе «Загадка Белого Города» (1991), в нём писатель провел всю сознательную жизнь, в нём стал почётным гражданином города, в нём же окончились его земные дни. В. Мисюк был при жизни известным знатоком местных архитектурных, археологических, музейных аккерманских, тирских древностей. Его перу принадлежит ряд книг, например, историческая повесть о временах Киевской Руси «Месть летописца» (1994), которая издана с предисловием доктора исторических наук Г.Г. Мезенцевой, по достоинству оценившей значение совершенного автором труда...

Свой край, некогда богатый и изобильный, Владислав Мисюк панорамно воплотил в историко-новеллистической книге «Легенды Бессарабии» (1993). Он также внёс вклад в Пушкиниану, – в том же 1993 году издана повесть «Тень Овидия», с подзаголовком «Пушкин в Аккермане», достойная по занимательности сравнения с известной книгой Ивана Новикова «Пушкин в изгнании». В. Мисюк написал и своеобразную литературно-художественную реставрацию «Сказки Вещего Бояна. Мифы древних славян», вызвавшую большой интерес и вышедшую двумя изданиями. Менее известны его автобиографическая трилогия «Мушкетеры XX века», повесть про Болгарскую церковь «Судьба храма». Упомянем и книгу совершенно иного, не краеведческого, но художественного накала: стихотворное переложение Евангелия от Иоанна, изданное в 1994-ом. И вот он выдвигает свою гипотезу авторства одного из самых загадочных произведений славянской древности – «Слова о полку Игореве». Она, как и все гипотезы – спорная. Но публикуя текст, предоставленный нам автором при жизни, мы надеемся, что очерк не оставит равнодушными читателей, и ещё раз напомнит нам о «Слове...», об одном из литературных произведений огромного всемирного историко-культурного значения.

Станислав Айдинян

ПРАВО НА ГИПОТЕЗУ

к вопросу об авторе «Слова о полку Игореве»

Искушение поднять вопрос об авторе «Слова о полку Игореве» всегда было велико у многих, кто любит историю и литературу. Назову только два имени – Пушкин и академик Лихачёв. Пушкин не успел высказать полностью свою гипотезу, Д.С. Лихачёв свою высказал. В общем, исследователи «Слова» в разное время выдвигали на роль автора этого бессмертного произведения таких лиц: тысяцкий рагуил-воевода, боярин-летописец князя Рюрика Пётр Бориславич, книжник Тимофей, воевода и дипломат князя Ярослава Черниговского Ольстин Олексич, придворный певец Святослава

из свиты его жены Марии Васильковны Полоцкой, князь-изгой Владимир Ярославич и, наконец, сам князь Игорь Святославич.

Однако у каждого из них есть уязвимые места, позволяющие если не отрицать, то усомниться в их авторстве. И у всех у них есть два общих обстоятельства, отвергающих их как авторов. Первое назвал А.С. Пушкин в своих «Замечаниях на песнь о полку Игореве»: «Кому пришло бы в голову взять в предмет песни тёмный поход неизвестного князя?» (А.С. Пушкин, Полн. Собр. соч., М., 1964, т. 7, с. 501). Второе обстоятельство я назову чуть позже,

отвечая на этот непростой вопрос Пушкина.

Для большего убеждения читателя назову несколько уязвимых мест вышеназванных предполагаемых авторов «Слова». Дотошные исследователи доказали, что у тысяцкого рагуила-воеводы вообще не было никакого интереса и склонности к поэзии. Кроме того, он не имел права обращаться к князьям как к равным, а тем более осуждать современных ему князей – чин, положение не позволяли этого. Петр Бориславич тоже никакой склонности к поэтическому творчеству не имел, к князю Игорю любви и приязни особой не питал, да и права судить современных ему князей не имел. Книжник Тимофей по своему, как сейчас бы сказали, статусу не имел права обращаться к князьям, а тем более судить их. Ольстин Олексич интереса и склонности к поэзии также не выказывал. Не было у него и права обращаться к князьям и судить их.

Что касается придворного певца князя Святослава, то он никакой любви к князю Игорю не испытывал, а право на обращение к князьям можно допустить с большой натяжкой. Далёк был от поэзии и князь-изгой Владимир Ярославич, да и право судить современных ему князей и он вряд ли имел. Наконец, сам князь Игорь Святославич. Никогда не проявлял он склонности к поэзии и, судя по военному человеку, никогда ею не занимался.

Есть ещё и другие нюансы и факты, отвергающие авторство вышеназванных кандидатов. Кроме того, вторым важнейшим обстоятельством, полностью отрицающим их авторство, является бросающаяся в глаза женственность «Слова». Ни один из мужчин-авторов не мог написать «Плач Ярославны», являющийся кульминацией поэмы. Не мог именно потому, что был мужчиной. А ведь кроме плача по всей поэме яркими блёстками разбросаны чисто женские эмоциональные эпитеты и выражения.

Это заметил Д.С. Лихачёв, он писал: «Автор «Слова» очень точно и метко подбирает слова и выражения. Соловьиное пение не прекратилось – оно «уснуло», синие молнии не просто блестят – они «трепещут», трава не просто полегла, она «никнет». Ветер «лелеет» корабли на синем море. Персты не кладут – их «воскладают» на струны. Ярославна просит ветер, чтобы он «влелеял» к ней её милого мужа, т.е. «лелеючи» помог ему оплыть до Русской земли».

Это выражение очень уместно в устах любящей Ярославны, оно как бы исходит из её любящего сердца. Тоска «разливается», печаль «течёт»...

Эпитеты автора поразительно метки: «жемчужная» душа, «тёплые» туманы, «живые» струны Бояна... Славя поют русские девицы на Дунае и

готские красные девы на Чёрном море. У природы ищет сочувствия и помощи Ярославна, между природой и человеком стираются границы. Образ обиды-девы с лебедиными крыльями, образы языческих богов стоят где-то между природой и людьми. Люди постоянно сравниваются и с птицами и со зверями» (Д. Лихачёв. «Слово о полку Игореве». Героический пролог русской литературы. Л., 1967, с. 63, 66, 69). А ещё раньше, говоря о плаче Ярославны, Д.С. Лихачев писал: «Автор «Слова» сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые действительно могли ей принадлежать» (там же, с.36). Здесь маститый академик как никогда близок был к разгадке имени автора, но почему-то прошёл мимо. Ибо, по моему глубокому убеждению, автором «Слова о полку Игореве» была никто иная, как Ярославна, верная супруга князя Игоря. Отвечая на короткий вопрос Пушкина: «Кому пришло бы в голову взять предмет песни, тёмный поход неизвестного князя?», можно сказать: конечно, только ей, верной жене князя Игоря, дочери Галицкого князя Ярослава Осмомысла, княгине Ефросинье Ярославне! Ну а где доказательство? – сразу спросит читатель и будет прав. Но давайте не станем спешить. Для того, чтобы понять и поверить, что Ярославна могла быть автором «Слова», нужно обратиться сначала к личности её знаменитого отца. Именно он дал дочери всё то необходимое, без чего она не смогла бы создать «Слово».

Кем он был, и какова его роль в истории нашей Родины? Согласно родословной росписи великих киевских князей, галицкий князь Ярослав Осмомысл был Рюриковичем, праправнуком великого киевского князя Ярослава Мудрого, правнуком его сына Ростислава, внуком князя Володаря, сыном князя Владимира, умершего в 1152 году и оставившего сыну Галицкий престол.

Родился Ярослав Владимирович в 1130 году. Матерью его была София, дочь венгерского короля Коломана. Как свидетельствует летописец, Ярослав с детства страдал болезнью сустава левого бедра, что в зрелые года мешало ему ходить в походы и брать участие в боях. Впрочем, войну Ярослав Владимирович не любил. Много лет спустя летописец в «некрологе» по случаю его кончины напишет по сути о том, что князь пришёл к выводу, что благосостояние и сила державы основываются не на грабительской войне, а на мудром соединении духовных, экономических и властных интересов всех слоев современного ему общества.

В 1150 году князь Ярослав женился на Ольге, родной дочери великого киевского князя Юрия Долгорукого, основателя Москвы. Она родила

ему сына Владимира и двух дочерей: Вышеславу, будущую супругу польского князя Одона, и Ефросинью. Как свидетельствует академик В. Грабовецкий, Ефросинья Ярославна родилась в Галиче, «примерно в 60-х годах XII столетия» (В. Грабовецкий, «Очерк истории Галича». Галич, 1997, с. 42).

Ярослав Владимирович получил блестящее европейское образование благодаря своему отцу, общавшемуся со многими государями Европы, а также благодаря своему природному уму. Именно за этот ум впоследствии современники, а затем и летописцы почтительно прозвали его «осмомыслом», т.е. человеком «восьми мыслей». Вот как перечисляет их Беринда в своем «Лексиконе»: 1) дух премудрости, 2) дух разума, 3) дух совета, 4) дух крепости, 5) дух видения, 6) дух благочестия, 7) дух страха Божьего, 8) дух славы.

Заняв в 1152 году после смерти отца золотой Галицкий престол, Ярослав Владимирович, несмотря на свою молодость, сразу повёл себя как умный и осмотрительный правитель, желавший укрепить и возвысить своё княжество. Особенно удачной была его внешняя политика. В 1158 году он помог смоленскому князю Ростиславу надолго сесть на Киевском золотом престоле и тем самым сберёг добрые отношения с его сыном Рюриком, а позднее и с киевским князем Святославом Всеволодовичем.

Молодой король Венгрии Иштван III, ища опору у Ярослава в борьбе с Византией, даже лелеял намерения жениться на его дочери. Чтобы не допустить такой невыгодной для Византии связи, император Мануил послал к Ярославу Галицкому с официальным визитом своего брата, знаменитого своими авантюрами, Андроника Комнена. А в 1165 году, как считает польский историк И. Абрагам, Ярослав вместе с чешским королём побывал на венском съезде монархов Европы и приветствовал там императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссу, с которым и в дальнейшем поддерживал дружественные отношения.

В.Н. Татищев в своей «Истории Российской» писал про Ярослава: «Со всеми князьями он жил в согласии и совете, особенно заботился о порядке на своей земле, и потому все соседи его боялись. Никто не смел на него нападать, потому что воеводы его, беспрестанно грекам, уграм и чехам помогая, были умелыми в ратных делах и храбрыми в битве. Земля его была полною во всяком достатке, процветала и множилась в людях, которые селились в городах, которыми богата земля Галицкая во всём. По Дунаю он города крепил, купцами населяя; тем, которые торговали через море с греками

и ремесла налаживали, он помогал материально. Он был щедрым, милостивым и справедливым, потому и бесчисленное количество иноземцев ему служило».

Для того, чтобы образ Галицкого князя Ярослава Осмомысла был полным, следует сказать, что ему не повезло в личной жизни. Вот как писал об этом российский историк С.М. Соловьёв: «Этот могущественный князь окружен был людьми, которые были сильнее его, могли подчинять его волю своей. Ярослав дурно жил с женою своею, Ольгою, сестрою суздальских Юрьевичей, и держал любовницу, какую-то Настасью (*Чагровую* – В.М.). А в 1173 году Ольга ушла из Галича в долину с сыном Владимиром, боярином Константином Серославичем и многими другими боярами. Проживши восемь месяцев в Польше, Владимир с матерью пошёл на Вольнь, где думал поселиться на время, как по дороге встретил его гонец от бояр из Галича: “Ступай домой, – велели сказать они ему: – отца твоего мы схватили, приятелей его перебили, и враг твой Настасья в наших руках”. Галичане сожгли несчастную на костре, сына её послали в заточение, а с Ярослава взяли клятву, что будет жить с княгинею как следует».

1 октября 1187 года умер Ярослав, князь, по словам летописца, мудрый, красноречивый, богобоязливый, честный во всех землях и славный полками; когда бывала ему от кого обида, то он сам не ходил с полками, а посылал воевод; чувствуя приближение смерти, он созвал бояр, белое духовенство, монахов, нищих и говорил им со слезами: “Отцы, братья и сыновья! Вот я отхожу от этого света суетного и иду к Творцу моему, согрешил я больше всех, отцы и братья! Простите...”. Три дня плакался он пред всеми людьми и велел раздавать именно своё по монастырям и нищим; три дня раздавали по всему Галичу и не могли всего раздать. Обратясь к боярам, умирающий князь сказал: “Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, а вот теперь приказываю своё место Олегу, меньшому сыну моему, а старшему, Владимиру, даю Перемышль”.

Здесь я прерву рассказ летописца, чтобы обратить внимание читателя на один из эпитетов, которыми он, летописец, характеризовал князя Ярослава – «красноречивый», – этому красноречию дочь его Ефросинья, конечно же, научилась от отца. Вот ещё одно косвенное свидетельство в пользу её авторства «Слова!»

Далее опять слово летописцу и историку: «Этот Олег родился от Настасьи и потому был мил Ярославу, говорит летописец, а Владимир не ходил в его воле. Владимир со всеми боярами должен был

присягнуть отцу, что не будет искать над братом Галича. Но можно ли было надеяться на эту клятву, можно ли было думать, что убийцы Настасьи будут спокойно видеть на старшем столе сына её?

И вот едва только умер Ярослав, как сильный мятеж встал в Галицкой земле. Владимир и бояре нарушили клятву и выгнали Олега из Галича, тот принужден был бежать в Овруч к Рюрику, а Владимир сел на столе отцовском и дедовском.

Владимир, по словам летописца, любил только пить, а не любил думы думать со своими боярами; отнял у попа жену и стал жить с нею, прижил двоих сыновей, мало того, понравится ему чья-нибудь жена или дочь, брал себе насильно.

По польским известиям, Олег Ярославич, не найдя помощи у Рюрика Ростиславича в Овруче, пошёл к польскому королю Казимиру и вместе с ним направился на Владимира Галицкого; тот, соединившись с Всеволодом Мстиславичем Бельзским, братом Романа Волынського, вышел к ним навстречу, но был разбит и бежал в Венгрию. Олег сел в Галиче, но скоро был отравлен, и тогда бояре призвали на его место Романа Волынського» (С.М. Соловьёв, «История России с древнейших времен», М., 1959, книга I, с. 564, 726).

Теперь становится понятным обращение автора «Слова» к князю Ярославу Владимировичу. Вот как передает это обращение Ипатьевская летопись: «Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своём златокованом престоле, подпёр горы венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота; стреляешь с отцовского золотого престола султанов за землями – стреляй же, господин, в Кончака, поганого кощея, за землю русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!» («Памятники литературы Древней Руси», XII век., М., 1960, с. 381).

Вот каким был отец княгини Ефросиньи Ярославны, жены Игоря Святославича. Она была последним ребёнком Ярослава Осмомысла и его любимицей... Объезжая свои владения, он брал её с собой, так что девочка с юных лет могла своими глазами увидеть необозримые земли своего отца. Кстати, по преданию, побывали они и в древнем Белгороде (ныне Белгород-Днестровский Одесской области), который после раздробления киевской Руси вошёл в состав Галицкого, а затем и Галицко-Волынського княжества. В этих путешествиях отец, без сомнения, не только показывал любознательной дочери свои земли и города, но и рассказывал их историю, славное прошлое, называя имена предков – друзей и врагов. Ефросинья с жадностью слушала отца, примечая и запоминая всё; разумом и мудростью она, подросток, уже

тогда поражала окружающих. Все эти знания, надо думать, пригодились ей потом, в 1187 году, при работе над «Словом».

В 1184 году её выдали замуж за новгород-северского князя Игоря Святославича. А через год состоялся его злосчастный поход на половцев. Среди других походов русских князей он был настолько малозначительным, что если бы не «Слово», вряд ли мы сегодня знали бы о князе Игоре. Лишь поэтический гений автора смог сделать это. И отвечая на вопрос Пушкина, мы с вами вправе сказать: только любящая жена с её мудростью и поэтическим талантом, расцветшим в Прикарпатье, богатом песнями, с его чудной природой и смогла так ярко описать неудачный поход своего мужа, воспользовавшись им для призыва к единению всех русских князей. Она словно предчувствовала предстоящее татаро-монгольское нашествие и стремилась предупредить о страшной беде своих современников. Увы, её одинокий голос не был услышан, как и вещие предсказания Кассандры за много веков до неё. Кстати, этот факт и многие другие ставят «Слово» вровень с «Илиадой» Гомера.

«Слово» не было простой воинской повестью. Это была героико-поэтическая песнь, эпос, автор которого сумел подняться над всей землёй русской как в пространстве, так и во времени, воскрешая славную эпоху славных дел великого славянского народа с его великими князьями. Автор не мог быть и духовным лицом: не пристало духовному лицу, христианину, обращаться к языческим богам и обычаям, как это сделано в «Слове». Вместе с тем автор чувствует себя независимым, равным самым блистательным русским князьям. Всё это говорит в пользу нашей гипотезы.

Несвоевременный, неподготовленный поход князя Игоря автор безусловно осуждает, но, вместе с тем, и жалеет Игоря, любит его решительностью и отвагой, просит о его спасении. Из истории известно, что Ефросинья Ярославна и князь Игорь очень любили друг друга. В этой связи интересное свидетельство приводит русский историк В.Н. Татищев в своей «Истории». Когда Ефросинья узнала о приезде князя Игоря в село Михайлово, она вскочила на коня и помчалась к нему: «Княгиня пришла так друг другу обрадовались, что обнявья плакали и говорить от радости ничего не могли, а едва могли перестать от слёз». Вот почему в «Слове» при упоминании имени Игоря незримо, но явственно присутствует любящее женское сердце.

Их брак оказался и счастливым, и трагическим. Ярославна родила Игорю шестерых сыновей. Но судьба их сыновей была неодинаковой. Только за

один 1210 год князь и княгиня пережили смерть сразу трёх своих сыновей – Романа, Святослава и Ростислава. Причём этот страшный удар судьбы не был нанесён чужеземцами. Летописец беспристрастно сообщает: «...но галичане просили утров, чтобы они их повесили ради мести».

У скептически настроенного читателя конечно возникнут вопросы.

И первый из них – могла ли юная княгиня, как называют Ефросинью Ярославну многие исследователи, написать столь высокохудожественное мудрое произведение? Кстати, один из исследователей почему-то утверждает, что в момент написания «Слова» в 1187 году ей было всего 16 лет. Но я больше доверяю академику В. Грабовецкому, который в своей фундаментальной работе «Очерк истории Галича» говорит о том, что она родилась в 60-х годах XII столетия. Если условно взять за год её рождения средину 60-х годов – 1165 год, то получается, что замуж за Игоря она вышла в девятнадцать лет, а в момент написания «Слова» в 1187 году ей исполнилось двадцать два года. Для тех времен это уже была зрелая женщина.

Попутно хочу напомнить читателю, почему именно 1187 год считается годом написания «Слова». Ярослав Осмомысл умер 1 октября 1187 года, в «Слове» автор обращается к нему, как к живому, значит, позже этой даты «Слово» не могло быть создано. В нём также поётся слава «молодым князьям». А один из них, старший сын князя Игоря от первого брака, вернулся из половецкого плена

вместе с женой, дочерью Кончака, и ребёнком в начале 1187 года.

Следующий вопрос читателя-скептика: а могла ли женщина XII века быть поэтом? Да, могла. Женщины-сказительницы, женщины-плакальщицы были известны на Руси ещё с I века, поэтому сомнений тут быть не может. Обратите внимание и на частое упоминание женщин в этом, казалось бы чисто воинском произведении: «Забыв и своя милые хоти, красныя Глебовны...», а не соколыца опутаево красною девицею...», «помчаша красныя девки половецкие...», «готские красныя девы», «встала обида, вступила девою...», «жёны русские воспракашась...», «вреже Всеслав жребий о девице себе любу...», «плачется мать Ростиславля...».

Но ведь Ярославна упоминается в «Слове» в третьем лице, заметит читатель-скептик. Да, в третьем. Но этот известный литературный приём, когда автор говорит о себе в третьем лице, употребляется с незапамятных времен и до наших дней и, на мой взгляд, даже не нуждается в доказательствах, настолько это нормальное явление.

Я не историк и письменных доказательств авторства Ярославны у меня нет. Но я верю – они обязательно появятся, ведь по монастырям и «схованкам», по архивам лежат ещё сотни не только не исследованных, но даже не прочтённых древних рукописей. А как писатель я имею право на гипотезу, и у неё будут не только противники, но, верю, и сторонники.

18 мая 1999 г.

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

САМОРОДОК И БЕГЛЕЦ ЛЕОНИД ЗАВАЛЬНЮК

очерк

Если бы Россия оставалась столь же читающей страной, как то было в прошлом, Судьбе было бы легче расставить всё по своим местам и поэт Леонид Завальнюк, чьи книги некогда так ждали читатели, был бы посмертно действительно оценён по достоинству...

Стихи, как и музыка, «склонны к бессмертию». Они сохраняют не только слова, строфику, но и энергетику поэта... Исповедальные тексты Л. Завальнюка, сгущаясь, обретая плоть, обрастая красками деталей, раскрывают нечто, – заставляя задуматься, углубиться и потом, в заключение, текст размыкается в некую духовную бесконечность. Но окончание при этом может звучать и каким-нибудь прихотливым лирическим пассажем. Так у поэта в стихотворении «Струна»:

*Сгустивши в нитку небо голубое,
Как бы даря нам вечную весну,
Жизнь натянула тонкую струну
Сквозь целый мир
Меж мною и тобою.
То осень голосит, то вешний ветер свищет...
Поэт струна –
С тобой мы ни при чём.
Но от меня подашь ты плечом –
И станет звук пронзительней и чище.
Ещё полшага – грянет звёздный час.
Ещё немного – песня станет светом.
Но дальше – край. Остановись на этом.
Всё, что пронзительней,
Уже за гранью нас.*

Тут и парадокс, и неожиданность постижения, и ощущение наставшей тишины, когда стихотворение нами «прослушано». Но отзвук его остаётся в душе. Так и положено звучанию струны...

У Леонида Завальнюка своя музыка. У неё нет формальной размеренности, равномерности. Но многие его стихи «поются» очень свободно. Всё же их симфоничность – в другом, в обращении к вечной теме, к теме бессмертия, которую Завальнюк помещает в «рамку» осмысления через природу, через песню, так у него дерево, осока, поёт с поэтом, они «заводят свой вокализ»; в том вокализе – пение раскрывает «единение» – единство жизни:

*И такое единение
Тех, кто сгинул, с тем, кто жив,
Словно в каждое мгновенье
Кто-то вечность заложил.
И такое притиранье
Дней не бывших с тем, что есть,
Словно горечь умиранья –
Излечимая болезнь...*

В стихотворении «Малина солнцем облита» поэт задумывается над тем своим «Я», которое познает мир, о том «Я», на которое наслаивается сама память, при котором живут ранние воспоминания, и которое из подсознания в таинственном раздвоении рождает творчество:

*...Всё это было – суетня
Стрекоз над ряскою болота,
И этот смех, и храп коня...
А может, не было и кто-то
Всё это помнит за меня?
А может, словно за межой,
В любом из нас живёт чужой –
За нашей памятью, за снами;
Что было с ним, то было с нами,
И это помним мы душой?..
Не потому ль так странен раз
В миг озаренья нелюдимый
Когда чужой рукой водимый,
Выводит строки карандаш
И, удивляясь их красе,
Душа всю жизнь свою итожит,
Чтоб слиться с тем, что знают все,
Но осознать никто не может?..*

Строки Завальнюка в стихотворении «Другие берега» бегут к бесконечности. «Почему же так тянет порою / Объясняться Вселенной в любви?» – вопрошает поэт. А потому что этот мир Бесконечен!..

– и окончание одной жизни есть пролог, переход к иной, новой, вечной жизни –

*...И тревожно так грозно и сладко
Замирает мгновений вода.
Словно жизнь – переход, пересадка
На другие совсем поезда.*

Разве не напоминают эти строки предсмертное стихотворение Рюрика Ивнева, которое заканчивается словами:

*...Это значит, что всё впереди, –
Но уже на другом берегу.*

Л. Завальнюк понимал важность и значимость биографии поэта, истории формирования его души. Оттого он в один из последних своих сборников стихов, в книгу «Посох» (2006) включил как важную составляющую текст автобиографической повести «Избранные места из переписки с самим собой» – название намеренно напоминает «Избранные места из переписки с друзьями» Н. Гоголя, – и тут в названии не столько юмор, сколько действительное самоосмысление. В повести герой из индивидуальности жизненно прорастает в личность. Казалось бы, мы наблюдаем только жизненный пунктир внешних событий, но из-под них, – весенним ручьём из-под снега, – тёплая душевность, выстраданность!.. От этой проникновенности один шаг до духовных основ поэта, именно они дают путь в историю литературы.

Вообще в советские годы считалось, что поэт должен пройти суровый жизненный путь. И Леонид Андреевич прошёл этот путь сполна – в военные годы жизнь без отца, с мачехой. Подбирал в поле мёрзлую картошку, голодал. Далее – ремесленное училище, работа откатчиком на шахте Донбасса, фрезеровщиком на заводе. Военная служба на Дальнем Востоке. Он долго был лишён культурной среды. Но с детства раскрылся у него музыкальный слух, он полюбил народные песни, которые пел с друзьями и с мачехой... Была любовь к чтению, к поэзии. Леонид создавал сам себя, рождаясь как *поэт-самородок*.

Это потом Леонид окончил Литературный институт им. М. Горького в Москве, где учился на семинаре у известного советского поэта Льва Ошанина. Туда его приняли как автора сборника юношеских стихов «В пути» (1954), изданного в Благовещенске, где у него впервые сложился дружеский литературный круг общения. В Москве в Литинституте он учился с Б. Ахмадулиной, Г. Айги, Г. Арбузовой. В 1962 году стал членом Со-

юза писателей. С 1964 года переехал окончательно в Москву, потому что повстречал там своего самого верного друга, жену Наталию. Именно благодаря ей он состоялся как поэт-песенник – песни на его стихи зазвучали на радио, на всесоюзном телевидении... Но только в поэзии, наедине с собой, в тютчевской «сердечной глубине» начинались и продолжались стихи, которые отражали его суть человека, суть мыслителя, о чувстве их появления сказано – «*И рождаются светлые вести / В самой чёрной моей глубине...*».

У Л. Завальнюка, который стал печататься в толстых и тонких журналах, появился многочисленный, массовый читатель, однако в те годы опубликовать нетронутое, не искажённое цензурой стихотворение было очень сложно. Глубокие стихи порой писались в стол, а талантливые тексты если и печатались, то те из них, которые уже родились как возможные к печати. Особенно в поздних книгах, таких как «Слово и Цвет» (2014), «Беглец» (1996) и других, изданных в 1990-2000-х гг. Леонид предстаёт перед внимательным читателем как поэт открытых вселенских тем и большой образной, тематической свободы...

Завальнюку нужен был лирический собеседник, – и находя интеллектуальных собеседников в жизни, – в литературном контексте, в поэзии, он собеседника находил в себе самом... – Даже размышление о России он начинает с обращения к подобному собеседнику –

*Перезимуем, брат,
И это всё осилим
Отыщем искру в каменной золе!..*

Поэт ожидает пророка, и будто то спрашивает его –

*– Ты кто, ты смерть?
– Нет. Я твоя звезда!*

Звездой, её светом из «туманности астральной» – предстает тот пророк, тот таинственный лирический собеседник, которого ожидает поэт.

Талантливые поэты 1960-70 гг. постепенно становились *беглецами* от серой, невыразительной

реальности. Завальнюк уходил от внешней суеты и несвободы в поэзию. Позже он сравнивал себя в одном из полушуточных стихотворений с малым существом, которому достаются крошки с Божьего стола, – «*когда на небе сабантуй*», – как мышонку крошки со стола от людей. При этом поэт хочет угостить мышонка, ему до боли жалко – нет ничего, – но мышонок утешает поэта –

*Что мне надо, я нашёл
Там, где сладко ели-пили,
Что-нибудь, да уронили...*

Л. Завальнюк поднимается к чувству, что поэзия это дар «со стола» высших сфер, где творятся беседы о Вечном (И по Гермесу Трисмегисту – «*То, что, сверху, подобно тому, что снизу, и что снизу подобно тому, что сверху!*»)... В поэзии оживает закон подобия, проявляя сущее!..).

Избранные стихи Завальнюка тронуты медитативной всеобщностью, но не все из них обладают строго определённым сюжетом, то есть, он, сюжет, конечно, есть, но, как и у Б. Пастернака, бывает скрыт за вязью чувствований... Чувство ведёт поэта и приводит к поэтическим и поэтичным по сути «выводам», метафорам, смысловым обретениям...

В подавляющем большинстве каждое почти стихотворение Леонида Андреевича – о движении души. И каждое такое движение – пережито по-своему. И все эти движения живы, жизненны. Лучшие стихи, как это бывает – обо всём. Есть, часто рождённое въяве, пресловутое *обобщающее начало* – но оно тут не декларация, даже далеко не всегда афоризм, а... тонкий, упомянутый уже, поэтический вывод, завершающий сам образ всего стихотворения, подводящий явный итог, поэтический, смысловой, музыкально-задумчивый...

Да, Леонид Завальнюк, естественно, музыкально и тонко улавливал жизнь в свои стихи, и она там живёт до сих пор, хотя поэта уж нет на свете, – пассажи, аккорды его чувств соединили его вселенское с его поэтическим, вот таково сегодня это литературное бессмертие поэта...

МИХАИЛ ЮДСОН

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЛЛЮЗИЙ

(Вера Зубарева, *Изя Шлосберг. Гаданье на чернильной гуще.* – Балтимор, 2015. – 116 с.)

Эта изящная «Гуща», красочная книга-альбом, хороша формами и роскошна содержанием. Она продолжает литературно-художественную серию «Библиотека XXI века. Стихоживопись», в которой выходят сборники поэтов в сочетании с картинами Изы Шлосберга. Художник, родившийся в Пинске, а ныне проживающий в США (сотни его работ находятся в частных коллекциях и музеях), растолковывает, что «задача серии – инициация уникального объекта, образованного соединением независимо созданных произведений литературы и живописи». С этой целью он радушно приглашает к себе под обложку «наиболее интересных поэтов, которые не просто уникально талантливы, но и близки мне по духу, по способу мышления».

Для данного сборника были избраны стихи Веры Зубаревой – и тут я могу Шлосбергу только светло позавидовать, ибо рисовать не сподобил меня Господь!.. А то б я и сам всю постарался, не дал маху, настолько поэзия Зубаревой, её манера наносить звуки на бумагу близка мне по духу, слуху, нюху и прочим чувствительностям чудесного.

Первая книга Веры вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной: «Сначала я увидела её стихи, воображение соотнесло их с морем и побережьем, с бликами, с хрупким чередованием блеска и тени. Прихотливый, независимый и несомненно ранимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря... Её стихи – изъяснение ясной и суверенной души, грациозно существующей в осознанном пространстве».

Пространство со временем может меняться, к примеру, у Веры Зубаревой одесную Одесса, ощутив США; она осуществила докторскую диссертацию по русской литературе в Пенсильванском университете и теперь там профессорствует – если и не набоковский Пнин, то наверняка пнинимфа! Причём вдумчивая специализация по Чехову приобретает у неё и стихотворные очертания, маячит ритмом: «*Впрочем, кто я! Ванька Жуков в семье сапожников. / Стукнут, чуть что, молотком за моё недомыслие. / Так что письмо – между нами, пускай, если можно. / Главное – это свобода обмена письмами. / Главное – чтоб адресат на земле своей значился. / Главное – чтоб не носили его как помеху. / Главное – чтоб почтальон доносил по адресу / Ныне и присно: «Крым. На деревню Чехову».*

Вообще вся книга «Гаданье на чернильной гуще», насколько могу догадываться, – это, очевидно, одно большое всеобщее письмо, тонкий том, послание от Веры о том, как живётся-пишется. В тон здесь неразрывное соседство быта и Бытия, сопряжение мира тварного и ареала творческого, а также вначальный Большой Взрыв Чернильницы, образовавший нашу нынешнюю Вселенную с её чёрными дырами, тёмной материей и вечно лениво валящим снегом... Мир слеплен из букв и написан от руки.

Чернила и снег сих стихов, чёрно-белая графика рифм и метафор Веры вдобавок окутывается у Шлосберга цветным туманом, и наш привычный блочный мир предстаёт, как положено, странным и завораживающим. Чернила – али не речь? В них сроду, имманентно уже присутствует изречённое, содержится записанное. И задача поэта – рачительно извлечь, облечь в буквы, выловить из пруда, вытянуть из проруби, а это несладкий словеснорульный труд, прописи с кляксами, помарками и травой морской. Рыбка-то норовит попасться всё больше сусального да самоварного золота... Стараться надо – в артельном, присковом смысле! «*Сама себе отменная Старуха, / Я буду гнать себя в гремящий шторм / И не жалеть изнеженное ухо, / И требовать всё алчней новых форм*».

Чернила – предтеча Слова. Вот расчисленная последовательность из Зубаревой, постраничная перепись: «*Неразливайка-прорубь... И окуну в неё трижды перо, что в руке воркует»; «И звезда глядит настороженно / На своё отражение в чернильнице... / И пророчит чернильная гуща ей / Небеса и любовь спутника»; «Этой ночью тихо светились чернила...»; «В том ли грусть, что буква исказится, / И дрожит чернильная строка?»; «Опять гадаю на чернильной гуще / Под стук дождя, под качку в небесах... / А в безмятежно звёздном зачернилье / Читатель спит, свернувшийся в клубок»; «Стол мой на оползнях. Бредит перо бездорожьем. / Варевом слякоти травят его тёмные силы. / Всё расплзается, форм опознать невозможно. / Как-то я вышла – попала в сплошные чернила».*

Ну, мы тут остановимся в простых перечислениях, далее белое безмолвие, говоря англо-нагло – пустыня на десерт, заснеженность чистого, с чернильными прожилками, листа. И станем прилежно вчитываться, вслушиваться в стихи – эх, дарование

свободы для домислания! – будем и слушать, и исполнять. Вот, скажем, взгляды в снег: *«Первый снег, наконец-то, издали / И слали, и слали к земле. / Ты читал этот снег прощолодний, / Нам обещанный на год вперед? / Ах, какие погибли корни / В тот, из снега изъятый год!»*. Замечательно здесь у Зубаревой – снег как письменна, как изданная рукопись, те самые хлопья, из которых свитки шьют. А что корни погибли, ничего не поделаешь – вымерзают корневые рифмоформы, выше замечено же: *«Всё расплзается»*.

И вот ещё отрывок отличного: *«Листа равнина как во время оно. / Ни зги не видно – небу не до звёзд. / Дождаться ли однажды почтальона? / Придёт ли долгожданных строк обзор? / Полозья строк то движутся, то стынут. / Задумался возница у свечи, / Мерцает букв обуглившийся иней, / И магия разгадана почти»*. Или zasevшее под темечком, сгущённо проборматывающее: *«Зелье снов уже выпито, / Узор уже вяжется, / И луна уже вылита / На кирилло-бумажцу»*.

Уже названия разделов данной книги достаточно поэтичны и чуток загадочны: «В Зачернилье», «Чернопролитие», «В Слове», «Оттиск луны»... Тёмная сторона страниц! Ладно бы подтексты были незамысловаты, как на ладони, но тут не то: в строчках Веры Зубаревой смысловых слоев напечено с избытком, хоть с чаем пей – как в норе у белого кролика. Славно, словно алисно и улисно воедино (к тому же и жену Джойса звали Нора).

Взять хоть «Переворот: дневник» – погадаем, о чём эта поэма. По-моему, здесь зреет на подспудном уровне авторский бунт супротив бездушных машин – луддить кампутеры, пачинять! А то мешают сочинять. Двумя перстами «за!» Я старого обряда писарь. Даёшь возврат к треску свечки и скрипу пёрышка! Согласитесь, иначе буквы лишаются души, индивидуальности абриса, особенности обводов, мутируют таки в нумера – вдохновенное «тки» заменяется «ткни!» Сотканность уходит на конвейер... Где надо было нежно убеждать, уговаривать бумагу, прямо скажем, покрывать её, выплёскивая знаки – нынче какой-то клавишин деловитый, сплошной писучий марш. Могучий Комп, будто старый недобрый Большой Брат-Благодетель, бдитительно следит за тобой с экрана – достаточно ли усердно ты вытёсываешь текст, трахая по «клаве», не сачкуешь ли, не сел ли на пенёк съесть пирожок...

Так что Вера Зубарева прямо утешила меня пониманием, порадовала своей печальной балладой, в которой родимая чернильная ручка полночно обрастает шерстью и оборачивается мышью, мышкой (а дальше, глядишь, и Людоедом механическим): *«Что-то с пером... Стало в сумерках серым,*

тонким... / Юркает в норку ящичка беспрерывно...»; *«И без того мой ковчег кишел всякой живностью, / К ней в довершение прибавился хвост с мышью»*; *«Это переворот. Пишу под кроватью. / Стол и тетрадь арестованы. Ручка в подполье. / После полуночи предпочитаю скрываться. / Только чернила пока что бушуют на воле»*.

Эх, ковчег домашний и заветный – чернил Ной! Гуще прежнего! М-да, судьба-каракатипа, чернильная душа! Может, лучше от греха последовать совету мудрого Антона Павловича: как только младенец появится на свет, надо немедленно его высечь, приговаривая: «Не пиши, не пиши!». Да и по древним иудейским поверьям и понятиям записывается лишь то, что ненужно – всё равно же обязательно разграбят, сожгут, развеют по ветру... Поэтому всё важное выучивается наизусть, зубривается вхруст – торится, прокладывается Устная Книга, тут всерьёз затруднён процесс трепания обложки и рисования рож на полях, отсутствует деконструкция страниц и вивисекция текста.

Однако Вера Зубарева возвращает нам надежду на стабильность письменности и прививает любовь к книжкам – её заключительная поэма «Милая Ольга Юрьевна» следует сразу за чеховскими мотивами «Письма»: *«Милый Антон Павлович! Помните Ялту? / Она, как тогда. Не волнуйтесь, не переехала. / Я проверяла, читала, слыхала карту. / Всё хорошо и спокойно в домике Чехова»*.

Итак, милая Ольга Юрьевна (да уж не Леонардовна!): *«Кто она? / Старая книжная фея. / Живёт меж засушенных лепестков книги; / И тычется сослепу в авангард. / Он привлекает её непонятным / Сочетанием букв, из которых можно / Сложить «виноград» с двумя описками, / С чернильным привкусом, / С кнопками косточек...»*. Признаться, авангард (гавань, рад!) я на своих читательских галереях гроздьями поглощаю – отдохновение! – кого-то с души воротит, а мне по шерсти. О, деянья содержания, занудно проевшие плешь, к лепшему вас – куда важнее книжные одежды, прострочка и выпущка строк, милый нарядный формализм! Для Ольги Юрьевны быть иль не быть – не суть. Вот в чём – вопрос!

«Фея моя, зачем ты хочешь / называться именно этим именем?».

О, Ольга Юрьевна, она же Юльга Орьевна и Вольга Рьюена – изобретенная Верой Зубаревой муза-заумь, книжная переходящая странница, офения-Офелия, сия сиятельно порхающая фея (оды сея!): *«Она порхает, нервно подпрыгивая, / Точь-в-точь как описка от дрогнувшей ручки. / Вокруг черно, как в моей чернильнице...»*; *«Рукописи – призраки детей Гамлета, / Они оживают в полночь, в полнолуние»*.

Да это ещё слава те, ежели оживают, сколько их кануло с концами в Коцит, уканало в Лету!

Пожухлые опавшие листья, струение страниц в урну... Тщета всё пуще... Балаболдинская осень! Тающая, как чернила на песке, та ещё... Проклятые поэты! Верленной дорогой идете, товарищи! Многие и многие, сознаёмся, когда-то музицировали на письме, писали издательским барышням в альбом (шло в корзинку), волоча, так сказать, злачёные рогожи, тяжкие крылышки по земле. Ну, поальбатросили – и бросили... Мол, бесплодно семя лить все, мотать бисер на нитки... А всё потому, что свою Ольгу Юрьевну не повстречали – книжную жинку, неизменно вызывающую нас на «бис», милую бумажную домовую, отважно выпикивающую наружу, упрямо толкающую сквозь жарынь и заснеженность на кремнистый крестный путь: *«И мы продолжаем свой путь, покуда / В стекле чернильницы моей не забрезжит / Мантия рассвета / С кровавым подбоем».*

Так завершается талантливая книга Веры Зубаревой и Изи Шлосберга, поэтическая палитра на двоих. Текст изрядно инкрустирован картинками и получается вдвойне интересно – во первых строфах стихи читаешь, а потом, не сходя с листа, полотна рассматриваешь, внутренне соглашаешься или мысленно споришь с художником: «А я, слышь, не так вижу! У меня, вишь, иные ассоциации реминисценций!». Да на здоровье – сядем образным рядком, поговорим ладком... Один

хармс всё кругом оптический обман, и одному лепу известно, что в действительности всё не так, как на самом деле. Ведь если подойти разумно, подползти объективно-реально, то придётся признать, что мир – иллюзия, данная нам в ощущениях. Иллюзия, пожалуй, даже «бурданная», когда вспомним про обуревающую поэтов безудержную страсть впрячь в одну бричку Пегаса с Мидасом (сон золотой в руку) и раздирающее желание сперва пожирать розы с куста, а после посылать в бокале...

Да, поэзия – подлинная иллюзия! А уж иллюстрации иллюзий, пейзажи миражей, витражи мистических видений и питических прозрений, процессы грёз – у Шлосберга вышли на загляденье. Вот, например, полночь изображает Изя – и зябко аж делается, и причитаешь жалобно: *«Полночь вошла, опираясь на ручки клюю. / Совы в глазах и очки на носу в паутине...».* Но в основном же художник Шлосберг рисует живущий под обложкой стихоживописный мир искусно плюс мирискусно – ярко, цветно, театрально. Явно удался ему окрас красы – мозаика сложилась в пазл, гармония связалась в узел.

Напослед, в сотый раз хочу напомнить просвещенному читателю, кладезю терпения – в каждую книгу ведут сто дверей. Я отворил эту, переворошил этак – а теперь ваш ход (не через парадный, так ища чернильный), и ваш черёд гадать на гуще.

АЛЕКСАНДР ЛЮСЫЙ

ВЫПРЯМЛЕНИЕ ЛАБИРИНТА

(Шац Эвелина. Песни клёну. Милан: CaffèLadomir, 2015. Инсталляции Владимира Смоляра)

В очередной раз, в соответствии с ещё не разорванным природно-цивилизированным кругом, «клёны выкрасили город колдовским каким-то цветом». Теперь это было легитимизировано и в Одессе, где родилась автор этой книги.

Сейчас Эвелина Шац живёт между Миланом и Москвой. Двуязычный поэт, эссеист, искусствовед, философ, журналист. Художник и перформер, режиссёр и сценарист. Колдунья едва ли не всех искусств, напоминающая мне ту экранную колдунью, что была медийно и перспективно привита к русскому сюжету. В книге «Песни клёну» она выступила с обратным стихотворным циклом, обращённым к этому художнику-сотворцу, одному из самых прописанных в литературе и даже политике (герб Канады!) деревьев. Теперь можно говорить о своеобразном *тексте клёна*.

Первыми прообразами святых мест стали

когда-то Лабиринты, Святотелища Изначального, первые природные Храмы, где человек и Природа составляли единое и органическое целое. Придание Лабиринту вертикальной древоподобной структуры превращает Лабиринт в Храм. Лабиринт – первая Книга, неразгаданная каменная рукопись, начертанная природой в сотрудничестве с человеком. Её повествовательная ткань что-то непрестанно говорит нам, но что именно – мы не в состоянии расшифровать. Ясно, что это Узор Абсолюта, включающий в себя Круг, Крест (Свастику), Пентаграмму и Спираль – древнейшие сакральные знаки. Но одетая в переплёт Книга также становится храмом.

Посредством символа мирового Дерева в мировых культурах по вертикали осуществляется дифференциация трёх мировых зон (три шага Вишну: небо-крона как обитель богов, подземелье-

корни как царство мёртвых и опосредующее их пространство людской жизни, символизируемое стволом), а по горизонтали, в тени Дерева – ограничение освоенного и упорядоченного Космоса от Хаоса. В поэзии Николая Клюева происходит отождествление избы, Вселенной, Мирового Древа и птицы. Навершия избы соотносились с птицами, а печной столб уподоблялся arbor mundi. Он так описывает своё сновидение, подобно стихотворению, озаглавленное «Пресветлое солнце»: «Будто лезу я на сарайную стену, а крыша крутая. Сам же сарай в лапу рублен, в углах столетья жухнут, сучья же в бревнах паточные липкие. И будто у самого шолома сосна вилавая в хвойной лапе икону держит, бережно так, как младенчика на воздушных баюкает. Приноровился я икону на руки приять, откуль ни возьмись, орава людская загадела на меня... Порвал я на себе цепи и скоком-полётом полетел в луговую ясность, в Божий белый свет...».

Дерево – это образ мира, или точнее, корень – образ дерева-мира. Это классическая книга, подобная прекрасной органической внутренности (interiorite), означающая и субъектная (subjective) (страты книги). Книга имитирует мир так же, как искусство природу – с помощью процессов, которые ей свойственны, и которые успешно завершают то, что природа не может или уже больше не может делать. Закон книги – это закон рефлексии (отражения). Система-корешок – это второй образ книги, к которой можно отнести современную книгу. Здесь главный корень недоразвит или разрушен почти до основания: на нём-то и пробует привиться множественность и кое-какие вторичные корни. Подобной прививкой является и «книга клёна» Эвелины.

*ты командуешь, о Муза
но правлю я
и пока существует окно
за которым верно и преданно
стоит часовой моего Я
готового для полёта над
собственной катастрофой
– тихий задумчивый клён –
и я смотрю в окно
оно открывает мне мир
дарит ощущение свободы
которое люди пытаются
сломать как страницу
злополучного варианта
комкать и выкинуть в окно тот
мятый насильственно лист
с только что*

*случившимися стихами
которые требуют
вариантов внимания
а лист летит как труп
очередного «я» или
полнится пространством
оно рвётся в окно
и разбежавшись мчится
туда, за макушки деревьев
в розовое небо
а за его спиной –
пронзённый шпилем высоты
порой сокрытым серыми горестями
– день насыщенный*

Слова Д. Джойса, известные как «слова с множественными корнями», на самом деле нарушают линейное единство слова или даже языка только тогда, когда они задают циклическое единство фразы, текста или знания. Афоризмы Ницше ломают линейное единство знания только тогда, когда они отсылают к циклическому единству вечного возвращения, присутствующему как не-узнаное (non-su) в мысли. Иначе говоря, пучкообразная система не порывает на деле с дуализмом, с комплиментарностью субъекта и объекта, с природной и духовной реальностями: единство постоянно нарушается и сталкивается с противодействием в объекте, тогда как в субъекте торжествует новый тип единства. Мир потерял свой стержень, субъект больше не составляет дихотомию, он получает доступ к единству более высокого уровня, амбивалентности и сверхдетерминации, в измерении, всегда дополнительном к измерению объекта. Мир превратился в хаос, но книга остаётся образом мира, хаосмос-корешок на месте космоса-корня.

В древе всегда есть что-то генеалогическое, это не популярный метод. Наоборот, метод по типу ризомы не может анализировать язык иначе, чем децентрируя его в других измерениях и регистрах. Язык стягивается сам на себя, становясь беспомощным.

«Древовидная схема предшествует индивиду, который включается в неё в строго определённом месте» (П. Розенталь, Ж. Петито), то, в противоположность этому, в нецентрированных системах, по словам Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «коммуникации осуществляются от одного соседа к другому, где стебли или каналы не существуют заранее, где все индивиды... определяются исключительно по их состоянию в данный момент таким образом, что локальные действия не согласованы, и общий конечный результат синхронизируется независимо от центральной инстанции». В рамках этого же

подхода номадология осуществляет резкую критику психоанализа, который «подчиняет бессознательное древовидным структурам, иерархическим графикам, резюмирующей памяти, центральным органам, фаллосу, дереву-фаллосу», противопоставляя ему психоаналитический метод моделирования динамики бессознательного.

Единицами измерения выступают сейчас только множества или разновидности меры, оформляемые в тексты культуры. Амстердам и Петербург – города, которые совсем не укоренены, города-ризомы со своими каналами-стеблями, где утилитарность связана с самым большим безумием, с его отношением к коммерческой машине войны. Как пишет Н. Клоев, «Дерево песни бурю разбито, – // Не Триодь, а Каутский в углу. // За окном расхлябанное сито // Сеет копоть, изморозь и мглу».

Из московского окна Эвелины Шац распахивается такой кленово объёмный пейзаж:

*Но ветви сплелись в чёрные кружева
и качался весь сад на ножи качелях
так качаются вечности точно часы
только шипит Украины спешно вдали
как комета рвёт высь на ветру
как игрушка забытая ёлочная
убаюкала память воронью
и качается чернь на ножи качелях
старого праздника бесцветная тень*

Мысль больше не имеет формы дерева, мозг не является ни разветвлённой, ни укоренённой материей. Книга – не образ мира, согласно укоренившимся верованиям. Она образует с миром ризому, происходит непараллельная эволюция книги и мира, книга обеспечивает детерриториализацию мира, а мир способствует территориализации книги.

«С берёз, неслышен, невесом, // Слетает жёлтый лист».

Ризома способствует развитию, пирамида – поддержанию гармонии. Абсолютизация ризомы ведёт к распаду, абсолютизация пирамиды – к застою и, в конечном счёте, к тому же распаду.

*За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!*

Неопавший текст клёна Эвелины не вянет:

*клён – ждёт новый
необычный день мой дом
и праздник как проказник
проносится дождём*

Прививка клёном состоялась. Текст клёна будет жить и распускать свои корни и крону.

ББК 84 (4 Укр-4 Оде) 62я45
Ю 195
УДК 821.161.1'06 (477.74) – 94

Підписано до друку 30.09.2015 р.
Формат 60x70/8. Гарнітура Garamond Narrow.
Папір офсет. Друк офсет. Ум. друк. арк. 22,0.
Тираж 500 прим.

Видавництво КП ОМД (свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17